

**Санкт-Петербургский государственный политехнический
университет**

А. И. Киселёв

Курс лекций по философии

Санкт-Петербург
2010

ФИЛОСОФИЯ

1. МИРОВОЗЗРЕНИЕ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ, СТРУКТУРА И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ
2. ФИЛОСОФИЯ: ПРЕДМЕТ, ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ФУНКЦИИ И РАЗДЕЛЫ
3. ФИЛОСОФИЯ И ПСЕВДОФИЛОСОФИЯ

Мировоззрение: факторы формирования, структура и исторические типы

Каждый человек, каждая социальная общность не может существовать и развиваться в тотально враждебном, непонятом или «разорванном в клочья» мире. Мировоззрение и явилось способом преодоления изначального хаоса бытия, попыткой упорядочить и структурировать информацию о реальности с целью адаптации к ней, чтобы как-то выжить. Т. е. мировоззрение есть прежде всего *отражение* как субъект-объектных, так и субъект-субъектных, а также субъект-интерсубъектных отношений (отношений к природе, обществу, другим людям, к себе и своему внутреннему миру). Однако мировоззрение и *конструирование*, творение, очеловечивание жизни, ибо включает в себя целый ряд требований, правил, предписаний, норм, ценностей, выступающих путеводными ориентирами в деле преобразования действительности.

Мировоззрение — это система взглядов на объективный мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также сложившиеся на основе этих взглядов убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации. И действительно, человек не существует иначе, как в определенном отношении к другим людям, семье, коллективу, нации, в определенном отношении к природе, к миру вообще.

Перечислим факторы, влияющие на формирование мировоззрения и его содержание:

– комплекс «донных отложений», о существовании которых люди часто не догадываются, но которые, тем не менее, оказывают *косвенное, неявное* воздействие на становление человеческой ментальности (архетипы коллективного бессознательного опыта, национально-этнические особенности, национальный «космо-психо-логос», перинатальная психика);

– комплекс социальных детерминант (семья, школа, вуз, производство и т. п.), обладающий свойством *прямого, непосредственного и наибольшего* значения для данного процесса;

– СМИ, Интернет и другие виды коммуникации в глобальном пространстве;

– самообразование и самовоспитание («Стань тем, кто ты есть!»);

– природно-климатические условия проживания.

Пополните этот список собственными соображениями.

Мировоззрение — сложно-структурированная система, состоящая из множества взаимосвязанных элементов.

Оно базируется на обобщенных знаниях — повседневных, профессиональных, научных и т. д., систематизирующих и обобщающих результаты индивидуального и общественного познания и включает в себя ценности (это свойства предметов, явлений удовлетворять потребности, желания людей), убеждения, верования, нормы, директивные действия и т. д. Одно из главных назначений мировоззрения состоит не только в том, чтобы человек опирался на какие-то общественные знания, но и в том, чтобы он мог руководствоваться определенными общественными регуляторами, вершинными проявлениями которых выступают идеалы и смысл жизни.

Кроме этого, в мировоззрение входит эмоционально-волевой компонент, целая гамма чувств и переживаний, а также психологических установок на готовность следовать определенному типу поведения и вести соответствующий образ жизни. Крутые повороты истории всегда порождают переоценки ценностей, духовные кризисы, из которых выйти бывает очень и очень трудно, ибо они затрагивают не только холод-

ный разум, но и сердце человека, его внутреннее глубинное ядро.

По характеру формирования и способу функционирования выделяются обыденно-практический и теоретический уровни мировоззрения.

Обыденно-практический уровень мировоззрения складывается стихийно и базируется на здравом смысле, обширном и многообразном повседневном опыте.

Более высоким уровнем мировоззрения является **теоретический уровень**. К этому уровню решения мировоззренческих проблем, наряду с наукой, принадлежит и философия. Эмоционально-психологическая сторона мировоззрения представлена **мироощущением, мировосприятием и миропредставлением**; интеллектуально-рассудочная — **мироисчислением, миропониманием**; духовно-разумная — **мироосмыслением**. По доминированию тех или иных ценностей и установок можно обозначить такие мировоззренческие направления, как оптимистические и пессимистические, активно-деятельностные и пассивно-созерцательные; такие ориентации как миропокорение, мироадаптация, мироотречение и миропреображение. В историческом плане мировоззрение представлено в динамике мифологического, религиозного, философского и научного типов.

Мифологический тип мировоззрения — самый древний феномен в истории человечества, это причудливое сочетание естественного и сверхъестественного, земного и небесного, рационального и иррационального, возможного и невозможного, сакрального и профанного при ведущей роли фантазии и воображения. В мифологии уже ставятся вопросы о происхождении мира, о смысле жизни и смерти, о запретном и допустимом, об отношении людей к природе и себе подобным.

Мифологическому мировоззрению присущи:

— **антропоморфность** — рассмотрение всех явлений по аналогии с человеком, растворение его в природе;

— **синкретизм** — слитность субъективного и объективного, идеального и материального;

– *дескриптивность* — объяснение происходящих событий посредством оперирования символическими образами;

– *магия*, воспринимаемая как «мост», по которому можно пройти в «страну» природных элементаров и заручиться их поддержкой и содействием в мирских делах.

Для мифологического мировоззрения характерны эмоциональность, символическое понимание окружающего мира, невысокая степень индивидуальности человека. Мифологическое мышление не предполагает нравственной оценки события, оно просто использует его как факт, по образцу которого осуществляются события в последующем.

С помощью мифа прошлое связывалось с будущим, и это обеспечивало духовную связь поколений. Главное значение мифов состоит в том, что они устанавливали гармонию между миром и человеком, природой и обществом, обществом и индивидом и, таким образом, обеспечивали внутреннее согласие человеческой жизни. Яркий пример такого рода — мифы Древней Греции и Рима. А каковы позиции мифологического мировоззрения в условиях XXI века? Считаю оправданным следующий ответ: мифологическое мировоззрение как господствующий тип общественного сознания себя исчерпало. Но *мифотворчество* будет всегда присутствовать в духовной культуре любого народа, так как люди постоянно не удовлетворены существующими знаниями о мире и порядками, царящими в социуме. Поэтому «коллективный разум» стремится выйти «за горизонт» повседневности, домыслить, достроить реальность, наполняя ее идеальным, желаемым содержанием.

Близким к мифологическому, хотя и отличным от него, стало *религиозное мировоззрение*.

Оно складывается из следующих черт:

- признание существования сверхъестественных сил и существ;
- вера в возможность связи человека с этой надмировой инстанцией;
- культ как совокупность необходимых обрядов и ритуалов, способствующих реализации возможности контакта с Богом;

- чувства и переживания, сопровождаемые такое действо;
- наличие специально подготовленного контингента, органов и учреждений, посредством которых сохраняется, укрепляется и распространяется данная система религиозных представлений.

В его основе лежит признание существования наряду с земным, природным и социальным бытием *потустороннего мира*, который является высшим по своему значению для живущих людей не только потому, что определяет их индивидуальное земное существование, но и в силу того, что в этом вечном высшем бытии будут в итоге решены все земные проблемы.

В своем обосновании религия опирается не на знания и аргументы, а на веру в сверхъестественное. Высшее начало религиозного мировоззрения воплощается в идее Бога, воспринимаемой одновременно в качестве нравственного идеала и гаранта справедливости для всех верующих.

Религия, религиозное сознание, религиозное отношение к миру не оставались неизменными. На протяжении истории человечества они, как и другие образования культуры, развивались, приобретали многообразные формы на Востоке и Западе, в разные исторические эпохи.

В историческом процессе развития религиозное мировоззрение прошло два основных этапа: *политеизм* (язычество, многобожие), который выражался в форме тотемизма, фетишизма, анимизма и магии, и *монотеизм* (единобожие), связанный с формированием универсальных систем: буддизм, христианство и ислам, что, впрочем, не исключало существования множества религиозных сект. Но всех их объединяло то, что в центре любого религиозного мировоззрения стоит поиск высших ценностей, истинного пути жизни, и то, что и эти ценности, и ведущий к ним жизненный путь переносятся в трансцендентную, потустороннюю область, не в земную, а в «вечную» жизнь. Все дела и поступки человека и даже его помыслы оцениваются, одобряются или порицаются по этому высшему, абсолютному критерию.

Основная функция религии состоит в том, чтобы помочь человеку преодолевать исторически изменчивые, преходящие, относительные аспекты его бытия и возвысить человека до чего-то абсолютного, вечного.

Научное мировоззрение связано с попыткой объяснить и познать мир в его подлинности. С момента зарождения общества и до XVI–XVII вв. оно находилось в стадии преднауки и существовало как компонент философии. Мы не будем подробно анализировать функции и роль науки в современном мире, так как этому вопросу будет посвящена целая лекция. Обозначим лишь ее контуры. Наука — доказательная, логически обоснованная, апробированная практикой система знаний о законах развития и функционирования социоприродной действительности, позволяющая преобразовывать окружающий мир в интересах людей и прогнозировать вероятность наступающих событий.

Если мифологическое мировоззрение дает иррациональную символическую картину мира, если религия наделяет человека верой в сверхъестественное и раскрывает общечеловеческие нравственные ценности, а наука вооружает его точными знаниями, закрепленными в специальных понятиях, законах, теориях, то в чем же специфика философского знания?

В отличие от всех других форм и типов мировоззрения, философия претендует на теоретическую обоснованность, как содержания, так и способов достижения обобщенных знаний о действительности. В ней устанавливаются также нормы, ценности и идеалы, определяющие цели, средства и характер деятельности людей. Философская мысль избрала своим ориентиром не слепую, догматическую веру, и не сверхъестественные объяснения, а свободное, критическое, основанное на принципах разума размышление о мире и человеческой жизни. **Философия — это форма рационально обоснованного представления человека о мире и о себе.**

Философия: предмет, основные направления, функции и разделы

Философия как наука со своим предметом, спецификой и функциями складывалась постепенно. О закономерности возникновения философии говорит тот факт, что это мировоззрение сложилось в период между 800 и 200 годами до н. э. в разных центрах цивилизации — Китае, Индии, Иране, Палестине и Греции.

Слово «философия» происходит от греческого «фило» — любовь и «софия» — мудрость. Сам термин «философия» ввел в науку в VI в. до н. э. греческий мыслитель Пифагор. Первоначально это понятие обозначало любовь к мудрости и было, по сути, синонимом зарождающейся науки. В Древней Греции это понятие применялось к людям, которые открывают тайну природы и человеческой жизни, учат действовать и жить в согласии с природой и требованиями самой жизни. Любовь к мудрости — бескорыстное служение благу, понимаемому как гармония истины, добра и красоты. Любовь к мудрости — это не обладание абсолютным знанием, а стремление к нему (к полноте истины); это осознание бесконечности пути и недостижимости финиша и это благодарность всем тем, кто шел и идет по нему, внося свой посильный вклад в общий процесс постижения мира. Мудрость предполагает также не только опору на интеллектуальные ресурсы человека, но и синтез всех иных форм духовного освоения действительности. Она характеризуется такой чертой, как открытость новому, она не приемлет застывленности мышления, а проявляет себя в критическом подходе ко всему сущему и умении гибко сочетать противоположные позиции. Мудрость — высокая культура мышления и речи. Мудрость — не совокупность абстрактных положений, а свод выстраданных предписаний, следуя которым человеческая жизнь становится целостной и осмысленной.

Мудрость — это обобщенный человеческий опыт в его применении к оценке настоящего и будущего, поступков и действий. Мудро поступает тот, кто, опираясь на знания, умеет разумно соотнести желаемое

с должным, субъективные устремления с объективной логикой жизни.

Философия — это система общих теоретических взглядов на мир, место в нем человека, уяснение различных форм отношения человека к миру.

Можно сказать, что *философия* — это теоретически сформулированное мировоззрение. И такое определение будет не случайно: философия отличается от иных типов мировоззрения не столько предметом, сколько способом его осмысления, степенью интеллектуальной разработанности проблем и методов подхода к ним.

Целый ряд философов, исходя в основном из того положения, что философия не имеет или пока еще не получила своего целостно-системного или хотя бы относительно полного концептуального выражения, рассматривает философствование и философию как явления тождественные, однопорядковые.

Близкой к такому толкованию выглядит позиция немецкого философа Х. Г. Гадамера. Философствование при этом отождествляется с философией как герменевтической деятельностью, лежащей в основе нахождения и конструирования смыслов бытия и человеческого существования, рассуждений по этому поводу.

Не видел какого-либо определенного различия между философией и философствованием и русский философ И. А. Ильин. То и другое он одинаково воспринимал как орудия, средства постижения и творческого преобразования бытия, жизни.

Подход к философии как к философствованию случается также каждый раз, когда в философии видят только размышления о сути бытия и его атрибутах и связывают ее с выражением лишь своего глубоко личного мировоззрения.

Отождествление философии с философствованием происходит, по-видимому, и тогда, когда в философии видят только форму, способ философских размышлений, прием, метод объяснения и познания, опуская при этом вопрос о ее существовании как некоторой предметно обусловленной общей концепции бытия и познания.

Однако есть немало философов, которые смотрят на проблему иначе. Они не ставят знак равенства между философией и философствованием, а находят определенные различия сторон.

Само по себе в своем наиболее общем виде философствование выступает, можно сказать, как специфическая технология философского мышления. Для философов философствование, по словам К. Ясперса, есть «профессиональное ремесло мышления», особые «философские ходы мысли», их прояснение и раскрытие, их повторение и узнавание в них того, «что мыслилось на протяжении тысячелетий».

Философствование включает использование, целенаправленное применение существующих философских методов, понятий и принципов, а также их совершенствование в ходе реализации исследовательских программ, философствование — это технология философского мышления, выступающая формой освоения и применения созданных ранее приемов, принципов абстрактно-теоретической деятельности, их разработки и целенаправленного использования.

Далее, философствование и философия связаны как часть и целое. Их различие и единство состоят в том, что философствование выступает как процесс мыслительно-умозрительной деятельности, как движение мысли, а философия наряду с этим включает в себя еще и результаты этого процесса, т. е. определенное целостно-системное знание, концептуально-обобщенные идеи. Таким образом, философствование хотя и не тождественно философии, однако оно составляет ее важный компонент, необходимое условие ее существования и развития, получения «всеединных» и устойчивых знаний. **Философствование** — направленность на решение коренных задач философии — достижение предельно-конечных, «вечных» принципов и положений, а не любых вопросов. Уместно признать связь философии и философствования, при которой они не только не существуют обособленно друг от друга, но и диалектически взаимодействуют, находясь в единстве.

Следующую особенность философствования можно видеть в

том, что оно служит необходимой и особенно важной формой усвоения истории философии, ее результатов. В этом плане оно выступает как обсуждение, критический анализ того, что уже достигнуто в движении философской мысли.

Наряду с этим философствование представляет собой такую активность мышления, которая является нормой, способом обучения философии, постижения ее специфики, методологии. Этому служит анализ философских проблем в лекциях, на семинарских занятиях, в индивидуальной работе над источниками, в рефератах, теоретических выступлениях, в которых активно используются приемы доказательства, логики, уже имеющиеся методы, способы абстрактного мышления.

Данный аспект философствования подчеркнуто выделял И. Кант. Он видел его в упражнении, тренировке разума, его таланта в толковании, употреблении философских категорий, общих принципов, используя при этом уже «известные существующие примеры». Без философствования, отмечал он, нельзя получить навыки философских обобщений. «Философствованию же можно научиться лишь благодаря упражнениям и самостоятельному применению разума». Для этого нужно прежде всего рассматривать «все системы философии» «лишь как историю применения разума и как объект для упражнения своего философского таланта», т. е. подходить к исследованиям философов больше как к выражению способностей ума, чем к открытиям каких-либо истин.

Философствование, активно способствуя умению дискутировать, вести диалог, достигать совершенства, успеха в теоретическом споре, представляет тем самым превосходный способ развития абстрактного философского мышления, использования всеобщих категорий для постижения истины.

Очень важным аспектом философствования является его значение как условия становления, формирования профессионального философа и, более того, как фактора духовно-умозрительного мировоззренческого развития каждого человека, включая всех тех, кто специ-

ально философию и не изучали и не относились к ней профессионально. Здесь в первую очередь можно сказать об ученых — специалистах в частных областях знания.

Если говорить об отличии философствования массового или «простого» человека от философствования творцов систем и концепций, то оно состоит не в его сути, а в том, каким путем те и другие идут к цели: первые делают это бессистемно, как бы ощупью без определенных методов, вторые — во всеоружии метода и тех систем, которые претендуют на общезначимость.

Склонность к философствованию у каждого человека своя. Она проявляется не только в попытках построения умозрительных конструкций, но весьма зримо в поэзии и прозе. Разве, скажем, творчество Пушкина, Тютчева, Достоевского, Толстого, Пруста не плод философствующего разума? А что детерминирует сам процесс философствования, т. е. размышления о наиболее важных и глубоких проблемах жизнеустройства? Такими стимулами могут быть: авторитет самой философии, вера, неудовлетворенность достигнутым знанием и эмпирической реальностью, фундаментальные науки, ценности культуры, сомнение, удивление, интуиция, жажда творчества, критический подход к бытию.

Философия возникает на радикальном переломе всемирной истории — в период перехода от присваивающей экономики к производящей, сопровождаемый классовой дифференциацией, становлением государства, разделением труда, что и сформировало острую востребованность в системно-рациональном взгляде на окружающий мир и самобытие человека. Он «осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требующие освобождения и спасения... В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей» (К. Ясперс). По поводу предмета философии есть две крайние точки зрения. Пер-

вая: философия — не самостоятельная область знаний, ибо в ходе эволюции она распалась на множество частных наук, лишившись своей специфики как метафизики и натурфилософии. А без собственного предмета познания она обречена или сводится только к функции методологического обслуживания научной деятельности. Философия, следовательно, утратила то, чем когда-то обладала. Вторая: философия окончательно сложилась к середине XIX века и, имея свой специфический предмет исследования, размеживалась с другими сферами знания, т. е. она относительно недавно приобрела свой статус, а ранее его не имела. Но *философия — это учение о всеобщих основах бытия соотносенных с ценностями индивидуальной и социальной жизни, выраженное в предельно абстрактных понятиях*. Предмет философии — не природа и человек в их отдельности и замкнутости, а всеобщее в системе «человек — мир». Центральной проблемой философии, ее «нервом» поэтому является «встреча» людей с бытием. Это фундаментальное соотношение высвечивает несколько граней: онтологическую, гносеологическую и аксиологическую.

Суть *онтологического аспекта* состоит в поиске ответа на вопрос: что первично — дух или материя, сознание или природа? Варианты разные:

1) *материализм* провозглашает приоритет материального над идеальным, так как:

а) материя вечна, а сознание возникает на определенной стадии ее развития и может когда-то исчезнуть;

б) материя вездесущна, она представлена бесконечным числом разнокачественных состояний и свойств, одним из которых и является духовное, которое существует в очень узком диапазоне благоприятных условий;

в) материя и ее изменения детерминируют собой содержание сознания. *Исторические формы материализма: античный, «метафизический» и диалектический;*

2) *идеализм* отдает предпочтение духу и переворачивает «пира-

миду» аргументов. Он явлен, однако, в двух основных формах: субъективный и объективный идеализм. **Субъективный идеализм** рассматривает реальность как результат деятельности человеческого сознания («мир есть комплекс моих ощущений»). Данный тезис при его последовательном проведении неизбежно приводит к **солипсизму** — признанию Я единственным творцом не-Я. Классические представители такого направления — Беркли, Юм. **Объективный идеализм** считает демиургом, творящей силой надчеловеческий, безличный «мировой разум», логос, который созидает и природу, и общество, и самого человека. Все есть производное абсолютной духовной субстанции (Платон, Гегель);

3) **дуализм** указывает на параллельное, извечное и самодостаточное существование и материи-протяженности и мышления (Декарт);

4) **синкретизм** (термин не общепризнан, условен, но введен в текст, ибо другой, например, «реализм», которым иногда пользуются, более узок и связан с определенным течением средневековой философии) постулирует неразрывное единство идеального и материального, их взаимопроникновение. Под материей здесь понимают внешнюю, вещную «оболочку» предметов, а под духом — принцип, закон, внутреннее управляющее и организующее начало.

Гносеологический аспект сфокусирован на проблеме познаваемости мира, его проницаемости или непроницаемости, доступности или недоступности человеку. И здесь наметились три точки зрения:

1) **гносеологический оптимизм**: мир познаваем — таково мнение большинства философов и материалистической и идеалистической ориентации;

2) **гносеологический пессимизм (агностицизм)**: люди никогда не смогут обрести знания о вещах внешнего мира как они есть на самом деле потому, что всему и всегда, они придают человеческое измерение и преломляют объективную информацию через призму структур и форм собственной субъективности, внося в нее неискоренимые искажения (Кант, Юм);

3) **скептицизм**: сомнение в возможности получить достоверное и полное знание об объективной реальности или о ее каких-то сегментах.

Аксиологический аспект центральной проблемы философии вычленяет вопрос о том, что есть высшая ценность. И опять история философии дает «веер» интерпретаций:

1) космос, природа, а человек лишь малая частица бытия, зависящая от целого (**космоцентризм**);

2) Бог — творец всего сущего, а человек — образ и подобие божье (**теоцентризм**);

3) человек — единственный венец эволюции природы, и все, что до или вне его бытия, должно использоваться им себе во благо (**антропоцентризм, секуляризованный гуманизм**).

Таковы основные направления философии. А главные ее функции следующие:

– **мировоззренческая** функция философии заключается в том, что она, вооружая людей знаниями о человеке, о его месте в мире и возможностях его познания и преобразования, оказывает влияние на формирование жизненных установок. Философия это система взглядов и знаний, дающая целостное понимание мира и места человека в нем;

– **гуманистическая** функция философии актуализируется в «смутные» времена», т. е. в переломные моменты истории, ибо она постоянно обращается к человеческому в человеке, с особенной остротой поднимая проблему ценности человека в периоды политической реакции, войн, значительных социальных конфликтов;

– философия выполняет **идеологическую** функцию. Она исследует духовные ценности и их соотношение с миром реальности;

– философия выполняет **гносеологическую** функцию. Она изучает сущность познавательного процесса, его общий механизм, возможности и границы познания. Наряду с такими важнейшими функциями, как **обобщение, интеграция, синтез всевозможных знаний, открытие наиболее общих закономерностей, связей, взаимодействий основных подсистем бытия**, теоретическая масштабность философ-

ского разума позволяет ему осуществлять также функции **прогноза**, **формирования гипотез** об общих принципах, тенденциях развития, а также первичных гипотез о природе конкретных явлений, еще не проработанных специально-научными методами;

– философия выступает как **методология** научного познания мира, убедительно доказывая, что существует необходимость взаимобмена между философией и специальными науками, философией и другими видами общественной практики. Часто именно философское осмысление дает основу, открывает способ познания неведомого;

– **практически-деятельная функция** философии заключается в том, что она превращается в орудие активного преобразовательного воздействия на окружающий мир и на самого человека. Она играет важную роль в определении целей жизнедеятельности, достижение которых — важнейшее условие существования, функционирования и развития человека;

– **критическая** функция философии состоит в том, что она исследует не только законы и предельные основания **сущего**, но и соотносит комплекс социоприродной и культурно-цивилизационной реальности с **должным**, мобилизуя весь интеллектуально-нравственный потенциал человечества на сокращение дистанции между ними, устранение несовершенств эмпирического бытия. Суммируя все сказанное, можно повторить вслед за Гегелем, что **философия** есть рефлексия, самосознание, духовно-теоретическая квинтэссенция эпохи.

Что касается ее системного состава, то в общей структуре философии можно выделить следующие разделы:

– **онтология** как учение об общих законах бытия, включая учение о природе (натурфилософия), об обществе (**социальная философия**), о человеке (**философская антропология**), о вселенной и космосе (космизм) и др.;

– **гносеология** как учение об общих законах и формах познания;

– **логика** как учение о нормах и законах мышления;

– **эстетика** как учение о красоте и гармонии мира;

– *этика* как учение о нравственном отношении человека к миру.

На стыке философии с другими формами общественного сознания возникают такие синтетические области, как философия права, философия религии, философия искусства, философия морали, философия политики, философия науки и др. В каждой из этих областей складываются еще более мелкие подразделения. Неотъемлемыми «звеньями» философского знания также являются философские категории, идеи, принципы и идеалы.

Философия и псевдофилософия

Чтобы более точно определить статус философии в духовной культуре, необходимо сравнить ее с другими формами общественного сознания: мифологией, религией, идеологией, искусством и наукой. Мифологию и философию сближает стремление к целостному и живому восприятию жизни, созданию максимально интегративной картины мира. Однако в философии доминирует рациональный подход к бытию. Философию и религию роднит почтенный возраст, а также сложность и фундаментальность поставленных проблем и обостренное внимание к смысложизненным сторонам человеческого существования. Но если религия базируется на жесткой догматике, признании незыблемых истин, вере и авторитете «отцов церкви», то философия — на разуме, сомнении, доказательствах, логике, хотя трансцендирующее постижение мира, выходящее за грань повседневного чувственного опыта профанного бытия, также ей присуще. Соотнесем теперь понятия «философия» и «идеология». Идеология — совокупность взглядов, выражающих и отстаивающих интересы тех или иных классов, придавая им статус общенародных, общенациональных, общечеловеческих. Да, на определенных этапах истории объективные тенденции общественного развития совпадали с теоретическими моделями и устремлениями определенных социальных групп, но не абсолютно и не всегда. Идеология, следовательно, не лишена элементов заблуждения, обмана или прямой фальсификации, т. е. тех качеств,

которые образуют ложное сознание. Философия, будучи порождением социума, не может уклониться от борьбы общественных сил, вольно или невольно становясь на ту или другую сторону, защищая теоретическим оружием определенную позицию. Но философия — непокорное дитя, дитя свободы. Она всегда стремится встать над схваткой, держать дистанцию по отношению к совершающимся событиям, чтобы максимально объективно, взвешенно, разумно и критически оценить ситуацию. Любая власть, любой политический режим пытаются превратить философию в идеологию, вынудить ее обслуживать свои интересы, добиваясь партийной преданности. Иногда это удается, иногда нет. И тогда — замалчивание, изоляция, гонение, изгнание, прозябание в нищете или гибель. Вспомним трагические судьбы Гераклита, Анаксагора, Сократа, Бруно, Флоренского или «философский пароход» 1922 года... А как связаны между собой философия и искусство? И философия и произведения искусства весьма личностны, в них выражена индивидуальность авторской позиции. И философия и искусство активно используют интуицию и обращают пристальное внимание на все стороны человеческой жизни. Вместе с тем, искусство ориентировано на объективацию внутреннего мира индивида, его эмоции, потребности, дарования. Оно не исследует законы внешней природы. И если искусство оперирует художественными образами, чувственно переживаемыми, то философия абстрактными понятиями как логическими формами мышления.

Науку и философию роднит то, что они являются сферами рациональной и доказательной духовной деятельности, ориентированы на достижение истины, которая в ее классическом понимании есть форма согласования мысли с действительностью. И наука, и философия обладают своими предметами изучения, методами, принципами исследования действительности и языком. Многие критерии научности характерны и для философии.

Однако между ними есть и различия:

1) любая наука имеет дело с фиксированной, фрагментарной

предметной областью и не претендует на формулировку универсальных закономерностей бытия. Философия же выносит такие суждения и стремится открыть законы всего мирового целого с точки зрения человеческого взгляда на жизнь;

2) наука традиционно абстрагируется от проблемы ценностей, отвечая преимущественно на вопросы «почему?» «как?» и «откуда?», и предпочитает не задаваться метафизическими вопросами «зачем?» и «для чего?». В отличие от науки, ценностная компонента знания неустранима из философии;

3) специфика философского знания заключается в том, что оно имеет дело с вопросами вечными. Это вопросы, которые нельзя решить раз и навсегда. Человечество заново осмысливает их на каждом новом этапе и вносит новое в их решение. Более того, каждый человек, пользуясь философскими знаниями, должен самостоятельно решать эти вопросы, возвращаясь неоднократно к ним в течение своей жизни;

4) наука, особенно естествознание, принимаемое многими за единственный эталон подлинного познания истины, пытается вывести человека «за скобки» как существо, приносящее помехи, искажения, субъективизм и произвол. Весьма красноречива структура современного научного знания: 97 % научной информации — это знания о неорганической природе, 2 % — об органической и только около 1 % — об обществе и человеке. Тогда как философия в центр изучения ставит именно связь человека и мира, а не отдельные стороны данного взаимодействия.

В трактовке взаимоотношений с наукой у философии есть две крайности. Это *натурфилософия*, как попытка строить универсальные картины мира без опоры на данные науки, и *позитивизм*, призывающий философию отказаться от обсуждения метафизической (прежде всего ценностной) проблематики и сосредоточиться исключительно на обобщении положительных фактов науки.

Сделаем общий вывод: всякое отождествление философии с ми-

фологией, религией или идеологией, или искусством, или наукой означает превращение ее в *псевдофилософию*. Философия несводима ни к одному из указанных феноменов, хотя степень ее сближения или отдаления — величина переменная. Философия в любом случае остается ядром, сердцевинной духовной культуры общества, пересекаясь в процессе эволюции с ними, обогащая их и обогащаясь сама. Прав А. Н. Чанышев, писавший: «Теряя связь с науками, философия вырождается в «служанку теологии», а через нее религии. Теряя связь с художественно-мифолого-религиозным комплексом, философия вырождается в «служанку науки»».

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

1. ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ И ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ
2. ОСНОВНЫЕ ШКОЛЫ И ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Особенности древнеиндийской и древнекитайской философии

Обретая свой статус в качестве рационального системного знания, философия первоначально и фактически одновременно (VII–VI вв. до н. э.) зарождалась в Индии, Китае, Греции, хотя в разных регионах были свои социально-политические и духовно-культурные предпосылки и истоки. Однако философские традиции Востока и Запада имели много общего:

– первые философские концепции формировались в лоне мифологического и религиозного мировоззрения, неся в себе неизгладимый отпечаток их влияния;

– философию «вызвали» к существованию радикальные перемены, связанные с крушением старого мира, и появлением новой социальной реальности с ее классовой дифференциацией, усилением роли государства и городов;

– будучи выразителями менталитета определенных народов, философские доктрины обладали ведущей интенцией — устремленностью к выработке общечеловеческих ценностей;

– и там, и там наметилось противостояние материалистических и идеалистических направлений, хотя и в неявной форме;

– философская мысль пронизана стихийной диалектикой, постигаемой преимущественно интуитивно;

– во всех философских учениях силен этический элемент, обращенность к смысложизненным проблемам человеческого бытия.

Эта исходная общность, тем не менее, не абсолютна, а относительна. *Восточная философия* характеризуется обостренным внима-

нием к изучению человека как целостности с акцентом на приоритет психодуховной его деятельности и поискам гармонии между человеком и Богом, человеком и природой, человеком и обществом. Религия не подавляет свободную мысль и не поглащает ее. Категориальный аппарат философии максимально «очеловечен», активно используются такие понятия, как жизнь, смерть, тело, душа, страдание, блаженство, любовь, путь, судьба и т. д.

Западная философия тяготеет к проблемам бытия, природы, Космоса. Она ориентирует личность на активное познание внешнего мира с целью его преобразования в своих интересах. Ее понятия очищены от человеческого измерения: материя, пространство, время, движение, причина, субстанция и т. д.

Общая направленность **индийской философии** — освобождение человека от тягот бренной жизни, спасение в вечном небытии по ту сторону этого феноменального мира посредством мобилизации всех его духовно-интеллектуальных сил и внутренних ресурсов, а также формирования чувства ответственности за свою жизнь на пути в вечность. Фундаментальной основой философии являются **Веды** — самые ранние произведения индийской литературы, созданные в диапазоне от II до I тысячелетия до н. э. Веды — совокупность священных песен, гимнов, молитв, жертвенных формул и заклинаний, они имеют четыре разновидности: Ригведы, Сомаведы, Яджурведы, Атхараведы. С VIII по VI вв. до н. э. они были обобщены и упорядочены брахманами, создавшими литературу **Упанишад**. Философия Индии разделяется на два крупных направления: ортодоксальное (**астика**), объединяющее школы, признающие авторитет Вед — (минанса, веданта, санкхья, йога, ньяя, вайшешика), и неортодоксальное (**настика**): чарвака, буддизм и джайнизм.

Для представителей первых групп характерны:

– **идея цикличности** космических и исторических событий, обусловленная признанием существования Брахмана — безличного абсолютного начала, творящего сущее посредством поочередного до-

минирования двух сил — бога *Шива* (разрушение, распад) и бога *Вишну* (созидание). Применительно к социуму это означает прохождение таких фаз, как *критаяюга*, продолжительностью 4 тыс. лет + по 400 лет переходные периоды, *третаяюга*, продолжительностью 3 тыс. лет + по 300 лет «утренние и вечерние зори», *двунараюга* — 2 тыс. лет + по 200 лет и *калиюга*, соответственно, — 1 тыс. лет + по 100 лет. Общий цикл равен, следовательно, 12 тыс. лет. От этапа к этапу идет процесс ускорения социального времени и общей деградации культуры, что не означает неизбежной гибели, но символизирует возможность выбора нового пути;

– *идея реинкарнации*, гласящая, что бессмертная душа имела множество воплощений до того, как вселилась в данное тело, и будет многократно перерождаться после расставания с ним;

– *идея кармы*, суть которой состоит в том, что любая тайная мысль, любое желание, любое слово и поступок не проходят бесследно, а аккумулируются и формируют причинно-следственную связь, судьбу, от которой не уйти и не откупиться;

– *идея кастового деления* общества, предполагает существование жрецов, воинов, земледельцев, ремесленников и торговцев, рабов и неприкасаемых как гарант стабильности и процветания.

Культивируются добродетели: смирение, молитвы, благоговение, уединение, размышление, скромность, терпение, сострадание.

Основные понятия ведической философии: *дхарма* (долг), *сансара* (бесконечная череда перерождений), *атман* (трактуется и как всепроникающая субъективная реальность, и как личное начало, душа), *мокша* (освобождение из пут физического мира и слияние с Брахманом). «Как текущие реки исчезают в море, теряя свое наименование и форму, так и мудрый человек, освободившийся от имени и формы, идет к божеству, которое находится за пределами всего».

Вторая ветвь индийской философии связана прежде всего с буддизмом. *Сиддхартха Гаутама* (560–480 до н. э), ставший Буддой, что означает просветленный, — родоначальник данного идейного течения. Осуждая принцип кастового устройства общества, культ жерт-

воприношений, буддизм разработал свою модель жизни, состоящую из четырех тезисов — «*благородных истин*»:

1) *жизнь есть страдание*, ибо с самого рождения человека подстерегают боль, неудовлетворенность, тревоги, заботы, разочарования, крушение надежд, болезни и ожидание смерти. Да, есть и радость, и экстаз, и вдохновение, но они мимолетны и обманны. Мир зыбок, текуч, он — иллюзия, *майя*;

2) *желание — причина страданий*. Желание — признак неполноты, нуждаемости, отсутствия чего-то. Дистанция между сущим и возможным угнетает индивида и обесценивает его наличное бытие;

3) *чрезмерная привязанность к объекту — основа желаний*. Чем более у меня потребностей и чем они разнообразней, тем менее я принадлежу себе. Я становлюсь зависимым от всего, находящегося вне меня, теряю самодостаточность, внутренний стержень своей личности. Желанные мне существа или вещи тянут меня в разные стороны, разрывая на части. И это жизнь?;

4) *нирвана — подлинный смысл жизни*, состояние полной безмятежности, умиротворения и блаженства, достигаемое посредством отрешения от желаний, от чувственного мира вещей и событий. Но к нирване ведет очень сложный и трудный «восьмеричный» путь, предполагающий: высокую культуру мышления, слова и общения, целомудрие, умеренность, самодисциплину, сострадание, медитацию. Буддизм проявляет себя в двух главных учениях: *махаяна* (путь для многих) и *хинаяна* («путь для избранных»).

Широкое распространение буддизм в форме махаяны получил в Японии с XII–XIII вв., образовав секту под названием *дзэн-буддизм*. Он проповедовал философию фатализма и преданность патрону, сформулировал кодекс самурайской чести и оказал огромное влияние на формирование национального характера народа. Не нирвана, а повседневная земная жизнь — вот место пребывания истины и блага, которые открываются внезапным озарением (просветлением).

К визиту такого состояния (*сатори*) надо всегда быть готовым.

Неортодоксальный характер присущ и *джайнизму*, который с VI в. до н. э. ведет борьбу с брахманизмом, отрицая предопределенность социально-кастовой системы, соблюдение обрядов и жертвоприношений как священного действия. Он признает возможность спасения души для каждого человека, т. е. перспективу выхода из колеса перерождений посредством осуществления праведной жизни и совершенного знания, основываясь на принципе, обозначенном как *ахимса* — непричинении вреда живым существам. Нирвана же трактуется не как ликвидация индивидуальной души, а как ее сохранение в состоянии высшей радости и покоя.

К рассматриваемой здесь позиции относится и школа *чарвака* (или локаята), которая сложилась примерно в то же время, но является собой атеистическое и материалистическое учение, подвергающее критике авторитет священных книг Вед и основные положения брахманизма, делающее упор на исследовании природы, сводя ее к комбинациям первоэлементов: земли, огня, воды и воздуха.

Древняя *китайская философия* представлена двумя учениями: даосизм и конфуцианство. Основателем *даосизма* являлся *Лао-цзы* (VI в. до н. э.), а его творческим последователем *Чжуан-цзы* (369–286 до н. э.). Главные положения даосизма изложены в трактате «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы». *Дао* — предвечное, бесконечное, немислимое, не имеющее «образа, вкуса или запаха»; никем не сотворенное, оно «само себе ствол, само себе корень»; оно беспристрастно охватывает и вмещает в себя все сущее, подобно всеобъемлющему и бездонному небу. Даосы называют его «Высшим учителем», «Небесным предком», «Матерью мира», или даже «Творцом вещей», но они не ждут от этого Первопринципа заинтересованности в их личной судьбе или судьбе целой вселенной. Ибо в мире все происходит «само собой»: каждое мгновение времени и каждая частица бытия совершенно самодостаточны.

Последнее утверждение означает, что и само Дао не является, в сущности, принципом мироздания. Дао, утверждается в даосской литературе, «не может владеть даже собой», оно «обладает, не владея».

Дао ежемгновенно и непрестанно изменяется, изменяет себе, «теряет себя» в мире конечного и преходящего. Но, поистине, нет ничего постоянного непостоянства. В своем самопревращении Дао пребудет вечно.

Отсюда то важное место, которое занимает в даосизме учение о космогенезе, творении всего сущего. Даосы учат, что мир возник из первозданного Хаоса, который они именуют также Единым дыханием (и ци), Изначальным дыханием (юань ци) или Великой пустотой (сюй тай), еще точнее — пустотой материнской утробы, внутри себя вскармливающей все сущее. Творение же мира есть результат самопроизвольного деления первичной целостности Хаоса. Сначала Хаос, или Единое дыхание, разделилось на два полярных начала: мужское, светлое, активное начало **Ян** и женское, темное, пассивное начало **Инь**; из «двух начал» выделилось «четыре образа», соответствующие четырем сторонам света; «четыре образа» породили «восемь пределов» мироздания и т. д. Эта схема записана в древнейшем китайском каноне «И цзин» («Книга перемен»), содержащим общий для всей китайской традиции свод графических символов мирового процесса Дао. В основе символики «И цзина» лежат восемь так называемых триграмм, представляющих собой комбинации из тех черт двух видов: сплошной (символ Ян) и прерывистой (символ Инь).

Даосы усматривали взаимодействие сил Инь и Ян решительно во всех явлениях и событиях мира, а гармонизация Инь и Ян была пожалуй, ведущим принципом даосской практики. Взаимопереходы инь и Ян изображены на знаменитом символе Великого Предела (тай ци) — главной схемы универсума в даосизме. С глубокой древности в Китае существовали приемы и методы тренировки тела и духа ради достижения, как говорили даосы, «полноты жизни», высшей просветленности сознания и, в конечном счете — бессмертия в вечнопреемственности Великого Пути. Эта практика личного совершенствования, подкрепленная откровениями родоначальников даосизма, со временем стала подлинной сердцевиной даосской традиции. Таких искателей вечной

жизни в Китае с древности называли словом сянь (в русской литературе они именуется по-разному: небожители, бессмертные, блаженные).

Подвижничество даосских сяней включало в себя множество различных практик: гимнастические и дыхательные упражнения, диету, прием снадобий, медитацию, воинскую тренировку и даже использование секса для укрепления жизненных сил.

Что касается собственного содержания подвижничества Дао, то здесь даосы традиционно различали три основных измерения: «регулирование тела», «регулирование дыхания» и «регулирование сердца».

«Регулирование тела» (тяо шэнь) включало в себя различные способы физического и химического воздействия на организм. К первым относились комплексы динамической и статической гимнастики, водные и солнечные ванны, пешие прогулки и прочие виды физических упражнений. Вторые сводились, главным образом, к диете и употреблению всевозможных снадобий и пилюль растительного, животного и минерального происхождения с целью очищения организма и возвраща-ния в нем зародыша бессмертного духа.

«Регулирование дыхания» (тяо си) представлено несколькими системами дыхания, в том числе естественными, «перевернутыми» (когда при вдохе втягивается живот), «утробным», осуществляемом помимо органов дыхания, и прочими. Но во всех случаях дыхание должно быть, согласно традиции, «ровным, глубоким, плавным, легким, медленным».

Понятие **«Регулирование сердца»** относилось к приемам и методам сосредоточения и самоконтроля. Здесь наибольшее значение имели принципы «сбережения единства» (шоу и), или «сбережения середины» (шоу чжун), означавшее поддержание внутренней целостности сознания; «погружения в покой» (жу цзин), т. е. отстранение от потока мыслей и душевного волнения; «присутствие мысли» (цунь сянь), что означало концентрацию внимания в определенной части тела, и т. п. Многие даосские авторы оставили описания различных ступеней и состояний медитативной практики.

В самом общем виде совершенствования даосского подвижника толковалось в категориях превращений так называемых «трех сокровищ» человека, как в даосской литературе именовались три основные жизненные субстанции тела: семя (цзин), собственно энергия, или дыхание (ци) и дух (шэнь). Смысл «внутреннего делания» (нэй е, нэй гун) в даосизме традиционно описывался следующей формулой: «упражняй семя, дабы оно превратилось в дыхание; упражняй дыхание, дабы оно превратилось в дух; упражняй дух, дабы он возвратился в пустоту».

Сексуальная практика истолковывалась даосами в категориях взаимного обмена и даже взаимного замещения полярных начал бытия — энергии мужской и женской, движения и покоя, воздействия и уступчивости и т. д. подобно всем мировым процессам, свершающимся благодаря Дао, совокупление мужчины и женщины, в даосском понимании — это обмен сил Инь и Ян, который служит очищению и развитию обоих начал.

В традиции даосского «кулачного искусства» мы встречаемся с практикой, в которой на удивление органично соединяются методика оздоровления и омоложения, техника рукопашного боя, красота телесной пластики и моральное совершенствование. И все эти грани «кулачного искусства» Дао проникнуты духом легкой, как бы непритязательной и потому истинно жизненной свободы.

Говоря кратко, даосизм базируется на следующих идеях:

- дао — всеобщий закон динамического равновесия, гармонии противоположных сил и тенденций — ян и инь;
- у каждого предмета, живого существа, этноса, народа, отдельной личности свое дао, свой ритм, свое созревание и угасание;
- всякое пренебрежение дао, искусственное ускорение или искусственное замедление процесса оборачивается разрушениями, катаклизмами, губительными деформациями;
- необходимо чутко прислушиваться к голосу собственной природы, отзываясь на свои потребности, желания и дарования чтобы прожить именно свою жизнь, не отрекаясь от главного в себе;

– *принцип у-вэй (недеяния)* означает мудрое поведение, учитывающее объективные потенции явлений природного и социального бытия, умение «плыть по течению в нужном направлении».

В отличие от даосизма *конфуцианство* (от имени собственного — Конфуций (551–479 до н. э.) или Кун-цзы) ориентировано на создание рациональной системы социально-этических установок, которые при их реализации могли бы способствовать обеспечению стабильности и процветания общества и государства, а также оптимизации и ускорения процесса адаптации личности к нормам, законам, предписаниям культуры. Идеал такого жизнеустройства Конфуций усматривал в эпохе первых династий Жан-Инь и раннего Чжоу. Император У-ди (140–87 до н. э.) провозгласил конфуцианство государственной идеологией, и вплоть до 1911 года чиновники при занятии вакантных мест в госаппарате обязаны были сдавать экзамены на знание основ его учения. Из каких же качеств и поступков складывается образ воспитанной личности, *совершенномудрого*, «*благородного мужа*»? Необходимо:

– уважать традиции своего народа, быть благодарным предыдущим поколениям за их труд, знания и достижения, повиноваться старшим как безусловному авторитету и проявлять любовь к родителям;

– крепить узы семьи, в которой должны сочетаться требовательность и доброта, строгость и нежность;

– неукоснительно исполнять законы государства;

– обладать специальными знаниями и быть нравственно развитым посредством приобщения к духовной культуре (поэзия, музыка и т. д.);

– ценить труд как способ самореализации и моральный долг.

Конфуцианство также культивировало такие добродетели, как скромность, справедливость, сдержанность, достоинство, бескорыстие, благопристойность, терпимость.

В китайской культуре и даосизм, и конфуцианство уживаются вместе и до сих пор являются надежной опорой национальной и цивилизационной идентичности.

Основные школы и проблемы античной философии

Античная философия охватывает собой период с VII в. до н. э. по VI в. н.э., когда по решению императора Юстиниана была закрыта последняя греческая философская школа — Платоновская академия, и символизирует зарождение, расцвет и закат рабовладения как социального института. Классовая поляризация, разделение труда на физический и интеллектуальный явились благоприятной почвой для формирования философии и понимания ведущей роли мышления по отношению к материи. Космос, подобно человеку, имел тело, душу и ум в их единстве и нерасторжимости, причем находился в вечном круговращении, движимый душой и управляемый умом. Отсюда такая черта античной философии как космоцентризм. Ее также характеризует:

- связь с духовной культурой Вавилона и Египта;
- разнообразие школ и направлений;
- демократизм и свобода дискуссий;
- динамизм, обновляемость идей;
- «праздник» мысли, дерзновенная смелость в постановке сложнейших вопросов;
- высокий авторитет в обществе, с которым считалась и государственная власть (М. Аврелий, например, — император римской империи — сам был выдающимся философом);
- стремление к активному преобразованию социума, его совершенствованию;
- ориентация на воспитание добродетелей, без которых человек утрачивает свое подлинное предназначение. Удел философа — нравственная проповедь. Более того, он как учитель жизни обязан подавать личный пример служения высшему благу.

Античная философия — исток европейской культуры и основа всех дальнейших направлений философии, вплоть до нынешних дней. Она в своем развитии прошла ряд этапов: досократовская философия, период высокой классики, эллинистическая и неоплатоническая.

В лоне *досократовской* философии существовало множество

школ, ведущими из которых были следующие: ионийская, пифагорейская, элеатская, софистическая, атомистическая. Для представителей *ионийской* школы отправным пунктом философского мышления являлся Космос как материя. Первые философы, по выражению Аристотеля, были физиками. Их интересовала прежде всего проблема соотношения вечного и преходящего, единого и многого, бесконечного и конечного, устойчивого и изменчивого в бытии. Она решалась ими путем введения понятия субстанции как неразрушимой основы мироздания. Образы же ее трактовались по-разному.

Так, для *Фалеса* (ок. 624–546 до н. э.) это вода, ибо она бесформенна, всеобща, она всюду проникает, она «переливчатая», подвижна, она — «душа» всего. Поэтому и земля и все другие возможные состояния могут из нее образовываться. *Анаксимандр* (610–540 до н. э.) считал, что субстанция — это не чувственно данное, а умопостигаемое — нечто неопределенное и бесконечно-первоначальное единство — *апейрон*, который может сделаться чем угодно, принять любой облик. *Анаксимен* (585–525 до н. э.) началом мира объявил беспредельный *воздух*, попеременно сгущающийся и расширяющийся. *Гераклит* (540–480 до н. э.) возвел в ранг субстанции *огонь*. «Космос не создан никем из богов и никем из людей, а всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами воспламеняющимся и мерами угасающим». Он сделал акцент не на неподвижной субстанции, а на процессе. «Все течет, все изменяется». «Нельзя два раза погрузиться в одну и ту же реку... мы погружаемся в нее и не погружаемся; мы существуем и не существуем». Принцип бытия — всеобщее становление, наиболее ярко и зримо выраженное в образе горящего огня. Но этот огонь — разумная и неистощимая деятельность логоса. А непосредственной причиной движения является внутренняя противоречивость бытия, соединение противоположностей. «Противоположности тождественны. Одно и то же существо живо и мертво, бодрствует и спит, молодо и старо». «Мы живем смертью одних и умираем жизнью других, больше: наша жизнь их смерть, и наша смерть их жизнь». Все

есть «скрытая гармония». Душа человеческая — искра божественного огня, от которого возникает разум. Надо жить для того, чтобы очистить и освободить этот огонь в себе от обманчивых чувств и мимолетных страстей, и тогда откроется гармония как единственный способ обретения справедливости. *Анаксагор* (500–428 до н. э.) первоначально мира как «семена», как подобночастные элементы обозначил термином «*гомеомерии*». Не из лона движения возникают вещи, движение лишь следствие уже существующих явлений. Ничто не рождается и ничто не умирает. Имеет место только соединение (как бы рождение) и разделение (как бы гибель), причем признается делимость до бесконечности. «В крови есть капля крови, и в каждой капле есть другие капли; огонь состоит из частиц огня, вода из частиц воды и т. д. — это подобные части». Все заключено во всем! Первоначально все было смешано и ничто не появлялось, однако все уже существовало. Из различных соотношений между частями под влиянием движения, которое комбинирует элементы бытия, появляются некие образования, отличающиеся друг от друга лишь количественным их доминированием, по которому и обозначаются разнообразные предметы. Но как возникло само движение? Его источник — вселенский разум. «Вначале все было смешано; разум привел в порядок хаос».

Если Фалес, Анаксимандр, Анаксимен и другие мыслители рассмотренной выше школы разработали учение о физической материи как первичной по отношению к форме, то *Пифагор* (ок. 570–ок. 500 до н. э.) и его последователи (соответственно — пифогорейцы) обратились к изучению структур, чисел, количественных соотношений, благодаря которым материя разнообразится, обретая определенное предметное бытие. Попытка объяснить все движением означала сведение разнообразных отношений между вещами к законам числовых величин, по сути, к математике с ее абстрактными символами. Согласно пифогорейской традиции, числа существуют раньше явлений и они значимее их, ибо последние подчиняются математическим законам и управляются ими. Но число также есть и сущность мышления, так как оно определяет

внутренние принципы подхода к исследованию мира. «Мы должны удивляться, — говорил Гегель, — той смелости, с которой они сразу уничтожили чувственный мир и провозгласили мысль сущностью вселенной». Объяснить природу вещей можно, если облечь их в числовое исчисление, ибо только совершенное (математика) есть ключ к пониманию незавершенного — материального предметного мира.

Несмотря на абстрактность, схематизм и формализм, абсолютизацию количественных отношений, пифагорейская школа оказала большое влияние на науку, дала мощный импульс развитию математики, астрономии, космологии и музыковедению.

Будучи сторонниками позиции пифагорейцев относительно активности формы, *Ксенофан* (580—ок. 480 до н. э.), *Зенон* (490—430 до н. э.), *Парменид*, расцвет творчества которого приходится на 69-ю олимпиаду — 504—501 до н. э., — ведущие деятели *элеатской школы* по-своему трактовали саму связь материи и формы, полагая, что она — форма — гарант устойчивости и единства мира. У *Ксенофана* такой всеобъемлющей структурой является единый Бог:

«Есть один только Бог, высший над богами и людьми.

Он не похож на смертных ни телом, ни мыслью...

Он все видит, все мыслит, все слышит...

Без труда, при помощи одной только мысли он управляет миром;

Неподвижный, неизменный, он не переходит с места на место».

Бог — абсолютное единство, совершенство и полнота, бытия. От монотеизма здесь намечается переход к пантеизму. Если Бог есть бытие, то вне бытия ничего не может существовать. Эти идеи воспринял и укрепил *Парменид*, который четко разделил сущность, познаваемую разумом и внешние объекты, воспринимаемые чувствами, тем самым противопоставив истину и мнение. Он доказывает вечное тождество мысли и бытия, которое (бытие) не рождается и не уничтожается, однородно, неподвижно, самодостаточно, целокупно и беспредельно, и «топит» в нем множественность явлений, как видимость, кажимость, иллюзорность.

Ученик и последователь Парменида **Зенон** также активно выступает против ионийских философов, сторонников множественности и изменчивости бытия. Он отрицает реальность и объективность движения, подыскивая логико-математические обоснования, получившие название **апорий**.

Апория «Стадий»: чтобы дойти до определенной точки, надо пройти половину пути, но прежде половину этой половины и так до бесконечности.

Апория «Ахиллес и черепаха»: быстроногий Ахиллес никогда не догонит медленно ползущую черепаху, ибо ему сначала требуется пройти промежуточное расстояние, изначально их разделявшее, но в это время черепаха уходит вперед, и нашему герою снова необходимо преодолевать новое расстояние бесчисленное число раз.

Апория «Стрела»: в месте, где в данный момент находится стрела, она неподвижна. Но она не движется и в другом месте, так как там ее еще нет, т. е. она неподвижна в любой точке пространства в любой следующий момент времени. Значит, летящая стрела покоится. Движение, следовательно, — обман зрения, только игра воображения. Что и требовалось доказать!

Подобные логические парадоксы, однако, способствовали развитию диалектики и математики.

Но в истории античной философии существовало направление, которое использовало диалектику как прием обоснования тех или иных положений безотносительно к их соответствию реальности, т. е. с негативной стороны. Это **софисты**, общую позицию которых наиболее красноречиво выразил **Протагор** (490–420 до н. э.) и **Горгий** (ок. 480–380 до н. э.). Софист — учитель мудрости, человек, обучающий риторике, логике, астрономии, физике, географии и т. д. и берущий за свое умение деньги, что осуждалось обществом как постыдное дело.

Следует напомнить, что в тот период в Афинах и Греции в целом наблюдался разброд, ожесточенное соперничество философских

школ, упадок нравственности, кризис политических устоев. Возрастает ощущение неудовлетворенности, стираются грани между добром и злом, допустимым и запретным. Абсолютное заменяется относительным, мысль словом, благородство меркантильностью. Когорта настоящих философов вытесняется легионом обученных ораторов, жаждущих не истины и общего блага, а богатства, власти и славы. «Человек есть мерило всего» — провозгласил Протагор, ставя человека в центр рассуждений и оценивая все сущее с точки зрения его благополучия. В деятельности софистов ставка — успех. И оказывается, что для достижения практической пользы или политической выгоды приемлемы и ложь, и подтасовки, и вероятностные утверждения вместо достоверных.

Если Зенон показывал и доказывал эфемерность мира в его множественности и изменчивости, воспринимаемого чувствами, в сравнении с истиной, постигаемой разумом, то Горгий исходит из прямо противоположных посылок, считая, что никакая мысль не образует знание. «Ничто не существует, говорит он, если что-либо существует, то оно не может быть узнано, а если оно существует и узнано, то не может быть сообщено другим». Провозглашение принципа всеобщей относительности не могло не отразиться на распространении морального релятивизма и политической неразборчивости, однако творчество софистов содействовало прогрессу в изучении феномена человека как мыслящего субъекта и подверженного страстям и страданиям живого индивидуализированного существа.

На позициях *материализма* твердо стояли *Левкипп* (ок. 500–440 до н. э.) и *Демокрит* (ок. 460–ок. 370 до н. э.), отвергавшие идею разума как движущего начала мира и отстаивающие приоритет изменчивости и разнообразия над покоем и единством. Мир состоит из атомов — неделимых и вечных частиц, бесчисленное количество которых, отличаясь по форме, положению и величине, самопроизвольно двигается в пустоте. Сталкиваясь, они образуют вихри и сложно организованные системы, которые рано или поздно распадаются на элементарные со-

ставные части, чтобы вновь соединиться в необычной конфигурации. И так без конца и начала. Движение атомов, однако, подчинено закону. «Ничто в мире не совершается без причины, — всем управляет причина и необходимость».

Атомизм с уклоном в чрезмерный натурализм и сам процесс познания интерпретировал как «захват» ощущениями *эйдосов* — истекающих от предметов атомов — и перевод их в мозг. Стоит напомнить, что концепция атомистического строения материи до сих пор обладает научной ценностью, что лишний раз свидетельствует о величии интеллектуальных озарений и интуитивных догадок человеческого сознания.

Классический период Античной философии обязан творческой деятельности таких мыслителей, как *Сократ* (469–399 до н. э.), *Платон* (427–347 до н. э.), *Аристотель* (384–322 до н. э.). Сократ, критикуя произвольное жонглирование терминами и релятивизм, широко практикующийся софистами, искажившими суть диалектики, обосновал глубоко содержательный ее образ. А сфокусировав внимание на феномене человека создал философию как социально-гуманитарную область знаний.

Исследуя проблему достоверного знания, Сократ разработал свой знаменитый метод познания, который имеет две стороны: иронию и майевтику. *Ирония* — отрицательна в том смысле, что показывает зыбкость высказываемых суждений и изъяны логических построений, т. е. она опровергает заблуждения. («Я знаю только то, что я ничего не знаю; софисты же ничего не знают, а думают, что знают все»). *Майевтика* же позитивна, ибо способствует, помогает посредством вопрошания проявиться знаниям, которые есть у человека, но еще не родились. Майевтика — тот прием, используя который не приобретаются новые знания извне, а очищаются, углубляются, пробуждаются уже имеющиеся в нашей душе. Отсюда призыв: «*Человек, познай самого себя!*». Майевтика предполагает диалог и полилог в форме вопросов и ответов. Так логика превращается в диалектику.

Каждый человек — потенциальный носитель и хранитель истины.

Признавая разум не только всеобщей основой бытия — безразличным устройтелем мира, а силой, творящей добро, направляющей все к наилучшему способу существования, Сократ приходит к выводу, что и человеческий разум — опора добродетели. Он не допускает противоречий между волей и разумом, действием и мыслью. Главные добродетели человека — это мудрость, храбрость, умеренность, справедливость, благочестие. Человек как разумное существо обязан упражнять свое мышление и дух в философии как науке о лучшем. Философия, стало быть, всегда моральна, а знание — фундамент добродетели.

Если ионийские философы убеждались в том, что чувства дают лишь поверхностное и неверное знание о внешнем мире, а настоящая действительность ускользает, то ученик Сократа **Платон** развил эту традицию, проводя строгое различие между знанием теней (видимых вещей) и знанием идей (незримых сущностей). Что же такое идеи? **Идеи** — идеальные, безусловные, совершенные принципы, прообразы, эталоны, модели, которые производят роды, типы, законы, подчиняющие себе чувственный мир. Идеи — это субстанции, они существуют сами по себе и сами в себе и могут пребывать в лоне чистого бытия, а не в материальных явлениях. Идеи вечны, неизменны, всеобщы, т. е. заключают в себе все частные совершенства. Идеи могут воплощаться в объектах вселенной, но никогда они (вещи и события) полностью не смогут выразить их природу. (Красота вообще как идея и этот красивый поступок, этот красивый пейзаж, этот красивый человек).

Переход единой идеи из себя в явления, которые в ней участвуют и ее представляют остается, по мнению Платона, неразрешимой тайной. Платон создает грандиозную систему **объективного идеализма**, в которой идеи — первоосновы бытия. Разные идеи связаны между собой в единое целое, некое сверхвысшее совершенство, коим является Добро или Бог как вечный принцип бытия и мышления.

Творец — демиург как идеальная сущность, центр и фокус всех идей — формирует из хаоса космос (порядок) и наполняет его предметным содержанием сообразно специфике каждой идеи.

Такая трактовка идей определила и феномен познания как процесса нахождения единства в многообразии, сведения совокупности явлений к законам, восходящим от менее общих к более универсальным, вплоть до всеобщих. Познать — значит дойти до идеи. Познание есть созерцание разумом уже существующих в душе идей, которые она, будучи бессмертной, приобрела, находясь в царстве чистых мыслей во внетелесном состоянии, т. е. познание — это *припоминание*, которое актуализируется посредством диалектических упражнений.

По Платону, состав души человеческой сложен. Если доминирует разум, то такие личности (мудрецы) склонны к созиданию блага и поэтому должны возглавлять государство, управляя обществом; если страсть и воля, то их стезя — быть воинами, защитниками государственных интересов; если вождение, то эти индивиды обуреваемые жадой материальных и чувственных наслаждений, рекрутируются из среды крестьян, ремесленников и торговцев. *Идеальное*, гармоничное *государство* должно, следовательно, соответствовать природе человека, указанным устремлениям бессмертной души. Что касается существовавших в то время форм государственного устройства, то Платон отдавал предпочтение аристократической республике. По степени упадка, к регрессирующим относил: *тимократию* (власть военных), *олигархию* (власть наиболее богатых), *демократию* (власть толп, одержимых низменными потребностями) и *тиранию* (необузданную власть одного человека). В идеальном государстве Платона нет частной собственности, нет семьи, нет свободного выражения мыслей. Государство — все, гражданин — ничто!

Аристотель, обобщая знания из области философии, физики, политики, этики, логики, создал картину мира, наиболее адекватную уровню сознания своих современников. Благодаря таким его трудам, как «Метафизика», «О душе», «Аналитики», «Категории», философия

превращается в особую самостоятельную сферу духовной культуры, исследующую актуальные и фундаментальные проблемы бытия. Он отвергает учение Платона об идеях как самодостаточных, вечных сущностях, отграниченных от явлений чувственного мира в их множественности и развитии. Согласно Аристотелю, Платон только удваивает мир, ибо идеи — обычные копии чувственных предметов и не несут никаких дополнительных сведений о них; не выявлена также трансформация идей в их переходе в материальные объекты; не раскрыта связь самих идей между собой и не объяснено, как возникновение, становление и гибель реальных вещей соотносится с безусловной неизменностью идей. Подлинным же бытием является не идея, не число, не атом, а отдельная, конкретная вот *эта* вещь, которая проявляет свою специфику в разнообразных свойствах, связях и отношениях с другими предметами реальности. Но сама сущность как неделимый носитель и субъект внутреннего единства в отличие от ее предикатов чувственно не восприимчива. Совокупность предметов образует природу, которую не следует отождествлять с материей. *Материя* — это аморфная, неопределенная, пассивная «емкость», из недр которой черпается материал для «строительства» мира. Чтобы выйти из такого состояния и дифференцироваться на различные виды, чтобы осуществился переход из потенциального бытия в актуально сущее, необходимо принять форму. *Форма* — активное начало жизни и деятельности, она структурирует, очерчивает реальность. Оформленная простейшим образом, первичная материя воплощается в таких стихиях, как земля, огонь, воздух и вода соответственно распределению и сочетанию извечных сил: холодного и горячего, влажного и сухого. *Природа* — совокупность вещей, явленных как множество конкретных способов органической связи материи и формы. Форма как нечто неделимое тождественна сущности. Сущности же делятся на низшие, «отяжелившие» себя воплощениями, т. е. соединением с материей, и высшие — чистые формы. Произведения Аристотеля дают повод предполагать, что формы предшествуют вещам, как души телам, во

времени, и что существует форма всех форм — предвечный Бог, перво-двигатель и источник движения. Это свидетельствует о непоследовательности философа, о его колебаниях между материалистическими и идеалистическими трактовками.

Не утратила свое значение классификация Аристотелем основных *первопричин* сущего: *материальная, формальная, действующая* и *целевая*, а также видов движения: увеличение и уменьшение, качественное превращение, возникновение и уничтожение, перемещение в пространстве (круговое, прямолинейное и их сочетание). Аристотель впервые в истории создал формальную логику, системное исследование основных форм мышления, сформулировал законы мышления: закон тождества, закон противоречия, закон исключенного третьего. Им определены философские категории: сущность, качество, количество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание и ряд других: возможность, действительность, случайность, необходимость, причина.

Касаясь социально-политических и гуманитарных проблем, Аристотель определяет государство как собрание свободных и равных граждан и выделяет правильные и неправильные формы правления. К первым относятся монархия, аристократия и демократия, ко вторым — деспотия, олигархия и охлократия. В противовес Платону он отстаивает ценность семьи, частной собственности и приватной жизни. Несмотря на то, что человек в своих действиях определяем собственной душой (растительной, животной и разумной), он только в социуме становится настоящей личностью, раскрывает свой внутренний потенциал и формируется как нравственное существо. Не случайно Аристотель дал дефиницию человека как общественного животного. И роль государства должна состоять в том, чтобы создавать законы, обеспечивающие справедливость и счастливую жизнь граждан, к которым, увы, не относились рабы — говорящие орудия производства.

Условной точкой отсчета возникновения *эллинистической* философии явилась победа Македонии над Грецией в 338 г. до н. э. Это

сопровождалось резким изменением мировоззренческих идеалов и ценностей, что усиливало разночтения не только в трактовке чувственно-материального Космоса, но и способствовало выдвиганию на передний план проблем морали, проблем поиска «точки опоры» в бурно меняющемся мире. По решению кардинального вопроса о смысле жизни выделилось несколько этических школ.

Гедонизм: жить — значит стремиться к получению максимального количества чувственных удовольствий. Не надо сожалеть о прошедшем — его уже нет, не надо заботиться о будущем — его еще нет. Наслаждайся отпущенным тебе мгновением, вкушай доступные блага. «Хлеба и зрелищ!», «Здесь и сейчас!». Такую программу исповедовал неверный ученик Сократа — Аристипп.

Кинизм: смысл жизни состоит в сведении к минимуму собственных потребностей для обретения максимальной независимости и свободы, которая необходима, чтобы лучше, полнее, глубже и беспристрастно познать объективную истину. Все мое — со мной! Я не смотрю на реальность через тусклые призмы меркантильных интересов, властных полномочий или социального престижа. Я внутренне чист и открыт всему миру — так мог думать наиболее известный представитель данного течения Диоген Синопский (404–323 до н. э.).

Эвдемонизм: человек, обладая волей и разумом, должен научиться обуздывать свои страсти и желания, жертвуя малым ради большего, ненадежным и зыбким ради устойчивого, сегодняшним ради завтрашнего во имя обретения *атараксии* — состояния безмятежности и душевного покоя, что осуществимо только посредством *меры*. Потакание своим желаниям, нарушение оптимальных границ их удовлетворения приводит к болезням, разочарованиям, преждевременной усталости, пресыщенности и распаду личности. К тому же, кроме телесных у человека имеется множество социальных и духовных потребностей. **Эпикур** (341–270 до н. э.) видел задачу философии как в нахождении путей, ведущих к счастью, так и в преодолении страха перед смертью. «Когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступит, то нас уже нет». Рим-

ский философ *Тит Лукреций Кар* (ок. 99—ок. 55 до н. э.) стоял на сходных позициях.

Стоицизм: жить по своей природе, жить нравственно — вот подлинный смысл человеческого присутствия в мироздании. Греческие философы: *Зенон Китионский* (336—264 до н. э.), *Клеанф* (ок. 330—ок. 232 до н. э.), *Хрисипп* (ок. 280—208/205 до н. э.) и их последователи — римские мыслители: *Цицерон* (106—43 до н. э.), *Сенека* (ок. 4—65 н. э.), *Эпиктет* (ок. 50—ок. 138 н. э.), *Марк Аврелий* (121—180 н. э.) исходили из посылки, согласно которой разум является причиной всех событий в мире, но вопреки Платону и Аристотелю считали, что он воздействует не извне, а изнутри бытия по закону необходимости. Действие, согласное с разумом (который хотя представлен своеобразно в разных людях, но тождествен себе и всеобщ), означает преодоление узкого эгоизма и слияние с общим интересом. Этим уничтожается различие рас, национальностей, социальных положений и формируется братская солидарность и равенство всех перед нравственным законом. Поэтому смысл жизни — это быть максимально **полезным** максимальному числу людей, а если это не удастся, то быть полезным хотя бы себе, никому не являясь обузой.

Есть два ряда обстоятельств: законы бытия, существующие независимо от человека, который ими введом. Это рок, судьба, от них не скроешься и не откупишься. Надо мужественно и спокойно принять их как неизбежность. А наряду с ними есть множество явлений, которые в нашей власти, и человек, обладая волей, а, стало быть, и свободой, обязан господствовать над ними, не склонять колени и голову перед житейскими испытаниями. Так, Эпиктет подчеркивал:

«От нас зависят наши взгляды, наши движения, желания, склонности, отвращения, словом все наши действия. От нас не зависят: тело, имущество, репутация, почести, словом все то, что не принадлежит к числу наших действий. Вещи, от нас зависящие, свободны по природе: ничто не может их остановить, ничто не может им воспрепятствовать; вещи, от нас независящие, слабы, носят отпечаток рабст-

ва, подвержены влиянию тысячи препятствий и неудобств, совершенно чужды человеку. Помни, что если ты сочтешь явления, которые по природе своей рабские, или сочтешь своим то, что принадлежит другому, то всюду встретишь препятствия. Ты будешь огорчен, смущен, будешь роптать на богов и людей; а если ты будешь считать своим то, что принадлежит тебе по праву и чужим то, что принадлежит другому, то никогда никто не заставит тебя поступать против твоей воли, никогда никто не помешает тебе делать то, что ты хочешь, ни на кого ты не будешь роптать, никого не будешь обвинять... Болезнь, например, — телесное препятствие, но не препятствие воли, разве только она сама этого хочет. Я хром — это препятствие для моей ноги, но не для воли».

Человек своей борьбой, работой, своим творчеством и упорством «кует» личное достоинство, распоряжаясь собственной жизнью и смертью по своему усмотрению, сохраняя бесстрашие — *апатию*, *невозмутимость*, внутреннюю готовность выполнять *долг* — бескорыстное созидание добра, «хвалу и клевету, приемля равнодушно». Несомненно, в этике стоицизма содержатся героические мотивы. Заслуживает и тот факт, что он первым обозначил идею естественных прав, присущих человеку от рождения, которая легла в основу знаменитой римской юриспруденции.

Нельзя не сказать и о таком направлении философской мысли, как *скептицизм*, который косвенно, но влиял на нравственный облик общества, расшатывая его устои. Так, *Пиррон* (365–275 до н. э.) обосновывает принцип сомнения, ибо все можно рассматривать и оценивать с совершенно разных и, порой, прямо противоположных сторон и позиций. «Одно настолько же верно, насколько и другое» — таков его главный тезис. И *Секст-Эмпирик* (200–250 н. э.) — греко-римский философ последовательно отстаивал эти взгляды:

- все — противоречиво, изменчиво, обманчиво;
- реальность нельзя познать и следует отказаться от поиска истины;

- наши знания относительно и ограничены;
- органы чувств несовершенны, разум — слуга интереса;
- необходимо воздерживаться от всяких суждений. Молчание — золото.

К изречению Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю» они добавляли слова — «даже этого я не знаю наверняка».

Однако скептицизм — и в этом его позитивное значение — ослаблял позиции догматизма в конструировании теоретических схем, которые опирались на ненадежный эмпирический опыт.

Неоплатонизм. У истоков данного течения стоял **Филон** (ок. 30 до н. э.—41/49 н. э.), соединивший Библию, греческую философию и некоторые восточные учения в единую систему. Он впервые формулирует учение о Троице, различая в Боге Отца, Слово, и Святой Дух. Не случайно его впоследствии называли «отцом отцов церкви».

Но именно с творческой деятельностью **Аммония** (175–242 н. э.) и **Плотина** (205–270 н. э.) связана зрелая форма неоплатонизма. Они предпочитали отрицательную теологию, согласно которой ни один атрибут, понятный нашему уму, нельзя приписать Богу, ибо он бесконечно далек, совершенен и велик. Бог выше всего, в том числе и бытия и разума. «Единый есть всё и ничто из этого всего» (Плотин). Бог творит мир не по необходимости, не по случаю или желанию, а по благодати, источая из себя Сына Божия, Духа и затем все менее совершенные материальные объекты. Все существующее, следовательно, иерархично: Единое — Благо, Ум, Душа, материя. Единое продуцирует из собственного лона Мировой Ум (числа и идеи как первообразы будущих вещей), а эманация его приводит к Мировой Душе, которая является порождающим началом живых существ. Так образуется Космос, где низшая ступень — косная материя. Но по этой лестнице не только нисходят, но и восходят вновь к Единому. Развитие мира от материи к Богу — не начало, а завершение творения. Последняя и минимальная степень совершенства — материя не остается вечно таковой и, постепенно уподобляясь предшествующему (высшему), на-

чинает движение — возвращение к верховному Добру. «Воля Бога не безразлична, она вечно направлена к добру» (Плотин). Т. е. существует два мира, два уровня: один небесный, уже воплотившийся, другой — еще реализующий свои внутренние потенции развития в природе и человечестве.

Не отрицая объективное бытие зла, неоплатоники рассматривали его как тень добра, которая тает и рассеивается по мере движения к свету — Богу. Всякое добро исходит от Единого, всякое зло — от материи. Человек, занимая промежуточное положение, стоит перед выбором пути: вверх или вниз. Он может уменьшить зло, поднимаясь по ступеням самосовершенствования, последовательно переходя от чувств к мысли и от мысли к экстазу, или от обыденной, практической жизни к созерцательной, а от нее — к «божественной». *Экстаз* — состояние блаженства, образованного из слияния любви, красоты, истины, возникающее при единении с Богом. Экстаз — удел чистых душ.

Ученик Плотина *Порфирий* (233–303 н. э), осуждая и критикуя христианство, тем не менее, видел цель философии во спасении души. Он разработал классификацию добродетелей как необходимых этапов достижения смысложизненного рубежа. *Ямвлих* (ок. 280–330 н. э.) христианскому учению противопоставил метафизику Платона, религии — *теургию* — искусство оказывать влияние на волю богов. Единое Плотин разделил на два Единых: непознаваемое, незримое сверхбытие и познаваемое начало бытия.

Мы замечаем, как в неоплатонизме неуклонно усиливаются религиозно-мистические и мифологические элементы, что расчищало почву для перехода к новому, христианскому мировоззрению и ранней патристике. «Античная философия... началась с мифа и кончилась мифом. И когда был исчерпан миф, оказалась исчерпанной и сама философия» (А. Ф. Лосев). Что касается римского этапа античной философии, то он не изобилует оригинальными идеями, а лишь несколько модифицирует концепции греческих мыслителей.

ФИЛОСОФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ
2. ПАТРИСТИКА И СХОЛАСТИКА КАК ФОРМЫ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Предпосылки возникновения и характерные черты

Средневековье обычно ассоциируется с периодом невежества и мракобесия, массовых болезней, психических безумств и опустошительных войн; многочисленными процессами над еретиками, смутьянами и ведьмами, чадными кострами инквизиции. Да, все верно, но наряду с этим данная эпоха известна непревзойденными произведениями архитектуры, живописи, музыки, поэзии, появлением первых университетов (с XI в.), жертвенным подвижничеством монашества, феноменом рыцарства и кодекса чести, культом прекрасной дамы.

Культура и философия Средневековья находилась в оппозиции к античному миру, отвергая политеизм (в Римской империи почиталось около 30 тысяч богов), преклонение перед природой-Космосом, моральное разложение общества, презрение к труду (180 праздников в году), материальные ценности и частную собственность в качестве высших благ, неравенство и институт рабства с его омерзительными гладиаторскими боями. Всему этому было противопоставлена культура аскезы и духовного самосовершенствования, опирающаяся на заповеди-предписания и христианский символ веры, который содержит в себе признание существования Бога-отца, сотворившего мир, бога-сына, сошедшего на землю, родившегося от девы Марии, распятого за свои проповеди, воскресшего после смерти и взошедшего на небо, чтобы вторично прийти на землю судить всех живых и умерших людей, и духа святого, исходящего от Бога-отца, а также, по учению католицизма, от бога-сына. Христианский символ веры требует признания вечной «загробной» жизни. Он был принят первоначально на

Никейском вселенском соборе (325 г.) и дополнен на Константинопольском в 381 г.

Развитие философской мысли Запада и Востока до XV в. шло своими путями: на арабском Востоке и в части Испании, покоренной арабами, философия находилась под меньшим воздействием религии, чем в Европе и в Восточной Азии. Арабская и арабоязычная наука в этот период ушла далеко вперед по сравнению с европейской. Ряд арабских философов создавали свои труды в русле научно-философской традиции, рожденной учением античного гения Демокрита об атомах, эмпедокловыми элементами, пифагорейской математикой, идеями Платона, философским и естественнонаучным наследием Аристотеля, особенно его системой логики.

Вместе с тем отправной точкой исламской философии был Коран, и она в лице своих выдающихся представителей: Аль-Кинди (800–870), Аль-Фараби (875–950), Ибн-Сина (Авиценна) (980–1037), Аль-Газали (1059–1111), Ибн-Рушд (Аверроэс) (1126–1198) в определенной степени разделила судьбу западноевропейской философии, оказывая на нее заметное влияние и впитывая в себя, в свою очередь, ее некоторые идеи.

Средневековье занимает длительный отрезок истории Европы от распада Римской империи в V веке до эпохи Возрождения (XIV–XV вв.). Философия, которая складывалась в этот период имела два основных источника своего формирования.

Первый из них — древнегреческая философия, прежде всего в ее платоновской и аристотелевской традициях. Второй источник — Священное писание, повернувший эту философию в русло христианства. Идеалистическая ориентация большинства философских систем средневековья диктовалась основными догматами христианства.

Теоцентризм — (греч. theos — Бог), такое понимание мира, в котором источником и причиной всего сущего выступает Бог. Он центр мироздания, активное и творящее его начало. Принцип теоцентризма распространяется и на познание, где на высшую ступеньку в системе

знания помещается теология; ниже ее — находящаяся на службе у теологии философия; еще ниже — различные частные и прикладные науки.

Креационизм — (лат. creatio — создание, сотворение), принцип, в соответствии с которым Бог из ничего сотворил живую и неживую природу, тленную, преходящую, пребывающую в постоянном изменении.

Согласно догмату **творения**:

Бог сотворил окружающий мир из ничего; творение мира есть результат акта Божественной воли; мир сотворен благодаря всемогуществу Бога; природа не может творить сама себя; единственным творческим началом во Вселенной является Бог; Бог вечен, постоянен и всепроникающ; подлинным бытием является только Бог; сотворенный Богом мир не есть подлинное бытие, он вторичен по отношению к Богу; поскольку мир не обладает самодостаточностью и возник по воле другого (Бога), он непостоянен, изменчив и временен; нет четкой границы между Богом и Его творением.

Провиденциализм — (лат. providentia — провидение), система взглядов, в соответствии с которой всеми мировыми событиями, в том числе историей и поведением отдельных людей, управляет божественное провидение (провидение — в религиозных представлениях: Бог, высшее существо или его действия).

Христианство принесло в философскую среду идею линейности истории. История движется вперед к Судному Дню. История понимается как проявление воли Бога, как осуществление заранее предусмотренного божественного плана спасения человека (провиденциализм).

Но как совместить божье благорасположение к человеку с наличием страданий, несправедливости, т. е. со всяческим злом? Разве Бог не всемогущ? В философско-богословской литературе эта проблема изучается давно, но специальная отрасль знаний, обозначенная термином «**теодиция**» связана с деятельностью Г. В. Лейбница, который ввел в употребление данное понятие.

Проблема добра и зла решается исходя из идеи творения: окружающий мир всецело сотворен Богом; Бог является носителем и со-

средоточением добра и справедливости; следовательно, окружающий мир изначально наполнен добром; зло в мир приносит дьявол (сатана) — падший ангел, восставший против Бога; поскольку зла первоначально в мире не было, оно часто маскируется под добро и добивается своих темных целей; в мире идет постоянная борьба между добром и злом, но поскольку мир — творение Бога и Бог добрый, то добро в итоге одержит победу над злом.

В кратком изложении феномен зла находит свое оправдание в таких аргументах и интерпретациях:

1) зло существовало до появления человека и не на Земле, а на небе в виде Люцифера и бесов;

2) зло — наказание за порочный и несправедливый образ жизни;

3) зло — испытание человека на твердость и искренность веры;

4) зло — предупреждение одних на примере других людей;

5) зло — свидетельство полноты божественного присутствия, ибо если устранить все случаи зла, то в мире обнаружится недостаток многих благ;

6) зло — способ проявления, усиления и развития добра в его противостоянии силам распада и тьмы;

7) зло не равноценно добру, оно лишь его тень, оно допускается и ниспосылается в дозированных пропорциях людям в целях их исправления, исцеления и спасения.

Так как человек соотносится с Богом как сверхцелью и сверхблаготворителем, то посредством откровения и собственного творчества он все же может «вытравить» из себя первородный и индивидуально-приобретенный грех. Как? Посредством любви! *Любовь* в христианской философии имеет два измерения: «вертикальное» и «горизонтальное», т. е. любовь к Богу и любовь к тварному бытию. Первый вид любви — высший, но нельзя любить Бога, ненавидя его творения и, прежде всего, — человека, несущего в себе его образ. Только через любовь к людям и природе открывается путь к Богу, только такая любовь ему угодна. И начинается она с любви ближних своих. «Люби

ближнего твоего, как самого себя» — это призыв любовно относиться к родителям, родным, друзьям, землякам, соотечественникам, родной земле и культуре. Без такого «малого» круга невозможно искреннее, сострадательное и жертвенное отношение к «дальному», тем более к незримому Богу. Уместно привести слова апостола Павла: «Если бы я говорил на всех языках людей и ангелов и не имел бы милосердия, я бы был только кимвалом бряцающим. Если бы я имел дар пророчества, проникал во все тайны и обладал всеми знаниями, если бы у меня была вера,двигающая горами, но если бы я не имел милосердия, то я представлял бы собой ничто. И если я роздал все свое имущество бедным и отдал мое тело на сожжение, но нет во мне милосердия, то все это не послужит ни к чему. Милосердие терпеливо, благодетельно, не ревниво, не смело и не гордо. Оно терпит все, верит всему, надеется на все и все выносит».

Согласно христианскому вероучению, сын божий Иисус Христос воплотился в человека, чтобы своей мучительной смертью на кресте искупить человеческие грехи и подарить людям спасение.

Идея **богочеловечения** противоречила не только древней языческой культуре, но и другим монотеистическим религиям — иудаизму и исламу. До христианства господствовало представление о принципиальном различии, несовместимости божественного и человеческого, поэтому не могло возникнуть и мысли о возможности слияния этих двух начал. И в самом христианстве, где Бог представляется вознесенным над всем миром в силу своей трансцендентности, а потому отделенным от природы гораздо радикальнее, чем греческие боги, вселение Бога в человеческое тело — вещь крайне парадоксальная. Не случайно в религии откровения, какой является христианство, вера ставится выше знания: парадоксы, для ума непостижимые, требуется принять на веру.

Догмат о **воскресении во плоти** определил впоследствии христианскую антропологию.

Средневековая философия заложила основы христианской антро-

пологии, сущность которой можно выразить следующими тезисами:

1) человек сотворен Богом, причем сначала как тело из «праха» земного, а затем уже как духовное существо;

2) человек приходит в этот мир не по своей воле, и поэтому жизнь ему дарована. Зачем? Для какой миссии?;

3) человек служит намерению более высокому, чем он сам, он измерен абсолютной мерой и может быть мерой всему. Его предназначение быть «сподручником», сподвижником, сотворческим союзником Бога;

4) человек изначально иерархичен, т. е. многосоставен и живет жизнью физической, растительной, животной, социальной и сверхприродной (иной). Он соборен и симфоничен в той степени, в какой добивается гармонизации своей целостности, что возможно лишь при доминировании духовного начала;

5) человек — единственное существо, которое есть «образ божий», так как обладает такими качествами, как свобода, разум, воля, любовь и способность к творчеству;

6) человек — «подобие божье». Уподобление означает сохранение, прояснение, укрепление в собственной душе данного мне образа. Как говорил Василий Великий: «...человек есть тварь, получившая повеление стать Богом». Уподобление — самостоятельное движение к Богу, и если этого не происходит, то образ божий превращается в закопченную икону, тускнеет и гаснет. И тогда человек расчеловечивается;

7) в отличие от языческих верований средневековая мысль убеждена в том, что человек, когда придет время, воскреснет целиком в своем телесном облике, потому что согласно христианскому учению, душа не может существовать вне тела. Именно эти догматы легли в основу средневекового понимания проблемы души и тела.

Грехопадение. Человек, помещенный в Эдем с целью возделывания природы (сада) и освоения (давать всему имена), нарушил запрет — не вкушать плодов с дерева познания добра и зла. Так произошло грехопадение. Смысл фундаментального ограничения состоял

в том, чтобы указать на опасность и гибельность преждевременного знания, к применению которого человек еще не готов, ибо духовно-нравственно не созрел как личность, ответственная за свои поступки, и покусился на уже готовое, не им добытое и выстраданное знание. После отпадения от Бога высшее (духовное) стало низшим, тело — храм души — свелось к биологическому организму, религиозная вера к ритуалу, страх смерти к борьбе за существование. Бог удаляет человека из рая, отдаляет от древа жизни (бессмертия), чтобы не увековечивать это отчуждение. С тех пор и естество, и живое не «хотят» служить ветхому, оскверненному Адаму.

Согласно догмату *откровения*: мир можно познать, только познав Бога; Бог недоступен для познания; несмотря на то, что Бог непознаваем, Он Сам разрешил познать Себя (дал информацию о себе) через откровение — Библию; единственный способ познания Бога и всего сущего — толкование Библии; Бога можно познать лишь сверхъестественным путем, благодаря особой способности человека — вере.

Своеобразие философского мышления средневековья заключалось в его тесной связи с религией. Церковная догма являлась исходным пунктом и основой философского мышления. Содержание философской мысли приобрело *религиозную форму*.

Средневековая философия, в отличие от античной, выделяет:

- бытие (существование) — экзистенцию;
- сущность — эссенцию.

Экзистенция (бытие, существование) показывает, есть ли вещь вообще (то есть существует или не существует). Эссенция (сущность) характеризует вещь.

Если античные философы видели сущность и существование в неразрывном единстве, то, согласно христианской философии, сущность может иметь место и без бытия (без существования). Чтобы стать существующим (бытием), сущность должна быть сотворена Богом.

Философское мышление средневековья было *авторитарным*, полагалось на авторитеты. Самый авторитетный источник — Библия.

Ориентация всей жизни человека на спасение души — это новая, проповедуемая христианством ценность.

Как особенность следует отметить *экзегетический характер* средневекового философствования. Для средневекового мыслителя исходным пунктом теоретизирования становится текст Священного Писания. Этот текст является источником истины и конечной объяснительной инстанцией. Мыслитель ставит своей задачей не анализ и критику текста, а только его истолкование. Текст, освященный традицией, в котором нельзя изменить ни слова, деспотически правит мыслью философа, устанавливает ей предел и меру. Поэтому христианское философствование может быть понято как философская экзегеза (толкование) священного текста. Философия средних веков — это философия текста.

Философия средневековья — *комментаторская* философия. В форме комментария написана значительная часть средневековых сочинений. Комментировалось главным образом Священное Писание.

Стиль философского мышления средневековья отличался *традиционализмом*. Для средневекового философа любая форма новаторства считалась признаком гордыни, поэтому, максимально исключая субъективность из творческого процесса, он должен был придерживаться установленного образца, канона, традиции. Ценилось не творчество и оригинальность мысли, а эрудиция и приверженность традициям.

Философскому мышлению средневековья был присущ *дидактизм* (учительство, назидательность). Почти все известные мыслители того времени были либо проповедниками, либо преподавателями богословских школ. Это способствовало общей установке на ценность обучения и воспитания с точки зрения продвижения к спасению, к Богу. Обычная форма философских трактатов — диалог авторитетного учителя и алчущего знаний ученика.

Наиболее яркими представителями средневековой теологической философии являлись: Тертуллиан Карфагенский (160–220), Августин

Блаженный (354–430), Боэций (480–524), Альберт Великий (1193–1280); Фома Аквинский (1225–1274), Ансельм Кентерберийский (1033–1109), Пьер Абеляр (1079–1142), Уильям Оккам (1285–1349), Николай из Отрекура (XIV в.).

Патристика и схоластика как формы и этапы развития философской мысли

Основными формами развития философской мысли в период раннего средневековья были апологетика и патристика. Дело в том, что распространение христианства в Европе, в Византии, эллинизированных центрах Передней Азии и Северной Африки происходило в упорной борьбе с иными религиозными и философскими течениями. При этом против христианства широко использовалась философия неоплатонизма. Именно в этот период возникает *апологетика* как философское обоснование и защита христианства. Апологетический период, идущий вслед за апостольским, дает нам целый ряд известных христианских писателей и мыслителей (Юстин Философ, Татиан, Тертуллиан и др.). Апологеты вели борьбу с расцветшим к середине II в. гностицизмом (Василид, Валентин, Марнион). Близко к гностицизму стояло манихейство, отбрасывавшее Ветхий Завет и предписывавшее человеку самому реализовать свое искупление. Рубеж II–III вв. — момент самого зарождения систематического богословия. В центре этой богословской жизни стояла знаменитая Александрийская школа (Климент Александрийский, Ориген). В значительной мере это богословствование определялось «встречей» библеизма и эллинизма. С деятельностью этой школы и в особенности Оригена, связан переход к углубленным философско-теологическим построениям. Разрабатывается концепция посредствующего между Богом и миром Логоса; расширяются и углубляются экзегетические исследования (концепция «трех смыслов», созданная в противовес Антиохийской богословской школе с ее методом буквального понимания Священного Писания); сама философия рассматривается как предуготовительное учение, «пролегающее и вы-

равнивающее путь по Христу». III–IV вв. — эпоха яростных тринитарных и христологических споров. В этот период особенно выдвигается Афанасий Великий и Каппадокийская школа. Последнюю представляет Василий Великий, Григорий Назианзин и Григорий Нисский. Им принадлежит существенный вклад в обоснование догмата Святой Троицы, суть которого можно передать формулой: «общая сущность (усия), природа и воля, но три разных божественных лица (ипостаси)». Большая заслуга принадлежит им в выработке «халкидонской формулы», смысл которой можно передать словами: «Христос, едиnorodный Сын Божий, который имеет две природы, неслиянные и нераздельные, так что ни одна не нарушается и не препятствует их абсолютному единству». В целом каппадокийцы склонялись к признанию согласия между откровением и философией. Одним из крупнейших представителей восточной патристики, оказавшим к тому же огромное влияние на западную мысль, является Псевдо-Дионисий Ареопагит.

Особенно много внимания уделяется разработке учения о небесной и отражающей ее земной иерархиях.

За апологетикой появляется *патристика* (от лат. *pater* — отец) — философские учения «отцов церкви». Наиболее ярким представителем патристики был епископ в Гиппоне (Северная Африка) *Августин Блаженный* (354–430), оказавший сильнейшее влияние на средневековую философию, а также и на многих более поздних представителей философского творчества. Для Августина «истинная философия и истинная религия — одно и то же». Обоснование христианства он пытался найти в философии Платона, отмечая, что идеи Платона — «это мысли творца перед актом творения». Бог создал мир из ничего. Спасение человека, прежде всего, в принадлежности к христианской церкви, которая является представителем «града божьего» на Земле. Августин рассматривал два противоположных вида человеческой деятельности — «град земной», т. е. государственность, которая основана «на любви к себе, доведенной до абсолюта, презрения к Богу», и «град божий» — духовную общность, которая основана «на любви

к Богу, доведенной до презрения к себе». Его основными работами являются: «Град божий», «Град человеческий», «Исповедь».

Августин решает две важнейшие проблемы: динамика личности и динамика общечеловеческой истории. Его «Исповедь» — это исследование самосознания личности, ее психологических состояний. Он рисует внутренний мир личности с младенческих лет и до утверждения человека как христианина. Ему претит всякое насилие над личностью. Августин считал, что субъективно человек действует свободно, но все, что он делает, делает через него Бог. А бытие Бога можно вывести из самосознания человека, из самодостоверности человеческого мышления.

С Августина Блаженного начинается и разработка философии истории. Понятие «историческое» у античных философов отсутствовало: греки воспринимали мир эстетически, как завершённый космос. Августин же философски осмыслил взаимосвязь прошлого-настоящего-будущего.

Сочинения Августина Блаженного явились основой разработки схоластической философии и длительное время служили одним из источников изучения античной философии, главным образом сочинений Платона, Аристотеля и неоплатоников — Плотина, Порфирия, Прокла, Ямвлиха. Последующие века патристики (V–VIII вв.) уже не дали столь значительных и оригинальных умов, но породили богатую комментаторскую и компиляторную литературу. В целом заслуга патристики, синтезировавшей неоплатонизм с христианством, заключается не только в создании самой модели теологического знания, но и позднее, в культивировании комментаторско-энциклопедической традиции. Патристика участвовала в закладывании самих основ символического менталитета Средневековья.

На основе патристики в IX в. начинает складываться *схоластика*, которая обращается к рациональным методам знания при рассмотрении сверхрациональных «предметов». Она же в лице своих крупнейших представителей проявляет удивительную волю ко всеохватывающим систематикам.

Название «схоластика» произошло от латинского слова *schola* (школа), поскольку данный тип философии несколько столетий преподавался в школах и университетах Европы. Таким образом, схоластика представляла собой не столько науку, занимающуюся творческим поиском, сколько застывшую школьно-университетскую дисциплину, имевшую цель философски обосновать религиозное учение и догматы Церкви (за что получила прозвище «Философия — служанка богословия»). Не может не броситься в глаза неразрывная связь схоластического знания со словесной формой. Схоласт обращает равное внимание и на содержание, значение, и на само слово. Не случайно сложилось устойчивое мнение, что мир схоластической философии — это мир, увиденный сквозь призму языка. Впрочем, это едва ли не общая черта средневекового мышления. Ведь, с точки зрения средневекового символизма, весь мир был наполнен некими таинственными знаками; его следовало не исследовать, а «читать».

Схоластика — представляет собой тип философствования, при котором средствами человеческого разума пытаются обосновать принятые на веру идеи и формулы.

Схоластика — господствующий тип средневековой теологической философии, отличительными чертами которого являлись оторванность от реальной действительности, замкнутость, консерватизм, крайний догматизм, полное и беспрекословное подчинение религиозным идеям, схематичность, назидательность, учительство.

Для схоластики характерно восприятие Библии как жесткого нормативного текста, абсолютной истины. Схоласты подразделяли знание на два вида: сверхъестественное, даваемое в откровении (то есть то, что имел в виду Бог, закладывая ту или иную мысль в Библию); естественное, отыскиваемое человеческим разумом (то есть то, что сумел человек «расшифровать» из текста Библии, как он понял идеи Бога).

В этой связи схоласты вели многочисленные споры, написали сотни философских томов, в которых пытались правильно понять

идеи Бога, спрятанные за строчками Библии. Причем предмет данных споров и изысканий становилась не суть идей Бога, а правильность и четкость понятий, определений, формулировок, иначе говоря, внешняя, формально-логическая сторона религиозного учения.

Обоснование, защита и систематизация незыблемых религиозных догматов абстрактным, логическим путем — такова была основная задача схоластики.

Схоластику отличает прежде всего ее метод. Усвоение аристотелевской логики унифицировало его, и его структура обрела следующий вид: постановка вопроса; разыскание оснований как «за», так и «против»; решение, предлагаемое и разъясняемое категорически; его обоснование посредством силлогизмов; заключение способное служить, опровержением всех возражений против данного решения. Главное устремление схоластики, по крайней мере, ее доминирующих течений, заключалось в том, чтобы показать: между разумом и откровением нет действительного противоречия. С этим контрастировала позиция арабских аристотеликов, которые считали, что верное с точки зрения философии может оказаться ложным с точки зрения религии, и наоборот. Крупнейшим схоластом эпохи формирования самой схоластики можно считать *Иоанна Скота Эриугену*.

В абстрактном смысле Божество отождествлялось с четвероякой природой: творящей и несотворенной, от которой все исходит; творящей и сотворенной, опосредующей процесс нисхождения и восхождения; сотворенной и нетворящей, низшая из природ; не творящая и не сотворенная, к которой все восходит.

Крупнейшим схоластом XI в. является Ансельм Кентерберийский, получивший прозвище «Второго Августина». Он выдвинул онтологическое доказательство бытия Бога. Именно Ансельма можно рассматривать как одного из основателей схоластической теологии и самого метода схоластики.

Наиболее значительной фигурой в схоластике следует признать создателя томизма — *Фому Аквинского*. В своих трактатах «Сумма

теологии» и «Сумма против язычников» этот схоласт предложил свою версию «примирения» Аристотеля с христианством. Всякое сущее есть определенное единство эссенции и экзистенции. Сущность Фома Аквинский трактует как то, благодаря чему вещь становится тем, что она есть. Но только в Боге сущность и существование тождественны; следовательно, только Бог является абсолютно простым существом. Это акт чистого Бытия. Все другие существа являются сложными и сотворенными, т. е. зависимыми по своему бытию. Любой индивидуум «слагается» из материи и формы. Материя включает в себя как отрицание всякой определенности, так и потенцию к определенности.

Великий оппонент Фомы Аквинского *Иоанн Дунс Скот* отвергал возможность полной гармонии между верой и разумом и, возвращаясь к августианскому примату божественной воли, разрабатывал концепцию своего рода онтологического индивидуализма. Соответственно одна из ключевых у него — проблема индивидуации.

Схоластику разделяют на три периода:

1) **Ранняя схоластика** (от 400-х гг. до 1200-х гг.). Во многих отношениях этот период связан с Августином и близким ему неоплатонизмом. Его выдающимися фигурами были Иоанн Скот Эриугена, Ансельм Кентерберийский, известный так называемым онтологическим доказательством существования Бога, а также скептический и свободомыслящий Пьер Абеляр, который, в частности, способствовал оттачиванию схоластического метода постановки и обсуждения философских вопросов;

2) **Зрелая схоластика** (приблизительно с 1200 гг. до первых десятилетий XIV века). Представителями этой эпохи грандиозных систем и синтеза являлись Альберт Великий, его ученик Фома Аквинский и главный оппонент Фомы — Иоанн Дунс;

3) **Поздняя схоластика** (с начала XIV века до расцвета Ренессанса). Ее дух красноречиво выразил Уильям Оккам. Он утверждал, что вера и разум существенно отличаются друг от друга и обосновы-

вал номинализм и поворот разума к эмпирическому. Таким образом, его учение знаменовало собой переход к философии Нового времени.

За каждой великой богословской темой скрывается целый узел сложных философских проблем. Одна из ключевых и сквозных — проблема соотношения веры и разума. Уже у апологетов мы можем выделить два крайних крыла, дающих противоположное решение этой проблемы. По Юстину Философу, философия (платонизм) буквально направлена ко Христу и ведет нас к христианству. Напротив, Тертуллиан утверждал, что между Христом и Дионисом, между «Иерусалимом и Афинами», нет ничего общего. Приписываемое ему выражение гласит: «верую, ибо абсурдно», *credo quia absurdum est*. Гораздо более взвешенную позицию занимал Августин; хотя вера есть высший акт воли, а воля имеет известное первенство перед разумом, тем не менее Августин склонен был настаивать на единстве веры и познания. «Разумей, чтобы мог верить, и верь, чтобы разуметь», — писал он.

Августин выступает с требованием признания двух путей приобщения людей к религии: понятийно-рационального (логического мышления, достижения наук и философии) и нерационального (авторитета «Священного писания» церкви, эмоций и чувств). Но эти пути, с его точки зрения, неравноценны. Августин отдает бесспорный приоритет нерациональным средствам. «Не учением человеческим, а внутренним светом, а также силой высочайшей любви мог Христос обратить людей к спасительной вере». Согласно воззрениям Августина, религиозная вера не предполагает рационального обоснования в том смысле, что для принятия тех или иных положений религии необходимо обязательно знать, понимать, располагать доказательствами. В сфере религиозной жизни следует просто верить, не требуя никаких доказательств.

Христианский философ рассматривает веру как особую, сверхъестественную, познавательно-мировоззренческую позицию субъекта. Согласно его учению, вера является формой единения человека с Богом,

каналом, через который Бог в качестве мистической силы-благодати воздействует на его познавательные способности.

Вместе с тем, Августин отчетливо сознает ту важную роль, которую играют рациональные средства воздействия. Поэтому он считает необходимым усилить веру доказательствами разума, ратует за внутреннюю связь веры и знания. Врачевание души, по его словам, распадается на авторитет и разум. Авторитет требует веры и подготавливает человека к разуму. Разум приводит к пониманию и знанию. Хотя разум не составляет высшего авторитета, познанная и уясненная истина служит высшим авторитетом. Послушный религии разум и подкрепленная разумными доводами вера — таков идеал августиновской апологетики. Однако следует отметить, что представленная Августином теория о гармонии веры и разума не допускает и возможности, хотя бы в какой-то степени, поставить веру в зависимость от разума. Решающее значение в его системе, без всякого сомнения, отдается откровению.

Августин создавал свою теорию гармонии веры и разума в IV–V вв. в ранний период христианской истории. Отсюда в общем-то и выростала позиция схоласта, которая уже у Ансельма Кентерберийского получала четкую форму: *credo ut intelligam* (верь, чтобы понимать). Вера есть исток и цель мышления, но отнюдь не аргумент в его операциях. В пределах догматов разум свободен и самостоятелен: «вера ищет разум». Впрочем, еще у «первого схоласта» — Эриугены, подлинная религия есть и подлинная философия, равно как и наоборот. Но рационализация богословия неизбежно вела к тому, что авторитет начинал основываться на истинах разума. Фактически, Эриугена подчеркивал зависимость теологов от диалектических рассуждений, а не от веры. Отличную от Ансельма позицию занимает Пьер Абеляр. Не столько «верую, чтобы понимать», сколько «понимаю, чтобы верить» — так можно передать суть этой позиции. А это значит, что, по крайней мере, авторитет церковного предания, да и догматика церковного учения, должны быть удостоверены разумом. Но

наиболее разработанное и впечатляющее решение проблемы соотношения веры и разума предложил все тот же Фома Аквинский. Отдавая, в отличие от Августина, приоритет не воле, а разуму, Аквинат выдвинул концепцию «гармонии веры и разума». Хотя область основных таинств лежит вне философского познания, ибо Христианская Истина выше разума, однако она не может и противоречить последнему. Используя понятие «естественного света разума» Фома Аквинский полагал, что он находится в определенном необходимом соответствии с богооткровенным, т. е. сверхразумным, которое никак не тождественно неразумному.

В период упадка средневековой схоластики возникает так называемая теория «двух истин», согласно которой вера и разум оказываются двумя независимыми областями, различия между которыми столь радикальны, что никогда не могут быть преодолены. Для сторонников этой теории, Сигера Брабантского (ок. 1240–1281), Уильяма Оккама (ок. 1300–ок. 1350), разграничение веры и разума является фактически требованием эмансипации философии, освобождения ее из-под контроля религии.

Важной проблемой являлось доказательство бытия Божия. Схоластика разработала целую систему таких «доказательств». Уже Ансельм Кентерберийский предложил апостериорные и априорные доказательства. Апостериорные исходят из опыта, восходя, например, от случайного к необходимому. В самом деле, любая вещь может как быть, так и не быть. В таком случае либо весь мир есть мираж, либо мы принуждены будем допустить нечто вечное и необходимое, на чем он держится. Априорное доказательство исходит из того, что в нашем уме есть объект, выше и совершеннее которого нельзя ничего помыслить. Поскольку он обладает полнотой совершенства, то должен обладать и предикатом существования. В целом католическая Церковь не приняла «онтологического доказательства». И не только потому, что мы каким-то странным образом можем мыслить и несуществующее. Важнее было то, что здесь логика обретала неприем-

лемый приоритет перед онтологией. Бытие же — не одна мысль; для бытия необходим акт божественной воли, акт творения. Не принял онтологического доказательства и Фома Аквинский. Вместо этого он на основе своего метода аналогии выдвинул систему пяти апостериорных доказательств.

1. *Доказательство от движения*, называемое в настоящее время кинетическим доказательством, исходит из того, что вещи находятся в движении, а все движущееся приводится в движение чем-то другим, ибо движение это соединение материи с формой. Если бы какое-то бытие, приводящее нечто в движение, само было приведено в движение, то это было бы совершено чем-то другим, а это другое в свою очередь приводилось в движение третьим и так далее. Однако цепь двигателей не может быть бесконечной, ибо в таком случае не было бы первого «двигателя», а следовательно, и второго, и последующих, и вообще не было бы движения. Поэтому, делает вывод Фома, мы должны дойти до первой причины движения, которая никем не движется и которая все движет. Такой причиной должна быть чистая форма, чистый акт, которым является бог, находящийся за пределами мира.

2. *Доказательство от производящей причины*, гласит, что в материальном мире существует определенный причинный порядок, берущий свое начало от первой причины, то есть бога. Фома считает, что невозможно, чтобы нечто было собственной производящей причиной, поскольку оно существовало бы раньше себя, а это нелепо. Если в цепи производящих причин не признать абсолютно первую причину, то тогда не появятся и средние и последние причины, и, наоборот, если в поисках причин мы уйдем в бесконечность, то не обнаружим первой производящей причины. «Следовательно, — пишет Аквинский в «Теологической сумме», — необходимо положить некоторую первичную производящую причину, каковую все именуют богом».

3. *Доказательство от необходимости и случайности* исходит из того, что в природе и обществе существуют единичные вещи, ко-

торые возникают и уничтожаются или могут существовать либо не существовать. Другими словами, эти вещи не являются чем-то необходимым, а, следовательно, имеют случайный характер. Невозможно представить, по мнению Фомы, чтобы подобного рода вещи существовали всегда, ибо то, что может существовать временами, реально не существует. Отсюда также следует, что если любые вещи могут не существовать, то некогда они не существовали в природе, а если так, то невозможно, чтобы они возникли сами собой. «Поэтому необходимо положить некую необходимую сущность,— пишет Фома,— необходимую самое по себе, не имеющую внешней причины своей необходимости...; по общему мнению это есть бог».

4. Доказательство от степени совершенства исходит из предпосылки, что в вещах проявляются различные степени совершенства и несовершенства. Но это возможно лишь потому, что есть мера всех мер, уровень всех уровней, эталон всех эталонов. «Отсюда следует, что есть некоторая сущность, являющаяся для всех сущностей причиной блага и всяческого совершенства; и ее мы именуем богом».

5. Доказательство от целенаправленного руководства миром опирается на ту посылку, что в бытии как разумных, так и неразумных существ, а также в вещах и явлениях наблюдается упорядоченность и целесообразность их деятельности и движения. Может ли сама по себе материя так устроиться, организоваться? «Следовательно, есть разумное существо, полагающее цель для всего, что происходит в природе, и его мы именуем богом», — писал Аквинский.

Еще одной ключевой проблемой являлась проблема универсалий, которую особенно актуализировала тринитарная проблема, парадокс единой сущности и трех различных ипостасей Святой Троицы.

Изначально был поставлен истинно схоластический вопрос: Как понимать — Бог един, но троичен в лицах: Бог-отец, Бог-сын и Бог-дух святой? Однако развернувшаяся полемика вышла далеко за пределы этого вопроса и приобрела подлинно философский характер: вылилась фактически в рассмотрение диалектики единичного и общего.

В зависимости от позиции, занятой в вопросе об универсалиях, т. е. о статусе общих понятий, схоластика разделилась на два течения — номинализм и реализм. В каждом были умеренное и крайнее крыло.

Реалисты показывали, что общие понятия по отношению к отдельным вещам природы являются первичными и существуют реально, сами по себе. Они приписывали общим понятиям самостоятельное существование, не зависящее от отдельных вещей и человека. Предметы же природы, по их мнению, представляют лишь формы проявления общих понятий.

В XI–XII вв. большинство схоластов были «реалистами» — Иоанн Скотт Эриугена, Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский. Будучи неоднородным, данное направление проявлялось в ряде концепций. Так, крайние реалисты придерживались платоновского учения об идеях, суть которого сводилась к тому, что есть общее (т. е. Идеи), существующее до единичных вещей и вне их. Например, сначала появляется и существует идея стола, а потом уже создаются конкретные столы; сначала идея добра, а потом уже конкретные добрые дела, и т. п. К тому же до сотворения мира эти общие идеи, или «универсалии», как их называли средневековые авторы, находятся в Божественном Разуме. Природа же, по их мнению, представляет собой последовательность ступеней проявления Бога, который по «универсалиям», как по образцам, творит мир. В конечном счете, первоначальным, подлинным бытием, с точки зрения крайних реалистов, обладает не реальный (физический) мир, а мир общих понятий, идей.

Номиналисты утверждали, что «универсалии суть имена после вещей». Реальны лишь единичные вещи, например, люди, дома, а вот «человек вообще» или «дом вообще» — это лишь слова или названия, с помощью которых люди обобщают в род единичные предметы. Крайние номиналисты вообще полагали их пустой знаковой стороной или оболочкой слова. Однако в применении к богословским проблемам это вело к неприемлемым для официального хри-

стианства выводам. Например, божественное триединство грозило переродиться в тритеистическую доктрину. Ведь если отрицается реальность общей сущности, то три ипостаси превращаются в трех самостоятельных богов. Своеобразное место в истории схоластики занимает Пьер Абеляр. Разрабатывая диалектику как искусство отличия истины от лжи, Абеляр пытался обойти крайности как реализма, так и номинализма. Его собственная позиция по этому вопросу получила название *концептуализма*.

К числу номиналистов принадлежали Росцелин, Пьер Абеляр, Дунс Скот.

Если реализм рассматривал общее, скорее, как нечто идеальное и предшествующее вещи, т. е. фактически разрабатывал идеалистическую концепцию связи общего и единичного то номинализм был своеобразным выражением материалистического решения этой проблемы.

Средневековый спор о природе универсалий значительно повлиял на дальнейшее развитие логики и гносеологии. Средневековая философия внесла существенный вклад в дальнейшее развитие гносеологии, в формирование основ естественнонаучного и философского знания.

В средневековой философии наблюдались *два метода* философствования: *мистический* и *схоластический*. Если схоласт мыслит о Боге, то мистик «мыслит» Бога. Они, таким образом, противостоят. *Мистики* действительно делают упор на необъективируемый духовный опыт; их общим девизом следовало бы признать слова, приписываемые умирающему Плотину: «стремлюсь возвести божественное во мне к божественному во всем». Тем не менее, мистика дает нам достаточно богатое разнообразие своих типов. Это и гнозис; и индивидуальный личный путь души к Богу; и пророчески-мессианский, сверхисторически-эсхатологический мистицизм; и специфический мистицизм Каббалы; и разного рода софиологические построения. В средние века мистика распадалась на ортодоксальное, допускаемое Церковью, и множество еретических течений. Не будет преувеличе-

нием сказать, что одним из основателей средневековой христианской мистики являлся Бернар Клервоский. Основа мистического вдохновения, по Бернару, — смирение. У него же описываются 12 ступеней мистического восхождения. Любовь — лучший плод смирения. На основе смирения и любви достигается молитвенное созерцание Истины. Вершина его — состояние экстаза и обожения. Один из крупнейших мистиков всего Средневековья — Иоанн Фиданца (Бонавентура). Представляя августинизм XIII в., Бонавентура разрабатывал так называемую «метафизику света» и теорию «зародышевых доказательств». Согласно последней, в каждом предмете с самого начала скрыт «логос-зародыш», содержащийся в божественном разуме и непосредственно втекающий в вещь. Бонавентура признавал материю не только в телесных, но и в духовных существах. Телесная и духовная материя едины, но не тождественны. Например, материя в духовных существах не подлежит процессу возникновения и уничтожения, а также принципу количественности. Тем не менее, сама по себе материя не вечна, как не вечен и мир, ибо и то, и другое сотворено. Бонавентура описывал шесть ступеней созерцания, условиями которого были божественная Благодать, а со стороны человека — святая жизнь и молитва. Начиная с усмотрения «следа» Бога в телесном мире, мистик переходил к созерцанию образа Бога в собственной душе и, затем, непосредственно к Богу. Бонавентуре принадлежит специальный трактат «Восхождение ума к Богу». Все шесть ступеней восхождения есть одновременно и шесть ступеней возрастающего изумления перед Богом. На последней ступени ум целиком бездействует, мысль молчит, человек теряет свою партикулярность и целиком сливается умом и сердцем с предметом своего созерцания. В этом состоянии он с помощью Бога достигает совершенного просвещения. Огромное влияние на ряд последующих западных мыслителей оказал немецкий мистик Мейстер Экхарт, который подчеркивал: «Бог к нам близок, но мы далеки; Бог внутри, но мы снаружи; Бог в нас дома, но мы чужие».

Значение средневековой теологической философии для после-

дующего развития философии в том, что она:

- стала связующим звеном между античной философией и философией эпохи Возрождения и нового времени;

- сохранила и развила ряд античных философских идей, поскольку возникла на основе античной философии;

- способствовала расчленению философии на новые сферы (помимо онтологии — учения о бытии, полностью сливавшегося с античной философией, выделилась гносеология — самостоятельное учение о познании);

- способствовала разделению идеализма на объективный и субъективный;

- положила начало появлению в будущем эмпирического (Бэкон, Гоббс, Локк) и рационалистического (Декарт) направлений философии как результатам соответственно практики номиналистов опираться на опыт (эмпиризм) и повышенного интереса к проблеме самосознания (Я — концепция, рационализм);

- пробудила интерес к осмыслению исторического процесса;

- выдвинула идею оптимизма, выразившегося в вере в победу добра над злом и в воскрешении;

- сформировала концепцию личности и усовершенствовала модели ее духовно-нравственного развития;

- реализовала принцип гуманизма в его религиозной форме;

- внесла свой вклад в построение системы логики и диалектики.

ФИЛОСОФИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

1. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ЭПОХИ
2. КРАТКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ
3. ФИЛОСОФИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Мировоззренческие доминанты эпохи

Эпоха Возрождения — период перехода от средневековья к Новому времени, охватывающий отрезок времени приблизительно с XIV по XVI вв. Духовный облик эпохи Возрождения определяется двумя важнейшими чертами: падением авторитета церкви и ростом авторитета науки. Для идеологии Ренессанса главной тенденцией становится переход от теоцентрического к антропоцентрическому пониманию мира. Ренессанс — исторический процесс идейного и культурного развития накануне ранних буржуазных революций. Это эпоха возникновения нового искусства, первых шагов современного естествознания, новых политических и социальных концепций.

Возрождение — восстановление, воссоздание культурно-философского наследия Античности во всей полноте и во всей разнообразии его форм, направлений и школ; идеалов свободы отдельной личности и ее творческих возможностей; ценностей рационального подхода к бытию. Что же способствовало такой мировоззренческой трансформации?

XIV–XVI столетия были временем больших перемен в экономике, политической и культурной жизни европейских стран. Бурный рост городов и развитие ремесел, а позднее и зарождение мануфактурного производства, подъем мировой торговли, постепенное размещение главных торговых путей из Средиземноморья к северу, завершившееся после падения Византии и великих географических открытий, преобразили облик средневековой Европы.

В XVI столетии распадавшаяся Священная Римская империя германской нации стала ареной двух первых антифеодальных рево-

люций — Великой крестьянской войны в Германии и Нидерландского восстания. Переходный характер эпохи, происходящий во всех областях жизни, процесс освобождения от средневековых пут и вместе с тем еще неразвитость становящихся капиталистических отношений, не могли не сказаться на особенностях художественной культуры и эстетической мысли того времени.

Все перемены в жизни общества сопровождались широким обновлением культуры — расцветом естественных и точных наук, литературы на национальных языках и, в особенности, философии. Зародившись в городах Италии это обновление захватило затем и другие европейские страны. Появление книгопечатания открыло невиданные возможности для распространения литературных и научных произведений, а более регулярное и тесное общение между странами способствовало повсеместному проникновению новых научных течений, развитию радикально новых взглядов на мир, на проблемы философии.

Этот период характеризуется также повышенным вниманием к изучению естественной природы и объективных закономерностей ее движения. *Дж. Бруно* высказывает смелую идею о бесконечности миров. Может ли бесконечный Бог проявить себя в созданиях, ограниченных в пространстве и времени? Вселенная — это бесконечная сфера, центр которой везде, а окружность нигде. В Боге пребывает движение, бытие, жизнь, т. е. Бог и всеобщая субстанция составляют одно целое. Бог не отделен от мира, он в нем, он — его организующая и управляющая причина. Бруно солидарен с идеями *Н. Коперника*, высказанными им в трактате об «обращениях небесных сфер» (1543 г.), где математическим путем доказывается вращение Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца, что противоречило геоцентрической системе Птолемея и церковным догматам. Начинают складываться благоприятные предпосылки формирования экспериментальной науки. «Опыт, — утверждал *Леонардо да Винчи*, — единственный истолкователь природы, поэтому всегда нужно обращаться к нему и постоянно видоизменять его до тех пор, пока мы не откроем общих законов: он один может дать нам новые

законы». *Г. Галилей* (1564–1642), активно используя методы наблюдения, измерения, взвешивания, вычисления, начертания и аппарат математики, открыл закон падения тел и окончательно подтвердил правоту Коперника, чем опроверг взгляды Аристотеля по этому вопросу. *И. Кеплер* формулирует три закона движения планет. Бурно развиваются исследования и в области географии, физики, оптики, физиологии, анатомии, медицины. Передовые мыслители этой эпохи своими открытиями подрывали устои средневековой идеологии и все зримее демонстрировали могущество разума и науки.

Значительное влияние, хотя и не прямое, оказала Реформация.

Реформация — это широкое религиозное и социально-политическое движение, начавшееся в начале XVI века в Германии и направленное на преобразование христианской религии. Начавшись в Германии, Реформация охватила ряд европейских стран и привела к отпадению от католической церкви Англии, Шотландии, Дании, Швеции, Норвегии, Нидерландов, Финляндии, Швейцарии, Чехии, Венгрии.

Основными направлениями политико-правовой идеологии Реформации были **лютеранство и кальвинизм**.

Первые реформаторы, предводительствуемые Лютером в Германии и Ульрихом Цвингли, а затем Иоганном Кальвином в Швейцарии, прежде всего обрушились на идеал монашества, настаивая, что любая, а вовсе не только религиозная профессия является «призванием». Другое важное положение — «священство всех верующих», означавшее, что каждый верующий должен сам сообщаться с Богом — без посредства священников.

Началом реформаторского движения можно считать 1517 г., когда немецкий теолог *Мартин Лютер* (1483–1546) обнародовал свои исторические 95 Тезисов, направленные против торговли индульгенциями. Восстание М. Лютера против доктринеров папизма опиралось на следующие идеи:

– принципиальная непознаваемость Божественной воли, все люди равны в своем полном неведении промысла Божьего;

– одиночество совести, этот тезис по сути дела излагал ненужность целого класса профессионалов, «знание» которых обесценивалось;

– этика ответственной повседневности, молчание Бога заставляла протестанта искать подтверждение своей избранности исключительно в успехе своих практических повседневных начинаний, утверждался принцип индивидуального религиозного опыта и индивидуального спасения.

Вторая волна Реформации связана с именем французского теолога *Жана Кальвина* (1509–1564).

Основа кальвинизма — учение о божественном предопределении, которое Ж. Кальвин довел до абсолютного фатализма: одни люди еще до рождения предопределены богом к спасению и небесному блаженству, а другие — к гибели и вечным мукам, причем никакие действия человека, ни его вера не в силах это исправить. Человек спасается не потому, что верит, а верит потому, что предопределен к спасению.

Признаком богоизбранности выступает успех в профессиональной деятельности, который является самоценностью, а не средством достижения материальных благ.

В качестве феномена европейской культуры протестантская этика, с одной стороны детерминирована в своем возникновении и содержании социокультурными факторами, характерными для процесса перехода от традиционного к индустриальному обществу, с другой — сама выступает фактором становления и развития нетрадиционного общества, являясь мощным стимулом разворачивания индустриализма и оформления нетрадиционного типа менталитета.

Реформация представляет поворотный момент в развитии западноевропейских народов. Вполне ясно, что переход к капитализму, как и ко всякому другому общественному строю, главным образом определялся наличием зрелых экономических предпосылок, однако невозможно представить капитализм без той мировоззренческой основы, которая обусловила формирование системы ценностных ориентации, мотивации и поведенческих стереотипов, которые легли в основу

капиталистического предпринимательства. Эпоха Реформации сыграла исключительную роль в становлении мировой цивилизации и культуры. Освободившись от авторитарной опеки церкви, человек получил возможность и свободу самостоятельно мыслить, у него появилась религиозная санкция на то, что только собственный разум и совесть могут подсказать ему, как следует жить. Реформация способствовала появлению человека буржуазного общества — независимого индивида со свободой нравственного выбора, самостоятельного и ответственного в своих суждениях и поступках.

К перечисленным факторам, повлиявшим на содержание и уровень философских концепций, следует добавить то обстоятельство, что после завоевания Константинополя, все греческие ученые были выселены в Италию, которая на время сделалась наиболее образованной страной, а схоластика приучила умы уважать древнюю мудрость. И эта школа оставила заметный след в культуре мышления, не позволив философии Возрождения превратиться в простое или слегка обновленное копирование античности. В чем же конкретно проявился эффект прироста знаний?

В поэтических, полемических и теоретических трудах Данте (1265–1321), Петрарки (1304–1374), Пико делла Мирандолы (1462–1494), М. Фичино (1433–1499), П. Помпонацци (1462–1525) все громче и громче звучит голос в поддержку ценности земной жизни, самодостаточности и самотворчества человеческой личности, ищущей опоры в себе самой.

В мировоззрении итальянского Возрождения, несмотря на наличие разных направлений, сложилось единое ядро, определившее сущность и главную особенность новой идеологии. Это ядро составила совокупность собственно гуманистических идей, прежде всего признание высокого достоинства человека, раскрывающегося в созидании и творчестве. В этом принципе этики *гуманизма* можно видеть то общее, что объединило все его направления и несло в себе прямое отрицание средневековой католической догмы о ничтожности челове-

ческой природы, о бесконечной пропасти между творениями рук и мысли человека и «божественным созиданием». Знаменем нового мировоззрения был культ знания.

Культ разума, знания, творчества, составивший главное содержание гуманистической мысли, высвобождал науку из оков тысячелетнего абсолютизма религии. Идеал свободной личности рушил сословно-корпоративные преграды, расковывал деловую и созидательную инициативу людей, укреплял их веру в собственные силы. Гуманизм развил светские тенденции наметившиеся в городской культуре предшествующего периода, придал им законченность и широкий размах и тем утвердил право на самостоятельное существование светской культуры. В этом заключается одно из главных достижений итальянского Возрождения. Стремление к знанию рассматривалось не только как путь к моральному совершенствованию каждого, но приобретало характер общественного долга. Принцип служения обществу, определивший назначение человека в его земном существовании, был характерен для большинства направлений в итальянском гуманизме. Даже в тех случаях, когда целью жизни провозглашалось наслаждение, предполагалась гармония личного интереса и общественного блага.

Возвеличение роли человека в земном мире, оправдание в связи с этим всего посюстороннего повлекло за собой резкую критику идеи аскетизма с его презрением к «бренным благам» и «плотским удовольствиям». Расценивая природу человека как гармоническое сочетание души и тела, гуманисты отрицали непроходимую грань между духовным и телесным началами, воздвигнутую христианской доктриной, и видели путь к счастью в разумном удовлетворении всех потребностей человеческой натуры.

Идеи раскрепощения личности, высвобождения ее из оков средневековой феодально-церковной идеологии, утверждения высокого достоинства человека — свободного творца земного счастья, как и многие другие передовые этические идеи, стали определяющими в

развитии итальянского гуманизма в целом. Их влияние с большой силой проявилось в сферах историко-политической, эстетической и педагогической мысли. Воздействие гуманистических концепций морали сказалось также на ренессансном искусстве.

В оценках самих деятелей этой эпохи Возрождение предстало как этап культурного расцвета, наступивший после тысячелетнего господства «средневекового варварства». Гуманисты не скрывали пренебрежения к «невежеству» средних веков и энергично воскрешали античные традиции, считая себя их прямыми продолжателями.

Передовые мыслители XVII в. и века Просвещения подчеркивали в культуре Возрождения и ее идеологии светский характер, антиклерикальную и антифеодалную направленность, расценивали Ренессанс как эпоху подготовки свободомыслия и великих успехов разума.

Одним из характерных представителей ренессансной философии был *Николай Кузанский* (1401–1464). Анализ его учения позволяет особенно ясно увидеть различия между древнегреческой и возрожденческой трактовками бытия.

Николай Кузанский, как и большинство философов его времени, ориентировался на традицию неоплатонизма. Однако при этом он переосмыслил учение неоплатоников, начиная с центрального для них понятия единого. У Платона и неоплатоников, как мы знаем, единое характеризуется через противоположность «иному», не единому. Эта характеристика восходит к пифагорейцам и элеатам, противопоставлявшим единое множеству, предел — беспредельному. Кузанский, разделяющий принципы христианского монизма, отвергает античный дуализм и заявляет, что «единому ничто не противоположно». А отсюда он делает характерный вывод: «единое есть все».

Эта формула неприемлема для христианского теизма, принципиально отличающего творение («все») от творца (единого), но, что не менее важно, она отличается и от концепции неоплатоников, которые никогда не отождествляли единое со «все». Вот тут и появляется новый, возрожденческий подход к проблемам онтологии. Из утвержде-

ния, что единое не имеет противоположности, Кузанский делает вывод, что единое тождественно беспредельному, бесконечному. Бесконечное — это то, больше чего ничего не может быть, Кузанский поэтому называет его «максимумом»; единое же — это «минимум». Николай Кузанский, таким образом, открыл *принцип совпадения противоположностей* (*coincidentia oppositorum*) — максимума и минимума. Чтобы сделать более наглядным этот принцип, Кузанский обращается к математике, указывая, что при увеличении радиуса круга до бесконечности окружность превращается в бесконечную прямую. У такого максимального круга диаметр становится тождественным окружности, более того — с окружностью совпадает не только диаметр, но и центр, а тем самым точка (минимум) и бесконечная прямая (максимум) представляют собой одно и то же.

Совпадение противоположностей является важнейшим методологическим принципом философии Николая Кузанского, что делает его одним из родоначальников новоевропейской диалектики.

Рассуждение Кузанского помогает понять связь между философской категорией единого и космологическим представлением древних о наличии центра мира, а тем самым — о его конечности. Осуществленное им отождествление единого с беспредельным разрушает ту картину космоса, из которой исходили не только Платон и Аристотель, но и Птолемей и Архимед. Для античной науки и большинства представителей античной философии космос был очень большим, но конечным телом. А признак конечности тела — это возможность различить в нем центр и периферию, «начало» и «конец».

Согласно Кузанскому, центр и окружность космоса — это бог, а потому хотя мир не бесконечен, однако его нельзя помыслить и конечным, поскольку у него нет пределов, между которыми он был бы замкнут.

Эту тенденцию еще более углубил *Джордано Бруно* (1548–1600), создав последовательно пантеистическое учение, враждебное средневековому теизму. Джордано Бруно опирался не

только на Николая Кузанского, но и на гелиоцентрическую астрономию Николая Коперника.

Коперник разрушает важнейший принцип аристотелевской физики и космологии, отвергая вместе с ним и представление о конечности космоса. Коперник считает, что Вселенная неизмерима и безгранична; он называет ее «подобной бесконечности», одновременно показывая, что размеры Земли по сравнению с размерами Вселенной исчезающе малы. отождествляя космос с бесконечным божеством, Бруно получает и бесконечный космос. Снимая, далее, границу между творцом и творением, Бруно разрушает и традиционную противоположность формы — как начала неделимого, а потому активного и творческого, с одной стороны, и материи как начала беспредельного, а потому пассивного, с другой. Бруно, таким образом, не только передает самой природе то, что в средние века приписывалось богу, а именно активный, творческий импульс. Он идет значительно дальше, отнимая у формы и передавая материи то начало жизни и движения, которое со времен Платона и Аристотеля считалось присущим именно форме. Природа, согласно Бруно, есть «бог в вещах».

Пантеизм Бруно прокладывал путь к материалистическому пониманию природы. Неудивительно, что учение Бруно было осуждено церковью как еретическое. Инквизиция требовала, чтобы итальянский философ отрекся от своего учения. Однако Бруно предпочел смерть отречению, и в 1600 году был сожжен на костре. Новое соотношение между материей и формой, новое понимание материи свидетельствует о том, что в XVI веке сформировалось сознание, существенно отличное от античного. Если для древнегреческого философа предел выше беспредельного, завершенное и целое прекраснее незавершенного, то для философа эпохи Возрождения возможность богаче актуальности, движение и становление предпочтительнее неподвижно-неизменного бытия. И не случайно в этот период особо притягательным оказывается понятие бесконечного: парадоксы актуальной бесконечности играют роль своего рода метода не только у Николая Ку-

занского и Джордано Бруно, но и у таких выдающихся ученых конца XVI – начала XVII века, как Галилей и Кавальери.

Но умы исследователей занимали не только проблемы онтологии или методологии, но и социально-политического развития. **Н. Макиавелли** (1469–1527) идее предопределения противопоставил игру фортуны, обожествлению государства (Кесаря) — реальную политику. Политика — поле свободы, риска, борьбы. Он исходит из того, что все люди эгоисты и не знают предела в достижении богатства и власти, поэтому роль усмирителя и распорядителя должна находиться в руках сильного, мудрого, циничного и жестокого правителя, сочетающего в себе качества льва и лисицы, который может поддерживать баланс разнонаправленных интересов. **Т. Мор** (1479–1555) в своей «*Утопии*» корень всех социальных бед усматривает в институте частной собственности. Только общественная собственность, высокоорганизованное производство, справедливое распределение, всеобщий труд и демократические формы управления — залог счастливой жизни для всех. **Т. Кампанелла** (1568–1639) «*Город Солнца*» строит на аналогичных основаниях, предполагая возможность установления царства божьего на земле посредством коренных преобразований общественной жизни под руководством духовной аристократии.

Обобщая, можно констатировать устойчивые черты возрожденческой философии:

- антисхоластическая направленность;
- сближение Бога и природы;
- человек превращается в центральный элемент мироздания, обретая высшую ценность;
- в человеке особо выделяется его деятельная, творческая и познавательная активность.

Возрождение подготовило приход *Нового времени* (XVI–XVIII вв.), в рамках которого были углублены, развиты и конкретизированы основополагающие идеи «наработанные» ранее.

Чтобы систематизировать и упорядочить изученный нами мате-

риал, изобразим графически ориентации и тенденции развития философской мысли от Античности и Средних веков до эпохи Возрождения и Нового времени (табл. 1).

Таблица 1

Ориентации и тенденции развития философской мысли

<i>Античная философия</i>	<i>Средневековая философия</i>	<i>Философия эпохи Возрождения и Нового времени</i>
космоцентризм	теоцентризм	антропоцентризм (секуляризованный гуманизм)
политеизм	монотеизм	деизм – учение, по которому Бог после творения мира не вмешивается в его «дела»; пантеизм – отождествление Бога и природы; атеизм – отрицание бытия Бога и отвержение всех религий
мудрость как органический сплав знания, веры и поступка	вера	знание, рассудок, рациональность
родство человека и природы, человек–микрокосм	игнорирование природы	покорение природы
круговорот как образ вечного движения	регресс, эманация, движение к Апокалипсису	прогресс – направленность развития от простого к сложному
стойкость и согласие с судьбой как необходимостью	пессимизм с элементами надежды	оптимизм как ведущее мироощущение
счастье как цель жизни, достигаемое внутренней гармонией	спасение души как условие освобождения от грехов	материальный успех, наслаждение жизнью «здесь и сейчас»

<i>Античная философия</i>	<i>Средневековая философия</i>	<i>Философия эпохи Возрождения и Нового времени</i>
естественность и спокойное принятие смерти как общей участи всех людей	привлекательность смерти в качестве перехода к вечной жизни	страх и ужас перед перспективой небытия
соответствие мировому Логосу – мерило истины	священные тексты, мнения авторитетов, логические построения – гаранты истины	наблюдения, опыт, эксперимент, эффективность, полезность – критерий истины
сущность человека – целостность, т. е. нерасторжимое единство биологического, социального и духовного	дух – главное в человеке	человек – это, прежде всего, общественное существо, личность, свободно самоутверждающая свое индивидуальное «я»
заинтересованное созерцание мира и любовь им	отчуждение, отдаление от этого, лежащего во зле, мира	активное преобразование природной и социальной реальности
творцы философских систем – выходцы из среды рабовладельцев	субъекты философствования – представители церкви и высших аристократических кругов	создатели философских концепций рекрутируются из рядов капитализируемого дворянства и нарождающейся буржуазии

Краткий анализ основных концепций

В Новое время происходит дальнейший процесс эмансипации науки от оков религии, обусловленный потребностями капиталистического хозяйства. «Буржуазии, — заметил Ф. Энгельс, — для развития ее промышленности нужна была наука, которая использовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви и ей не позво-

лено было выходить за рамки, установленные верой... Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании». На первый план выдвигаются проблемы гносеологии, а необходимость в достоверных знаниях актуализировала поиск надежных путей и методов, ведущих к ним.

В философии наметилось два направления, по-разному отвечающих на этот «зов»: *эмпиризм* (сенсуализм) и *рационализм* (табл. 2).

Таблица 2

Направления гносеологии

<i>Эмпиризм (сенсуализм)</i>	<i>Рационализм</i>
<p>1) чувственный опыт – начало, основа познания и критерий истины;</p> <p>2) в разуме нет ничего, чего бы ранее не было в чувствах;</p> <p>3) при рождении душа человека не имеет никаких идей, она чиста и пуста;</p> <p>4) разум обладает вспомогательной ценностью, ибо часто впадает в заблуждения и ошибки по мере отдаления от эмпирической базы.</p> <p>На этой позиции стояли: Ф. Бэкон (1561–1626), Т. Гоббс (1588–1679), Дж. Локк (1632–1704), Дж. Беркли (1685–1753), Д. Юм (1711–1776).</p>	<p>1) чувственный опыт обманчив, а знания поверхностны, относительны и не обеспечивают гарантии всеобщности и необходимости, так как чувства всегда ограничены и индивидуализированы;</p> <p>2) в разуме нет ничего, чего не было бы в чувствах, кроме самого разума;</p> <p>3) только разум является надежной «точкой опоры» в познании, так как только ему доступна сущность в силу особых возможностей – наличия доопытных, априорных структур внутри себя, которые «отсекают» истинное от ложного.</p> <p>Такой взгляд разделяли: Р. Декарт (1596–1650), Б. Спиноза (1632–1677), Г. Лейбниц (1646–1716).</p>

Рассмотрим тот персональный теоретический вклад, который внесли в философию и науку мыслители Нового времени. *Ф. Бэкон* восстановил права материализма после тысячелетнего господства религиозно-идеалистического мировоззрения. Он является основателем

экспериментальной науки. Считаюсь с разумом и логикой, он, тем не менее, отвергает доказательства посредством силлогизмов, ибо они таят изъяны, так как состоят из суждений, суждения из слов, а слова — лишь знаки понятий, за которыми утрачивается реальное содержание знаний. Им предложена программа очищения разума от заблуждений, которые обозначены терминами «идол» или «призрак». **Идолы рода** — наделение объектов внешнего мира качествами, присущими человеку как представителю вида; **идолы пещеры** — субъективные мнения и оценки, обусловленные особенностями воспитания, образования, социального статуса и т. п.; **идолы рынка** — подверженность сознания стандартам, стереотипам, общественным традициям, моде; **идолы театра** — вера в авторитеты. Как их преодолеть? Путем использования метода **индукции** — обобщения опытных данных. Данная метода познания выражена в образе **пчелы**, которая выгодно отличается от приемов **муравья** и **наука**. Расшифруйте сами содержание этих символов.

Т. Гоббс довел до крайних пределов сенсуалистические и материалистические тенденции в философии Ф. Бэкона. «Нет ни одного понятия в человеческом уме, которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично, в органах ощущения». Наибольший интерес представляют его социально-исторические взгляды, согласно которым исходным, самым продолжительным и естественным состоянием человечества являлась борьба всех против всех. Так как все люди от природы равны в физическом и интеллектуальном отношении, и каждый обуреваем страстями и одинаковыми вожделениями, а ресурсы жизни ограничены, то существование определяется формулой — «человек человеку — волк». Риск, страх, насилие, кровопролитие, «беспросвет» наполняют бытие. Однако на каком-то этапе эволюции у общества срабатывает инстинкт самосохранения, и люди заключают «общественный договор», создают государство. Государство обуздывает свободу и эгоизм массы, а взамен дает безопасность, сохранение частной собственности и соблюдение основных прав че-

ловека и гражданина. Лучшая форма правления — монархия, которая обязана подчинить церковь своей власти. Главные работы: «Основы философии» и «Левиафан».

Дж. Локк — классический представитель эмпиризма, высказавший идею разделения ощущений на первичные и вторичные качества. Первые, дающие субъективные образы предметов внешнего мира со стороны их протяженности, величины, формы, числа и движения, адекватны действительности, а вторые (запах, цвет, вкус) выражают лишь состояния внутреннего мира человека и ничего более. Он развивал теорию «естественного права», включающую в себя такие ценности гражданского общества как свобода и собственность. Причем право собственности подлежит двум ограничениям: собственник не имеет право уничтожать принадлежащее ему имущество; при пользовании им нельзя причинять вред другим людям.

Дж. Беркли начисто отрицает существование первичных качеств, все восприятия только вторичны, т. е. субъективны. Если Локк признавал существование объективных предметов, то Беркли отвергает их реальность как основы явлений, утверждая, что «...для нас нет ничего, кроме того, что воспринимается нами. Отсюда, существовать значит воспринимать или быть объектом восприятия; то, что не воспринимается или не воспринимает, не существует». Вне познающего субъекта нет ни материи, ни субстанции, ничего. Перед нами явная субъективно-идеалистическая система. Однако автор уклоняется в сторону объективного идеализма полагая, что наши восприятия, будучи производными деятельности нашего индивидуального сознания, сами есть продукты всеобщего духа — Бога.

Д. Юм в отличие от Беркли, который источник наших ощущений усматривал в божественном уме, и в отличие от Локка, признающего за таковой внешний мир, считает, что нельзя доказать существование ни того, ни другого. Единственная реальность это поток ощущений, в котором исчезает даже собственное «я». Не существует единой и самотождественной души, она — мираж, лишь «связка или соб-

вание различных перцепций, следующих друг за другом с невероятной быстротой». Нам доступны только наши мелькающие впечатлениями соотношения сознания в форме сходства (различия), непрерывности во времени и пространстве или последовательности образов психологическую привычку рассматривать нечто как необходимость или причину, но это все фикция.

Р. Декарт — яркий представитель рационализма. Что есть первичная достоверность? Может быть показания органов чувств? Но они обманны! Может быть авторитеты? Но судьи кто? Может быть Бог незримый и безликий? Нет, все зыбко и сыпуче. «Если мы отбросим и провозгласим ложным все, в чем можно каким-либо способом сомневаться, то легко предположить, что нет бога, неба, тела, но нельзя сказать, что не существуем мы, которые таким образом мыслим. Ибо является противоестественным полагать, что то, что мыслит, не существует. А поэтому факт, выраженный словами: *«я мыслю, значит, существую»*..., является наипервейшим из всех и наидостовернейшим из тех, которые перед каждым, кто правильно философствует, предстанут». Сомнение несомненно. *Сомнение* — деятельность и сторона мышления и несомненность (безусловность) самого сомнения определяется им, т. е. разум сам себя обосновывает. В сознании человека присутствует три вида идей: *мнимые* (произвольные комбинации и сочетания элементов опыта), *привходящие* (восприятия, актуализируемые воздействием предметов внешнего мира) и *врожденные* (естественные, пребывающие изначально в качестве готовой проявиться потенциальной реальности). «Лучше сказать, что наш разум имеет некоторое естественное и врожденное устройство, делающее его способным принимать известные формы или известные направления и имеет об этом сознание, которое и называется идеей». В класс последних как подлинно истинных входят основные математические постулаты и понятие совершенства. Критерием же истинности и, стало быть, всеобщности и необходимости, является простота, прозрачность, ясность, самоочевидность тех или иных положений. Не случайно Декарт разрабатывает

дедуктивный метод познания как движения мысли от общего (уже известного) к частному, от теории к факту.

Укрепляя логические основания науки, он сформулировал ряд рекомендаций и правил исследования:

- все подвергай сомнению;
- в качестве истинных могут быть только те положения, которые представляются разуму самоочевидными;
- сложную проблему следует разделять на составные части;
- в познании надо двигаться от простого к сложному;
- нельзя допускать нарушения законов логики.

Основные произведения философа: «Размышление о методе», «Размышления о первой философии», «Начала философии».

Философское учение **Спинозы** можно рассматривать как высший этап превращения пантеизма в материализм. Во многом этому сопутствовало влияние на Спинозу крупнейших деятелей того времени: Джордано Бруно, Декарта, Гоббса, Бэкона. Однако, Спиноза пошел дальше их.

В основе учения Спинозы о природе, лежит идея **субстанции**, которую он отождествляет с Богом. Под субстанцией Спиноза понимает то, «...что существует само по себе и представляется само через себя». Согласно этому учению, сущность субстанции состоит из составляющих, которые называются **атрибутами**. Богу, то есть природе, присуще бесконечное число атрибутов, но наше познание сводится к двум. Первый из них — это атрибут протяженности. Спиноза истолковывает протяженность в физическом смысле, как отрицание пустоты. Однако субстанция, согласно Спинозе, не сводится к протяженной материи, так как ей присущ еще и атрибут мышления. В этом главное отличие учения Спинозы от учения Декарта, который разделял две совершенно разные субстанции — протяжение и мышление, связь между которыми совершалась высшим существом (Богом), стоящим вне обеих этих субстанций. Декарт, при всем рационализме, остался на позициях религии в этом решающем пункте, так как у него

сохранилось понятие о Боге как о личном существе, независимом от природы и действующим по свободной воле. У Спинозы же субстанция, имеющая два основных атрибута — протяжение и мышление, отождествляется с Богом. И тем самым, Спиноза отрицает существование Бога как конкретной личности.

Если у Декарта протяжение и мышление — атрибуты двух самостоятельных субстанций, взаимодействие между которыми устанавливается Богом, то у Спинозы это два атрибута одной субстанции — Бога. Здесь выражена точка зрения *монизма*.

Этим преодолевается декартовский дуализм и обосновывается тезис о вечном, неизбывном взаимопроникновении духовного и материального в их всеобщности. Концепция субстанции, атрибутов неполна без понятия модусов. *Модус* — конкретное, локально ограниченное и преходящее состояние атрибута. Модусы появляются и исчезают, чтобы замениться другими в непрерывном разнообразии, а *атрибут* неизменен как необходимое свойство субстанции.

Будучи рационалистом, Спиноза, рассматривая достоинства воображения, ума и интуиции, отдавал предпочтение последним.

Характерной особенностью метода Спинозы являлось его стремление к четкой формализации рассуждений и доказательств. Он стремился сделать философию такой же точной наукой, как была в его время геометрия. Философская система Спинозы наиболее близка к системе Декарта. Он разделял как рационалистический метод Декарта, так и его физические представления. Однако, в отличие от Декарта, который основное внимание уделял методу, Спиноза интересовался больше применением этого метода для получения знаний об окружающем мире и рассуждениям по поводу этого мира.

Абсолютизируя непреложность перехода творящей природы в сотворенную, Спиноза отрицал объективное существование случайности, трактуя свободу как познанную необходимость. Согласны ли вы с этим? Основным трудом философа — «Этика».

Г. Лейбниц высказал ряд интересных идей:

– мир — бесконечное множество Вселенных — *монад*, связанных между собой «предустановленной гармонией». *Плюрализм* этих образований обусловлен разными степенями присутствия и развитости духовного потенциала;

– пространство и время — не самостоятельные сущности, а структуры вещей;

– нет рождения и смерти, есть лишь свертывание и развертывание;

– разум содержит не готовые идеи, а врожденные принципы.

Наиболее известное произведение философа — «Монадология».

Философия Просвещения

Философия XVIII развивалась, прежде всего, как философия просвещения, призванная повысить культуру мышления широкого круга читателей. Это достигалось посредством издания словарей, энциклопедий (вспомним первую в мире энциклопедию наук, искусств и ремесел, подготовленную под патронажем Д. Дидро), многочисленных комментариев, полемических статей, произведений отечественных и зарубежных авторов. Философия Просвещения активно использовала теоретическое наследие Ренессанса и XVII в., синтезировав скептицизм и антропологизм М. Монтеня (1533–1592) и П. Бейля (1647–1706), учение о природе и рационализм Р. Декарта, атомизм П. Гассенди (1592–1655), пантеизм Б. Спинозы, учение Дж. Толанда (1670–1721) об атрибутивности движения, сенсуализм Дж. Локка, естественнонаучные взгляды И. Ньютона (1643–1727). Просветительские тенденции наиболее полно и ярко проявились в философии Франции, вошедшей в предреволюционный период своего развития. Ее пафос выражали: Б. Паскаль (1623–1662), Ш. Монтескье (1689–1755), Ф. М. Вольтер (1694–1778), Ж.-Ж. Руссо (1712–1778), Ж. Ламетри (1709–1751), К. Гельвеций (1715–1771), Д. Дидро (1713–1784), П. Гольбах (1723–1789).

Вольтер известен как страстный пропагандист физики и механики Ньютона, антиклерикал («Раздавите гадину!»), сторонник либеральных конституционных преобразований, защитник свободы личности.

Руссо — автор «Общественного договора» — теоретически обосновывал преимущества гражданского общества и демократического государства.

Онтологические вопросы французские философы решали с позиций *механистического материализма* и *воинствующего атеизма*, сводя движение атомов и корпускул к перемещению в пространстве по незыблемым законам классической механики. Все они признавали познаваемость мира, отдавая предпочтение чувственному опыту. Все они были сторонниками *идеалистического понимания истории* и ведущей роли личности. Их объединяет *вера в общественный прогресс* и признание активной роли социальной среды в процессе воспитания людей.

Какие же проблемы их интересовали более всего?

1. *Природа человека*. Руссо полагал, что человек рождается добрым, непорочным существом; Ламетри отстаивает противоположный тезис: «...человек вообще представляет собой вероломное, хитрое, опасное и коварное животное»; по мнению Гельвеция, он — ничто, флюгер. «Ни один человек не рождается добрым, ни один человек не рождается злым»; Дидро указывает на противоречивость человека. Преобладающей все же являлась вторая интерпретация.

2. *Смысл жизни*. Все люди стремятся избегать страданий и обрести радость, счастье — в этом предназначение каждого человека. Но так как люди — эгоисты, движимые своими потребностями и интересами, то индивид может быть, подчеркивал Ламетри, «по-свински счастлив» и «во всем мире столько счастливых негодяев», испытывающих удовольствия, не связанные с добротетелями. Это примитивный, «темный» эгоизм, ставящий частный интерес выше общественного. Разумный же эгоизм вынуждает личность соотносить свои поступки с благом других лиц, социальных групп, государства, общества.

3. *Свобода и необходимость*. Все есть материя, все материально. И мозг, и органы чувств, и душа. А все материальное подчинено непреложному закону необходимой связи причины и следствия. От-

сюда и *фатализм*. Гольбах изрекает: «...человек не свободен ни одну минуту своей жизни». Ему вторит Ламетри: чтобы «превратить бесстрашие Кая Юлия, Сенеки или Петрония в малодушие или трусость» надо «только расстройство селезенки или печени или засорение воротной вены» и любые «поступки безумцев столь же необходимы, как и поступки благоразумнейших людей».

Подведем итог краткого обзора философии эпохи Возрождения и Нового времени емким суждением Л. Фейербаха: «Дух настоящего времени, или будущего есть дух реализма. Место веры заступило неверие, место Библии разум, место религии и церкви — политика, место неба — земля, место молитвы — работа, место ада — материальная нужда, место христианина — человек».

НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

1. КЛАССИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ФИЛОСОФИИ
И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ
2. СТАНОВЛЕНИЕ ДИАЛЕКТИКИ КАК МЕТОДА ПОЗНАНИЯ

Классический характер философии и его проявления

Качественно новый этап развития культуры интеллекта связан с немецкой классической философией, представленной творчеством таких мыслителей, как И. Кант (1724–1804), И. Г. Фихте (1762–1814), Г. В. Ф. Гегель (1770–1831), Ф. В. Й. Шеллинг (1775–1854), Л. Фейербах (1804–1872). Именно эту школу принято обозначать термином «*классическая*», так как она:

- 1) довела до высших, предельных состояний все теоретические и методологические принципы, которые были сформированы в эпоху Возрождения и Нового времени;
- 2) завершила собой один из крупнейших этапов развития мировой философии;
- 3) критически переосмыслила ход предыдущей философской мысли и содержание основных концептуальных построений;
- 4) создала грандиозные системы, максимально обобщающие знания о различных областях природы, общества, культуры, познания и самопознания;
- 5) аккумулировала все наиболее ценное и животворящее из общечеловеческого многовекового опыта философствования;
- 6) обосновала активную и конструктивную роль субъекта в познании;
- 7) являет собой эталон научной рациональности;
- 8) отстаивала статус философии как высшего теоретического авторитета;
- 9) идеологически защитила прогрессивность постфеодальной цивилизации;

10) внесла весомый вклад в мировую философию, особенно в гносеологию, логику и методологию, разработав *диалектику* как теорию саморазвития всего сущего на основе противоречивой природы его сущности;

11) не канула в Лету, а ее идеи продолжают жить, развиваясь и углубляясь, в рамках таких направлений философской мысли, как неокантианство, неохегельянство, неогегельянство, нешеллингианство, философская антропология, марксизм.

Становление диалектики как метода познания

Основоположник немецкой классической философии — И. Кант, в творчестве которого выделяют два периода; *докритический* (1746–1770) — в лоне одного были написаны работы: «Мысли об истинной оценке живых сил», «Всеобщая естественная теория и история неба» в духе философии XVII–XVIII вв. — и *критический* (1770–1804), произведения которого — «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения» и др. «Наш век, — писал Кант, — есть подлинный век критики, которой должно подчиняться все. Религия на основе своей святости и законодательство на основе своего величия хотят поставить себя вне этой критики. Однако в таком случае они справедливо вызывают подозрение и теряют право на искреннее уважение, оказываемое разумом только тому, что может устоять перед его свободным и открытым испытанием».

Кант пытался преодолеть крайности материализма и идеализма, гносеологического оптимизма и пессимизма, сенсуализма и рационализма, и поэтому его упрекали со всех сторон, что он не принял какую-то одну точку зрения в качестве абсолютной истины. Кант активно выступает против догматизма как метафизического возвеличивания разума до состояния беспредельной возможности его познавательной ценности и против скептицизма, который вовсе отказывает разуму в способности обретения устойчивого знания. Задача совмещения этих противоречий решается им на путях определения границ

мышления самим мышлением, ставшим объектом саморефлексии, т. е. критически. Нужно коренным образом пересмотреть применяемые методы познания и, как Коперник в астрономии, найти новый центр и в системе нашего познания. До сих пор господствовало представление, что сознание пассивно и сообразуется с объектами, а попробуем допустить обратное, что оно активно и регулирует объекты постольку, поскольку они входят в наш субъективный мир, ибо вряд ли мы можем знать, что они такое сами по себе независимо от нас. Т. е. познание — это деятельность и у нее есть свои специфические законы, своя внутренняя логика. И ведущим фактором познания является не объект (внешний предмет), а субъект, который в известной мере конструирует предмет знания, накладывая на него свой неизгладимый отпечаток. Прежде чем уповать наивно на постижение мира, следует предварительно изучить саму способность познавать реальность, тот инструмент, посредством которого мы связаны с действительностью.

В «Критике чистого разума» рассматривается вопрос о том, *что мы можем знать*. Наш опыт формируется под влиянием двух встречных факторов. С одной стороны действует объективно существующие предметы внешнего мира — «вещи в себе» (*ноумены*), а с другой — наше Я как чувствующая и мыслящая реальность. *Вещь в себе* — это вещь как она есть на самом деле в своей натуральности и невозмущенности. Она является источником и побудительной причиной наших знаний, которые, однако, первоначально как поток ощущений пассивны, смутны и бессвязны. Сознание же вносит порядок в хаос впечатлений, дает «русло» этому течению, устанавливает единство, отсутствующее в самих ощущениях. Сознание активно, оно синтезирует, оформляет, структурирует, организует ощущения в целостный образ. Каким же способом осуществляется этот процесс? Активность субъекта дифференцирована на четыре уровня.

Первый уровень — *созерцание*. Как только под влиянием внешних предметов в человеческой душе возникают первые ощущения,

вступает в «работу» наша чувственность. **Внешнее чувство** соединяет, координирует и сопоставляет ощущения, придавая им пространственное измерение. Пока этого не произойдет, мы не воспримем объекты вообще, ибо они тогда — сплошная неопределенность. **Внутреннее чувство** располагает ощущения в ряды последовательных событий, т. е. во времени. **Пространство и время**, стало быть, не объективные свойства материи, не результаты опыта, как утверждают сенсуалисты, а условия, без которых человек неспособен воспринимать реальность; способы интеграции ощущений в определенные структуры; **априорные** (доопытные) формы, в которые укладывается, «упаковывается» вся информация, стекающая с вещей в себе. Пространство и время неуничтожимы и необходимы, от них нельзя избавиться. Такова наша природа. Они — неотъемлемая часть нашего сознания. Субъекты с иным — нечеловеческим сознанием, возможно, не воспринимали бы объекты в пространственно-временных аспектах бытия. Но на этом чувственном этапе еще не образуется полноценное знание.

Второй уровень — **рассудок**. Положительное знание формируется рассудком — мышлением — способностью составлять суждения из понятий, в которых фиксируются постоянные, необходимые связи и законы явлений. Откуда у нас уверенность, что за каждым действием лежит причина, или субстанция за свойством? Потому, что наш интеллектуальный механизм устроен так, что воспринимает из внешнего мира все, приспособлявая его к формам субстанции и причинности. Эти понятия и законы, опять-таки, не вне сознания, а коренятся в самой мыслящей способности человека; они предписывают миру (а не природа нам) свой код, свой план, свою организованность. Знание возможно только в пределах опыта в согласии априорных форм созерцания и рассудка.

Категории рассудка, подобно пространству и времени, доопытны. Кант пытался создать «трансцендентальную» логику, изучающую **синтетические суждения**, такие суждения, которые обладают все-

общностью и необходимостью, столь важными для математики и любой теоретической науки. Он выводил их не из лона чувств, а из априорности самого мышления. Кант обнаруживает в рассудке следующую «гамму» понятий: категории количества — единство, множество, целостность; категории качества — реальность, отрицание, ограничение; категории отношения — субстанция, акциденция, причина, действие, взаимодействие; категории модальности — возможность, невозможность, действительность, недействительность, случайность, необходимость. И хотя категории Канта неизменны и являются лишь формальными средствами познания, все же и здесь пробивает себе дорогу диалектическое видение их соотношения как противоположных моментов теоретического освоения мира. Итак, рассудок конструирует объекты в соответствии с априорными формами мышления — категориями, что обеспечивает *общезначимость* знания. Предметы согласуются с нашим сознанием, ибо созданы им!

Третий уровень — *трансцендентальное единство апперцепций*. Это единство и самоидентичность сознания субъекта, которые определяют норму, меру адекватного восприятия реальности, сообразно общеродовой (видовой) сущности человека. Оно призвано «отсечь» всякую аномалию и патологию в чувственности и мышлении индивида.

Четвертый уровень — *разум*. Если рассудок — сфера обусловленного и относительного и он эффективен в рамках конечного опыта, то разум пытается выйти за его пределы и познать сверхопытным путем вещи в себе. Он стремится охватить явления в их целостности и подвижности, восходя от закона к закону к первичным принципам и предельным, безусловным значениям, что в отличие от положительного знания обычно определяется термином «метафизика». Идеи разума — целеуказания, ориентиры, стимулы для рассудка. Так, абсолютное условие всего, что происходит в нас, есть *душа*, вне нас — объективный *мир вещей*, а высшее условие существования и материального, и идеального, и души, и материи — *Бог*. Именно данные три принципа и «дерзает» постичь разум. Но возможна ли метафизика как

наука? Способно ли теоретическое знание познать душу, мир, Бога?

Кант выделяет четыре *антиномии* как противоречащие себе суждения, с которыми неизбежно встречается человеческий разум.

1. Ограничен ли мир в пространстве и времени? Есть два прямо противоположных ответа.

2. Делим ли мир на составные части до бесконечности. Есть аргументы и за и против.

3. Существует случайность, свобода, спонтанность (тезис); существует только физический и механический детерминизм (антитезис)!

4. Есть безусловное, абсолютное бытие (тезис); имеет место только условное и относительное бытие (антитезис). Противоречия разума неискоренимы, и в этом смысле он — *диалектичен*, но данная ситуация, по Канту, свидетельствует не о преимуществе разума, а о его принципиальной невозможности «достучаться» до вещей в себе. Что же я, человек, могу знать? Только *вещи для нас* (феномены), т. е. явления их нам в неизменном «обрамлении» субъективных форм созерцания и мышления. Мы, люди, всегда и всему придаем свое человеческое измерение и отделить объект от субъекта не представляется возможным, так как наше сознание — неустранимая призма, преломляющая (по природе собственного строения) свет внешних излучений...

Что касается соотношения показаний органов чувств и мышления, то Кант неоднократно подчеркивал, что чувства без рассудка слепы, рассудок без чувств — пуст. А теперь спросите себя: к сенсуализму или рационализму тяготел Кант?; отрицал ли он возможность познания мира?; был ли он последовательным идеалистом?; опроверг ли он существование Бога?

Что я, человек, должен делать в этой жизни? — таков второй фундаментальный вопрос, поставленный философом. Из всех антиномий главной являлась проблема свободы и детерминизма, ибо она содержит в себе предпосылки нравственного выбора и внутренней ответственности. Мы как элементы бытия, живые биологические особи подвержены действию причинно-следственных отношений, де-

терминированы жесткими законами выживания. Но как существа чувствующие и мыслящие мы не подвластны им. Мы свободны в своей нравственной жизни, доброй или дурной. Иными словами, люди несвободны в своих действиях в той мере, в какой выходят из сферы субъективности и свободны в той мере, в какой пребывают в собственном «я». Мир вещей в себе, закрытый для теоретического познания, все же свидетельствует о себе и открывается *практическому разуму*, воле человека, духовно-нравственному сознанию. Воля автономна, так как обусловлена только собой, самостоятельно принимая как закон нравственного развития стремление творить добро, и, тем самым, относиться к другим людям не как к средству, а как к цели. Этот мир целевых причин умопостигаем и воспринимаем как призыв, требование, задание, он «формулирует» *нравственный категорический императив*: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства». Человек, следовательно, есть высшая ценность. «Во всем сотворенном мире все что угодно и для чего угодно может быть употреблено всего лишь как средство; только человек... *есть цель сама по себе*». В нашем сознании есть совесть и чувство долга как предписание, указывающее, что *должно* быть, без отношения к тому, что было, есть или будет. И ничто не может поколебать тот факт, что мы живем и моральной жизнью, и именно она является настоящей и подлинной. Долг повелевает противостоять злу. Я должен, значит я могу! Долг — это закон, которому мы свободно и добровольно подчиняемся. Мы видим, что Кант выступает против гедонизма и эвдемонизма, ибо человека делает человеком неукоснительное следование «зову» нравственного категорического императива.

На что я, человек, могу надеяться? — так звучит третий вопрос, поставленный Кантом. Критикуя логические аргументы в пользу признания существования Бога, он показал, что таким образом нельзя доказать его бытие, как и небытие. Это — дело веры, а посему меня укрепляет, окрыляет не только мой разум и воля, но и связь —

духовная связь с абсолютной, безусловной, вечной и совершенной субстанцией.

Большое внимание Кант уделял искусству как посреднику между теоретическим и практическим разумом. Если предметом науки является истина, морали — добро, то искусства — красота. Эстетическое чувство бескорыстно и наряду с философскими исканиями способствует развитию сознания свободы личности.

Кант не был чужд и социально-политических проблем. На основе своих этических и правовых представлений им разработана концепция перспективного развития социума — «Проект вечного мира». Главные принципы документа:

- отказ от завоевания и порабощения государств и народов;
- роспуск постоянных армий;
- запрет всякого вооруженного вмешательства во внутренние дела государства;
- установление республиканской формы государственного правления как наиболее обеспечивающей права и свободы граждан;
- максимальное соответствие международного права ценностям конфедеративного устройства государств и союза народов.

После Канта немецкая философия развивалась в трех основных направлениях: субъективный идеализм И. Г. Фихте, объективный идеализм Г. В. Ф. Гегеля и Ф. В. Й. Шеллинга и материализм Л. Фейербаха.

Философия Фихте. Главные труды: «Основа общего наукоучения», «Назначение человека», «Способ достижения счастливой жизни», «Размышления о французской революции». Продолжая линию Канта, Фихте пытается подчинить сущее должному, действительность идее, идеалу. Каким образом? Посредством абсолютизации Я, которое рассматривается как самоутверждающая деятельность и бесконечное самопознание. Термин «Я» трактуется неоднозначно: то как индивидуализированное, эмпирическое и, следовательно, ограниченное сознание, то как некое всеобъемлющее сознание, которое должно проявиться во всей полноте, бесконечности и всеобщности. Эти «я»

то разъединяются, то сближаются, имея целью гармонизирующее совпадение, которое, однако, недостижимо в принципе, что не исключает тенденцию к объединению.

Если, по Канту, Я — законодатель мира, то у Фихте Я — создатель бытия. Если Кант признавал объективное существование вещей в себе, то для Фихте существуют только вещи для меня — человека. Т. е. материя — лишь бессознательная часть моего Я, которую Я, постепенно развивая, привожу к ясному сознанию. Он исключает различия между природой, где царит необходимость, и человеком как самоопределяющимся свободным существом. В Я заключена такая мощь и сила, что природное бытие — производная человеческой воли и деятельности. Я творит не-Я актом собственного самопознания. Не-Я — некая граница моего Я, но не-Я расширяется как результат усилий моего сознания и тождественно Я, но не полностью, а частично, ибо все есть напряженный процесс саморазвертывания и творчества. Природа утрачивает изначальную определенность и превращается в зеркальный образ человека. Я, не встречая незыблемого и окончательного предела в своей деятельности, кроме себя самого, вновь его преодолевает на новом витке восходящего развития, осуществляя тем самым собственную свободу. Раскручивается диалектическая спираль разрешения противоречий между конечным и бесконечным, ограниченным и неограниченным, действительным и возможным, результатом и процессом, чтобы вновь возникло раздвоение на противоположности в лоне сознания. В своих работах Фихте выдвигает три принципа становления Я:

1. Я=Я;
2. Я противопоставляет не-Я;
3. Я и не-Я признаются тождественными.

Но для любого закоренелого субъективного идеалиста возникает вопрос: могу ли я свободно и по своему волеию полагать любые вещи вне себя? Каков механизм продуцирования не-Я? Фихте уклоняется от ответа.

Конечно, не может не привлечь пафос философа, его призыв не

склоняться перед обстоятельствами, не пенять на судьбу, на неблагоприятную социальную среду или роковую неудачу. «Разумное существо... есть абсолютно, независимо, просто причина самого себя. Первоначально, то есть без своего содействия, оно *есть* просто ничто: то, чем оно должно *стать*, оно должно сделать само собой, посредством собственной деятельности». Заслуживает внимания и та роль, которую отводит Фихте человеку в его отношениях с окружающей средой. «Философия учит нас все отыскивать в «Я». Впервые через «Я» входят порядок и гармония в мертвую и бесформенную массу. Единственно через человека распространяется *господство* правил вокруг него до границ его наблюдения и насколько он продвигает дальше это последнее, тем самым продвигаются дальше порядок и гармония... В «Я» лежит верное ручательство того, что от него будет распространяться в бесконечность порядок и гармония там, где их еще нет; что одновременно с продвигающейся вперед культурой человека будет двигаться и культура вселенной. Все, что теперь еще бесформенно и беспорядочно, разрешится для человека в прекраснейший порядок, а то, что теперь гармонично... становится еще гармоничнее. Человек будет вносить порядок в хаос и план в общее разрушение; через него и самое тление будет строить, и смерть будет призывать к новой прекрасной жизни».

Фихте пропел гимн человеку, его свободе и безграничным возможностям, и, несмотря на волюнтаристические устремления и абстрактность проповедуемого гуманизма, его идеи найдут отклик в каждом живом сердце, особенно в сердце молодых людей. Не так ли?

Философия Гегеля — вершина немецкой классической философии.

Основу философских воззрений Гегеля можно представить следующим образом. Весь мир — это грандиозный исторический процесс развертывания и реализации возможностей некоего мирового разума, духа» Мировой Дух есть совершенно объективное, безличное, идеальное начало, выступающее основой и субъектом развития, творцом мира в целом. Общая схема творческой деятельности этого без-

личного идеального начала носит у Гегеля название Абсолютной Идеи. Все, что существует на свете, — лишь ее бледное отражение, следствие и результат ее активности. Процесс развертывания богатств мирового духа (или абсолютной идеи) включает три стадии:

Логика — безличное, «чистое», т. е. непредметное мышление, конструирующее само из себя систему логических категорий. Концепция развития этого «мирового разума», существующего изначально до возникновения субъекта и объекта, базируется на соотношении противоположностей как источника самораскрытия его внутреннего содержания и включает в себя учение о бытии, сущности и понятии.

Природа — понимаемая как внешняя материальная оболочка идеи, ее противоположность, «инобытие»; на этой ступени появляется и человек (как часть и завершение природы), преодолевающий, в конечном счете, материальность природы своей духовной деятельностью» Природа развертывается как механизм, химизм и организм.

Дух — история собственно человеческой духовной жизни, в которой продолжается развитие абсолютной идеи, доходящее в итоге до философии, открывающей таинственный источник мирового развития, т. е. абсолютную идею. Последняя как бы возвращается в философии к себе самой, познает самое себя. В этом, — по Гегелю, и заключается смысл и цель всех приключений мирового духа, разума — в самопознании. Он внутри себя эволюционирует от состояния субъективного духа к объективному, а от него к абсолютному, который движется дальше к полноте истины от искусства и религии до философии.

Таким образом, действительность предстает в гегелевской философии воплощением духа, разума, всеобщего идеального начала. Он, будучи объективным идеалистом, представлял процесс познавательного освоения объектов человеческим сознанием как их онтологическое порождение и эволюцию. А так как деятельность мирового разума строго упорядочена, и Абсолют не трансцендентен, а имманентен — необходимо присущ самой действительности, то данная фило-

софская система есть *абсолютный идеализм* и *панлогизм*.

Принципиальная новизна гегелевской философской мысли заключалась главным образом в следующем:

1) представлении о поступательном, последовательном и закономерном (а не произвольном) движении мирового духа, а, следовательно, и аналогичном характере всех его воплощений: природы, истории, искусства, науки, религии, самого индивида;

2) усмотрении в движении духа явно выраженной диалектики и разработке на этой основе системы диалектических принципов и категорий. Гегель приравнял «чистое понятие» к сущности предметов и наделил его самостоятельным бытием в отличие от образов и форм мышления, существующих только в субъективном мире человека. А поскольку эти понятия (категории) являют собой систему противоположностей и саморазвиваются по законам диалектики, то и все сущее должно им подчиняться. Гегель представил весь мир как процесс и впервые в истории философии, критикуя догматизм и спекулятивную метафизику, обосновал диалектику как логику и наиболее адекватный метод познания;

3) опровержении кантианского агностицизма и дуализма вещей в себе и вещей для нас, ибо сущности (ноумены) являются, а явления (феномены) существенны. Мир же познаваем, так как наше сознание «родственно» объективной реальности в силу действия принципа тождества мышления и бытия («все действительное разумно, все разумное действительно»);

4) истолковании категории не в статике, не в окаменелой неподвижности и замкнутости, а в динамике и взаимосвязи, что сближает Гегеля не с Кантом, а с Фихте;

5) трактовке истории как процесса возвышения сознания свободы и ее воплощения в социальной жизни, которая и здесь проходит ряд последующих фаз: свобода одного при несвободе всех остальных, свобода меньшинства при несвободе большинства, свобода большинства, перерастающая в свободу всех. Причем признание бытия абсо-

лутного разума не исключает, а, наоборот, предполагает активное воздействие людей на ход и направленность общественных событий. Его «коварство» состоит в том, что сам дух не может ни работать, ни воевать и поэтому позволяет действовать за себя человеку. Преследуя свои мелкие, частные интересы, люди делают гораздо больше того, что они предполагали. Не осознавая этого, они реализуют закономерности истории, толкая ее вперед. Интересна мысль и о смене лидирующих народов на протяжении веков и о статусе великой личности.

Несмотря на то, что плодотворные диалектические идеи Гегель излагал в рамках идеалистической системы, последняя сковывала и деформировала их, что и привело впоследствии к разделению гегелевской школы на левогегельянцев (приверженцев метода) и правогегельянцев (защитников системы). Если Абсолютная идея существует посредством самодвижения понятий, каждое из которых определено и в чем-то ограничено, что и вынуждает его переходить в *свое* иное, более богатое по внутреннему содержанию, а новое опять являет собой конечность и односторонность и поэтому со временем превращается в собственную противоположность, то диалектика требует бесконечности этого самотворящего процесса, а система — его консервации. Так, развитие природы оканчивается появлением человека, развитие социума — конституционной монархией, развитие познания — созданием самой гегелевской философии, ибо на уровне Абсолютного духа разрешаются все противоречия. Основные произведения философа: «Феноменология духа», «Логика», «Энциклопедия философских наук», «Философия права», «Лекции по истории философии», «Эстетика».

Философия Шеллинга. Как и Гегель, Шеллинг стоял на позициях объективного идеализма, и по многим вопросам их взгляды близки. Он активно критикует субъективный идеализм Фихте, у которого природа начисто лишена самостоятельности, являясь лишь не-Я, материалистические тенденции в философии Спинозы относительно субстанции, дуализм Декарта. Источник всего сущего не материя и не

сознание индивида, а вечный, абсолютный разум, абсолютное Я, которое неизбыточно активно, так как противоречиво по своей сущности. «Не существуй в **я** противоположения, ему вообще чужды были бы движение, созидание и, значит, оно и не порождало бы ничего». Это Я — первооснова и источник внутренней двойственности, состоящей из материального и идеального, объективного и субъективного, т. е. их тождества. *Философия тождества* подразделяется на *трансцендентальную*, которая начинается с субъективного и приходит к принятию духовной сущности объективного (природы), и *натурфилософию*, начинающую с изучения объективного и заканчивающую уяснением духовной сущности субъективного. Идеальное и материальное нельзя противопоставлять, так как несмотря на *полярность* их различия относительны, они проникают друг друга и представляют собой различные состояния одной и той же субстанции. Природа — это зримый дух, а дух — незримая природа. Отсюда *пансихизм*. Кроме полярности в природном бытии действует и принцип *градации*, т. е. восхождение и нисхождение по лестнице простого и сложного, бессознательного и сознательного при ведущей магистральной тенденции к возрастанию степеней совершенства.

Нерасторжимое единство противоположностей, например, проявляется в том, что природа творит неосознанно, но в ее продуктах усматриваются следы разума, что выражается в законах, системности, направленности к высшему, к человеку. Человеческий же мир, напротив, творит осознанно, однако из этой деятельности вытекает нечто, чего никто не замыслил, т. е. опять-таки нечто неосознанное. Так, рациональное порождает иррациональное, свобода — порабощение, равенство — имущественную и политическую стратификацию, необходимое — случайное.

Поэтому логичен вывод, касающийся *интеллектуального созерцания* как наиболее надежного способа познания реальности. Его преимущества: 1) оно абсолютно свободно и не нуждается ни в каких доказательствах, опосредованных через понятия; 2) есть полное сов-

падение субъекта и объекта. Закономерно и то, что если наука это первая ступень духовной жизни, то *искусство* — более высокая, ибо в акте вдохновения и откровения оно дает нам чувство вечного совпадения, тождества бессознательной природы и сознательной свободы.

Главные работы Шеллинга: «Философия природы», «Система трансцендентального идеализма», «Бруно, или О божественном и естественном принципе вещей», «Исследования о человеческой свободе», «Философия откровения».

Философия Фейербаха. Система взглядов данного мыслителя в некоторых чертах сближается с основными положениями философии Просвещения. Какими? Это, прежде всего, *материализм*. Природа — вечная, самодостаточная и единственная реальность, породившая человека. Пространство и время — коренные условия ее существования. Критикуя Гегеля, он подчеркивал: «Не было бы природы, никогда логика, эта непорочная дева, не произвела бы ее из себя». Фейербах также указывает на теснейшую связь гегелевского абсолютного идеализма и теологии. И его трактовка этого вопроса совпадает с точкой зрения Шеллинга: «Бог есть не что иное, как понятие, которое, проходя различные ступени, становится самосознающей идеей, в качестве самосознающей идеи отпускает себя в природу и, возвращаясь из нее в самое себя, становится абсолютным духом». Или иначе: Бог-отец до сотворения мира есть чисто логическое понятие, проходящее в чистых категориях бытия; Бог-сын — открытие Бога миру, откровение или овнешнение его самого; Бог-дух — снятие овнешнения, возврат к себе с помощью человеческого духа в формах искусства, религии и философии. Фейербах — атеист, считает религию продуктом *отчуждения* человеческой сущности. «Всякая религия есть иллюзия; человек приписывает свои собственные свойства существу, которое признает отдельным от своего сознания. Бог есть просто идеализованный человек, человек, каким он должен быть и каким он когда-нибудь будет». Признавая познаваемость мира он твердо стоит на позициях *сенсуализма*. «Мое ощущение субъективно, но его основа или причи-

на объективна». Как и французские материалисты, Фейербах, отмечая идеализм, отверг вместе с ним и диалектические воззрения, что уменьшило теоретическую ценность его концепции.

Однако имелись и отличия:

– материализм у Фейербаха *антропологический*, ибо человек является исходный и центральным пунктом исследования. «Новая философия превращает *человека, включая и природу*, в единственный, универсальный и высший предмет философии, превращая, следовательно, *антропологию, в том числе и физиологию, в универсальную науку*»;

– человек им рассматривается не как социальное, а как биологическое, телесное существо, наделенное неизменными, данными природой, потребностями и желаниями;

– отрицая религию, Фейербах все же ее считал движущей силой истории и будущее человечества связывал с формированием новой формы гуманистической религии, основанной на любовном отношении Я и Ты, когда человек человеку Бог.

Главное содержание философских идей Фейербаха отражено в таких произведениях, как: «Сущность христианства» и «Основы философии будущего».

ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX ВЕКА

1. ИРРАЦИОНАЛИЗМ
2. «ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ»
3. ПОЗИТИВИЗМ
4. МАРКСИЗМ

С 40-х годов XIX в. под влиянием усиливающейся критики гегелевского понимания соотношения философии с другими формами знания философия перестает быть наукой наук. Происходит ее дробление на частные направления, каждое из которых содержит в себе момент истины, но при его абсолютизации теряется целостность и адекватность воспроизведения сложной структурности бытия. Отход от классических канонов философствования осуществляется по-разному в иррационализме, «философии жизни», позитивизме и марксизме.

Иррационализм

К видным представителям иррационализма принадлежал *А. Шопенгауэр* (1788–1860), творчество которого явилось теоретической предпосылкой такого феномена как «философия жизни». Признавая себя учеником Канта, он поддерживал два вывода его философии: 1) необходимость критики разума, определяя его границы и 2) необходимость нахождения в пределах опыта, отказываясь от знания всего трансцендентального. Истинная философия, по мысли Шопенгауэра, не спрашивает ни о том, откуда происходит мир, ни о том, куда он идет, ни о том, почему он существует, а только о том, что он есть. Отвергая теизм, атеизм, пантеизм, Шопенгауэр обосновывает тезис, согласно которому только внутренний и внешний опыт — источник познания, а абстрактные понятия формируются как следствия первичных актов сознания. Вслед за Беркли, Юмом и Шеллингом он с недоверием относится к умозрительным построениям. В отличие от Канта вещи в себе открываются, но не разуму а созерцанию, интуиции. В главном философском сочинении «*Мир как воля и представ-*

ление» проводится мысль о существовании двух реальностей. Природа, общество, люди — это лишь майя, эфемерность, а подлинная реальность есть скрытая, невидимая сущность — **Мировая Воля** как неукротимая активность, направленная на самое себя, так как кроме нее в лоне сущности нет ничего. Она только «хочет хотеть», не имея никакой цели. Будучи единственной основой всего, она выступает в виде беспредельного многообразия своих проявлений — представлений. **Представления** — объективации воли. Она есть иррациональная свобода и действует как слепая, вечная, безудержная обновляемость, не обремененная никакими законами достаточного основания. Она «ненасытна» и постоянно испытывает «жажду» творения, ни в чем не обнаруживая успокоения, будь то неорганическая природа, органическая, социум или индивид. И все однажды созданное разрушает, чтобы вновь явиться в иных облициях. И этим безостановочным процессом искания каких-то совершенных форм и каких-то адекватных модификаций собственной мощи Мировая Воля обрекает себя на неизбежное страдание и несчастье.

Основные свойства воли:

- 1) **всеобщность**. Все желает жить и действовать;
- 2) **неразрушимость**, т. е. постоянство сохранения. Конкретные состояния и проявления воли могут возникать и исчезать (как модусы у Спинозы), а сущность — воля жить, воля к жизни — остается непоколебленной;
- 3) **свобода**, ибо воля не знает над собой никакой необходимости.

На уровне человека возникает мир как новое представление с присущими только ему временем, пространством и причинностью. Несомненно, что мы живем среди явлений, но они — видимость, миражи, зависимые от устройства нашего сознания. «Мир есть мое представление». Уничтожьте представления — исчезнет все, т. е. мир явлений существует только при условии существования сознания и для сознания. «Нет объекта без субъекта» — этот тезис контрматериалистический. «Можно, конечно, говорить о солнце и планетах, не

говоря о глазе, который их видит, и о разуме, который их познает; но такие речи пусты и бессодержательны». Но нет и субъекта без объекта, который служит его содержанием и которому он придает форму; поэтому абсурдны и абстрактный идеализм и чистый рационализм. Где же найти точку опоры? Что предшествует разуму? Жизнь и желание действовать! «Только для размышления действовать и хотеть не одно и то же; в действительности же они совпадают». Воля есть наша первооснова. А так как «мы должны стараться познать природу через посредство нас самих, а не нас самих через посредство природы», то сущность всякого действия, как в нас, так и вне нас, есть воля. Но хотение является причиной страданий. А так как жизнь — это поток сменяющихся друг друга потребностей и желаний, то человек погружен в пучину зла. И такое состояние составляет тождество всех существ, их общую судьбу и участь. Ощущение этого единства всех достигается сочувствием, милосердием, преодолевающим эгоизм как низшую ступень нравственного развития личности. Нравственность по отношению к телу заключается в его отрицании не посредством самоубийства, а путем аскетизма и целомудрия. Достигнуть уничтожения желаний можно, вырабатывая ясность сознания себя самого и окружающего мира, формируя такое понимание, что мир абсолютно дурен, и зло составляет саму сущность жизни. Вопреки Лейбницу, который утверждал, что «наш мир есть наилучший из всех возможных миров», Шопенгауэр придерживается прямо противоположного мнения. Наша действительность не что иное как пиршество эгоизма под девизом «все для меня, ничего для людей». Он писал: «Иные люди были бы в состоянии убить своего ближнего просто для того, чтобы смазать себе сапоги». Но в природе человека, по Шопенгауэру, есть и более страшное, чем эгоизм, стремящейся к собственному благу; это — злоба, увлеченная не собственным счастьем, а причинением страданий другим людям как самоцелью. «Мир все равно, что ад, в котором люди, с одной стороны, мучимые души, а с другой — дьяволы». Мир как тюрьма, место покаяния и искупления за грехи рожде-

ния! Душа человеческая на перепутье, она выбирает между волей жить и волей не жить. В последнем случае уйти в своеобразную нирвану, как в буддизме. «Мы охотно признаем, что то, что остается после полного уничтожения воли, не есть еще абсолютное небытие для всех людей, которые полны желанием жить. Но что представляет наш реальный мир с его солнцами и млечным путем для тех, которые отвергли волю? — Ничто». Человек должен направить свою жизненную энергию против самой этой энергии и, тем самым, ее источника — Мировой Воли. *Самоуничтожения воли* можно добиться двумя способами. Первый предполагает *эстетическое созерцание*, ибо оно бескорыстно и, лишённое какого-либо эгоизма, даёт человеку утешение и внутренний душевный покой. Однако погрузиться в искусство и обрести в нём вдохновение удастся не каждому.

Шопенгауэр говорит, что «обыкновенный человек, этот фабричный товар природы» не способен на незаинтересованное созерцание так же, как и учёный, и только гений способен на это. Искусство есть создание гения, и гений возможен только в искусстве. Искусство воспроизводит постигнутые чистым созерцанием вечные идеи.

Согласно Шопенгауэру, высшее из искусств — это *музыка*, имеющая своей целью уже не воспроизведение идей, а непосредственное отражение самой воли.

Второй путь — *моральное самосовершенствование*. Вместо кантовского нравственного категорического императива он формулирует свой: принуждай себя ничего не делать из того, что хочется, и делай все то, чего не хочется, чтобы подавить волю к жизни, вырвав с корнем сладострастие эгоизма.

Итак, мы видим, что на философские взгляды Шопенгауэра оказали большое влияние и древнеиндийский брахманизм, и буддизм, и мистицизм Беме, и учения Канта, Фихте и Шеллинга.

Отход от стандартов и эталонов классической философии, наиболее зримо представленной системой Гегеля, можно выразить в следующих оппозициях: Абсолютная Идея — Мировая Воля, порядок —

хаос, разум — интуиция, однолинейный прогресс — разнонаправленность развития, оптимизм — пессимизм, завершаемость эволюции — нескончаемость, безусловная познаваемость мира — относительная.

Шопенгауэр является прямым предшественником философии жизни — иррационалистического течения философии конца XIX — начала XX века, основными представителями которого являются Ницше, Дильтей, Зиммель, Шпенглер, Бергсон и др. Ощутимое воздействие его творчества испытали на себе такие мыслители, как Э. Гартман, З. Фрейд, У. Джемс, К. Ясперс, К. Г. Юнг.

К основателям иррационалистического направления в философии XIX в. относился и *С. Кьеркегор* (1813–1855) — датский теолог, философ и писатель. Вел замкнутую жизнь одинокого мыслителя, наполненную интенсивной литературной работой; в конце жизни вступил в бурную полемику с официальными теологическими кругами. Основные труды — «Или–или», «Страх и трепет», «Философские крохи», «Понятие страха», «Болезнь к смерти».

Философия Кьеркегора не пользовалась популярностью при его жизни и в ближайшее десятилетие после его смерти. В XX веке к его учению обращается протестантская диалектическая теология, а с 1920-х — экзистенциализм. Его стиль философствования становится образцом для иррационалистических течений современной философии.

Творчество Кьеркегора выпало на время критического переосмысления философии Гегеля и обновления христианства. Подобно Шопенгауэру, он — *Анти-Гегель*, что проявляется в неприятии гегелевских представлений об имманентности Бога, сближении его с Абсолютной идеей, что вытекало из принципа тождества мышления и бытия. Кьеркегор отстаивает мысль о непостижимости и трансцендентности божественной субстанции и необходимости вернуться к истокам первоначального христианства, ратуя за то, что нельзя сводить духовное к мышлению. Для него духовное логически невыразимо и диалектично, а то, что логично — не диалектично! Неприемлетя и поступь «мирового разума», растаптывающего индивидуальную жизнь

отдельной личности, не обладающей самостоятельной ценностью и всецело подчиняющейся неумолимой логике самодвижения абстрактных понятий. Обосновывается необходимость особой — *экзистенциальной диалектики* человеческого существования, наполненного чувствами, переживаниями, страстями, горестями и ожиданиями. «Собственно человеческое — это страсть», а не мышление. Резкий отпор вызвала также идея завершенности философской системы, которую реализовал Гегель. «Система бытия невозможна... Система и завершенность соответствуют друг другу; бытие же как раз противоположно этому». Недостатком гегелевского метода является то, что он чрезмерно умозрителен и объясняет лишь прошлые события. Объявив фронтальную войну рационалистической традиции от Декарта до Гегеля, Кьеркегор отверг и систему и метод последнего.

Он пытается создать христианско-экзистенциальный образ человека во всей драматической полноте его бытия, выделяя несколько стадий его саморазвития. *Эстетическая* жизнь представляет собой бал, маскарад, карнавал, игру, где преобладают неодолимые желания и чувственные наслаждения. Здесь норма это разнообразие, пестрота, непостоянство, гонка за удовольствиями. Индивид самоудовлетворяется и живет собой и для себя.

Этическое существование — пребывание в добродетели, выполнение *долга*, жертвенность собой во имя общего дела, что требует от личности и разума, и ответственности, и умения различать средство и цель. Соблазн, с которым здесь часто не справляется индивид, — гордыня.

Религиозная фаза самосовершенствования связана со страданием, посредством которого только и можно ощутить ту огромную дистанцию, разделяющую человека и Бога, дистанцию, которую так трудно сократить. Осознание человеком своей ничтожности, греховности перед Богом открывает перспективу спасения. Антитезой греха является не умножение добродетелей, а вера, как высшая ступень духовности. Это сближает Кьеркегора с позицией М. Лютера. Человек

испытывает **страх** и **отчаяние**, ибо чувствует, как он далек от спасения, но без осознания этих состояний нет и шанса на благодать. Удел людей — страдания. Мы чужды этому миру. И только любовь к Богу есть спасительный якорь. Не следует роптать на эту жизнь. Бог одарил человека свободой выбора и поэтому к нему не может быть никаких претензий, ибо свобода — высшее благо. Адам использовал свободу для греха, и теперь на всех людях он лежит тяжким грузом. Эта родовая **вина** перед Богом требует искупления посредством страданий, отчаяния и трепетного страха. Страх — не боязнь чего-то вот этого, конкретного, определенного, а общее беспокойство перед «ничто». Страх грешника перед Богом — начало его очищения и признак духовной состоятельности. «Тот, кто научился страшиться по-настоящему, тот научился наивысшему». «Уничтожьте страшущее сознание и вы можете закрыть церкви и сделать из них танцевальные залы».

И один из видов страха — страх смерти. Он неотступно преследует человека и висит над ним как дамоклов меч, готовый сорваться вниз. Жизнь — бытие к смерти. «Мне представляется, — пишет в своем «Дневнике» Кьеркегор, — будто я раб на галере, прикованный к смерти; каждый раз, с каждым движением жизни, звенит цепь, и все блекнет перед лицом смерти — *и это происходит каждую минуту*». Неминуемость ее сочетается с неизвестностью даты прихода. «В каждое мгновение существует возможность смерти». Но отчаяние и страх порождены неверием или слабостью веры во спасение. Разум — дорога отчаяния, вера — путь надежды. Жить надо для искупления вины, а страдания принимать как возмездие за грех. Мы видим, что Кьеркегор судит человека высшей мерой — отношением к Богу как Абсолюту, минуя его связь с социоприродным окружением.

«Философия жизни»

Центральной идеей философии **Ф. Ницше** (1844–1900) является понятие «жизнь» и ее главная черта — воля к мощи, **воля к власти**. Воля определяется как «ненасытное стремление к проявлению власти

или применению власти, пользование властью как творческий инстинкт». Бытие же рассматривается как бесконечный процесс становления, не «обузденный» никаким законом или смыслом. Оно — путь из никуда в никуда. О нем можно лишь достоверно утверждать, что бытие — арена непрекращающейся борьбы воле. Досократическая культура и философия олицетворяли собой органическую связь с Космосом, родство с богами, с избытком жизненных сил («буйство глаз и половодье чувств»). С Сократа начинается тирания разума и морали, обескровившие жизнь, изгнавшие её на обочину бытия или заточившие в темницу бессознательного.

Ницше вслед за Шопенгауэром исходит из того, что существует некое «первоначальное единство», а также считает жизнь, как она есть сама по себе, чем-то ужасным и трагичным, нуждающимся в творческом преобразовании с помощью искусства; он скорее стремится оправдать ее, нежели отвергнуть, и берет в союзники древнегреческую культуру досократовской эпохи. Древние греки, утверждает Ницше, хорошо представляли себе опасности жизни, и это знание не отвращало их от нее благодаря тому, что они были способны сделать ее приемлемой, творчески преобразовав. В их глазах мир получал оправдание как эстетический феномен. Ницше при этом обращает внимание на два мотива древнегреческой мифологии: дионисийский и аполлоновский.

Бог Дионис является как бы символом потока жизни в ее первозданности, жизни, опрокидывающей любые барьеры и не знающей никаких ограничений. В дионисическом культовом действе, носящем оргиастический характер, как бы происходит слияние участвующих в нем с самой стихией жизни, растворение в ней, приобщение к «первоначальному единству». При этом слетает покрывало эстетической иллюзии, и ничто не сдерживает проявление витальных сил. В то же время бог Аполлон — это символ света, меры и гармонии. Он олицетворяет собой принцип индивидуации. Дионисийский культ Ницше считает началом более древним, и это дает ему основание утверждать,

что под покровом умеренности, столь часто приписываемой грекам, под покровом их приверженности искусству, красоте, совершенным формам таится темное, алчное и необузданное напряжение инстинкта, порыва, страсти, которые готовы все смести на своем пути.

Поскольку жизнь есть вещь ужасная и жестокая, то пессимизма в шопенгауэровском смысле, т. е. как преодоления самого желания жить, можно избежать, только если первобытный ужас будет переведен на язык настроения, которое не лишает человека возможности испытывать потрясение от соприкосновения с хаосом, но при этом удерживает его в определенных рамках повседневности. Этим путем идет дионисийская эстетика, типичными формами которой, по Ницше, выступают музыка и аттическая трагедия.

Ницше исследует вопрос, из каких предпосылок возникла древнегреческая трагедия, какие потребности народной души она выражала и что случилось с ней под влиянием исторических перемен при переходе к классической эпохе — эпохе Сократа и Платона. Важнейшей целью Ницше было показать, что высшие достижения греческой культуры — до того, как их «испортил» сократовский рационализм, — явились результатом гармоничного соединения аполлоновского и дионисического начал. В способности к подобной гармонии философ видит высший образец и смысл культуротворчества. «Гибель греческой трагедии должна была представиться нам результатом достопримечательного разрыва этих двух коренных художественных стремлений; в полном согласии с этим последним процессом шло вырождение и перерождение греческого народного характера, вызывая нас на серьезное размышление о том, насколько необходимо и тесно срастаются в своих основах искусство и народ, миф и нравы, трагедия и государство».

В своей концепции мира как воли к власти он идет не от общего к частному а в обратном направлении: применив сначала это понятие к объяснению психических процессов, он затем распространяет его и на всю органическую природу.

Он пишет: «Прежде всего нечто живое хочет проявлять свою силу — сама жизнь есть воля к власти: самосохранение есть только одно из косвенных и многочисленных следствий этого». В дальнейшем Ницше применяет данное понятие и к миру в целом. Допустим, наконец, что удалось бы объяснить совокупную жизнь наших инстинктов как оформление и разветвление одной основной формы воли — именно воли к власти, как гласит мое положение; допустим, что явилась бы возможность отнести все органические функции к этой воле к власти... тогда мы приобрели бы себе этим право определить всю действующую силу единственно как волю к власти. Мир, рассматриваемый изнутри, мир, определяемый и обозначаемый в зависимости от его «интеллигибельного характера», был бы «волей к власти», и ничем, кроме этого».

Все это множество сталкивающихся волей, тем не менее, образует определенный ритм, некую пульсирующую повторяемость событий — такова сердцевина концепции вечного возвращения.

Предыстория данной теории такова. Некогда Евгений Дюринг (немецкий философ и экономист) высказал мысль о том, что вся Вселенная в принципе, может иметь вид комбинации всего нескольких элементарных частиц.

Следовательно, мировой процесс — не что иное, как циклическое повторение однажды уже бывшего.

Ницше был крайне поражен этой идеей и, уже вслед за Дюрингом, стал исходить из того, что в основе бытия лежит некое определенное количество квантов силы, понимаемых не физически, а биологически. Кванты эти, находятся в постоянной борьбе друг с другом, образуя при этом отдельные сочетания. А так как число квантов постоянно, то периодически должны складываться комбинации, уже бывшие когда-то прежде: «Все становление имеет место только в рамках вечного круговращения и постоянного количества силы».

Таким образом, бытие в том виде, в котором оно существует, не имеет цели и смысла, оно неумолимо вновь и вновь повторяется, ни-

когда не переходя в небытие — неизбежный вечный круговорот и вечное возвращение.

Но, следовательно, повторяется и человек, и значит, никакой потусторонней небесной жизни в природе не существует и каждое мгновение, вечно, поскольку неизбежно возвращается.

Исходя из констатации, что в Европе в течении веков утрачивалось благородство, высота помыслов, вера, духовный героизм, а им на смену приходило упадничество, мещанство, продажность, засилье толп, поглащающих свободу личности, Ницше пытается вернуть человеку право самоопределения. Я — не производная религии, традиций, морали, я — самодетерминирующийся центр бытия. «Я вобрал в себя дух Европы — теперь я хочу нанести контрудар». Где же выход? В отказе от прежних мировоззренческих идеалов. Необходима *переоценка всех ценностей*.

В книге «По ту сторону добра и зла» он выдвигает учение о двух основных типах морали: «морали господ и морали рабов». Во всех развитых цивилизациях они смешаны, элементы той и другой можно обнаружить буквально в одном и том же человеке. Но различать их, считает Ницше, необходимо. В морали господ, или аристократической морали, «добро и зло эквивалентны понятиям «благородный» и «презренный» и относятся не столько к поступкам людей, сколько к самим людям, эти поступки совершающим. В рабской же морали смысл основных этических категорий зависит от того, что полезно, что служит поддержанию порядка в обществе, отстаивающем интересы слабых в духовном и физическом отношении индивидов. Такие качества, как сострадание, добросердечность и скромность, рассматриваются как добродетели, в то же время свойства, которые обнаруживают сильные и независимые индивиды, считаются опасными, а потому «злыми».

Ницше полагает, что идеал всеобщей, единой и абсолютной морали должен быть отброшен, так как он ведет жизнь к упадку, а человечество — к вырождению. Его место должна занять градация рангов,

степеней различных типов морали. Пусть «стадо» остается приверженным своей системе ценностей, считает Ницше, при условии, что оно лишено права навязывать ее людям «высшего типа».

Когда Ницше говорит о необходимости стать «по ту сторону добра и зла», это надо понимать как призыв к преодолению так называемой рабской морали, которая, с его точки зрения, ставит всех на одну доску, любит и охраняет посредственность, препятствует возвышению человеческого типа. Он не имеет в виду, как это иногда утверждают, полное безразличие к природе ценностей и упразднение всяких нравственных критериев. Подобное было бы самоубийственным для обычного человека. Только те, кто принадлежит к высшему типу, могут без ущерба для себя стать «по ту сторону» навязываемых обществом пониманий добра и зла, ибо эти индивиды сами являются носителями нравственного закона и не нуждаются ни в чьем попечительстве. Их свободное самоопределение, считает Ницше, — это единственный путь к более высокому уровню человеческого существования, к сверхчеловеку.

Война, а не мир, доблесть, а не добродетель, телесное здоровье, а не немощь, воля, а не сердце — вот перспектива подлинного развития общества и человека Нового типа. Бог мертв! На пьедестал восходит сверхчеловек!

Сверхчеловек, по Ницше, является субъектом «новой морали». Он пишет: «Красота сверхчеловека явилась мне, как тень. О, братья мои! Что мне теперь боги!» Здесь — отказ от христианства, связанный с истолкованием его генезиса как религиозной санкции «морали рабов». На место христианской религии Ницше ставит миф о сверхчеловеке.

Если существование оправдано только как эстетический феномен, то цветом народа будут те, кто преобразует существование в такой феномен, т. е. сильные и одаренные натуры, способные взирать на жизнь без страха. Ницше утверждает, что именно они составляют базис культуры. Ради их произрастания и деятельности должны трудиться целые народы, потом и кровью удобряя ту землю, которая,

возможно, станет родиной гения: поэта или художника, музыканта или философа.

Но сверхлюди это не особая раса, нация, не носители особой группы крови. Это все те, кто сделал себя сам, стойко перенося суровые испытания, преодолевая собственную слабость, рыхлость, лень, низменность; все те, в ком творец одержал верх над тварью. В таком значении идея сверхчеловека является мобилизирующим фактором саморазвития, устремляя любого по трудному пути восхождения.

«Человек — это канат, протянутый между животным и сверхчеловеком, это канат над пропастью».

Ницше был рафинированным интеллигентом-гуманитарием, и в определенном смысле прав неокантианский историк философии Виндельбанд, усмотревший в философии Ницше протест против угнетения личности. Однако нельзя закрывать глаза на то, что Ницше не признавал за каждым человеком права быть личностью. Напротив, громадное большинство человечества для него — стадо, в массах видел он и главную угрозу для развития творческой личности. Во многих отношениях фашистским идеологам, использовавшим философию Ницше в своих целях, вовсе и не нужно было «извращать смысл» воззрений Ницше (хотя налицо были и тенденциозное редактирование поздних работ Ницше его сестрой, и практика избирательного цитирования его сочинений).

Ницше выступает против демократии, утверждая: «Так с неизбежностью образуется песок человечества: все очень одинаковые, очень маленькие, очень круглые, очень уживчивые, очень скучные». Демократия является для него адекватной формой господства «низкого» человеческого начала. Ницше писал: «...создайте себе понятие народа: для этого вам достаточно никогда не думать о благородном и высоком».

Ницше резко негативно относится к идеям социализма, утверждая, что социалисты «прокладывают посредством натуг свободный путь», предлагают «додуманную до конца тиранию низших и глупейших».

Если демократизацию Европы Ницше считан неизбежной, то социализм, по Ницше, самое большое, «...может питать надежду просуществовать лишь короткое время крайне террористическими средствами... Поэтому он втихомолку готовится к господству ужаса».

Ницше считал социализм невозможным, потому что «собственников всегда будет более чем достаточно, что помешает социализму принять характер чего-то большего, чем приступ болезни: и эти собственники как один человек держатся той веры, что «надо иметь нечто, чтобы быть чем-нибудь», и это старейший и самый здоровый из всех инстинктов... Иметь и желать иметь больше, рост, одним словом, — в этом сама жизнь».

Не обошел Ницше и гносеологические проблемы, которые он, однако, также исследует через призму понятия воли к власти.

Стремление к расширению области познания и само желание знать зависят от воли к власти, т. е. от способности той или иной разновидности жизни контролировать и подчинять себе определенную часть реальности.

Цель познания, по Ницше, состоит не в стремлении постичь абсолютную истину из любви к ней, а в том, чтобы распространить свою власть до максимально возможных пределов.

Любая форма жизни имеет свою точку зрения, свою перспективу, которую она стремится навязать всем другим как обязательную. Категории разума и законы науки, будучи логическими фикциями, тоже имеют в виду определенную (не только познавательную) перспективу и не является олицетворением необходимой, априорной истины.

Из сказанного ясно, что немецкий философ постоянно критикует классическое понимание истины как соответствия идей реальному положению дел в мире. При этом он в известной мере предвосхищает прагматическую трактовку истины, отдающую преимущество тем идеям, которые способствуют достижению желаемого практического результата.

Ницше активно выступает против гегелевского схематизма, панлогизма и идеи прогресса, свидетельствуя не только о драматичности

общественной и индивидуальной жизни, но и о биологическом вырождении человечества, инстинкты которого подорваны цивилизацией. «Сама жизнь ценится мною, как инстинкт роста, устойчивости, накопления сил, *власти*, где недостает воли к власти, там упадок».

При оценке философии Ницше следует избегать ее сатанизации, сводя ее к идеям типа: мораль — удел слабых и убогих, толкни слабого, уступи место сильному, все дозволено. Это будет искажением его теоретического наследия. Нельзя также обвинять философа в пангерманизме, антисемитизме и славянофобии, что было характерно для идеологии национал-социализма. Прав К. А. Свасьян, когда в предисловии к сочинениям автора, указывает на весьма критическое отношение Ницше к немецкому народу и его культуре, ссылаясь на его высказывания. «Куда бы ни простиралась Германия, она портит культуру». Нет и антисемитизма. «Мыслитель, на совести которого лежит будущее Европы, при всех планах, которые он составляет себе относительно этого будущего, будет считаться с евреями и с русскими, — как наиболее надежными и вероятными факторами в великой игре и борьбе сил». Может быть русофобия? Опять нет! «Мы нуждаемся в безусловном сближении с Россией и в новой общей программе, которая не допустит в России господства английских трафаретов. Никакого американского будущего! Сращение немецкой и славянской расы».

Но выявляя значение и смысл философских текстов Ницше нельзя, в то же время, допускать их буквального прочтения и поверхностных интерпретаций, приводящих к безоговорочному принятию всего и абстрактным одобрительным суждениям.

В учении Ницше, как в любом серьезном нравственно философском исследовании, есть много ценного для нашего времени. Прежде всего, это яркая критика мещанства. Никто до и после Ницше с такой прозорливостью не смог предвидеть всю опасность общества маленьких, серых, покорных людей.

Это, кроме того, неприятие социальной системы, построенной либо на безмерном подчинении какой-либо одной идеологии, либо на

принципах утилитаризма и прагматизма, где обесценено главное — личность, ее индивидуальность и неповторимость. Это идея возвышения человека, преодоление всего мелочного, обыденного, незначительного для жизни.

В советской философской науке существовал один ответ на вопрос о гуманности учения Ницше — негативный. Безусловно, учение Ницше противоречиво, потому и не может быть оценено как только негативное или только позитивное. Ницше заставляет думать, сравнивать, размышлять.

Главной позитивной ценностью нравственного учения Ницше, без сомнения, является идея возвышения человека. Ницше с полным правом можно было бы назвать исследователем антропологического метода в философии. В своих нравственных оценках он стремился идти от индивида. Причем сам индивид рассматривался им как бесконечно становящаяся ценность, как процесс, как неисчерпаемость. По Ницше, человечество — это целостность, проявляющаяся через различие. Но абсолютизация неординарности приводила Ницше к парадоксальным выводам. Впрочем, любая абсолютизация приводит к крайностям и в познании и, что всего печальнее, в социально нравственной практике.

Одним из аспектов философского учения Ницше является критика христианской морали. Отметим, что здесь Ницше занимал весьма оригинальную позицию. Он считал, что религия формирует зависимое, несамостоятельное сознание, смирение, несвободу человека. Для Ницше религия стала символом зависимого «несчастливого» сознания. Конечно же, содержание и практику христианского учения нельзя свести к подобному его толкованию. Но, тем не менее, эта точка зрения немецкого мыслителя очень актуальна и сегодня.

Философия Ницше уникальна: она позволяет не только обнажить проблемы, ставшие существенными для культуры, но и выявить вопросы, мимо которых эта культура прошла и которые остались на счету грядущего.

Основные сочинения Ницше: «Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм», «Человеческое слишком человеческое», «Веселая наука», «Так говорил Заратустра», «По ту сторону добра и зла», «Сумерки богов, или как философствуют молотом», «Антихрист».

Для ницшеанского варианта философии жизни характерна острая политическая заостренность. Однако это был не единственный вариант. В Германии существовало философское течение, которое с помощью онтологических моделей, основанных на понятии «жизнь», истолковывало *исторический* процесс. Родоначальником этого течения был **В. Дильтей** (1833–1911) — немецкий историк культуры и философ. Представитель философии жизни, основоположник понимающей психологии.

Задача философии (как «науки о духе»), по Дильтею, — понять «жизнь» исходя из нее самой. В связи с этим Дильтей выдвигает метод «понимания», который противопоставляет методу «объяснения», применимому в «науках о природе». Понимание по отношению к культуре прошлого выступает как метод интерпретации, названный Дильтеем герменевтикой.

Он стал основателем так называемой «академической» «философии жизни» в Германии, стремящейся истолковать исторический процесс и соответственно изменить понимание смысла задач исторической науки.

Науки о духе Дильтей противопоставляет наукам о *природе*. Здесь его позиция отличается от точки зрения его современников — позитивистов — философов, считающих все науки в принципе однородными.

Историческое знание или, говоря шире, гуманитарное знание, совпадает у Дильтея с науками о *духе*.

Дильтей утверждает, что «природу мы объясняем, душевную жизнь понимаем».

Дильтей, утверждая, что предметом наук о духе является *жизнь*, говорит, что «жизнь не может предстать перед судьейским креслом ра-

зума». То есть по Дильтею, познание жизни или душевных явлений, что является предметом наук о духе — это понимание, оно достоверно, истинно, но интуитивно и, по сути дела, иррационально. «Во всяком понимании, — говорит Дильтей, — имеется иррациональное, как иррациональна и сама жизнь». Познание же природы — это предметное знание, это объяснение. Оно рационально, осуществляется с помощью логических категорий, рассудочных понятий. Но оно не достоверно, гипотетично и не схватывает самой сути бытия.

У Дильтея методом наук о духе провозглашается непосредственное переживание исторических событий и их истолкование.

Дильтей не отвергает науку. Скорее он хочет ее иррационализировать, внести в нее иррациональное начало, создав тем самым какой-то совершенно новый, необычный тип науки, в которой логика играет третьестепенную роль.

Самая общая задача, которую ставил Дильтей, состояла в том, чтобы единой методологией охватить всю историю духа.

Методологию наук о духе Дильтей нашел в *психологии*. Дильтей утверждает, что любая область наук о духе нуждается в психологии для понимания своего предмета.

Психология, которая предлагается Дильтеем в качестве основы и методологии наук о духе, должна, однако, отличаться от той психологической науки, которая сделала значительные успехи во второй половине XIX века.

Описательную психологию предлагает Дильтей в качестве основы для наук о духе. Объясняющая психология, полагает Дильтей, пользуется всем обычным для естествознания научным аппаратом. Она пытается вскрыть причинную связь психических явлений, подвести эти явления под определенные законы. Описательная же психология не ставит своей целью давать причинные объяснения психических явлений, она хочет лишь описывать переживаемые человеком душевные состояния.

Описательная психология, лишь в самой общей форме давала

указания о принципах гуманитарного, в частности, исторического познания или «понимания». Они явно нуждались в уточнении и конкретизации.

Решение многих проблем Дильтей в последний период своей жизни увидел в древнем искусстве.

Г. Зиммель (1858–1918) — немецкий философ и социолог. Становится одним из наиболее значительных представителей философии жизни, разрабатывая преимущественно проблемы философии культуры.

Жизнь понимается как процесс творческого становления, неисчерпаемый рациональными средствами и постигаемый только во внутреннем переживании, интуитивно. Это переживание жизни объективируется в многообразных формах культуры.

А. Бергсон (1859–1941) — французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни. В 1900–1914 — профессор Коллеж де Франс; с 1914 — член Французской академии. Нобелевская премия (1927). Бергсон утверждает в качестве подлинной первоначальной реальности жизнь, сущность которой может быть постигнута только с помощью интуиции. Тканью психической жизни является длительность, стало быть, жизнь имеет не пространственный временной характер. Жизнь — это некий метафизическо-космический процесс, «жизненный порыв» («Творческая эволюция»). Бергсон признает два типа общества и соответственно два типа морали: «закрытая» и «открытая».

О. Шпенглер (1880–1936) — немецкий философ, представитель философии жизни. Стал известным после сенсационного успеха главного труда «Закат Европы» (1918–1922). В 20-х годах выступал как публицист, близкий к фашизму, однако в 1933 отклонил предложение нацистов о сотрудничестве.

Решающее влияние на Шпенглера оказала философия Ницше. Культуры трактуются им как «организмы», каждому из которых отмерен определенный срок. Умирая, культура перерождается в цивилизацию.

Позитивизм

Позитивизм (от латин. *positivus* — положительный) — философское направление, основанное на принципе, что все подлинное, позитивное знание может быть получено лишь как результат специальных наук и их синтетического объединения и что философия как особая наука претендующая на самостоятельное исследование реальности, не имеет право на существование.

Образцом науки для позитивизма является естествознание.

Методы и приемы естествознания позитивизм переносит на общественные и гуманитарные науки, специфика которых никак не учитывается. Эта особенность составила специфическую ограниченность позитивистского метода, которая вызвала в дальнейшем резкую критику со стороны неокантианцев и философов жизни.

Основателем первого позитивизма был **О. Конт** (1798–1857) — французский философ.

Наибольшую известность Конту принес «Курс позитивной философии» (1830–1842). Основное сочинение Конта второго периода — «Система позитивной политики» (1851–1854).

Конт стремится построить «позитивную» науку об обществе — социологию (сам этот термин его удачное изобретение), которая была чем-то вроде «социальной физики». Социология Конта представлена в трех разделах:

- учение об условиях существования общества;
- учение об изменении социальных систем;
- программа социального действия.

Первый раздел своей социологии, которую Конт хочет видеть чем-то вроде «социальной физики», он называет «социальной статикой». В нем он рассматривает основные социальные институты (семью, государство, церковь). Базовой ячейкой общества Конт считает семью, которая представляет собой своеобразную «субстанцию» социума.

Учение об изменении социальных систем Конт называет «социальной динамикой».

Представление об общественном прогрессе является ведущим в «социальной динамике» Конта. Развитие и здесь совершается по «закону трех стадий». Теологическая стадия — до 1300 года — делится на три этапа: фетишизм, политеизм и монотеизм. Метафизическая стадия охватывает период от 1300 до 1800 года и является переходной — здесь происходит разложение традиционных верований и общественного порядка в результате философской критики (Реформация, Просвещение, Революция). Начало 19 века — постепенное рождение «промышленной» («позитивной») стадии — результат распространения идей альтруизма, социальности, «позитивной» философии.

Третий раздел своей социологии Конт называет «социальной политикой». Основной ее тезис — это превращение «позитивной философии» в религию всего человечества.

Представления Конта далеки от того, чтобы быть простым описанием фактов. Они не являются «позитивным знанием» в смысле обобщенного описания наблюдательных данных.

Обратите внимание на значительное положительное содержание работ Конта: научную по своему замыслу классификацию наук, попытку строго научного подхода к общественной жизни, основанную на применении к ней понятия факта, первую попытку создания науки об обществе — социологии.

Если опустить детали, то основная классификация, предлагаемая Контом, будет выглядеть так:

1. Математика
2. Астрономия
3. Физика
4. Химия
5. Физиология
6. Социальная физика (социология)
7. Мораль.

Идеи Конта получили широкую популярность благодаря изложению их в сочинениях Милля и Спенсера.

Дж. Ст. Милль (1806–1873) — английский философ-позитивист, экономист и общественный деятель. Основное сочинение Милля «Система логики» (1843) содержит индуктивистскую трактовку логики как общей методологии наук. В этике Милль исходит из концепции опытного происхождения нравственных чувств и принципов.

Милль рассматривал логику как ветвь психологии и давал законам логики психологическое обоснование.

Дедуктивный вывод, по мнению Милля, не может давать никакого нового знания. Источником нового знания и общих предложений, по Миллю, является индуктивное рассуждение, и только оно одно.

В политической философии Милль прославился своей защитой буржуазного индивидуализма и либерализма, прежде всего представительного правления. Его очерк «О свободе» в англоязычных странах считается классическим и переиздается до сих пор.

Завершителем первой формы позитивизма был Герберт Спенсер.

Г. Спенсер (1820–1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма. Работал инженером на железной дороге, затем сотрудничал в журнале «Economist».

Спенсер является основоположником органической школы в социологии, рассматривая общество по аналогии с живым организмом. В этике стоял на позициях утилитаризма и гедонизма.

Для учения Спенсера и для того нового, что он внес в философию 19 века, характерно соединение основных принципов позитивизма со всесторонне проведенной идеей эволюции. Эволюция, согласно Спенсеру, является тем абсолютно всеобщим элементом опыта, который дает возможность понять любые явления.

Второй позитивизм сохранил установку первого позитивизма — тезис о том, что действительным знанием является содержание положительных наук. Более того, второй позитивизм попытался усилить этот тезис, поставив задачу отработки методов отбора того материала позитивных наук, который должен по праву относиться к их содержанию, критериев, способных отсеять то, что включено в состав опыт-

ного знания, так сказать, по недосмотру.

Важнейшим составным элементом философии эмпириокритицизма является программа «очищения опыта», в которой нашла специфическое выражение общая антиметафизическая направленность позитивизма.

При этом «опыт» эмпириокритики трактует, исходя из неразрывной связи субъекта с объектом.

Второй этап эволюции позитивизма — *махизм (эмпириокритицизм)* — Э. Мах, Р. Авенариус.

Э. Мах (1838–1916) — австрийский философ и физик, ему принадлежит ряд важных физических исследований. Философские работы Маха получили широкую известность в конце XIX – начале XX вв. благодаря содержащейся в них попытке разрешить кризис в физике с помощью нового истолкования исходных понятий классической физики.

Анализируя опыт, эмпириокритики вводят понятия «элементов опыта», т. е. его составных частей. «Элементы опыта», согласно эмпириокритикам, можно характеризовать и как объективное, и как субъективное в зависимости от того, в каком отношении их рассматривать. Этот принцип «нейтральности элементов опыта» составляет важный компонент эмпириокритицизма. Мах усиливает этот принцип, провозгласив «элементы опыта» «элементами мира». «Метафизическому» и потому неправомерному, как считает Мах, разделению элементов на физические и психические соответствует «функциональное различие» их в отношении к комплексу элементов, составляющих человеческое тело, т. е., поясняет он, все зависит от направления исследования.

Одним из важных аспектов «очищения опыта» был «принцип наименьшей меры силы». Мах развил его в принцип, легший в основу второго позитивизма — принцип экономии мышления. В этом принципе Маха соединяются биологизм (познание как биологически экономное приспособление к среде), позитивизм (познание как экономное «чистое описание» явлений) и субъективизм (критерий экономии

в познании определяется субъектом, предшествуя всякому опыту).

Рассматривая экономное мышление как «чистое описание», Мах выступил с позиций радикального философского эмпиризма, не признавая за теоретическими понятиями никакой иной роли, кроме роли знака для совокупности чувственных данных. Тем самым «наивный» эмпиризм первого позитивизма трансформировался в «методологический», «радикальный» эмпиризм второго позитивизма, стал «философией чистого опыта».

Р. Авенариус (1843–1896) — швейцарский философ, один из основоположников эмпириокритицизма. Центральное понятие философии — опыт, основное учение — о «принципиальной координации» («без субъекта нет объекта и без объекта нет субъекта»).

Авенариус так говорит о «принципиальной координации» субъекта и объекта: «Я» и «среда» являются не только оба первоначально находимыми в одном и том же смысле, но и всегда — оба первоначально находимыми вместе».

Для эмпириокритицизма характерно утверждение о «принципиальной координации» субъекта и объекта — не существует объекта без субъекта и не существует субъекта без объекта. По Авенариусу, мир дан нам только в «принципиальной координации», действительной или только возможной, т. е. как опыт.

Важным препятствием на пути «очищения опыта» Авенариус считает «вкладывание» чего бы то ни было воспринимаемого в сознание индивида.

Авенариус вводит понятие интроекции для обозначения недопустимого, с его точки зрения, вкладывания чего бы то ни было воспринимаемого в сознание индивида, а равно чего бы то ни было идеального в познающее мышление субъекта. Выступая против интроекции, Авенариус отмечает, что «путем интроекции естественное единство эмпирически данного мира распалось... на внешний и внутренний мир, на объект и субъект».

Марксизм

Одним из крупнейших направлений философской мысли XIX в. явился марксизм. У его истоков стояли *К. Маркс* (1818–1883) и *Ф. Энгельс* (1820–1895). Марксизм формировался в условиях промышленного переворота, постфранцузской буржуазной революции, обострившегося антагонизма между трудом и капиталом и крупных открытий в естествознании. Он опирался на богатое идейное наследие: материалистическую традицию в философии, идущую от античности к Новому времени и учению Фейербаха, гегелевский диалектический метод, труды английских политэкономов А. Смита и Д. Рикардо, взгляды Сен-Симона, Фурье и Оуэна, которые не только подвергли резкой критике буржуазную действительность с ее культом частной собственности, но и наметили контуры постбуржуазного — коммунистического — развития социума. Марксизм — теоретический ответ на заказ со стороны новой сложившейся культурно-цивилизационной реальности. Он возник как продолжение и развитие уже существующих теоретических построений. Эта преемственность неискоренима!

Однако марксистская философия не ограничилась имеющимся арсеналом знаний, а внесла свою лепту в мировую философию. В чем же ее новизна? Неклассические элементы в ней проявились прежде всего в ориентации на активное изменение самой социально-экономической структуры общества, на максимальное сближение теории и практики жизни. Свою философию К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали как «руководство к действию», имея в виду необходимость коренных преобразований всего мироустройства. «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» (К. Маркс).

В пролетариате Маркс увидел особый класс, призванием которого является уничтожение существующего миропорядка.

Освобождая себя, пролетарии уничтожают и угнетение других

групп общества. Поэтому Маркс оценивает пролетариат как практическую силу, в союзе с которой философия может осуществить свое призвание: «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие».

Основные идеи марксистской философии, радикально отличающиеся от предшествующих концептуальных воззрений:

1) синтез диалектики и материализма, образование *диалектического* материализма;

2) *материалистическое* понимание истории, обоснование тезиса — «общественное бытие определяет общественное сознание»;

3) *народные массы* — решающая сила истории, наиболее зримо проявляющаяся в материально-производственной, социально-политической и духовно-культурной сферах общества;

4) развитие общества — *естественно-исторический процесс* смены *общественно-экономических формаций*, обусловленный противоречивой взаимосвязью *производительных сил* и *производственных отношений* как двух сторон *способа производства*, экономическим *базисом* и *надстройкой*; процесс, осуществляемый *эволюционным* и *революционным* путем при общей прогрессивной направленности социальных преобразований;

5) *отчуждение* как феномен буржуазного общества, являющий собой неизбежную утрату человеком полноты и подлинного смысла собственного существования;

6) *классовая борьба, социалистическая революция, диктатура пролетариата* как временные, но необходимые условия строительства коммунистической цивилизации, изживания пережитков социально-экономического отчуждения и перехода от «царства необходимости к царству свободы»;

7) *практика* — основа, движущая сила познания и критерий истины;

8) *сущность* человека — ансамбль общественных отношений.

Главные произведения К. Маркса: «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «К критике гегелевской философии права», «К критике политической экономии», «Нищета философии», «Критика Готской программы», «Капитал»; работы Ф. Энгельса: «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»; совместные труды: «Святое семейство», «Немецкая идеология».

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX–XX вв.

1. ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
2. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ. СЛАВЯНОФИЛЬСТВО, ЗАПАДНИЧЕСТВО, ЕВРАЗИЙСТВО
3. ВСЕЕДИНСТВО, СОФИЙНОСТЬ, СОБОРНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТЫ РУССКОЙ ИДЕИ
4. РУССКИЙ КОСМИЗМ И ОБЩЕЕ ДЕЛО

Истоки и особенности русской культуры

Русская философская мысль — органическая часть мировой философии и культуры. Русская философия обращается к тем же проблемам, что и западноевропейская, хотя подход к ним, способы их осмысления носили глубоко национальный характер.

Несмотря на то, что русская философская мысль представлена самыми различными направлениями, ориентациями и школами, в ней при решении философских проблем доминировали творчески деятельный характер, ярко выраженная моральная установка, постоянная обращенность к историческим судьбам России, к месту русского народа в семье европейских народов. Поэтому без освоения отечественного духовного наследия нельзя понять историю и душу русского народа, осмыслить роль России в мировой цивилизации.

При характеристике особенностей русской философии нужно учитывать также культурно-исторический фон, на котором она формировалась. В России в ходе ее истории произошло как бы переплетение двух различных типов культур и соответственно типов философствования: рационалистического, западноевропейского и восточного, византийского с его интуитивным мироощущением и живым созерцанием, включенного в русское самосознание через православие. Такое сочетание двух различных типов мышления проходит через всю историю русской философии. Что касается формы философствования, то ее специфика

удачно определена А. Ф. Лосевым, который показал, что русской философии в отличие от западноевропейской чуждо стремление к абстрактной, чисто рациональной систематике идей.

С содержательной стороны русская философия также имеет свои особенности. В ней представлены в той или иной степени все основные направления философского мышления: онтология, гносеология, этика, эстетика, философия истории и т. д. Однако есть и ведущие для нее темы. Одной из них, определившей саму специфику русской философии, стала тема России, постижения смысла ее существования в истории. С этой темы началось становление русской философии, и она оставалась актуальной на всем протяжении ее развития.

Другой ведущей темой стала тема человека, его судьбы и смысла жизни. Усиленное внимание к проблеме человека определило нравственно-практическую направленность русской философии. Особенностью русского философского мышления был не просто глубокий интерес к вопросам морали, а доминирование моральной установки при анализе многих других проблем.

Самобытная русская философия в своих новаторских исканиях теснейшим образом была связана с религиозным мирозерцанием, за которым стояли века духовного опыта России. И не просто религиозным, а именно православным мирозерцанием. Становление русской философии происходило в ходе поисков ответов на те вопросы, которые ставила сама российская действительность. Поэтому трудно найти в истории русской философии мыслителя, который бы занимался чистым теоретизированием и не откликался бы на животрепещущие проблемы.

Основные этапы развития отечественной философии.

Славянофильство, западничество, евразийство

Русская философия прошла долгий путь своего развития, в котором можно выделить следующие этапы:

1) XI в. – первая половина XVIII в. — постановка философских проблем и поиск ответов на них в рамках других форм общественного

сознания, прежде всего религиозного и эстетического (Иларион, А. Рублев, Феофан Грек и др.);

2) вторая половина XVIII в. – первая четверть XIX в. — распространение философии в России в форме философского осмысления науки и культуры своего времени, что не обошлось без известного подражания западноевропейским течениям философской мысли;

3) вторая четверть XIX в. – начало XX в. — становление и развитие самобытной русской философии;

4) после 1922 г. — философия русского зарубежья.

Облик древнерусской культуры в решающей степени определялся важнейшим историческим событием — крещением Руси. Усвоение византийского и южнославянского духовного опыта, становление письменности, новые формы культурного творчества — все это звенья единого культурного процесса, в ходе которого складывалась и философская культура Киевской Руси.

Одним из наиболее ранних памятников отечественной богословской мысли является Слово о законе и благодати первого русского митрополита Илариона (стал митрополитом в 1051). Критикуя религиозный национализм, киевский митрополит обосновывал универсальное, вселенское значение благодати как духовного дара, обретение которого возможно для человека независимо от его национальной принадлежности. Благодать для Илариона предполагает духовную свободу личности, свободно принимающей этот дар и стремящейся к истине. Благодать «живит» ум, а ум познает истину, считал религиозный мыслитель. Согласно его историософии, центральным событием мировой истории является смена эпохи Закона эрой Благодати (Новый Завет). Но и духовная свобода, и истина требуют немалых усилий для их утверждения и защиты. Для этого, по Илариону, необходимы как нравственно-интеллектуальные усилия, предполагающие «благие помыслы и остроумие», так и государственно-политические меры: надо, чтобы «благочестие» «сопряжено было с властью». В сочинении митрополита Илариона вполне ясно выражен идеал Святой Руси,

имевший огромное значение для русского религиозного сознания.

В XII в. к теме власти, ее религиозного смысла обращается один из крупнейших русских политических деятелей — князь Владимир Мономах. Центральную роль в знаменитом Поучении киевского князя играет идея правды. Правда — это то, что составляет основу законности власти и в этом смысле есть закон, правосудие. Но нравственный смысл этого понятия в Поучении гораздо шире: правда требует от властителя защищать слабых («не давайте сильным погубите человека») и даже не допускать смертной казни. Власть не выводит того, кто ею наделен, из сферы действия морали, а напротив, лишь усиливает его нравственную ответственность, необходимость жить по правде. То, что Мономах явно не был сторонником обожествления земной власти, связано с его пониманием человека как конкретной индивидуальности: «Если весь мир собрать вместе, никто не окажется в один образ, но каждый со своим образом, по мудрости Божьей».

Еще одним крупным церковным и культурным деятелем Древней Руси был Климент Смолятич, ставший вторым, после Илариона, русским митрополитом Киева. Климент был знатоком сочинений не только византийских, но и античных авторов, Платона и Аристотеля — по его словам, «славных мужей эллинского мира». Ссылаясь на авторитет Святых Отцов, Климент Смолятич обосновывал в своих сочинениях «полезность» философии для понимания смысла Священного Писания.

Кирилл Туровский (епископ Туровский), современник Климента, был авторитетной фигурой в Русской Церкви (уже современники называли его «вторым Златоустом»). В сочинениях Кирилла получают развитие темы, традиционные для русской религиозной мысли, начиная с митрополита Илариона и Феодосия Печерского. Как и Климент Смолятич, он допускал аллегорическое истолкование Священного Писания и пользовался этим приемом достаточно широко. Человек для Кирилла Туровского — центральная фигура мироздания, «венец творения». Он наделен свободой воли и сам должен прийти к

«правде», возвещенной Христом. Опираясь на традицию патристики, Кирилл Туровский развивал учение о «стройном разуме» как возможном для человека духовно-нравственном состоянии, когда достигается гармония между верой и разумом.

Оригинальным памятником древнерусской мысли является Моление Даниила Заточника (XII–XIII вв.). В Молении высоко оценивается ум человека, ведущий его к мудрости, которая для автора неотделима от нравственности. Пронизывающий все произведение пафос апологии мудрости имеет не только моральный, но и эстетический характер: мудрое начало создает нравственную гармонию в душе человека, делает прекрасным его духовный облик. В сочинениях русских мыслителей рано осознается и достаточно определенно формулируется идеал единства Истины, Добра и Красоты. Яркий пример — Моление Даниила Заточника. Придавая особое значение мудрости и образованию как одному из основных ее источников, автор пишет о себе: «Аз бо не во Афинах ростох, не от философ научихся, но бых падая аки пчела по различным цветом и оттуду избирая сладость словесную и совокупляя мудрость, яко в мех воду морскую». Моление свидетельствует, что многотрудные усилия автора в самообразовании не были напрасны — уровень его знаний и общей культуры очень высок. «Не в Афинах выросший» мыслитель знал византийскую и античную традиции.

В средневековой культуре Московской Руси философские идеи были столь же тесно связаны с традицией православного богословия. Серьезное влияние на русскую религиозную мысль XV–XVII вв. оказал *исихазм*. В афонском исихазме (прежде всего у Григория Паламы) опыт мистическо-нравственной аскезы соединяется с опытом обоснования православной онтологии (в учении о различии божественной сущности и божественных «энергий», самовыявлений, творчески действующих в тварном мире). Очень рано на Руси стала известна раннехристианская аскетическая литература, ставшая основой исихазма. Труды же Григория Синаита и Григория Паламы пользовались

большим авторитетом в Московской Руси. Традиция исихазма проявилась в воззрениях заволжских старцев-нестяжателей в их полемике с иосифлянами.

Духовный лидер *нестяжателей* Нил Сорский (1433–1508) бывал на Афоне и глубоко воспринял идеи Григория Паламы и его последователей. Идеал монашеского жития, по Нилу: отшельничество, физический труд для собственного пропитания и никакого стяжательства, никакой значительной хозяйственной деятельности. В духовном же плане на первом месте должна стоять религиозная практика «внутреннего делания». Последняя означала постоянную «внутреннюю молитву» и «трезвение сердца». Преподобный Нил описывал в своих сочинениях, как путем строжайшей духовной дисциплины, отсекая любые «помыслы», монах-отшельник идет к спасению и как малейшая уступка даже простому «интересу» ведет к «борьбе помыслов», связыванию («сочетанию») души, ее «пленению» страстями и, наконец, к гибели. В его богословской позиции интересно сочетание безусловной традиционности («Свяжи себя законом божественных писаний и последуй тем») с признанием необходимости критической трезвости, ибо «писания многа, но не все божественна».

Ведущим оппонентом нестяжателей и непосредственно Нила Сорского был Иосиф Волоцкий (ок. 1439–1515) — идеолог формирующейся самодержавной московской государственности. В своей последовательной апологии власти московских государей (Ивана III и Василия III), обосновывая сакральный смысл царской власти, Иосиф в то же время не был сторонником обожествления самих ее носителей: «Царь божий слуга есть», и царям «подобает преклоняться и служить телесно, а не душевне и воздати им царскую честь, а не божественную». Свою концепцию монархической власти он формулирует в знаменитом Просветителе (впоследствии настольной книге Ивана Грозного). В богословских взглядах Иосиф Волоцкий следовал патриотической традиции и, вероятно, мог бы вслед за Иоанном Дамаскиным, особо им чтимым, заявить: «Я не скажу ничего от себя». В

Просветителе он определяет два способа познания истины: естественный и духовный. Человеческий разум, зависящий от «помыслов» и страстей, не может естественным путем прийти к познанию высшей, божественной истины. Это оказывается возможным только для тех, кто избрал духовный путь, недоступный «естественному» человеку.

С *иосифлянством* как идеологией русской православной государственности связана и возникшая на Руси историософская концепция «Москвы — третьего Рима». После падения Византии (1453) в русском церковном сознании крепнет представление о том, что историческая роль «православного царства» отныне принадлежит русскому государству. Сама идея «христианского царства» традиционна для христианской историософии как на Востоке, так и на Западе. В Византии возникает идея «странствующего царства», согласно которой центральное место в христианском мире занимает православный Константинополь, сменивший в этой роли Рим. Исторически вполне закономерно, что в период кризиса Византийской империи, а затем и ее падения на Руси возникает взгляд на Московское царство как наследника Византии. Подобная установка достаточно широко представлена в древнерусской литературе: Повесть о белом клобуке, цикл сказаний о Мономаховом венце и др. Наиболее последовательно идея Москвы — третьего Рима была сформулирована старцем Елеазарова монастыря Филофеем в его посланиях Василию III. Русское царство, по Филофею, есть единственное православное царство в мире и соответственно хранитель православных святынь. Оно уже до конца веков, до второго пришествия Христа должно быть оплотом подлинно вселенского христианства. (Необходимо учитывать, что в тот исторический период были сильны эсхатологические настроения и близость «конца времен» переживалась очень остро. Так что Руси предстояло стать оплотом христианства уже буквально на последнем историческом рубеже). Обращаясь к великому князю, Филофей писал, что «вся христианския царства снидошася в твое едино: яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Эта знаменитая формула —

еще одно историческое выражение древнерусского идеала Святой Руси, теперь уже непосредственно связанного с верой в православную государственность.

Судьба распорядилась так, что в религиозные русские споры XVI в. оказался вовлечен греческий мыслитель Максим Грек, до принятия пострига Михаил Триволис (ок. 1470–1556). Ему, прибывшему в Москву в качестве переводчика с греческого, предстояло, многое претерпев, стать одной из самых ярких фигур в истории русской религиозно-философской мысли, а после смерти — русским святым. Максим Грек высоко оценивал значение философии: «Философия без умаления есть вещь весьма почитаемая и поистине божественная». Вслед за Отцами Церкви он различал философию «внутреннюю» («священную») и «внешнюю» («светскую»). Последняя может быть как полезна, так и вредна в зависимости от того, определяется ли она подлинной, «горнейшей премудростью». Максим Грек традиционно выделял в человеке три начала: плотское, душевное и духовное. Ум — «кормчий души», и он должен играть главенствующую роль по отношению к душе и телу. Но ум сам нуждается в просвещении, которое неотделимо от нравственного совершенствования. Нравственные усилия позволяют «мысль от плоти обуздати». Такой результат, по Греку, связан не только с моральным, но и с познавательным опытом: чтобы постичь истину, надо жить в ней. Необходимо просвещение не только ума, но и сердца. Если сердце «суетно», то никакое постижение истины (а следовательно, и спасение) невозможно. Сердце в данном случае — традиционный символ цельности духовной жизни. У Максима Грека, как это принято в христианской традиции, достичь чистоты сердца и ума позволяет любовь, которая «превыше всего», — любовь к Богу и ближнему. Влияние исихазма заметно в отношении Максима к «молчанию» как состоянию духовной сосредоточенности, позволяющей отойти от суетности и приблизиться к истине. В истории философии он высоко ценил Сократа, Платона («внешних философов верховного») и Аристотеля (хотя и критиковал учение послед-

него, видя в нем идейный источник католической схоластики), из христианских мыслителей выделял Августина и Иоанна Дамаскина. В своих воззрениях на государственную власть Максим Грек был сторонником гармонического единства («богоизбранного супружества») власти светской и духовной. Его идеал — просвещенный властитель, осознающий свою ответственность перед Богом и народом, признающий религиозно-нравственный авторитет Церкви.

XVII столетие стало в истории России эпохой «смутного времени», церковного раскола. Но в истории формирования русской философской культуры это был важный период. Высокий богословско-философский уровень проявился в спорах грекофилов, отстаивавших традицию византийской православной культуры (Епифаний Славянецкий, Ефимий, Кирион Истомин и др.), и латинофилов, в большей степени ориентированных на духовный опыт Запада (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев и др.). Значительным вкладом в отечественную философскую культуру стали труды хорвата Юрия Крижанича, выдвинувшего и пропагандировавшего идею славянского единства, в особенности его Политика, где содержалась оригинальная концепция философского знания. В XVII в. формируется духовно-академическая традиция изучения философии. В начале века была создана Киево-Могилянская академия, а в 1687, в Москве — Славяно-греко-латинская академия. Первые руководители Славяно-греко-латинской академии греки Иоанникий и Софроний Лихуды были авторами первых русских философских учебников: Логики, Риторики, Психологии и др., которые содержали обширный материал из области древней и новой европейской философии. Процесс освоения мирового философского опыта приобретал все более систематический характер.

Второй крупной эпохой в историческом становлении русской культуры является период с конца XVII по первую четверть XIX в. Главное содержание этого периода — обособление философии от религии.

Этот период открывается реформаторской деятельностью Петра I. На смену «святой Руси» приходит европеизированная Россия —

сильное светское государство. Московское государство становится Российской империей.

В западно-европейской культуре XVIII в. это эпоха Просвещения: Россия многое восприняла из культуры западно-европейского Просвещения, но для нее XVIII в. соответствует эпохе Ренессанса. XVIII в. — век русского философского ренессанса, в котором еще сохраняется отпечаток Средневековья по форме духовной жизни.

В первой половине XVIII в. завершается переход на образцы философствования новоевропейского типа.

Философия постепенно отходит как от средневеково-византийского, так и западно-европейского схоластического образцов.

Русская философская мысль в этот период связана с именами Ломоносова, Сковороды и Радищева.

Условно выделяются два направления русской философской мысли XVIII в.

Первое — научно-образовательное, сциентистское; это были мыслители деистически-материалистической ориентации: «ученая дружина» Петра I, М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев.

Второе — этико-гуманистическое; оно непосредственно не опиралось на данные естественных наук. Представители: Г. Сковорода, Н. Новиков.

Русская философия как наука и как философское творчество начинается лишь после и на основе петровских преобразований трудами М. В. Ломоносова (1711–1765). В философии он был сторонником механистического материализма, заложил традиции материализма в русской философии. Ломоносов отводил большое место роли этики, морали и нравственности. Им была выдвинута атомическая природа строения вещества.

А. Н. Радищев (1749–1802) большое внимание уделил социально-политической философии. Социально-философские взгляды мыслителей того времени носили просветительно-гуманный характер.

В концепции Радищева на смену христианско-православной фи-

лософии приходит надконфессиональный деизм. Он был первым русским гуманистом и рационалистом, критиком российской политической системы.

В его трактовке естественное право — право земледельца, которое понималось как крестьянское право на землю.

Радищев — последовательный сторонник социального равенства и равенства имущества (уравнительный коммунизм). Он требует общинного владения землей. Во владении сообща землей Радищев видел гарантию против неравенства внутри крестьянской общины. Это гарантия против обогащения немногих крестьян за счет массы. Община (мир) и личность могут быть гарантированы демократическим республиканским устройством, основанным на принципах естественного права и общественного договора между трудящимися. Радищев отстаивает идею непосредственного народоправства. Им предлагалось федеративно-общинное устройство страны, где все граждане будут активными, а не пассивными участниками управления.

Философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии» — манифест философского рационализма. Радищева не удовлетворяет ни идеалистическая, ни материалистическо-механистическая версия человека. В трактате приводятся аргументы против бессмертия души, и затем они опровергаются. Радищев выступает защитником бессмертия, в тоже время признает реальность материи.

Противоположный путь философствования представляет концепция Г. С. Сковороды. Главная проблема — смысл и цель человеческого бытия в мире. Источники — Библия, патристика и платоническая философия. Принцип его произведений — диалог. Это философия христианизированного платонизма.

В творчестве Сковороды (1722–1794) продолжалась традиция отечественной мысли XVII в.

В антропологии Сковороды присутствуют мотивы, характерные для средневековой отечественной мысли. Это, в частности, относится к его учению о сердце как средоточии духовного и телесного бытия

человека. Влияние платонизма проявляется в обосновании им роли эроса в эстетических переживаниях человека и в том, что сама любовь предполагает определенное «средство» с ее предметом — изначально, метафизическую предрасположенность сердца. В учении о «таящемся в человеке Духе Божиим», о том, что каждый человек в своем земном существовании есть лишь «сон и тень истинного человека», Сковорода близок к построениям европейских мистиков, в частности к Майстеру Экхарту (XIV в.) с его учением о «сокровенной глубине» в Боге и человеке. Присутствуют у мыслителя и мистико-пантеистические мотивы: «Бог всю тварь пронизывает и содержит...», «Бог есть основание и вечный план нашей плоти...», «Тайна пружина всему...» и т. п. Антропоцентризм метафизики Сковороды самым непосредственным образом связан с пантеизмом. Совпадение антропоцентристских и пантеистических установок мы можем наблюдать и в натурфилософском пантеизме (Дж. Бруно, Ф. Патрици, Дж. Кардано и др.), и в мистическом пантеизме Я. Беме, С. Франка, А. Силезиуса. Конечно, Сковороде ближе вторая, мистическая традиция, хотя элементы пантеизма натуралистического типа в его мировоззрении присутствуют вполне отчетливо.

Рассматривая в целом русскую религиозную мысль XVIII в., следует отметить, что ни о какой ее однозначной характеристике не может быть и речи. Безусловно, на любом уровне — даже в монашеской келье, отшельническом ските или в стенах духовных академий — она не была изолирована от социальных и культурных процессов, происходивших в России. Богословский и философский опыт и в эту эпоху сохраняют взаимосвязь, которую мы обнаруживаем в творчестве таких религиозных мыслителей, как Г. С. Сковорода, Тихон Задонский, Паисий Величковский, в сочинениях крупных церковных иерархов — Ф. Прокоповича, С. Яворского, Ф. Лопатинского (префекта Славяно-греко-латинской академии, преподававшего там философию), митрополита Платона (Левшина) и др.

Началом рассвета русской классической философия стал

XIX век. П. Я. Чаадаев, А. С. Хомяков, Вл. С. Соловьев вместе с представителями русской классической литературы несли миру выстраданную опытом поколений истину: нет и не может быть такой цели, ради которой могут быть допущены жертвы. Недопустимы социальные проекты, которые достигаются при помощи насилия над личностью.

Становление самобытной русской философии начиналось с постановки и осмысления вопроса об исторической судьбе России. В напряженной полемике конца 30-х – 40-х гг. XIX в. о месте России в мировой истории оформились славянофильство и западничество как противоположные течения русской социально-философской мысли.

Славянофилы в своей трактовке русской истории исходили из православия как начала всей русской национальной жизни, делали упор на самобытный характер развития России, тогда как западники основывались на идеях европейского Просвещения с его культом разума и прогресса и полагали неизбежным для России те же исторические пути, которыми прошла Западная Европа. При этом следует учитывать, что ни славянофильство, ни западничество не представляли собой какую-то единую школу или единое философское направление: их сторонники придерживались разнообразных философских ориентаций.

Лидеры славянофильства — А. С. Хомяков (1804–1860), И. В. Киреевский (1806–1856), К. С. Аксаков (1817–1860), Ю. Ф. Самарин (1819–1876) — выступали с обоснованием самобытного пути развития России.

Изучение истории у славянофилов было направлено на поиск устойчивых факторов, влияющих на исторический процесс. Такими факторами, по мысли славянофилов, не могли быть ни природно-климатические условия, ни сильная личность, а только сам народ как «единственный и постоянный действователь» в истории.

Славянофилы считали, что экономические, политические и другие факторы вторичны и сами определяются более глубоким духовным фактором — верою, обуславливающей историческую деятельность народов. Народ и вера соотносятся так, что не только вера соз-

дает народ, но и народ создает веру, причем именно такую, которая соответствует творческим возможностям его духа. «Христианство, — пишет А. С. Хомяков, — при всей его чистоте, при его возвышенности над всякою человеческою личностью, принимает разные виды у славянина, у романца или тевтона».

Развитие духовной жизни и культуры Европы определялось тем, что ее народы были приобщены к христианству насильственным путем, причем в форме насаждения «латинства», т. е. христианства, которое, по определению А. С. Хомякова, выражало лишь внешнее единство всех христиан. Это внешнее единство утверждалось борьбой католической церкви во главе с папой за государственную власть над всей Европой, организацией военно-монашеских орденов, крестовыми походами, единым дипломатическим и церковным языком — латинским и т. д.

Реакцией на насильственно насаждаемое единство и подавление свободы стала Реформация, в результате которой после долгой, мучительной и кровавой борьбы возник протестантизм. Сравнивая католицизм и протестантизм, А. С. Хомяков пришел к выводу, что протестантизм столь же односторонен, как католицизм, но односторонен в противоположном направлении: «ибо протестантство удерживало идею свободы и принесло ей в жертву идею единства».

И. В. Киреевский раскрыл внутреннюю связь протестантизма с католицизмом, которая выразилась в том, что в ходе Реформации в протестантизме односторонне усилились рассудочные начала, заложенные еще в схоластике Средневековья. Это привело к полному господству рационализма. По этой причине европейская культура пришла к недооценке духовных основ жизни и атеизму, отрицающему религиозную веру, т. е. саму движущую силу истории.

И католицизм, и протестантизм, противопоставив единство и свободу, исказили дух первоначального христианства.

Только православие восприняло и сохранило, по мысли славянофилов, вечную истину раннего христианства по всей ее полноте, а

именно идею тождества единства и свободы (свободы в единстве и единства в свободе). Ими было включено в историософию важнейшее понятие, характеризующее русское своеобразие, которое вошло в содержание «русской идеи». Это понятие — «соборность», выражающее свободную общность людей. Соборность понималась славянофилами прежде всего как церковная соборность — свободное единство верующих в деле совместного понимания ими правды православия и совместного отыскания пути к спасению. Свободное единство православных верующих должно основываться на бескорыстной любви к Христу как носителю совершенной истины и праведности. Единство в свободе на основе любви — вот сущность соборности как явления русского духа.

Православие в концепции славянофилов выступало как духовная основа всей русской жизни.

В истории России произошло слияние духовных ценностей православия с народной жизнью. В результате этого оформился «дух народа», благодаря которому народ становится подлинным субъектом исторического процесса.

Можно соглашаться или не соглашаться с данной оценкой характера русского народа, но то, что в качестве народа выступает не просто совокупность людей, население, а люди, объединенные общей исторической судьбой и общими духовными ценностями и идеалами, не подлежит сомнению. Величайшая заслуга славянофилов заключается в том, что они стали рассматривать нацию как духовное явление.

Славянофилы придерживались органического взгляда на общество как на естественно сложившуюся общность людей, имеющую собственные принципы организации жизни. Развитие общества представлялось процессом саморазвития по аналогии с явлениями живой природы. «Жизненных начал общества, — писал А. С. Хомяков, — производить нельзя: они принадлежат самому народу или самой земле». А. С. Хомяков предупреждал об опасности грубого вмешательства в общественную жизнь. Нельзя насильственно ломать целостность

народной жизни и втискивать ее в чуждые ей формы культуры.

Структурной единицей организации русской народной жизни славянофилам представлялась община, главной характеристикой которой является самоуправление. Общинное устройство, основанное на началах общей ответственности, выработке совместных решений в соответствии с голосом совести, чувством справедливости, народными обычаями было для славянофилов зримым воплощением свободной общности.

Общинный дух русского народа они противопоставляли западноевропейскому индивидуализму. И. В. Киреевский описывает различие между организацией общества в Западной Европе и в России. Западное общество времен феодализма — это множество замков, или феодалов, каждый из которых замкнут, обособлен и враждебно настроен против всех остальных. Русское общество того же периода — это бесчисленное множество маленьких общин, расселенных по всей земле русской и составляющих каждая свое согласие или свой мир. Эти маленькие согласия сливаются в большие согласия, пока, наконец, не слагается одно общее согласие, «согласие всей русской земли, имеющее над собою великого князя всея Руси, на котором утверждается вся кровля общественного здания, опираются все связи его верховного устройства».

Итак, исследовав и сопоставив западноевропейскую и русскую историю, особенности религиозной веры, системы духовных ценностей, славянофилы наглядно показали, что жизненные начала России и Европы различны, что означало неприемлемость европейских форм жизни для России. Размышляя об этом, А. С. Хомяков утверждает: «Я не говорю: лучше не принимать, но говорю: нельзя принимать, если бы даже и хотели».

Славянофилы не рассматривали русскую историю как идеальную и бескризисную, а наоборот, подчеркивали ее сложность и драматичность, философско-историческая концепция славянофилов пропитана верой в особую историческую миссию России, которая при-

звана соединить противоположные начала жизни, явив миру образец высокой духовности и свободы. В их системе ценностей скорее всего Европе нужно было догонять Россию. Влияние славянофилов на русскую мысль было необычайно сильным.

К «поздним» славянофилам относятся Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев.

Н. Я. Данилевский прославился знаменитой книгой «Россия и Европа», в которой развивал концепцию культурно-исторических типов: общечеловеческой цивилизации нет, а есть определенные типы цивилизаций, всего их десять. Особо выделяется славянский тип как способный гармонически сочетать в себе все основные виды человеческой деятельности (религию, науку, политику, экономику). Поэтому славянский тип — наиболее перспективный. Данилевский считал, что славянский тип полнее всего выражен в русском народе, и в связи с этим развивал идею мессианской функции России.

Непосредственными продолжателями славянофильской философии в 60–70-е гг. XIX в.; выступили почвенники. Они обратились к сфере интуитивно-художественного, «органического» (А. Григорьев) и рационально-подсознательного (Ф. М. Достоевский). Почвенники представляли умеренное крыло славянофильства.

Достоевский встревожен распадом органических связей и отходом своевольной личности от среды, от традиции, от Бога. Перед ним стоит пугающий призрак духовного отщепенца — роковой образ скитальца, а не странника. Человек берется Достоевским как бы выпавшим из миропорядка.

В полемике со славянофильством складывалась русская «философия индивидуальности». Представители этой линии — западничества — ориентировались на:

- 1) западно-европейскую цивилизацию;
- 2) критику православия;
- 3) акцентирование личностного начала.

Как идейное течение общественной мысли *западничество* не было

единым и однородным. Среди западников, к которым относятся П. Я. Чаадаев (1794–1856), А. И. Герцен (1812–1870), В. Г. Белинский (1811–1848), Т. Н. Грановский (1813–1855), Н. В. Станкевич (1813–1840) и др., были мыслители самых разных убеждений, в том числе либералы, радикалы, консерваторы. Однако всех их объединяло неприятие крепостного права, отсталости русской жизни, требование демократизации общественной жизни, вера в европейское будущее России путем усвоения исторических достижений стран Западной Европы.

Одним из первых русских мыслителей-западников был П. Я. Чаадаев. В «Философических письмах», написанных в 1829–1830 гг., П. Я. Чаадаев изложил взгляды на мировой исторический процесс и место в нем России.

Основой мироздания Чаадаев считал мировой разум — высшую реальность, лежащую в основе видимой реальности природного и исторического бытия. Божественный разум, выступающий как Провидение, определяет всю человеческую историю. Развитием народов руководит «божественная вечная сила, действующая всеобщим образом в духовном мире». Именно Провидение ставит цели перед народами и определяет смысл их существования в мировой истории. Оно же обуславливает направленность исторического процесса как процесса нравственного восхождения человечества к царству Божьему на земле.

Исходя из этих положений, Чаадаев строит свою философско-историческую концепцию, которая носит ярко выраженный европоцентристский характер. Народы Европы, по мысли Чаадаева, во многом живут в подлинной истории, т. е. сохраняют преемственность в развитии, одушевлены животворным началом единства, руководствуются идеями долга, справедливости, права, порядка.

Существование же России в мировой истории, по Чаадаеву, лишено смысла, поскольку божественное провидение отказало русскому народу в своем благодетельном воздействии. В силу того, что Провидение покинуло русский народ, он является как бы исключением среди других народов, «интеллектуальным» и «нравственным» пробелом в человечестве.

В то же время характеристика русской истории, данная в «Философических письмах», не отрицает великого будущего России. По мнению Чаадаева, у русского народа еще не было истории, он не проявил все свои творческие силы, отстал от народов Западной Европы, но все это составляет преимущество девственной почвы. Отсталость России дает возможность свободного выбора своего исторического пути.

Мироощущение П. Я. Чаадаева — это мироощущение человека, во многом разорвавшего духовные связи с родной культурой. И если в первой половине XIX в. такое мироощущение встречалось достаточно редко, то в дальнейшем оно получило широкое распространение.

В 1831 г. в стенах Московского университета возник философский кружок, ставший значительной вехой в формировании западничества. В кружок входили К. С. Аксаков, В. Г. Белинский, М. А. Бакунин, В. П. Боткин, М. Н. Катков, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин и др. Из этого кружка вышли деятели самых различных направлений, так как, признавая приоритет Европы, они разошлись в понимании того, что именно в Западной Европе выступает вершиной прогресса и цивилизации: буржуазная ли парламентская республика или идеи социализма.

Т. Н. Грановский и К. Д. Кавелин как представители либерального направления в русской философии выступали за рациональное реформирование общества. Они были противниками «крайних мер», отвергали революционные методы борьбы, хотя и констатировали их неизбежность в историческом процессе. Их идеалом было установление «самодержавной республики». Смысл русской истории заключается в становлении и укреплении «начала личности», что должно было в конечном итоге привести к подлинному сближению России с Западной Европой и постепенному упадку феодального строя в России. Исторический прогресс вне нравственного развития личности, обладающей свободной волей, был для них неприемлем. Умеренная либеральная позиция была довольно распространенной в 40-х — начале 60-х гг. XIX в., но наибольшее распространение и влияние среди русской ин-

телигенции получают более радикальные доктрины о способах приобщения России к западноевропейской цивилизации.

Представителями *революционно-демократической идеологии*, первоначально формирующейся в рамках западничества, были хорошо известные мыслители и общественные деятели: В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев. В отличие от либерального западничества они рассматривали философию как средство для обоснования своих политических идеалов, для преобразования российской действительности не только на основе просвещения и развития науки, но и революционными методами.

Во имя освобождения личности от крепостного гнета и ее полноценного развития они становятся проводниками идей социализма. Социалистический идеал первоначально с моральной точки зрения рассматривался как идеал справедливого общества. Под влиянием философии Гегеля они стали логически его обосновывать как идеал наиболее разумного общества. Затем подкрепили свои социалистические убеждения идеями антропологического материализма, ссылаясь на присущие человеческой природе стремления к свободе и социальному равенству.

Белинский (1811–1848) считал, что переустройство общества можно совершить только силой народного движения, народной революцией. Говоря о том, каким образом может быть установлен справедливый строй, он писал: «по-маратовски» — путем насильственного переворота, ибо «... смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови». При этом в отличие от Герцена он не возлагал особых надежд на общину, не верил в социалистические инстинкты русского крестьянина. Вместе с тем А. И. Герцен, так же как и В. Г. Белинский, считал, что социализм должен быть только средством освобождения личности. Он резко отвергает террор, чистое насилие как самоцель. Насилие способно только расчищать место для будущего. Для социального созидания нужны конструктивные идеи и развитое народное сознание.

Одним из наиболее радикальных представителей западничества в России был М. А. Бакунин (1814–1876), проповедовавший идею безгосударственного социализма, названную им анархизмом.

Обоснование и защиту анархических идей М. А. Бакунин ведет с позиций антропологического материализма и идей Гегеля о диалектической ценности и внутренней неизбежности отрицания. Исходя из этих основополагающих принципов М. А. Бакунин рассматривает исторический процесс как результат «борения начал» — животности и человечности. Основу исторического процесса, по его мнению, составляют следующие три принципа: человеческая животность, мысль и бунт. История представляет собой постепенное отрицание первобытной животности человека и утверждение человечности, которая в свою очередь подвергается угнетению со стороны церкви и государства. Это противоречие должно будет разрешиться с помощью бунта, коренящегося в «естественной природе» человека как извечного стремления человечества не удовлетвориться той степенью свободы, которая каждый раз достигается в общественной жизни, но которая по своей сущности не может быть полной. Для того чтобы приблизить желанное время свободы, надо «разнуздать народную анархию» против двух основных учреждений общества — церкви и государства.

Анархия, утверждал Бакунин, — «это стихийное, огромное, полное страсти и энергии, анархическое, разрушительное и дикое восстание народных масс». «Полное и всеобщее разрушение» путем анархической революции стало программной установкой Бакунина при обосновании неизбежности социалистической революции.

Идеал социализма Бакунин видел в том, что на развалинах государств обоснуется общественное устройство, основанное на началах самоуправления, автономии и свободной федерации индивидов, общин, провинций, наций. Таков был революционный романтизм М. А. Бакунина. Его труды, прежде всего работа «Государственность и анархия», так же как и труды А. И. Герцена, В. Г. Белинского, имели большое влияние на сознание российской интеллигенции. Теоре-

тические работы этих мыслителей, по существу, легли в основу идеологии революционного народничества.

В 40-х годах XIX в. *материалистическое* направление в русской философии было представлено прежде всего трудами А. И. Герцена (1812–1870). В философском труде «Письма об изучении природы» А. И. Герцен выступает как приверженец материализма, хотя называет его философией «реализма».

В центре этой работы — проблема взаимоотношения между философией и естествознанием. По мнению Герцена, философия и естествознание изучают одно и то же — окружающий нас «фактический мир» и не могут развиваться без опоры друг на друга. Естествознание без овладения философской диалектикой не сможет создать истинную картину мира, и философия без опоры на естествознание не сможет развиваться. «Философия, — пишет Герцен, — не опертая на частных науках, на эмпирии, — призрак, метафизика, идеализм». В свою очередь, «эмпирия, довлеющая себе вне философии, — сборник, лексикон, инвентарий». Антагонизм, существовавший между философией и естествознанием, исключает возможность правильных теоретических обобщений, является тормозом в поступательном движении науки, «часто заставляет целые годы трудиться, — пишет Герцен, — для того, чтобы приблизительно открыть закон, давно известный в другой сфере, разрешить сомнение, давно разрешенное: труд и усилия тратятся для того, чтобы во второй раз открыть Америку...».

В «Письмах об изучении природы» А. И. Герцен стремится показать, что история философии развивалась между природой и духом, между познанием явления и познанием сущности. Он утверждает, что духа вне природы не существует, что природа развивается до духа, что «сознание вовсе не постороннее для природы, а высшая степень ее развития». Логика — только «отвлеченная разумность природы и истории... законы мышления — сознанные Законы бытия». Идеализм он называет «не чем иным, как схоластикой протестантского мира».

Человека Герцен рассматривает как часть природы и подчинен-

ным ее законам. Без человека «природа не заключает в себе смысла своего, ...именно мышление и дополняет, развивает его; ...мышление делает не чуждую добавку, а продолжает необходимое развитие, без которого вселенная не полна...».

В вопросах познания, которые в его работах занимают одно из главных мест, Герцен исходит не только с позиции материализма, но и диалектики. Он стремится преодолеть крайности как эмпиризма, так и рационализма, правда, ошибочно отождествляя эмпиризм с материализмом, а идеализм с рационализмом. Рассматривая эту проблему, Герцен указывает, что эмпиризм, опираясь на чувственный опыт, хотя и правильно описывает факты, но бессилён раскрыть единство в многообразии, постигнуть сущность и внутреннюю закономерность природы. Рационалисты же «беспрерывно ругали эмпириков, — пишет он, — ...и не подвинули вопроса ни на один шаг вперед» впадая в пустые бессодержательные абстракции. Всякое истинное знание, отмечает он, есть результат диалектического единства чувственного и логического. Источником знания является опыт, впечатления, которые передают нам образы и вместе с тем моральное убеждение, верование, что они соответствуют предметам сущим, возбуждившим их в нашем сознании...». А данные опыта человек подвергает рациональному обобщению.

Большое место уделял А. И. Герцен и вопросу о методе познания. Он утверждал, что метод «не есть дело личного вкуса или какого-нибудь внешнего удобства», ...что он «есть самое развитие содержания, — эмбриология истины, если хотите». Подлинно научный метод, по его мнению, включает в себя три момента:

1) изучение явлений во всех изменениях при всевозможных условиях;

2) вывод образа или формы действия их (закона), связи с другими явлениями и зависимости от явлений более общих (причины);

3) нисхождение от общего начала к явлениям, служащее проверкой и показывающее необходимость такого существования явлений.

Философские труды А. И. Герцена оказали большое влияние на развитие русской материалистической мысли 40-х – 60-х гг. XIX века.

В 60-е гг. на арену общественной жизни начинают выходить новые силы, наиболее активной из которых была разночинная интеллигенция. Признанными лидерами российской интеллигенции в этот период были Н. Г. Чернышевский (1828–1889), Н. А. Добролюбов (1836–1861), Д. И. Писарев (1840–1868). Их мировоззрение, идеалы носили ярко выраженный революционно-демократический характер. Они находились в резкой оппозиции к правительству, боролись за освобождение личности против власти общества, опираясь при этом на материализм и науку.

Яркий представитель революционно-демократической философии — Н. Г. Чернышевский. Он считал, что природа развивается от низшего к высшему, а человек — биологическое существо и часть природы. С его точки зрения, познание осуществляется в чувственных и логически формах. Практика определяется как деятельность по преобразованию природы. Ядром этической доктрины Чернышевского была теория «разумного эгоизма», отдающая предпочтение разуму перед волей. Эгоизм рассматривается как природное свойство, а добро — свойство, полезное большинству людей. Его социальные взгляды — радикальны и утопичны: идеализировал крестьянскую общину, а крестьян считал главной революционной силой.

На рубеже XIX–XX вв. эстафета политического радикализма и материализма перешла к *марксистской философии*, представленной в России Г. В. Плехановым (1856–1918) и В. И. Ульяновым (Лениным) (1870–1924).

В 20-е же годы русское зарубежье выдвинуло из своей среды еще одно идейное движение — *евразийство*. В его разработке приняли участие многие видные ученые-философы, лингвисты, этнографы, историки, богословы, правоведы. Всех их объединяла глубокая антипатия к Западу, к европеизму. Евразийцы сотворили новый идеологический миф, по своей сущности близкий к славянофильскому мессианизму, но — опертый на иной компонент русской истории — не сла-

вянский, а азиатский. Они были в полном смысле слова государственниками, и это также отличало их от теоретиков славянофильства.

Русские философы не только на родине, но и в эмиграции, думая о путях развития России, мыслями поворачивались к Востоку как источнику новых начал общественного обустройства России. Так возникла концепция «евразийства».

«Евразийство — политическое и культурно-общественное движение русской эмиграции 20–40-х годов XX века. Оно признавало самобытный путь развития России, обусловленный наличием в ее культуре откровенно восточных элементов. Первоначально видело в коммунизме органический момент русской истории».

Решающая роль в объединении евразийцев принадлежит русскому филологу Н. С. Трубецкому. Оказавшись после 1917 года в Софии, он выпустил книгу «Европа и человечество». В ней говорилось об общечеловеческой ценности этнокультурного разнообразия и о необходимости сплочения всех народов для отстаивания этого духовного многоцветия от нивелирующих, материалистических в своей основе идей бездуховного европоцентризма.

На книгу Н. С. Трубецкого первым откликнулся географ П. Н. Савицкий — статьей «Европа и Евразия». Так был введен в новом, узком значении, термин «Евразия». П. Н. Савицкий говорил о Евразии, противостоящей как Европе (западной), так и Азии (переднему Востоку, Индии, Дальнему Востоку).

Третьим основоположником евразийства считается музыковед П. П. Сувчинский. Ему принадлежит выдвижение и разработка концепции бытового православного исповедничества, обеспечивавшего на всем протяжении этнической истории православного населения Евразии устойчивость жизненных форм приходской общины. Принятое из Византии православие с его глубокой традиционностью и, вместе с тем, веротерпимостью, содействовало духовному и бытовому сближению всех гетерогенных больших и малых этнических групп Евразии.

К Н. С. Трубецкому, П. Н. Савицкому, П. П. Сувчинскому при-

соединился историк церкви и теософ Г. В. Флоровский; вместе они выпустили в Софии в 1921 г. первый сборник из серии «Утверждение евразийцев» — «Исход к Востоку». Этот сборник освещал духовные, религиозные различия между Западом и православной Евразией, показывал Россию, как прямую продолжательницу Византийского христианства, принимавшего в свое лоно все объединившиеся народы и племена на всем огромном пространстве Евразии. Н. С. Трубецкой в статье «Об истинном и ложном национализме» из этого сборника приводит примеры ложного национализма. Чаще всего, пишет он, приходится наблюдать таких националистов, для которых самобытность национальной культуры их народа совершенно не важна. Для того, чтобы их народ был вполне похож на «настоящих европейцев», стараются навязать этому народу чуждые его духу формы романо-германского государства, его идеологию, искусство и материалистический быт. Другой вид ложного национализма проявляется в воинствующем шовинизме. Здесь дело сводится к стремлению распространить язык и культуру своего народа на возможно большее число иноплеменников, искоренив в них всякую национальную самобытность.

Особой формой ложного национализма следует признать и тот вид культурного консерватизма, который искусственно отождествляет национальную самобытность с какими-нибудь уже созданными в прошлом культурными ценностями или формами быта и не допускает изменение их даже тогда, когда они явно перестали воплощать в себе национальное сознание.

Национализм истинный, вытекая из национального самопознания, весь основан на признании необходимости самобытной национальной культуры. Старое славянофильство никак нельзя считать чистой формой истинного национализма. В нем нетрудно заметить все три вида ложного национализма, причем сначала преобладал вид третий, позднее первый и второй. Благодаря этим свойствам старое славянофильство и должно было неизбежно выродиться, несмотря на то, что отправной точкой его было ощущение самобытности и начало

национального самопознания.

П. Савицкий в статье «Поворот к Востоку» восклицает: «Много ли найдется на Руси людей, в чьих жилах не течет хазарской и половецкой, татарской или башкирской, мордовской или чувашской крови? Многие ли из русских всецело чужды печати восточного духа: его мистики, его любви к созерцанию, наконец, его созерцательной лени?». Он утверждает, что Россия составляет «континент в себе», равноправный Европе.

П. Сувчинский в статье «Сила слабых» пишет, что большевистский интернационал есть лишь волевое последствие космополитических блужданий и соблазнов безбожного, греховного интеллигентского духа; греховного, ибо вне церкви не может быть праведна мечта о всемирности и истине.

Г. Флоровский в статье «О народах не-исторических (страна отцов и страна детей)» пишет, что русская историософия сразу началась с отходной, имея в виду письмо Чаадаеву. Возражая Чаадаеву, он заявляет: «Россия есть в высшей степени сложная историческая формация. Не трудно различить в русском бытии разнородные слои — варяжский, византийский, славянский, татарский, финский, польский, московский и прочая... Как бы сами собой перебрасываются мостики к норманским «вооруженным купцам», к византийскому цезаропапизму, к Номоканону, к Золотой орде и кочующим инородцам, к иезуитам и шляхте и т. д. Но этим бытом русское бытие явным образом не исчерпывается. «В рабском виде Царь Небесный исходил, благославляя» русские степи и леса. И нити паутиной тонкости тянутся от Достоевского и Толстого, от Гоголя и Самарина, от отца Амвросия и преподобного Серафима куда-то назад, в заволжские чащи, к Нилу Сорскому и преподобному Сергию, а оттуда на Афон и далее, в раскаленные пространства Фиваиды. Через века и пространства безошибочно осязается единство творческой стихии. И точки ее сгущения почти никогда не совпадают с центрами быта. Не в Петербурге, не в древле-стольном Киеве, не в Новгороде, не даже в «матушке» Моск-

ве, а в уединенных русских обителях, у преподобного Сергия, у Варлаамия Хутынского, у Кирилла Белозерского, в Сарове, в Дивееве чувствуется напряжение русского народного и православного духа».

Обобщая выводы евразийцев, Н. С. Трубецкой пишет, что «национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской Империей... может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация, и в качестве таковой, обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразией, ее национализм — евразийством».

Концепция евразийства в наши дни получила дальнейшее развитие, а понятие России как Евразии стало повсеместным.

Интересно высказывание Л. Гумилева: «Когда меня называют евразийцем, я не отказываюсь от этого имени по нескольким причинам. Во-первых, это была мощная школа, и если меня причисляют к ней, то это делает мне честь. Во-вторых, я внимательно изучал труды этих людей. В-третьих, я действительно согласен с основными историко-методологическими выводами евразийцев».

Во многом благодаря их усилиям появились основные программные документы движения: «Евразийство: Опыт систематического изложения», «Евразийство: Декларация, формулировка, тезисы» и др.

Всеединство, софийность, соборность как элементы русской идеи

Либеральное направление в русской философии было завершающим в XIX веке. Самым видным его представителем был В. С. Соловьев. Главные идеи его философии: соборность, всеединство, идея прогресса как всеобщей связи поколений, идея нравственности как главного аспекта человеческой жизни, идея Бога как выражение добра, учение о богочеловечестве, учение о цельном знании, русская национальная идея.

Основные положения своей философии он излагает в первых

своих работах: магистерской диссертации «Кризис западной философии (против позитивизма)» (1874) и докторской диссертации «Критика отвлеченных начал» (1880). Онтологию и гносеологию всеединства Соловьев излагает в основном в «Философских началах цельного знания» (1877), а также в работе «Первое начало творческой философии» (1897–1899). Свои представления на исторический процесс он выразил в трудах: «Чтения о богочеловечестве» (1877–1881), «История и будущность теократии» (1885–1887), «Теократическая философия» (1899), «Три силы» (1877) и др. Основные положения этической концепции сосредоточены в сочинении «Оправдание добра» (1897–1899), затрагиваются они и в других работах.

В магистерской и докторской диссертациях Соловьев утверждал, что человеческое познание своей истории носило односторонний характер. Для раскрытия абсолютной истины необходимо установить внутренний контакт с всеединым, что достигается лишь при помощи непосредственного интуитивного внутреннего созерцания, веры. Рационализм и эмпиризм включаются Соловьевым в процессе познания как подчиненные моменты.

Внешний опыт (положительная наука) могут давать лишь материал, а разум (философия) — лишь форму для постижения истины (всеединства сущего). Основой цельного знания являются опыт внутренний, мистическое восприятие, интуитивное созерцание, вера. Философия и наука имеют свою ценность в единстве с религиозной верой: знание о реальном мире дается наукой, об идеальном мире — философией, о Боге — только верой. Цельное знание выступает как синтез науки, философии и веры.

У Соловьева олицетворением положительного всеединства, абсолютно единым, абсолютно сущим является Бог. Всякое многообразие скреплено божественным единством. Материальное многообразие тоже одухотворено божественным началом, которое выступает мировой душой, или Софией, как результат божественного мастерства и творчества.

Таким образом, Соловьев ставил веру выше разума, только в ре-

лигиозной вере он видел высший, объединяющий тип познания.

Движением общества, по мысли Соловьева, управляет божественный промысел, а квинтэссенцией человеческой истории является история религии. Человек связан с двумя мирами — природным и божественным: из первого он вышел, ко второму стремится.

Смысл истории состоит в постепенном одухотворении, нравственном совершенствовании человечества посредством усвоения и осуществления им христианских начал, одухотворения природной стихии божественным логосом.

Если началом истории является становление «абсолютного всеединства» в хаосе бытия, то ее конец — в создании царства Божьего на земле. Здесь достигается полнота человеческой жизни и замыкается круг развития, происходит соединение человека с абсолютным началом — Богом.

В центре всемирной истории находится Христос.

Процесс движения к абсолюту — это процесс духовный, в нем должен участвовать сам человек. Общество мыслилось как всеобъемлющая церковно-государственная организация, синтез вселенной церкви и всемирной монархии. В результате их слияния осуществляется богочеловеческий союз — свободная теократия, в которой восторжествует христианский мир и справедливость.

Его учение называют философией всеединства, и, действительно, общим понятием, цементирующим все философские рассуждения Соловьева, является понятие положительного всеединства. Стремление к всеединству, к соединению с божественным Логосом является смыслом существования всего живого на Земле. В этом стремлении к всеединству мировой процесс развития проходит три основные стадии: астрофизическую, биологическую и историческую, в ходе которых происходит постепенное одухотворение материи и материализация идеи.

Всеединство — внутреннее органическое единство бытия как универсума.

Идея всеединства, выражает органическое единство мирового

бытия, взаимопроникнутость составляющих его элементов при сохранении их индивидуальности. В онтологическом аспекте всеединство представляет нерасторжимое единение Творца и твари; в гносеологическом отношении всеединство выступает как «цельное знание», представляющее неразрывную взаимосвязь эмпирического (научного), рационального (философского) и мистического (религиозно-созерцательного) знания, достигаемого не только и не столько в результате познавательной деятельности, а верой и интуицией. В аксеологии всеединства центральное место занимает абсолютная ценность Истины, Добра и Красоты, соответствующих трем Ипостасям Божественной Троицы. Весь мир, как целостная система, обусловлен всеединством, то есть Богом. Владимир Соловьев определяет всеединство следующим образом: «Я называю истинным, или положительным, всеединством такое, в котором единое существует не на счет всех или в ущерб им, а в пользу всех... истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия».

Актуальным, осуществленным всеединством обладает только Бог. Мир же пребывает в становлении, проходя ряд последовательных ступеней восходящей эволюции. Так, на уровне природы это проявляется в таких фазах: *астральная* — образование первых космических тел из первоначального хаоса, *солярная* — формирование звезд и планетных систем, *теллурическая* — зарождение жизни и разума. Общество прогрессирует, двигаясь от *звездопоклонства* к *солнцепоклонству* и *фаллическому* культу, сближая небесное и земное, человеческое и сверхчеловеческое в единую связь. Духовное развитие также имеет свой ритм: буддизм, в котором пробужденное «я» ужаснулось этому миру и попыталось вновь уйти в сферу собственного сознания; платонизм, установивший соотносительность царства идей и вещей, идеального и материального, вечного и преходящего; иудео-христианское учение о боговоплощении. Христос — высшая градация всеединства ибо в нем органически слилось божественное и человеческое, бессмертное и смертное, духовное и телесное. Это означает,

что пред человеком и человечеством впервые появляется реальная перспектива богочеловеческого развития. Если Бог, оставаясь Богом, принял телесный облик человека, то и человек, оставаясь телесным существом, может путем нравственного совершенствования, максимально приблизиться к Абсолюту. Путь к *Богочеловечеству* труден, так как изобилует соблазнами: *искушение плоти*, т. е. стремление жить, ориентируясь на чувственные удовольствия; *искушение ума*, состоящее в желании самоутверждения, самораскрытия всех творческих потенциалов вне моральной ответственности за возможные последствия, и *искушение духа* — навязывание другим неких образцов поведения с позиций превосходства (гордыня). Попав в расставленные капканы, социум неизбежно начинает реализовывать модель *зверчеловечества*. Альтернативная направленность достигается духовно-нравственной работой, предполагающей движение души от состояния стыда и сострадания к преклонению и благоговению перед высшей ценностью бытия мира и божественного присутствия.

Концепция всеединства, начало которой было положено В. Соловьевым, получила дальнейшее развитие в трудах его последователей, прежде всего П. А. Флоренского (1882–1937). Главное произведение «Столп и утверждение истины» (1913) состоит в обосновании мысли о том, что именно всеединство — основной принцип бытия. Сущностью всеединства у Флоренского является любовь, создающая и скрепляющая единство.

Другим крупным продолжателем идей В. Соловьева был С. А. Булгаков (1871–1944). Он стал главным теоретиком намеченного В. Соловьевым и развитого П. Флоренским учения о всеединстве бытия. Мир представляет собой такое творение, основой которого является особое, идеальное, божественное начало, именуемое Святой Софией. Поэтому мир в целом заслуживает к себе не негативного, а позитивного отношения. Божественной является не только потусторонняя, но и земная жизнь. Отличительная черта концепции Булгакова — это всестороннее развитие им той составляющей философии всеединства, которая

у Соловьева именуется софиологией, учением об идеальности бытия. В его творчестве наиболее полно выразились основные черты разнообразных учений в русской философии о софийности мира и человечества и важнейшая из них — стремление утвердить идею совершенства, красоты, божественной природы и человека.

Эти идеи присутствуют и определяют все творчество Булгакова не только на позднем этапе, когда он перешел к богословскому творчеству («О Богочеловечестве», 1946), но в скрытом виде и в предшествующий период, когда он занимался исследованием экономики.

Русская философия постулирует существование посредника между Богом и вещной реальностью — *Софии*. Она способствует воплощение тенденций к всеединству в действительность, преодолевая возможные сопротивления сущего.

Для В. Соловьева София есть «...единство истинное, не противопоставляющее себя множественности, не исключающее ее, но... все в себе заключающее».

Это выливается в универсалистскую утопию, где ни одно из противостоящих начал каждой антитезы (авторитет и свобода, традиция и прогресс и т. п.) не подлежит упразднению, но всему должно быть указано его «настоящее» место в свободном всеединстве.

Флоренский, внесший существенный вклад в научное изучение истории образа Софии (историко-философский и иконографический экскурсы), видит в Софии «идеальную личность мира», «психическое содержание» разума Божества, мудрость как целомудрие, которым поддерживается целостность мира, «актуальную бесконечность».

Систематическим развитием этого круга идей занимался С. Булгаков, подчеркивавший неприменимость к Софии антитез «...абсолютного и относительного, вечного и временного, божественного и тварного».

Известным последователем философии В. Соловьева был также С. Л. Франк (1877–1950). Основным мотивом его философии — стремление примирить рациональную мысль и религиозную веру, причем об-

разцы такого синтеза он ищет как в западной философии, так и особенно в концепции всеединства В. Соловьева.

В подходе С. Франка к пониманию концепции всеединства проявляется интерес к двум ее аспектам: онтологическому, проблеме соотношения материального и идеального, и гносеологическому, проблеме соотношения постижимого и непостижимого.

Первую из указанных проблем он решает в духе последовательного пантеизма, путем обоснования идеи всеобщей одухотворенности мира, «всесущегобожия». Весь мир, полагает он, есть инобытие Бога, его раскрытие, выражение. При рассмотрении гносеологических аспектов всеединства мыслитель исходит из того, что познание осуществляется не столько рационально, сколько сверхрационально, интуитивно, через воздействие на познающего субъекта некоего абсолюта, всеединого, непостижимого. По мнению Франка, всякая вещь и всякое существо в мире есть нечто большее и иное, чем все, что мы когда-либо сможем о нем узнать. Поэтому только при соединении рационального и иррационального, интуитивного способов постижения может быть раскрыт сам предмет в его трансцендентальной реальности.

Философия всеединства внесла весомый вклад в развитие мировой философской мысли. Она способствовала преодолению односторонности, неполноты как материалистических, так и идеалистических систем классической философии, противопоставив им учение о целостности, органичности бытия, его несводимости к материальной или духовной основе.

Социально-историческим модусом всеединства и софийности является *соборность*, которая вопреки значительным деформациям и искажениям присуща России и русскому народу как титульной нации.

Под влиянием каких условий формировалась соборная душа России? Геополитическое положение страны таково, что она является буфером между Востоком и Западом, соединяя Азию и Европу, образуя своеобразный синтез разных культур и цивилизаций. Суровые почвенно-климатические параметры Севера Евразии, открытость и

огромность пространств, бремя бесконечных войн, многонациональный состав ее народов, православная церковь, культивирующая на протяжении многих веков ценности единства, гармонии, согласия — вот основные ее детерминанты.

В русском национальном характере совмещаются противоположности. И непрерывно переходят друг в друга. Конечно, и у других народов можно найти подобные противоположности. Но только в России «тезис оборачивается антитезисом».

Бросаться из крайности в крайность — типично русская черта: от бунта к покорности, от пассивности к героизму, от созидания к разрушению, от расчетливости к расточительству и наоборот. Можно говорить о максимализме русского характера. «Подлинно, — писал Н. А. Бердяев, — есть в русском духе устремленность к крайнему и предельному».

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

(А. К. Толстой)

Об антиномизме и максимализме русского характера, о взаимном превращении крайних противоположностей забывать нельзя. Тем более, что наши недоброжелатели, акцентируя порою внимание на одной стороне дела, делают вид, что другой не существует. Искажение выдают за истину. Органическое единство общего и единичного нашло выражение в понятии соборности. Это зерно русской идеи, центральное понятие русской философии, слово, не поддающееся переводу на другие языки.

Соборность как радостное принятие другого как самоценно-

сти есть общение в любви к природе, к обществу, к другим людям. Соборность — сущность русской идеи. Она противостоит и единству без свободы, что характерно для восточных цивилизаций, и свободе вне единства, присущей западным обществам. Такие качества народного характера как доброта, сострадательность, отзывчивость, широта, жертвенность, мессианство, нестяжательство, мужество, артельность, религиозность соответствуют русской идее и идеалу Святой Руси. А все, что деформирует эти ментальные образования, ведет к реализации идей, прямо противоположных.

Любой народ превращается в население или толпу при отсутствии общих ориентиров, идеалов и святынь, сплывающих людей в несокрушимую общность. «И, всякий, кто разрушает духовное единство и непрерывность своего народа» — подчеркивал М. Унамуно — несет гибель народу и себе как малой частице народа. И зачем? Разве народ станет от этого лучше? Если я становлюсь другим путем нарушения единства и непрерывности моего бытия, значит, я перестаю быть собой. А вернее просто-напросто перестаю существовать...».

Из многочисленных представителей русской философии следует также отметить В. Розанова, С. Булгакова, Н. Бердяева, И. Ильина, П. Флоренского, Л. Шестакова, Л. Лосева.

Наиболее типичный философ этого периода Николай Александрович Бердяев (1874–1948). Он является одним из важнейших представителей русской религиозной философии. Суть философии Бердяева — «познание смысла бытия через субъекта», т. е. человека. Исходным пунктом его философии является превосходство свободы над бытием. В одном ряду с ней находятся такие понятия, как творчество, личность, дух, Бог. Бытие раскрывается в человеке через человека. Он есть микрокосмос, сотворенный по образу и подобию Бога, а потому является существом беспредельным и творческим. Бесконечность связана с божественной стороной в человеке, конечность — с его природной стороной. При этом сам Бог понимается им не как природная сила, а как смысл и истина мира. Поэтому, человек без Бога,

по мнению Бердяева, не является существом самодостаточным. Если нет Бога, нет и смысла, и высшей правды, и цели.

Бердяев выступает против такого гуманизма, который превращается в отрицание Бога и самообожествление человека.

Для социального переустройства общества, по Бердяеву, нужно прежде всего не техническое переустройство, а духовное возрождение. Для России оно связано с утверждением «Русской идеи», взгляды на которую у него во многом совпадали со взглядами Соловьева. Главной отличительной чертой русской идеи является, согласно Бердяеву, религиозный мессианизм, пронизывающий все общество. Суть «русской идеи» — осуществление царства божье на земле.

По мнению Н. Бердяева, русская философская мысль XIX–XX вв. выработала самобытную национальную концепцию культуры, которая отражает в полной мере характер и призвание русского народа. По Бердяеву, русская философия убедительно показала, что русская и европейская культуры несопоставимы, несовместимы. Русскому духу в отличие от европейского свойственны радикализм, нигилизм. По Бердяеву уловив это свойство русского духа, большевики оказались ближе к народу, чем европейски воспитанные русские либеральные интеллигенты. Поэтому большевизм и стал судьбой России, ее частью. В силу этого коммунизм никогда не будет побежден в России силой, извне. Он будет преодолен только изнутри путем духовного перерождения народа, религиозного покаяния и возрождения. И хотя эти мысли Бердяева оказали огромное воздействие на целые поколения исследователей истории, судеб России, ими, конечно, не исчерпана эта вечная тема. Поэтому дискуссии вокруг этой проблемы не прекращаются и сегодня.

Русский космизм и общее дело

В отличие от Соловьева и его последователей, рассматривавших мир с точки зрения преимущественно общепланетарного единства человечества, в недрах русской философии уже в конце XIX в. начал

формироваться иной взгляд на пути развития современной цивилизации. Он выходил за рамки планетарного мышления и призывал взглянуть на судьбы человечества с позицией космического измерения его бытия. Наиболее ярко эту тенденцию представляет *русский космизм* (Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, В. В. Вернадский). Центральная идея космоцентрического подхода — единство человека с космосом, космическая природа человека и космический масштаб его деятельности.

Антропокосмизм (от древнегреч. «антропос» — человек, «космос» — мир как системно-гармоническое целое) — философская концепция, развивающая комплекс представлений о гармоническом единстве человека и вселенной, о их своеобразной взаимозависимости и взаимопроникновении, а также о средствах достижения такого состояния.

В антропокосмизме можно выделить общие черты:

1) принцип функционального и структурного единства мироздания и человека (тождество микро- и макрокосмосов);

2) миссия человека — преодоление своей ограниченности и отчужденности от космического бытия, познание законов и смысла мирового процесса;

3) направление человеком стихийно действующих сил в должное русло рационального преобразования «внешней» и «внутренней» природы вещей;

4) ориентация на всесторонний синтез духовно-культурных и практических способностей человека;

5) эволюционистическое восприятие мира и человека, идея непрерывности развития, диалектика «прогрессивного» и «регрессивного» движения;

6) придание миропорядку, структуре и закономерностям мировых процессов особых нравственных (иногда — сакральных) характеристик, обосновывающих собой благость и объективность движения человечества к исполнению своей космической миссии;

7) особое восприятие самого человека как преимущественно родового, «всеединого» существа, гипостазирование личностных ка-

честв, перенос их на внечеловеческие аспекты мира.

Особенно рельефно эта идея представлена в «Философии общего дела» Николая Федоровича Федорова (1828–1903), который пытался синтезировать два методологических подхода к человеку: антропологизм и космизм, объединить судьбы человека и судьбы вселенского бытия. Человек в его космическом проекте получил невиданно широкое поле для своей самореализации, стал гарантом сохранения и увековечивания жизни. При этом нравственный критерий человеческих деяний он распространил не только на отношения человека к человеку, но и на всю область отношений человека к природе. «Философия общего дела» ориентирована и на победу человеческого духа на Земле, и на повсеместное, в русле античной традиции, превращение Хаоса в Космос.

Эту идею Федоров обосновал с позиций религиозного мировоззрения. Однако он не был в плену какой-то узко конфессиональной традиции. Федоров отвергал догматизированную религию, проповедующую бездеятельность человека, покорность судьбе, смирение. У него довольно сильно выражены деистическая и патеистическая тенденции. Бога он понимал не как потустороннюю всемирную силу, творящую все «из ничего», а как внутренне присущий бытию верховный Разум, всеобщую мирообъединяющую Любовь. Несводимый к природе, но и неотделимый от нее, Бог действует через волю и разум людей. Боговоплощение понимается им как очеловечивание, т. е. внесение в природу человеческих начал и чувств. «Слово Божие», по Федорову, — есть сам мир, сама взаимосвязь всего в этом мире.

Ключевую роль в учении Федорова играла идея преодоления смерти. Действительным антиподом смерти он считал жизневоссоздание, *воскрешение умерших*. В отличие от ортодоксальных христианских верований, воскрешение человека, по его мнению, осуществится не в потустороннем мире, а в посюстороннем, и не духовно, а физически, в вещественном воскрешении души и тела, в их единстве. Воскрешение, по Федорову, это не единичный акт, не удел избран-

ных, а призвание и достояние не только всех людей, независимо от их звания и сословной принадлежности, но и всех народов, т. е. общенародное, всемирное дело. Воскрешение не означает ожидания чуда, а предполагает активную человеческую деятельность в этом направлении. Следовательно, Человек является не только объектом, но и субъектом воскрешения: одни люди воскрешают других, воскресшие сами могут стать воскресителями. Федоровская концепция воскрешения охватывает два аспекта. Первый предполагает оживление в прямом смысле этого слова, пробуждение к подлинной жизни, которая включает в себя способность природы к самовоссозданию; второй — идею «оживления» живых, т. е. раскрытия и использования их творческого потенциала, воодушевление на «общее дело» жизнеутверждения и жизнотворчества. В комплекс идей, охваченных проблемой воскрешения, входит и «санитарный вопрос»: *экологические* мероприятия, направленные на оздоровление Земли, сохранение существующей на ней жизни (устранение заболеваний, эпидемий, голода, старческого одряхления).

Наиболее фантастическая и утопическая часть его философской системы: разработка проекта воскрешения предков, которым предусматривалось выявление и собирание всех атомов и молекул, некогда входивших в состав умерших организмов. Федоров считал, что волны, возникающие в результате вибрации молекул и несущие в себе лучевое изображение предков, созвучно откликнутся в живых существах, родственно связанный с умершими. В итоге произойдет соединение в прахе сродного и отделение чужого. Федоров называл этот процесс теллуру-солярым или теллуру-космическим. Для осуществления проекта он предлагал создать специальные научные центры, в состав которых, наряду с физиками, химиками, астрологами, физиологами, археологами, войдут представители науки о бесконечно малых молекулярных движениях.

Эта концепция, по сути дела, отрицала грань между живым и неживым, между душой и телом. Организм он рассматривал как ма-

шину, а мысль как разновидность вещества. «Соберите машину, — говорил он, — и сознание возвратится к ней». Поэтому задача полного телесного воскрешения, в конечном счете, сводилась к собиранию всех составных частей организма человека.

Хотя Федоров особо настаивал на буквальном, натуралистическом понимании воскрешения, эта идея не замыкается у него в чисто технические рамки. Она имела космические параметры. Связь между проектами воскрешения и выхода в космос Федоров усматривал в перенаселенности Земли: воскрешенные поколения неизбежно столкнутся с острой нехваткой жилья и продуктов питания. Чтобы выжить, они должны будут позаботиться о заселении космоса и таким образом обеспечить гармонизацию Вселенной.

Концепцию «общего дела» Федоров не сводил к воскрешению предков. Общее дело — это главным образом всеобщая *регуляция природы*, управление ее силами. Она, по мнению философа, имеет внутренний и внешний аспекты. Внутренний аспект подразумевал психофизиологическую регуляцию, т. е. управление слепыми силами в человеке. Внешняя регуляция простирается от Земли ко всему целостному миру — Космосу. Она имеет три ступени:

- метеорическую, объектом которой является Земля;
- планетарную (солнечная система);
- всеобщую космическую (бесконечная Вселенная).

На последней ступени Федоров считал вполне возможным сдвинуть Землю с постоянной орбиты и отправить ее в космические просторы по сознательно прокладываемому курсу, т. е. превратить нашу планету в космический корабль — «Земноход».

С развитием регуляции вся природа, по мнению Федорова, станет сферой человеческого обитания, объектом разума и труда, единой космохозяйственной системой. Человек, выйдя за земные пределы, объединит все миры Вселенной и превратит «Земноход» в «Планетоход».

Конечно, современному человеку предложенный русским мыслителем путь выхода из глобальных проблем кажется весьма фанта-

стическим, утопичным. Однако общий пафос федоровской философии «общего дела», его страстное желание восстановить нарушенное единство мироздания, распавшуюся связь времен, ценность человеческой души, преодолеть разрыв между человеком и природой, поднять ее стихийное развитие на уровень управляемой эволюции, оживить умерших и пробудить интерес к подлинной жизни погрузившихся в духовную спячку живых представляется весьма плодотворным и требует глубокого, всестороннего осмысления уже с учетом реалий современной цивилизации.

Из всех направлений русской философии в *советский* период наибольшего взлета достигла концепция космизма. Ее ярчайшими представителями принято считать В. И. Вернадского (1863–1945) и К. Э. Циолковского (1857–1935).

Обращаясь к рассмотрению материи, Циолковский выдвигал три «начала», или «принципа»: время, пространство и силу. С его точки зрения, это не обычные свойства материи, хотя они могут признаваться таковыми. Циолковский броско, с фанатической раскрепощенностью первотворца жизни космоса набрасывает общие принципы «нравственности земли и неба». Также ученый настаивал на применении к человеку искусственного отбора, с целью совершенствования человечества в целом. Космический взгляд, за который так ратовал Циолковский, особенно отчетливо выражен в трудах Вернадского. Вернадский стремился определить место человека на своем месте, смысл его философии выражен в книге «Научная мысль как планетное явление», ставшей вершиной его творчества. Фундаментальное открытие Вернадского — осознание того, что современная эпоха ознаменовывается переходом от *биосферы* к *ноосфере*. В отличие от большинства геологов Вернадский сочетая научный анализ и синтез, рассматривал судьбу кристаллов и минералов в связи с жизнью земной коры, атмосферы, природных вод. Он рассматривал минералы как подвижные, динамичные структуры, подвластные, как и все в природе, времени (тогда как минералы и кристаллы по старой традиции

представлялись ученым неподвижными геометрическими фигурами, не имеющими истории, то есть находящимися «вне времени»). Поэтому он не мог не отметить роль жизни на Земле: «Органический мир как целое является тем своеобразным фактором, который разрушает минеральные тела Земли и использует их энергию...». Таким образом, Вернадский ставил в один ряд живую и неживую природу, как участников единого геологического процесса, то есть он раскрывал глубинные взаимосвязи органического и неорганического миров.

Центральной темой учения о ноосфере является единство биосферы и человечества. Вернадский в своих работах раскрывает корни этого единства, значение организованности биосферы в развитии человечества. Это позволяет понять место и роль исторического развития человечества в эволюции биосферы, закономерности ее перехода в ноосферу. Одной из ключевых идей, лежащих в основе теории Вернадского о ноосфере, является то, что человек не является самостоятельным живым существом, живущим отдельно по своим законам, он сосуществует внутри природы и является частью ее. Это единство обусловлено прежде всего функциональной неразрывностью окружающей среды и человека, которую пытался показать Вернадский как биогеохимик. Человечество само по себе есть природное явление и естественно, что влияние биосферы сказывается не только на среде жизни, но и на образе мысли.

Основная черта русского космизма — идея *активной эволюции*, то есть необходимости нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство. Человек — существо сознательное, творческое, но несовершенное, призванное преобразовать не только внешний мир, но и собственную природу. Космисты обосновали нравственную и объективную необходимость активной эволюции и ионосферы, дали дальнейший толчок развитию научной и философской мысли.

По своему содержанию русская философия универсальна, она

исследует различные темы. Нестандартность, противоречивость социального бытия обусловили ее особый интерес к социально-политическим проблемам. Причем русская философия занималась не столько социально-философской проблематикой вообще, сколько судьбами собственной страны. Интерес к этой теме особенно возрос в конце XIX – начале XX вв. в связи с катастрофическим обострением социальной ситуации в России.

Проблемы особенностей русского самосознания и культуры, судеб России, ее роли в преобразении человечества разрабатывались русскими философами в начале века на основе выдвинутой В. Соловьевым «русской идеи» (1886). Начатое им исследование судеб России было активно продолжено его единомышленниками Е. Трубецким, В. Ивановым и др.

А сегодня, в XXI в. тема судьбы России и ее места в системе «Восток-Запад» еще более актуализировалась, и великий спор славянофилов, западников и евразийцев вряд ли можно считать оконченным...

ФИЛОСОФИЯ XX–XXI вв.

1. ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ
2. ПСИХОАНАЛИЗ И НЕОФРЕЙДИЗМ, ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ, НЕОПОЗИТИВИЗМ И ПОСТПОЗИТИВИЗМ, ГЕРМЕНЕВТИКА КАК РАЗНОВИДНОСТИ СЦИЕНТИСТСКИХ И АНТИСЦИЕНТИСТСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Постмодернистские тенденции в западной философии

В XX–XXI вв. мир кардинально изменился, ибо:

– человечество вступило в эпоху ноосферы, превратившись в главный фактор биосферных процессов. Все зримее обозначается перспективность нового подхода (ноогенного, системного, коэволюционного) к окружающей среде, стратегию взаимоотношений с которой необходимо строить с учетом ее собственных закономерностей и тенденций, рассматривая себя как высшую, но органическую часть природной целостности;

– начато освоение космического пространства;

– осуществляется научно-техническая революция (пока единственная в истории цивилизации), основными направлениями которой являются: автоматизация, роботизация, компьютеризация, миниатюризация и т. п.;

– качественно расширилась сфера «искусственной природы», мира вещей и явно оформилась техно-информационная реальность, функционирующая уже по собственным техно-информ-эволюционным законам, с которыми человек вынужден все более считаться. Создание международных компьютерных сетей и подключение к ним миллионов персональных устройств, возможности энергоинформационных технологий «давать жизнь» виртуальным, электронным реальностям могут иметь самые неожиданные последствия, так как «размы-

вают» границы уровней бытия;

- впервые возникли общепланетарные проблемы выживания;
- закончился (в передовых странах) период индустриального (классического капитализма) и начался процесс постиндустриального развития, связанный с формированием среднего класса, демократизацией и политикой социального партнерства.

Все это не могло не отразиться на содержании философских размышлений, для которых характерны следующие черты:

- **антропологизация** — пристальное внимание к человеку как главному предмету исследования;

- **психологизация** — проникновение во внутренний мир людей, в сферу потребностей, спонтанных порывов, волевых актов и душевных аффектов;

- **эстетизация** — изменение стиля самого философствования, обращение к художественно-образным способам изложения информации;

- **архаизация** — вовлечение в контекст анализа наиболее древних пластов интеллектуального наследия человечества, а также тех артефактов, которые ранее оставались на «обочине» рассмотрения;

- **фрагментация** — дробление некогда крупных философских течений на множество разнообразных направлений;

- **плюрализация** — отказ от признания единых общепринятых стандартов и эталонов истинного знания;

- **диалогизация** — сближение мировоззренческих установок Востока и Запада, философии и науки, научного и вненаучного подходов.

Указанные признаки, сочетаясь друг с другом и усиливая уже имеющиеся неклассические устремления философии XIX в., образуют феномен **постмодернизма**.

XX в., продолжив критику проектов Возрождения и Просвещения, востребовал идеи постмодернистских мыслителей XIX в. и переместил их в центр интеллектуального пространства. **Кьеркегор, Ницше, Паскаль** и др. были реабилитированы и стали почитаемы. Возникла некая хронологическая аберрация: Гегеля стали воспринимать

как далекое прошлое, а Кьеркегора — как современника. Постмодернистские настроения привлекли внимание *З. Фрейда, М. Хайдеггера, Гадамера, Ж. Деррида*, которых общество еще при жизни объявило выдающимися мыслителями и тем самым продемонстрировало свою готовность принять их идеи. В XX в. закончился процесс трансформации опыта сознания, фундаментальных сдвигов в формах человеческого мышления, начавшийся еще в XIX столетии.

В Европе сформировалась новая популяция людей, уверенных в возможности строить свои культуры без опоры на традицию, отказ от которой начался задолго до нашего века; а в нем завершился. Эпоха нового времени породила людей, отказавшихся от Бога, что и зафиксировал *Ф. Ницше* в своем знаменитом афоризме «*Бог умер*».

Пустынность и неуютность мира без Бога-опоры была на время закамуфлирована верой в могущество разума. XX в. объявил ему крестовый поход.

Постмодернистские претензии к разуму проявились, прежде всего, в философии постмодернизма, которая отказалась от услуг *законодательного разума* в пользу *разума интерпретативного*. Законодательный разум обрел свои права в Европе еще в XVII в. (Декарт, Бэкон и др.). Свое победоносное шествие он начал с поисков оснований познавательной деятельности, гарантирующих открытие истины, независимой от социальных и культурных влияний. Законодательный разум базировался на предположении о существовании некоего устойчивого всеобщего содержания, не выводимого из эмпирического, конечного бытия мира вещей, и разработал метод его постижения, названный научным, а после Гегеля и Маркса «*научный*» стало синонимом «*диалектический*».

Разум судил (одобрял или отвергал) все, происходящее в культуре, обосновывая это свое право наличием вечных, неизменных законов мышления. Отказ от услуг законодательного разума и есть главная характеристика культуры постмодернизма. Законодательная парадигма разума была заменена интерпретативной. Произошли глу-

бокие изменения в стиле и методах интеллектуальной деятельности.

Сомнение в универсальности понятия «*истина*», выработанного законодательным разумом, началось еще в герменевтике, которая мучительно искала ответы на вопросы: существует ли истинный смысл текстов, можно ли адекватно понять его? Проделав огромную исследовательскую работу, герменевтика в лице, например, Гадамера заявила, что *процесс раскрытия истинного смысла бесконечен*. Следовательно, или его вообще не существует, или не существует человека, который мог бы его открыть. В том и другом случае классическое понимание истины разрушается. Один и тот же текст может быть по-разному истолкован, и нет критерия выделения более предпочтительного, более истинного, толкования. *Ж. Деррида* в своей философии «деконструкции» обосновывает мысль о том, что любое толкование текста ведет не к раскрытию смысла, а к расширению текста, что делает процедуру толкования бесконечной. Перед лицом этой бесконечности теряет смысл сама идея «истинного» толкования с его правом отрицать все альтернативы, как не имеющие силы.

Интерпретативный разум отказывается работать в системе категорий научного мышления: *истина, сущность, закономерность, основание, причина*, восстанавливая суверенитет обыденного мышления, которое якобы меньше ошибается, чем понятийно-категориальное.

Объявив поиск истины ложной задачей, интерпретативный разум стал искать свои правила интеллектуальной деятельности, свои стили выражения мышления в слове. Отказываясь от построения философских систем и не признавая необходимости подчинения мышления законам диалектической логики, он утверждает, что словесно-языковое выражение мысли всегда случайно. Более того, его начинает интересовать то время бытия мышления, когда последнее еще не оформлено, хаотично, пульсирует, нагромождает мысль на мысль, перебивая их образами; мысль здесь течет, еще не подчиняясь строгим логическим правилам и требованиям категориальной упорядоченности, ее форма находится в становлении.

Философия включается в бесконечное рече- и текстопроизводство, лишенное первоисточника, а также адресата.

Итак, философия постмодернизма отказалась от классики, открыв новые способы и правила интеллектуальной деятельности, что явилось своеобразным ответом на рефлексивное осмысление происшедших в XX в. глобальных сдвигов в мировоззрении. Она прояснила те базовые понятия и те установки и ориентации, которые стали основополагающими в интеллектуальной деятельности, характерными для стиля мышления эпохи. Это:

во-первых, отказ от истины, а следовательно, от таких понятий, как «исток», «причина». Взамен вводится термин «след», как то единственное, что нам остается вместо прежней претензии знать точную причину.

Во-вторых, неприятие категории «сущность», ориентирующей исследователя на поиск глубин, корней явлений приводит к появлению понятия «поверхность» (резомы). В такой ситуации остаются невостребованными термины «цель», «замысел»: предпочтительными становятся «игра», «случай».

В-третьих, отказ от категорий истина, цель, замысел есть, по сути, отказ от категориально-понятийной иерархии, характеризующий и исследовательский, и даже литературный текст в модерне. Это понятие не работает в постмодернизме, сделавшем ставку на «анархию».

В-четвертых, в дискурсе модерна имели большое значение понятия «метафизика» и «трансцендентное». Постмодернизм противопоставляет «метафизике» «иронию», а «трансцендентному» — «имманентное».

В-пятых, если модерн стремился к «определенности», то постмодернизм тяготел к «неопределенности», делая это понятие одним из центральных в своей интеллектуальной практике.

В-шестых, на смену терминам «жанр», «граница» текста приходят «текст» или «интертекст», что дает мыслителю свободу творить, пренебрегая требованиями традиции.

И наконец, постмодернизм нацелен не на созидание, синтез,

творчество, а на «деконструкцию» и «деструкцию», т. е. перестройку и разрушение прежней структуры интеллектуальной практики и культуры вообще.

Деконструкция — не только выявление внутренней противоречивости текста, но и обнаружение скрытых (даже от самого автора) смыслов, «закованных» в языковую форму. Если для герменевтики главное — понять текст, то деконструктивизм как метод исследования ориентирован не на его содержание, а на способ изложения информации, заданный исторической культурой. Постмодернизм рассматривает любые рационалистические схемы объяснения как насилие над человеческой свободой. Вместо общих правил предлагается «веер» равнозначных индивидуалистских интерпретаций, игра слов, вышедших из-под опеки логики и формализующих структур. Эти тезисы обосновывал Ж. Деррида (1930–). Еще более радикальную позицию занимал М. Фуко (1926–1984), который абсолютизировал прерывность событий и их случайность. Такую парадигму разделяли Ж. Делез (1925–1995), Ж. Бодрийяр (1929–2007), Р. Барт (1915–1980). Так, последний ввел понятие «смерть автора», доказывая, что текст сам по себе обладает самостоятельной реальностью и ценностью.

Бинарная оппозиция основных понятий модерна и постмодернизма, представленная выше, свидетельствует о том, что постмодернистский дискурс не выводим из модернистского, не есть результат критической рефлексии, которая всегда нацелена на преемственность содержания. Он просто другой, в нем все плюсы поменяны на минусы, его содержание абсолютно противоположно модерну. Постмодернизм ничего не заимствует от традиции: он просто порывает с ней, «зряшно» отказывается от нее.

Постмодернистский интеллектуальный настрой на отказ от истины, от сущности, от признания закономерности исторического процесса и т. д. породил скептическое отношение и к возможности теоретического обоснования путей развития общества, составления всякого рода долгосрочных прогнозов, проектов изменения общества.

Постмодернисты готовы к самым резким выводам. Они стремятся расшатать все то, что сжимает человека в «объятиях тоталитаризма»: жесткие логические схематики, окончательные выводы, всяческий поиск устойчивого, преклонение перед авторитетами, властные структуры, в том числе науку и технику, поиск единообразия, насаждение необоснованных ценностей, стремление к неприменному согласию между людьми, умаление эмоционального и чувственного, культивирование устаревших эстетических и моральных идеалов. Призыв постмодернистов таков: больше хаоса, дискретности, плюрализма, чувственности, кризиса авторитетов, интуитивизма, поиска нестабильности, несогласия, нигилизма, отсутствия единообразия, иронии по отношению к признанным ценностям, калейдоскопичности, символичности, неустойчивости.

**Психоанализ и неофрейдизм, экзистенциализм, неопозитивизм
и постпозитивизм, герменевтика как разновидности
сциентистских и антисциентистских интерпретаций
современной философии**

Многочисленные школы и концепции группируются вокруг нескольких основных направлений. Период с 20-х по 90-е годы ознаменовался формированием ряда крупных философских направлений, которые создают «философскую картину» века.

Психоанализ и неофрейдизм

Зигмунд Фрейд (1856–1939), основоположник *психоанализа* — нового направления в психиатрии и психологии, принадлежащего к числу базовых культурных новаций XX века. Его появление радикально изменило взгляд на мир: психоанализ Фрейда порывает с представлениями, которые принято называть классическими, с картиной строго упорядоченного, рационально организованного мира. Возникший вначале как способ лечения неврозов, психоанализ постепенно стал общей теорией психологии. Ни одно психологическое на-

правление не приобрело столь широкую известность за пределами этой науки, как фрейдизм. Это объясняется влиянием его идей на искусство, литературу, медицину, антропологию и другие отрасли науки, связанные с человеком.

Учение Фрейда превратилось со временем в исключительно влиятельную философско-антропологическую концепцию, претендующую на роль всеобщего мировоззрения.

Психоанализ в его классической форме появился на рубеже XIX и XX столетий, когда намечалась ломка традиционных представлений о психической жизни человека, методах и границах познания психической реальности, ставшей объектом пристального внимания и споров философов, психологов, физиологов, неврологов. Из всего многообразия проблем, связанных с осмыслением психической реальности, можно выделить две главные, от правильного понимания которых во многом зависело решение всех остальных. Это, во-первых, проблема содержания психической реальности и, как более частный аспект ее, вопрос о правомерности сведения психики к сознанию; во-вторых, проблема метода исследования собственно психических явлений. Возникновение психоанализа как раз и связано со своеобразным видением З. Фрейдом этих основных, краеугольных проблем, с его попытками их собственной интерпретации и разрешения.

Психоанализ основан на нескольких фундаментальных *принципах*. Первый из них — принцип *детерминизма*. Психоанализ предполагает, что ни одно событие в психической жизни не является случайным, произвольным, ни с чем не связанным феноменом. Мысли, чувства и импульсы, которые осознаются, рассматриваются как события в цепи причинно-следственных отношений, определяемых ранним детским опытом индивида. С помощью специальных методов исследования, в основном через свободные ассоциации и анализ сновидений, можно выявить связь между текущим психическим опытом и событиями прошлого.

Второй принцип носит название *топографического подхода*.

Каждый психический элемент оценивается по критерию его доступности для сознания. Процесс вытеснения, при котором определенные психические элементы удаляются из сознания, свидетельствует о постоянных усилиях той части психики, которая не позволяет их осознать.

Согласно *динамическому* принципу, психика побуждается к действию сексуальными и агрессивными импульсами, которые являются частью общего биологического наследия. Эти влечения отличаются от инстинктивного поведения животных. Инстинкт у животных — стереотипный ответ, обычно явно направленный на выживание и вызываемый особыми стимулами в особых ситуациях. В психоанализе влечение рассматривается как состояние нервного возбуждения в ответ на стимулы, побуждающие психику к действию, направленному на снятие напряжения.

Четвертый принцип был назван *генетическим подходом*. Характеризующие взрослых конфликты, черты личности, невротические симптомы и психологические структуры в целом восходят к критическим событиям, желаниям и фантазиям детства. По контрасту с более ранними концепциями детерминизма и топографическим и динамическим подходами, генетический подход — не теория, а эмпирическое открытие, постоянно подтверждающееся во всех психоаналитических ситуациях. Суть его можно выразить просто: какие бы пути ни открывались индивиду, он не может уйти от своего детства.

Хотя психоаналитическая теория не отрицает возможного влияния наследственных биологических факторов, упор в ней делается на «критические события», особенно на последствия того, что происходило в раннем детстве. Что бы ни испытывал ребенок — болезнь, несчастный случай, утрату, наслаждение, жестокое обращение, совращение, покинутость, — в дальнейшем это каким-то образом скажется на его природных способностях и личностной структуре.

Фрейд как психопатолог, изучая характер и причины возникновения неврозов, оказался перед необходимостью исследования природы психического, в том числе тех структур психики, которые не

вписывались в собственно «сознательное» в человеке. Таким образом, сами задачи и объект исследования привели его к допущению таких психических актов, которые наряду с сознательными составляют специфическое содержание психики.

1. Фрейд выделяет три уровня сознания: *сознание, предсознание, бессознательное*. Одно из основных исходных положений сводится к тому, что собственно деятельными признаются те «психологические процессы, которые сами по себе бессознательны, а не процессы, составляющие содержание сознания». Любой душевный процесс существует сначала в бессознательном и только затем может оказаться в сфере сознания. Причем переход в сознание — это отнюдь не обязательный процесс, т. к., по мнению Фрейда не все психические акты становятся сознательными.

Фрейд выделяет, во-первых, скрытое, латентное бессознательное: сознательное представление о чем-либо, которое в последующее время может перестать быть таковым, но при определенных условиях способно снова стать сознательным; во-вторых, вытесненное бессознательное: представления, которые не могут стать сознательными потому, что им противодействует какая-то сила, и устранение этой противодействующей силы возможно лишь на основе специальной психоаналитической процедуры, с помощью которой соответствующие представления доводятся до сознания.

Предсознание как бы является мостиком между осознаваемым и неосознаваемым содержанием психики. Бессознательное — самая глубокая и значительная часть человеческого разума. Оно содержит в себе животные, примитивные инстинкты, эмоции и воспоминания, которые неприемлемы для нашей морали и нашей Я-концепции. Это могут быть неприятные или травматические события детства, агрессивные чувства к родителям, сексуальные влечения. Бессознательное — нелогичное, вневременное, хаотичное, аморальное. Содержания бессознательного, по мнению Фрейда, во многом накладывают свой отпечаток на нашу повседневную жизнь.

Фрейд пришёл к выводу, что бессознательное является неизбежной фазой психической деятельности каждого индивида: любой психический акт начинается как бессознательный и только в дальнейшем осознается, но может так и остаться бессознательным, если на пути к сознанию встречает непреодолимую для себя преграду. Фрейд, таким образом, не ограничился только констатацией самого факта существования в психике человека бессознательных представлений, но стремился вскрыть механизм перехода психических актов из сферы бессознательного в систему сознания.

Фрейд понимал, что бессознательное человек может распознать только путем перевода его в сознание. Но каким образом это возможно и что значит сделать нечто сознательным? Можно допустить, что внутренние бессознательные акты доходят до поверхности сознания или, наоборот, сознание проникает в сферу бессознательного, где «улавливает» и распознает эти акты. Но такие допущения не дают еще ответа на поставленный вопрос. Как же выйти из тупика? И здесь Фрейд находит решение, аналогичное тому, о котором в свое время говорил еще Гегель, высказывая остроумную мысль, что ответ на вопросы, которые оставляет без ответа философия, заключается в том, что они должны быть иначе поставлены. Не ссылаясь на Гегеля, Фрейд именно так и поступает. Вопрос: «каким образом что-либо становится сознательным?» — он облекает в форму вопроса: «каким образом что-либо становится предсознательным?». Для Фрейда предсознательным, а впоследствии и сознательным может стать только то, что некогда уже было сознательным восприятием, позабытым за давностью времени, но в той или иной степени сохранившим следы воспоминаний. В ряде случаев Фрейд пренебрегает своим членением бессознательного и вполне намеренно. Выделенные им психические системы собственно бессознательного и предсознательного он объединяет в одну в тех случаях, когда анализирует взаимоотношения бессознательного и сознания в структуре психики личности. В общем плане психика человека представляется Фрейдом расщепленной на две

противостоящие друг другу сферы сознательного и бессознательного, которые являются существенными характеристиками личности.

2. Но во фрейдовской структуре личности эти сферы представлены не равнозначно: бессознательное он считал *центральным* компонентом, составляющим *суть* человеческой психики, а сознательное — лишь особой инстанцией, надстраивающейся над бессознательным; своим происхождением сознательное обязано бессознательному и выкристаллизовывается из него в процессе развития психики. Многие значимые наши поступки *определяются и направляются бессознательными импульсами, влечениями*. Они не осознаются человеком, когда же они начинают осознаваться — это встречает сильное сопротивление и неприятие человеком. Но подавленные влечения и воспоминания проявляются в замаскированной, символической форме, так же как и неосознаваемые инстинктивные влечения косвенно находят удовлетворение в снах, фантазиях, игре и работе.

3. Акцентируя внимание на бессознательных влечениях человека, скрытых в глубинах человеческой психики и представляющих собой необузданные порывы, Фрейд обратился к рассмотрению «темной» стороны человеческой души. Расшифровка символического языка бессознательного, толкование сновидений, обнаружение симптомов болезненного расщепления внутреннего мира личности — все это неизбежно привело его к признанию того скрытого «дурного» начала в человеке, которое находило свое проявление в *природной сексуальности*, противостоящей культурным завоеваниям человечества.

Согласно Фрейду, уже в сновидениях обнаруживаются антисоциальные, противоморальные желания человека, свидетельствующие о его «дурных» наклонностях. Эти желания обретают свое самовыражение в символической форме, т. к. в сновидениях цензура сознания ослаблена, контроль человека над самим собой устранен, угрызания совести отсутствуют. Раскрытие символики языка бессознательного позволяет выявить все те «неприличные» желания индивида, которые, будучи вытесненными и подавленными днем, оживают и приобрета-

ют реальную значимость ночью во время сна.

В работе «Три очерка по теории сексуальности» Фрейд описал онтогенез сексуальных влечений (либидо). Они возникают с момента рождения и сопутствуют человеку всю жизнь. Половое влечение вначале не отделено от инстинкта самосохранения. Однако, в отличие от последнего оно обладает способностью к вытеснению и сложной трансформации.

Первая фаза *«оральной сексуальности»*: младенец переживает явное наслаждение не только при сосании груди, но и замещающих ее вещей (пальцы и т. п.). В дальнейшем либидо локализуется в различных телесных зонах и сладострастное ощущение связывается с деятельностью прямой кишки — фаза *«анальной сексуальности»*, функцией мочеиспускания — фаза *«уретальной сексуальности»*. Новорожденный — существо нарцисстическое, аутоэротическое, любит самого себя и наслаждается своим собственным телом. Контакт с окружением (прежде всего с матерью) ведет к распространению либидозных стремлений на лиц, окружающих его; он становится гетероэротичным. В *«фаллическом»* периоде (4–5 лет) детская сексуальность достигает вершины, и объектом либидо становится родитель противоположного пола: мальчик влюбляется в мать, девочка в отца (мальчик переживает *Эдипов комплекс*, девочка — *комплекс Электры*). Родитель того же пола становится конкурентом. Это ведет к возникновению внутридушевного конфликта, так как ребенок любит обоих родителей. В этой фазе, по мнению Фрейда, мальчик переживает кастрационный комплекс, девочка — представление, что она уже была так наказана. Выходом из этих конфликтов-комплексов является отождествление себя с конкурирующим (возненавиденным) и в то же время любимым родителем. Таким путем формируется основа морали — «Сверх-Я» и возможность активного подавления сексуальных влечений.

Далее в развитии сексуальности наступает период *«латенции»* в течение которого сексуальность становится фактически бездействующей и остается таковой вплоть до периода половой зрелости. В

пубертатном периоде в связи со сложными нейроэндокринными изменениями в организме сексуальность вновь оживает. Юноша (девушка) разрешает свой конфликт, направляя половое влечение на дозволенные — внешние объекты. Наступают период зрелости и нормальная половая жизнь.

Во фрейдовской теории считается, что легкость или сложность, пережитая ребенком при прохождении указанных *догенитальных фаз*, имеет фундаментальное влияние на его позднейшие (уже в качестве взрослого) отношения к основным формам поведения. По Фрейду человек в своей основе *антисоциален*. Общество должно приручать его, позволять ему какое-то удовлетворение его биологических — и поэтому непреодолимых — потребностей; но главная задача общества состоит в очищении и ограничении основных, низменных импульсов человека. В результате такого подавления этих импульсов происходит следующее: подавленные наклонности превращаются в стремления, имеющие культурную ценность, и таким образом становятся основой культуры. Этот переход от подавленного состояния к цивилизованному поведению Фрейд обозначил словом «сублимация». Если степень подавления сильнее способности к сублимации, то индивиды становятся невротиками и подавление нужно ослабить. Но вообще существует обратная зависимость между удовлетворением человеческих стремлений и культурой: чем больше подавление, тем больше достижений культуры (и больше опасность невротических расстройств). В теории Фрейда отношение индивида к обществу является, по существу, статичным: индивид остается, в общем, одним и тем же, изменяясь лишь постольку, поскольку общество усиливает нажим на его естественные наклонности (тем самым принуждая к большей сублимации) либо допускает их более полное удовлетворение.

4. Созданная здесь Фрейдом модель личности предстает как комбинация трех элементов, находящихся в определенном соподчинении друг с другом: «*Оно*» (*Id*) — глубинный слой бессознательных влечений, психическая «самость», основа деятельности индивида, та-

кая психическая инстанция, которая руководствуется своими собственными законами, отличными от законов функционирования остальных составных частей личности; «Я» (*Ego*) — сфера сознательного, посредник между бессознательным, внутренним миром человека и внешней реальностью, в том числе природными и социальными институтами, соизмеряющий деятельность бессознательного с данной реальностью, целесообразностью и внешнеполагаемой необходимостью; «Сверх-Я» (*Super-Ego*) — внутриличностная совесть, инстанция, олицетворяющая собой установки общества, своего рода моральная цензура, которая возникает как посредник между бессознательным и сознанием в силу неразрешимости конфликта между ними, неспособности сознания обуздать бессознательные порывы, стремления, желания человека и подчинить их требованиям культурной и социальной реальности. Пытаясь проникнуть в механизмы работы человеческой психики, Фрейд исходит из того, что выделенный им глубинный, природный ее слой — «Оно» — функционирует по произвольно выбранной программе получения наибольшего удовольствия. Но поскольку в удовлетворении своих страстей и вожделений индивид сталкивается с внешней реальностью, которая противостоит «Оно», в нем выделяется «Я», в русло социально одобренного поведения.

«Оно» также являет собой лишь видимость подчинения «Я»: как всаднику, не сумевшему обуздать лошадь, остается вести ее туда, куда ей хочется, так и «Я» превращает волю «Оно» в такое действие которое является будто бы его собственной волей. Как покорный слуга бессознательных влечений, фрейдовское «Я» пытается сохранить свое доброе согласие с «Оно» и внешним миром. Поскольку ему это не всегда удается, в нем самом образуется новая инстанция — «Сверх-Я» или «Идеал-Я», которая царит над «Я» как совесть или бессознательное чувство вины.

5. От напряжений, испытываемых под давлением различных сил, Я (Эго) спасается с помощью специальных «защитных механизмов» — вытеснения, рационализации, регрессии, сублимации и др.

Вытеснение означает произвольное устранение из сознания чувств, мыслей и стремлений к действию. Перемещаясь в область бессознательного, они продолжают мотивировать поведение, оказывают на него давление, переживаются в виде чувства тревожности. **Регрессия** — соскальзывание на более примитивный уровень поведения или мышления. **Сублимация** — один из механизмов, посредством которого запретная сексуальная энергия, перемещаясь на несексуальные объекты, разряжается в виде деятельности, приемлемой для индивида и общества. Разновидностью сублимации является творчество. **Патология** — использование репродуктивных органов не с целью реального или потенциального деторождения; реализация сексуальной энергии в извращенных формах фетишизма, садизма, мазохизма, лесбиянства, гомосексуализма, зоофилии, некрофилии, педофилии, эксгибиционизма, онанизма.

Фрейд был убежден, что симптомы невротических заболеваний следует искать в остатках и символах воспоминаний о сексуальных переживаниях, которые будто бы имеют место в детском возрасте каждого человека. Эти забытые переживания детства не исчезают, по Фрейду, автоматически, а оставляют неизгладимые следы в душе человека, и только раскрытием и переводением в сознание этих следов воспоминаний можно добиться устранения болезненных симптомов. Отсюда — особая психоаналитическая процедура лечения невротиков, которая определяется Фрейдом как своего рода продолжение воспитания и направлена на устранение остатков детства. Учение о сексуальной этимологии неврозов переросло затем у Фрейда в более общую теорию, согласно которой сексуальные влечения принимают самое непосредственное участие в создании высших культурных, художественных, этических, эстетических и социальных ценностей человеческого духа. Сам же Фрейд за подтверждением своей гипотезы обратился к мифологическим сюжетам, художественным и литературным памятникам истории, в частности к древнегреческому мифу о царе Эдипе. Миф рассказывает о трагической судьбе Эдипа, который

убивает царя Фив, не ведая, что это его отец, и, став царем, женится на своей матери. Когда же ему открылась истина, то, мучимый сознанием тяжкой вины, Эдип ослепляет себя. В этом мифологическом сюжете Фрейд усматривает не только доказательства того, что сексуальные влечения являются основой деятельности человека, но и подтверждение идеи о существовании тех сексуальных комплексов, которые якобы с детства заложены в человеке. Так родился известный фрейдовский постулат об извечно существующем «эдипове комплексе», согласно которому мальчик постоянно испытывает влечение к матери и видит в отце своего соперника. Под углом зрения инфантильных сексуальных влечений, кровосмесительных желаний Фрейд и рассматривает такие феномены как человеческую способность к образному мышлению, фантазии, творческую деятельность художников и даже поведение людей в обществе.

6. В конечном счете он выдвигает гипотезу о том, что деятельность человека обусловлена наличием как биологических, так и социальных влечений, где доминирующую роль играют «инстинкт жизни» (Эрос) и «инстинкт смерти» (Танатос).

Инстинкт Жизни или Эрос включает в себя понятие либидо и влечение к самосохранению, то есть силы, служащие цели поддержания жизненно важных процессов и обеспечивающие размножение вида. Признавая большое значение инстинктов жизни в физической организации индивидуумов, наиболее существенными для развития личности Фрейд считал сексуальные инстинкты. Энергия сексуальных инстинктов получила название либидо (от лат. «хотеть» или «желать»), или энергия либидо — термин, употребляющийся в значении энергии жизненных инстинктов в целом. Либидо — это определенное количество психической энергии, которая находит разрядку исключительно в сексуальном поведении. Согласно Фрейду, существует не один сексуальный инстинкт, а несколько. Каждый из них связан с определенным участком тела, называемым эрогенной зоной. В каком-то смысле все тело представляет собой одну большую эрогенную зону,

но психоаналитическая теория особо выделяет рот, анус и половые органы. Фрейд был убежден в том, что эрогенные зоны являются потенциальными источниками напряжения и что манипуляции в области этих зон, ведут к снижению напряжения и вызывают приятные ощущения.

Инстинкт Смерти или Танатос совершенно отделен от либидо и фактически представляет внутреннюю деструктивность и агрессию, направленную в первую очередь против себя. В то время как инстинкт Жизни является созидательным, инстинкт Смерти — это та сила, работа которой постоянно направлена к смерти и, в конечном счете, на возвращение к первоначальному неорганическому состоянию полной свободы от напряжения или усилия.

Предположение о существовании в человеческой существе такого инстинкта, который он назвал «влечением к смерти», Фрейд выводит из эволюции всего живого, которое, достигнув органического бытия, вследствие внутренних причин со временем умирает и возвращается к неорганическому состоянию. Все остальные влечения, включая и влечение к сохранению жизни, рассматриваются основателем психоанализа как обеспечивающие живому организму собственный путь к смерти: эти «сторожа жизни», по Фрейду, были первоначально слугами смерти, поскольку «целью всякой жизни является смерть» Фрейдовское предположение о существовании «влечения к смерти» относилось к тем его гипотетическим построениям и допущениям, на которых покоилось психоаналитическое учение, окончательно сложившееся в 20-е годы. Но именно оно является одной из наиболее мрачных и неубедительных гипотез в творческом наследии основателя психоанализа, в котором, несмотря на его замысел создать строго научную психоаналитическую теорию, не только не проводятся последовательно принципы научной объективности, но отчетливо видны элементы субъективной предвзятости.

7. По замыслу Фрейда, раскрытие природы бессознательных влечений должно было способствовать пониманию динамики и спо-

соба функционировании всех психических процессов. Согласно его предположению, человеческая психика функционирует по своим собственным законам: ее деятельность автоматически регулируется «принципом удовольствия», направляющим бессознательные влечения в русло получения максимального удовольствия. То, что не доставляет удовольствия, отвергается психическим аппаратом, который как бы блокирует все другие выходы психическим актам, ориентируя их только в том направлении, где возможно достижение удовольствия. Можно предположить, что, выдвинув «*принцип удовольствия*», Фрейд полностью примкнул к той философской традиции, в русле которой сложилось гедонистическое понимание человека. Однако это не так. Гедонизм прошлого покоился на рационалистических установках, согласно которым стремление человека к удовольствиям и достижению их сопровождается не разгулом бессознательных страстей, а деятельностью человеческого разума. Действие же выдвинутого Фрейдом «принципа удовольствия» происходит на уровне бессознательных влечений человека. Это изначально заданная, внутренне присущая каждому человеческому существу программа функционирования бессознательных психических процессов, которая не только не распространяется на сознательную деятельность человека, но и нередко противоречит ей, совершенно не вписываясь в установки сознания. Но функционирование человеческой психики по принципу получения максимальных удовольствий имеет, по Фрейду, и обратную сторону, заключающуюся в том, что, во-первых, удовлетворение происходит только в рамках самой психики, без выхода за ее пределы, и, во-вторых, оно сопровождается непредвиденными страданиями, ибо, как отмечал в свое время еще Эпикур, человек имеет потребность в удовольствии лишь тогда, когда страдает от его отсутствия, а в ином случае он не нуждается в удовольствии. Так Фрейд приходит к мысли, что в человеческой психике наряду с «принципом удовольствия» формируется такое самоорганизующее начало, функциональная деятельность которого соотнобразуется уже не только с запросами человека,

но и с условиями внешней реальности. Этот новый принцип — *«принцип реальности»* — выступает некой противодействующей силой «принципу удовольствия», которая вносит соответствующие коррективы в протекание психических процессов. Фрейдский «принцип реальности» предполагал, что для человека представляется важным не то, что приятно и доставляет ему удовольствие, а то, что действительно, реально, даже если оно и неприятно. Подобно тому как стремящийся к удовольствию человек руководствуется желанием получить удовольствие и избежать неудовольствия, так и придерживающийся «принципа реальности» ориентируется на поиск пользы и путей, застраховывающих его от вреда. Разумеется, Фрейд был далек от мысли, что психоаналитический «принцип реальности» устраняет всякую возможность получения человеком удовольствия. Нет, этот принцип не исключает конечной цели — достижения удовольствия, он лишь отодвигает возможность непосредственного удовлетворения, ведя окольными путями к удовольствию: мгновенное — значит, и неполное — удовольствие устраняется для того, чтобы обеспечить человеку более надежное, хотя и отсроченное удовлетворение. Таким образом, фрейдский «принцип реальности» является не чем иным, как модификацией «принципа удовольствия», программное действие которого сохраняет свою значимость для функциональной деятельности человека. Исходя из описанного выше соотношения между «принципом реальности» и «принципом удовольствия», Фрейд соответствующим образом истолковывает и возникновение конфликтных ситуаций между сознанием и бессознательным: психический аппарат не всегда в состоянии согласовать деятельность «Оно», руководящегося «принципом удовольствия», с деятельностью «Я», подчиняющегося «принципу реальности»; поскольку «принцип удовольствия» является господствующим в сфере бессознательных влечений, он часто берет верх над «принципом реальности», что, в свою очередь, неизбежно ведет к внутриспсихическим конфликтам. Так структурно-функциональный анализ личности привел Фрейда к при-

знанию трагичности человеческого существования: сложные взаимосвязи между различными пластами личности, принципами функционирования человеческой психики, влечения одновременно к созиданию и разрушению, стремления к продолжению жизни и уходу в небытие — все это во фрейдовской интерпретации человека служило подтверждением тех непримиримых антагонистических отношений, которые якобы существуют с момента рождения человеческого существа и до самых последних лет его жизни между сознанием и бессознательным, разумом и страстями.

8. Одной из областей приложения психоаналитического учения Фрейда стала философия истории и культуры. Считая, что с помощью психоаналитического исследования отдельного человека можно осветить многие загадки истории человечества, Фрейд использовал психоанализ для конструирования своей собственной философии истории. При этом Фрейд исходил из того, что психическое развитие отдельного человека сокращенно повторяет ход развития всего человечества, а протекание бессознательных процессов обуславливает специфику возникновения как этических и моральных норм человеческого поведения, так и общественных связей, культурных достижений и социальных институтов, свидетельствующих о прогрессе человеческой цивилизации от примитивных первобытных сообществ до современной организации буржуазного общества. Психоаналитическая картина истории развития первобытного состояния человечества впервые была дана Фрейдом в работе «Тотем и табу» (1913), где с позиций своего учения попытался объяснить процесс становления психической жизни примитивного человека.

На заре своего становления человек жил в первобытной орде, в которой главенствующую роль играл отец. Его силе и воле подчинялись все сыновья. Он один имел право на обладание женщиной, и те из его сыновей, которые, подрастая, пытались предъявить свои права, просто изгонялись отцом из первобытной орды. Возможность возникновения конфликтных ситуаций на почве завоевания женщин пре-

дотвращалась решительными действиями отца, который благодаря своей физической силе отстаивал свое право на монопольное обладание ими. Однако такое положение не могло продолжаться вечно. Изгнанные отцом братья объединились между собой, убили и съели отца, положив тем самым конец первобытной отцовской орде. Но братья находились под властью амбивалентных чувств, которые обнаруживаются и сегодня у детей и невротиков: они ненавидели отца и восхищались им. Удовлетворив чувство ненависти убийством отца, они оказались во власти нежных родственных чувств, на основе которых возникло сознание вины и раскаяние. Это побудило их навечно запечатлеть образ отца в виде тотема, объявив недопустимость убийства заместителя отца. Осознание вины за совершенное деяние заставило также братьев отказаться от желанных женщин и установить инцестуозный запрет. Так возникли основные табу тотемизма, совпадающие с вытесненными желаниями «эдипова комплекса».

Человеческая культура, по мнению Фрейда, и началась с этого великого события, постоянно напоминающего человеку о преступлении его предков. «Общество покоится теперь на соучастии в совместно совершенном преступлении, религия — на сознании вины и раскаянии, нравственность — отчасти на потребностях этого общества, отчасти на раскаянии, требуемом сознанием вины». Таким образом, в психоаналитической трактовке получается, что на сознании вины за совершенное преступление, которое незримо присутствует в душе каждого человека, покоится вся современная культура с ее предписаниями морали и все возрастающими ограничениями. Психоаналитическое толкование философии истории исходит из того, что религия, мораль, социальные чувства первоначально составляли одно целое: они «вырабатывались» филогенетически на базе «эдипова комплекса», а именно: религия и нравственность — посредством подавления этого комплекса, социальные чувства — в результате необходимости преодоления сопернических чувств между сыновьями за право обладать женщинами в первобытной орде. Однако, встав на такую точку зрения в толковании про-

исхождения религии, морали и социальных отношений между людьми, основатель психоанализа сразу же столкнулся с целым рядом проблем. Возник, например, вопрос, какая часть психики дикаря — «Я» или «Оно» — послужила основой для создания религии, морали. Если последние возникли из «Я», тогда следует говорить о наследственности, сохраняющейся в структуре «Я». Если религия, нравственность и мораль вытекают из «Оно», тогда необходимо раскрыть механизм возникновения религиозных представлений, этических и моральных предписаний, исходя не из осознания человеком чувства вины, а из чего-то другого. Напрашивался также вопрос, насколько правомерно распространение дифференциации психики культурного человека, ее составных частей — «Я», «Оно» и «Сверх-Я» — на человеческое существо, живущее в первобытном обществе. Фрейд попытался ответить на эти вопросы. Дифференциацию психики на «Я» и «Оно» он признает не только в современном или первобытном человеке, но и в более примитивных живых существах.

Мифы, как и религиозные ритуалы, имеют большое воспитательное значение, так как помогают человеку с детства усвоить нравственные нормы сообщества. Через идентификацию с мифологическим героем индивид может бессознательно удовлетворить запретные импульсы детства, и в то же время идеальные качества мифологического героя служат ему образцом для подражания.

Религия как социальный институт выполняет сходную функцию, отвечающую потребности общества в том, чтобы каждый его член соотносил свои желания с более общими целями. Психоаналитическое исследование позволило установить, что некоторые механизмы, посредством которых индивид пытается побороть бессознательные анти-социальные, инцестуозные, отцеубийственные, каннибалистские, извращенные или агрессивные желания, находят отражение в любой религиозной практике и религиозных ритуалах как в примитивных, так и в развитых сообществах. Религиозные ритуалы могут служить мощным инструментом трансформации импульсов «Оно» и усиления

идентификации «Я» в соответствии с моральными ценностями общества. Социальная структура формируется и поддерживается эротическими и нарциссическими влечениями к фигуре идеального вождя, который в результате служит объектом массового переноса (трансфера).

В литературе и искусстве глубоко вытесненные конфликты и тайные фантазии, которые тщательно затушевывались или даже не упоминались в произведениях прошлых веков, теперь благодаря психоанализу выражаются открыто и встречают понимание. Значение психоанализа было оценено художниками и теми, кто изучал гуманитарные дисциплины и науки об обществе, намного раньше, чем представителями фундаментальной науки и философии. Тема бессознательной мотивации и защитного искажения влечений неизменно присутствует в наши дни в работах литературных критиков и историков искусства, а также в сочинениях биографического жанра.

Таким образом, вся *культура* представляется Фрейдом построенной на внешнем или внутреннем подавлении бессознательных влечений человека, который поступился частью своего природного достоинства, подвергнув сублимации свои первоначально сексуальные стремления. В работах 20–30-х годов при рассмотрении истории культурного развития человечества Фрейд учитывает уже и социальные факторы существования человека, пытается раскрыть материальные и духовные аспекты культуры в их взаимном переплетении. Такой подход к осмыслению истории культуры был, разумеется, более плодотворным. Усилилась критическая тенденция его теории. Фрейд подметил, что в то время как человечество достигло значительных успехов в познании закономерностей явлений природы и в подчинении себе природных сил, «в области регулирования человеческих отношений нельзя установить такого же прогресса». Вместе с тем поскольку материальные достижения цивилизации, свидетельствующие о победах человека над природой, не устранили губительных как для отдельного индивида, так и для цивилизации в целом последствий, которые приводят к психическим расстройствам и душевным надломам личности, постольку, по

мнению Фрейда, теоретические и практические исследования должны быть сосредоточены прежде всего на психике человека. Принципиально не изменило эту его позицию даже обращение к трудовым процессам человека в обществе, что само по себе являлось значительным шагом вперед по сравнению с его ранними работами, в которых он акцентировал внимание на сексуальной деятельности индивида. Фрейд признает, что никакая другая деятельность человека не связывает его с социальной реальностью так, как это делает увлечение работой. Профессиональная деятельность людей способна принести такое удовлетворение человеку, которое он не может получить в сфере сексуальных отношений: это возможно в том случае, когда профессиональная деятельность свободно выбирается человеком. Но в современном обществе, констатирует Фрейд, большинство людей работают только по необходимости и, следовательно, не получают от работы никакого удовлетворения, за исключением денежного вознаграждения. Пытаясь обозреть культурные и социальные институты человечества через призму протекания психических процессов, Фрейд отталкивается от созданной им модели личности. Он считает, что механизмы психического взаимодействия между различными инстанциями личности находят свой аналог в социальных и культурных процессах общества. Поскольку человек не существует изолированно от других людей, в его психической жизни всегда присутствует «другой», с которым он вступает в контакт, постольку и психология личности в понимании основателя психоанализа является одновременно и социальной психологией. Отсюда его вывод, что психоаналитический вывод может быть использован не только при изучении индивидуально-личностных, но и культурно-социальных проблем, то есть этот метод неоправданно возводится им в ранг универсального.

Рассматривая с психоаналитических позиций исторический процесс культурных и социальных образований, Фрейд прибегает к научно не обоснованным обобщениям: антагонизмы между индивидом и обществом, которые наблюдались им в буржуазной культуре, он

считает неотъемлемой частью всей человеческой жизни.

В психологическом толковании Фрейда *религия* выступает как защитная мера человека против своих бессознательных влечений, которые в религиозных верованиях получают иносказательную форму удовлетворения, благодаря чему внутриспсихические конфликты личности между сознанием и бессознательным утрачивают свою остроту. Такое понимание религии совпадает с ранней фрейдовской трактовкой культурного развития человечества, согласно которой в основе прогресса культуры лежит внешнее и внутреннее подавление сексуальных влечений человека. Фрейд считает, что часть процесса подавления человеческих инстинктов совершается в пользу религии, разнообразные обряды и ритуалы которой символизируют отречение человека от непосредственных чувственных удовольствий, чтобы впоследствии приобрести умиротворение и блаженство в качестве воздаяния за воздержанность от плотских наслаждений. В религии, по Фрейду, как раз и преломляется миссия смещения функциональной деятельности психики человека от «принципа удовольствия» к «принципу реальности»: религиозные обряды ориентированы на отсроченность удовлетворения человеческих желаний и перевод бессознательных влечений в социально приемлемую плоскость поклонения божеству. Таким образом, религия получает у Фрейда сугубо психологическое (а точнее, психоаналитическое) объяснение, в основу которого положена человеческая способность к сублимированию бессознательных влечений, проецированию их вовне и символическому удовлетворению социально.

Психоаналитический метод используется Фрейдом и при анализе специфических особенностей художественного творчества и проблематики искусства.

Как в том, так и в другом случае предлагается психоаналитическая процедура по расшифровке «языка» бессознательного, который в символической форме обретает будто бы свою самостоятельность в фантазиях, мифах, сказках, снах, произведениях искусства. *Искусство*, таким

образом, рассматривается Фрейдом как своеобразный способ примирения оппозиционных принципов «реальности» и «удовольствия» путем вытеснения из сознания человека социально неприемлемых импульсов. Оно способствует устранению реальных конфликтов в жизни человека и поддержанию психического равновесия, то есть выступает в роли своеобразной терапии, ведущей к устранению болезненных симптомов. В психике художника это достигается путем его творческого самоочищения и растворения бессознательных влечений в социально приемлемой художественной деятельности. По своему смыслу такая терапия напоминает «катарсис» Аристотеля. Но если у последнего средством духовного очищения выступает только трагедия, то основатель психоанализа видит в этом специфику всего искусства. Основной функцией искусства он ошибочно считает компенсацию неудовлетворенности художника реальным положением вещей. Да не только художника, но и воспринимающих искусство людей, поскольку в процессе приобщения к красоте художественных произведений они оказываются вовлеченными в иллюзорное удовлетворение своих бессознательных желаний, тщательно скрываемых и от окружающих, и от самих себя. Искусство несомненно включает функцию компенсации. Компенсирующая функция искусства в определенных условиях может даже выдвинуться на передний план, как это нередко случается в современной буржуазной культуре, духовные продукты которой предназначены для примирения человека с социальной действительностью, что достигается путем отвлечения его от повседневных забот, реальных проблем жизни.

Некоторые из первых учеников Фрейда, прежде всего *К. Юнг* (1875–1961) и *А. Адлер* (1870–1937), использовали психоанализ как отправную точку для развития собственных психологических концепций. Юнг во многом иначе, чем Фрейд, трактовал природу влечений. Кроме личных конфликтов индивида, имеют значение культурно обусловленные и бессознательно передающиеся символические представления основных «тем» человеческого существования.

Согласно его концепции в центре индивидуального опыта присутствуют постоянно появляющиеся мифологические темы, общие для всего человечества. В основе всех борющихся тенденций в жизни личности лежат архетипические (первичные) образы, конфликтующие между собой.

Если по Фрейдю, в бессознательную психику индивида могут войти явления, вытесненные из сознания, то Юнг считал ее насыщенной формами, которые ни в коем случае не могут быть индивидуально приобретенными, но являются даром далеких предков. Анализ позволяет «нащупать» этот дар, образуемый несколькими потаенными психическими структурами, которые Юнг назвал архетипами. *Архетипы* действуют в человеке инстинктивно. В своей знаменитой работе «Архетип и символ» Юнг следующим образом поясняет суть этого понятия: «Под архетипами я понимаю коллективные по своей природе формы и образцы, встречающиеся практически по всей земле как составные элементы мифов и в то же время являющиеся автономными индивидуальными продуктами бессознательного происхождения. Архетипические мотивы берут свое начало от архетипических образов в человеческом уме, которые передаются не только посредством традиции и миграции, но также с помощью наследственности. Эта гипотеза необходима, так как даже самые сложные архетипические образцы могут спонтанно воспроизводиться без какой-либо традиции. Прообраз или архетип является сформулированным итогом огромного исторического опыта бесчисленного ряда предков. Это, так сказать, психический остаток бесчисленных переживаний одного и того же типа». Понятие архетипы Юнг разъясняет на основе учения о *коллективном бессознательном*, он проводит четкое разделение между индивидуальным и коллективным бессознательным. Индивидуальное бессознательное отражает личностный опыт отдельного человека и состоит из переживаний, которые когда-то были сознательными, но утратили свой сознательный характер в силу забвения или подавления. Коллективное бессознательное — это общечеловеческий опыт,

характерный для всех рас и народов. Оно представляет собой скрытые следы памяти человеческого прошлого, а также дочеловеческое животное состояние. Оно зафиксировано в мифологии, народном эпосе, религиозных верованиях и проявляется, то есть выходит на поверхность, у современных людей через сновидения. Поэтому для Юнга главным показателем действия бессознательного являются сновидения и его психоаналитическая деятельность.

Утверждая, что «теория сексуальности чрезвычайно важна для меня и в личностном, и в философском смысле», Юнг, тем не менее отрицает ее, как единственное выражение психической целостности личности и приводит многочисленные примеры «неврозов, в которых проблема сексуальности играла подчиненную роль, а на передний план выходили другие факторы, например, проблема социальной адаптации, давление трагических обстоятельств жизни, соображений престижа и т. д.».

Адлер считал, что фрейдовский психоанализ недооценивает роль социальных факторов, подчеркивая первичность сексуальных влечений. Причины индивидуальных конфликтов он связывал с более поверхностно лежащими факторами, особенно с чувством *неполноценности* и ощущением неопределенности своего социального статуса, физических способностей или сексуальных возможностей. Многие из представлений Адлера внесли вклад в дальнейшее развитие концепций самооценки и особенно в анализ ее нарушений при так называемых нарциссических личностных расстройствах.

Если Фрейд в объяснении мотивов поведения личности сосредоточивал свое внимание на выявлении причины действий человека, то А. Адлер считал, что для этого необходимо знать конечную цель его устремлений, «бессознательный жизненный план», при помощи которого он старается преодолеть напряжение жизни и свою неуверенность. Согласно учению Адлера, индивид из-за телесных дефектов (несовершенства человеческой природы) испытывает чувство неполноценности или малоценности. Стремясь преодолеть это чувство и

самоутвердиться среди других, он актуализирует свои творческие потенции. Эту актуализацию Адлер, используя понятийный аппарат психоанализа, называет компенсацией или сверхкомпенсацией. Сверхкомпенсация — это особая социальная форма реакции на чувство неполноценности. В «комплексе неполноценности» Адлер видит источник неврозов.

О. Ранк (1884–1939) был поражен открытиями, которые были сделаны в ходе исследования отрицательных последствий разлуки ребенка с матерью. Он развил гипотезу Фрейда о травме рождения как прототипе тревожной ситуации и предложил систему психотерапии, основанную на преодолении травмы разлуки. Ранк считал волю решающим фактором в отношениях между пациентом и психоаналитиком, и его система психотерапии известна как терапия воли.

Дальнейшее развитие психоанализа. Приход к власти нацистов заставил многих европейских психоаналитиков эмигрировать в США, куда и переместился центр психоаналитической мысли. В этот периода ведущими учеными-психоаналитиками были Х. Хартман (1894–1970), Э. Крис (1900–1957) и Р. Левенштейн (1898–1976). В ряде совместных публикаций они сформулировали основные положения психоанализа как фундамента общей психологии. Развитие хартмановского понятия адаптивной функции «Эго» способствовало формулировке основополагающих рабочих гипотез о природе влечений, созревании и развитии психического аппарата. Свой вклад в эти теории внесла и дочь Фрейда — Анна Фрейд (1895–1982), занимавшаяся психоанализом детей и долгосрочными исследованиями детского развития. Она проанализировала различные средства, которыми «Эго» защищается от угрозы вторжения нежелательных бессознательных импульсов.

Главная тема современных психоаналитических исследований — это значение привязанности младенца к матери. Проблемы, возникающие на этой стадии прежде всего из-за холодности или безразличия матери, могут сыграть решающую роль в возникновении тяжелых личностных расстройств. Взаимодействие матери и ребенка, по-видимому,

является критическим для развития личности и самооценки.

В конце 30-х годов возник *неофрейдизм* соединивший психоанализ Фрейда с социологическими теориями. Подвергнув критике ряд положений классического психоанализа в толковании внутриспсихических процессов, но оставив важнейшие его концепции (иррациональные мотивы человеческой деятельности, изначально присущие каждому индивиду), представители неофрейдизма перенесли центр тяжести на исследование межличностных отношений. Это сделано в стремлении ответить на вопросы о человеческом существовании, о том, как человек должен жить и что должен делать. Причиной неврозов у человека они считают тревогу, зарождающуюся еще у ребенка при столкновении с исходно враждебным ему миром и усиливающуюся при недостатке любви и внимания. Позже такой причиной становится невозможность для индивида достичь гармонии с социальной структурой современного общества, которое формирует у человека чувство одиночества, оторванности от окружающих, отчуждение. Именно общество рассматривается как источник всеобщего отчуждения и признается враждебным коренным тенденциям развития личности и трансформации ее жизненных ценностей и идеалов. Через исцеление индивида может и должно произойти исцеление всего общества. К числу наиболее известных представителей неофрейдизма относятся К. Хорни (1885–1953), Э. Фромм (1900–1980), В. Райх (1897–1957), Г. Маркузе (1898–1979) и др.

Ведущим представителем неофрейдизма был Э. Фромм. Значительную роль в формировании взглядов Фромма сыграло то, что в 1929–1932 гг. он был сотрудником Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне, где в те годы складывалась Франкфуртская школа (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе). Фромм принимает ту интерпретацию марксизма, которая сложилась в этой школе, стремясь синтезировать идеи «молодого Маркса» с психоанализом и другими современными философскими течениями (экзистенциализм, философской антропологией и др.). Он считал, что в личности нет ничего природного. Все ее психические проявления — это

следствие погруженности личности в различные социальные Среды. Однако, в отличие от марксизма, Фромм выводит характер формирования того или иного типа личности не из прямого воздействия социальной Среды, а из двойственности человеческого существования: «экзистенциальной» и «исторической». К экзистенциальной составляющей человеческого бытия он относит два факта: человек, по его словам, изначально находится между жизнью и смертью, «он брошен в этом мире в случайном месте и времени» и «выбирается из него опять же случайно», существует противоречие между тем, что каждое человеческое существо является носителем всех заложенных в нем потенций, но не может реализовать их в результате кратковременности своего существования. Человек не может избежать этих противоречий, но реагирует на них различными способами, соответственно своему характеру и культуре.

Совершенно иную, по Фромму, природу имеют исторические противоречия. Они не являются необходимой частью человеческого существования, а создаются и разрешаются человеком или в процессе его собственной жизни, или в последующие периоды истории. Устранение исторических противоречий Фромм связывал с созданием нового гуманистического общества. В книге «Революция надежды» (1968) Фромм излагает свои представления о путях гуманизации современного общества. Он возлагал большие надежды на введение «гуманистического планирования», «активизацию индивида путем замещения методов «отчужденной бюрократии» методами «гуманистического управления», изменения способа потребления в направлении увеличения «активации» человека и устранения его пассивности, распространения новых форм психодуховной ориентации», которые должны быть «эквивалентами религиозных систем прошлого». Одновременно Фромм выдвигает идею создания небольших общностей, в которых люди должны иметь свою собственную культуру, стиль жизни, манеру поведения, основанную на общих «психодуховных ориентациях», напоминающих результаты и символы церковной жизни.

На творчество одного из лидеров неопрейдизма К. Хорни оказала серьезное влияние ситуация социальных потрясений, в которые вошел мир в период второй мировой войны, связанных с установлением фашистского господства в Германии и фашистской оккупации Европы. Как и другие последователи Фрейда, она придавала важное значение бессознательным процессам и психической жизни личности. Своеобразие К. Хорни проявилось в том, что основным побудительным мотивом она считала стремление к безопасности, постоянно рождающееся из состояния боязни и страха индивида. Чувство тревоги и беспокойства, которые Хорни считала базовыми для поведения индивидов, по ее мнению, сопровождают человека на протяжении всей жизни. Оно может быть вызвано недостатком уважения, враждебной атмосферой и насильственным подавлением желаний посредством власти или авторитета. Хорни доказывает, все конфликты, возникающие в детстве, порождаются отношениями ребенка с родителями. Именно из-за характера этих отношений у него возникает базальное чувство тревоги, отражающее базальное чувство тревоги в потенциально враждебном мире. Невроз есть не что иное, как реакция на тревожность, описанные же Фрейдом извращения и агрессивные тенденции являются не причиной невроза, а его результатом.

В книге «Наши внутренние конфликты» (1945) К. Хорни формирует три типа направленности поведения личности по отношению к окружающим ее людям:

- к людям, как потребность в любви;
- от людей, как потребность в независимости;
- против людей, как потребность во власти.

При стойком доминировании в поведении индивида одного из этих векторов складываются три типа невротической личности:

- услужливая, ищущая любви, одобрения любой ценой;
- пытающаяся отрешиться от общества;
- агрессивная, жаждущая престижа и власти.

Поскольку все эти формы реакций являются неадекватными,

создается порочный круг: тревожность не устраняется, а наоборот, нарастает, порождая все новые и новые конфликты.

Идеи нефрейдизма, несмотря на свои психологические концепции, имели огромное влияние на общественную жизнь, этику, культуру. Воззрения неопрейдистов получили особенно широкую известность в середине 60-х годов во времена выступлений «новых левых», которые с энтузиазмом восприняли идеи Райха о «сексуальной революции», Маркузе об «одномерном» человеке и необходимости социальных перемен.

Большой вклад в философское осмысление фрейдовских идей внесли представители *франкфуртской школы*. В основе философских построений франкфуртцев, наряду с идеями Гегеля, Ницше и других мыслителей, лежит психоаналитическое учение Фрейда о человеке и культуре.

По мнению Хоркхаймера, именно Фрейд положил начало переосмыслению традиционных отношений между отцом и сыном. В современном обществе уже не отец, а ребенок становится той реальностью, за которой скрываются движущие силы социального развития. Хоркхаймер и его последователи считают, что психоанализ внес значительный вклад в освещение взаимоотношений между семьей и обществом, родителями и детьми. Фрейд выявил амбивалентную установку детей к своим родителям. Однако в настоящее время ребенок значительно раньше, чем прежде, обнаруживает, что отец не обладает достаточной властью и силой, чтобы защитить его от различного рода социальных невзгод. В поисках авторитета он стремится отождествить себя уже не с отцом, а с его более сильным заместителем «сверхотцом», или образом, созданным «тоталитарной идеологией». Именно в подобном переосмыслении взаимоотношений между ребенком и родителями многие представители франкфуртской школы пытаются отыскать истоки авторитаризма, антисемитизма, фашизма.

Психоаналитические идеи органически включаются в размышления Хоркхаймера о проблемах рациональности в современной ин-

дустриальной культуре, отношениях между человеком и природой, «сциентистской ошибке» разума, приводящей к массовому безумию и «тотальной паранойе». Если Фрейд стремился отыскать связывающие пути между «эдиповым» комплексом и беспомощностью человека, нуждающегося в защите от сил природы, то сходные рассуждения имеются и у Хоркхаймера, согласно его взглядам, ребенок наделяет отца сверхъестественной силой, переносит этот образ во внешний мир, пытается преодолеть свое бессилие путем покорения и разрушения природы и, испытывая ненависть к своему отцу, переводит это чувство в «возмущение против самой цивилизации». Фрейд считал, что каждый человек является противником культуры. Развивая это положение, некоторые его последователи попытались свести агрессивность индивида по отношению к природе и культуре в целом к иррациональным наклонностям человека, возникающим в глубинах человеческой психики и переносимым на внешний мир. Хоркхаймер не разделяет подобной точки зрения, полагая, что «ненависть цивилизации» не является иррациональной проекцией психологических затруднений личности во внешний мир. Он соотносит фрейдовские рассуждения о «сублимации сексуальных влечений» и «принципе реальности» с индустриализмом, подчиняющим сексуальные отношения социальному господству, и с «духом коммерческой культуры», проникающим в кровь и плоть всех взаимоотношений между людьми.

В понимании Фрейда, по мере развития человеческой цивилизации происходит все большее распространение психических заболеваний, сопровождающееся возникновением «невротических культур», когда пациентом становится весь человеческий род. Аналогичные идеи развиваются Хоркхаймером и Адорно в их совместном труде «Диалектика просвещения. Философские фрагменты» (1947), где подробно обсуждается проблема рациональности и «сциентизации разума» в западноевропейской культуре. Как полагают Хоркхаймер и Адорно, в период мифологического познания мира произошло отделение разума от природы. В дальнейшем это отделение разума от

природного мира вылилось в стремление к полной автономии разума от каких либо природных уз и к господству его над природой. «Просвещение» обернулось порабощением природы, а вместе с ним и болезненным расстройством разума, ибо, с одной стороны он пребывает в иллюзии относительно своего могущества над природой, а с другой постоянно испытывает безотчетный страх перед возможностью проявления своего собственного природного начала, связывающего человека с окружающим его миром, что толкает его на выражение враждебного отношения к природе. Безумство, сумасшествие, болезнь разума приняли такие «параноидальные формы», которые в завуалированном виде выступают в облике «тоталитарной идеологии», культа сильной личности и мании величия, приведших, в частности, к взлету фашизма.

В середине 50-х годов Маркузе попытался по-своему рассмотреть те же самые проблемы, которые затрагивались Адорно и Хоркхаймером. Специфика маркузианского подхода к осмыслению взаимоотношений между человеком и культурой состоит в том, что, в отличие от Хоркхаймера и Адорно, использовавших психоаналитические идеи для объяснения освещаемых ими явлений, у Маркузе психоаналитическое учение Фрейда выступает в качестве философской призмы, через которую он стремится осмыслить историческую направленность развития человечества. Маркузе отталкивается от фрейдовских идей о «принципе реальности», «инстинкте жизни» и «инстинкте смерти». Он считает, что именно во фрейдовских метапсихологических концепциях содержатся ценные идеи, относящиеся к толкованию истории развития человеческой цивилизации.

Маркузе приходит к выводу, что в условиях «тотального отчуждения» конфликтная ситуация происходит не между трудом («принцип реальности») и Эросом («принцип удовольствия»), а между отчужденным трудом («принцип производительности») и Эросом. «Прибавочная репрессия» и «принцип производительности», как продукты развитого индустриального общества, могут быть устранены,

поскольку достижения «репрессивной цивилизации» с ее рационализацией и высоким уровнем производства создают предпосылки для исключения репрессивности, связанной с принуждением к труду, ибо появляется возможность не только для упразднения отчужденного труда, но и совмещения двух видов человеческой деятельности — трудовой и игровой, когда производство и потребление, работа и наслаждение становятся неотъемлемыми друг от друга. В отличие от Маркса, который выдвигал требования осуществления пролетарской революции, способствующей устранению отчужденного труда, Маркузе считал, что любая революция против существующей общественной репрессии и господства одной социальной группы над другой завершается возникновением элементов «самозащиты», превращающейся в новое господство.

«Нерепрессивная цивилизация» соотносится у Маркузе с новым «принципом реальности», в соответствии с которым, влечение человека освобождаются от тирании «репрессивного разума». Речь идет об установлении новых отношений между инстинктами и разумом, когда благодаря «самосублимации сексуальности» и трансформации либидо от генитального удовлетворения к «эротизации всей личности» станет возможной «нерепрессивная организация» самих инстинктов человека. Подобная идея в скрытом виде содержалась в психоаналитическом учении, ибо, с точки зрения Маркузе, психоаналитические концепции имели не только психологический, но и социальный смысл. Подобные идеи вызвали негативную реакцию среди тех франкфуртцев, которые не разделяли взглядов Маркузе на его толкование психоаналитического учения Фрейда. Так, резкое критическое отношение к маркузизанской интерпретации психоанализа и стратегии развития «нерепрессивной цивилизации» выражает Фромм. Он считает, что понимание Маркузе «нерепрессивной цивилизации» не только не имеет ничего общего с фрейдизмом, но, по сути дела, свидетельствует о контрреволюционных тенденциях, отстаиваемых этим теоретиком, ибо акцент на «освобождение

Эроса» и развитие «новой чувственности» означает не реальное освобождение человека, а регрессию к инфантильной либидозной цивилизации. Фромм считает, что Маркузе допустил серьезные ошибки при толковании «принципа удовольствия» и «принципа реальности». Он рассматривал «принцип удовольствия» как обусловленный всецело гедонистическими целями, а «принцип реальности», как относящийся исключительно к социальным нормам. В то время как, согласно Фромму, во фрейдовском учении «принцип реальности» является определенной модификацией «принципа удовольствия», а не его противоположностью. «Принцип реальности», как он трактовался у Фрейда, не соотносится с нормами конкретной социальной организации бытия людей. В одном обществе он может служить средством жестокого подавления бессознательного влечения человека, в другом не является причиной сексуальной репрессии. «Принцип реальности» остается одним и тем же в обоих случаях, но то, что подавляется, «зависит от системы социального характера, а не от различных «принципов реальности».

Кроме того, Фромм обнаруживает «ошибку» в маркузианской интерпретации фрейдовской концепции подавления влечения человека, поскольку в его варианте «репрессия» в равной степени распространяется на сознательные и бессознательные действия, в то время как в классическом психоанализе «репрессия» рассматривалась в динамическом смысле, в форме вытеснения бессознательного.

По-своему интерпретируя психоаналитическое учение Фрейда, франкфуртцы порой не только не соглашаются друг с другом, но и высказывают противоположные суждения, как это имело место в работах Маркузе и Фромма. Подобная ситуация характерна для западной философии в целом, в рамках которой отношение к психоанализу неоднозначно и противоречиво. Не соглашаясь в оценке идей Фрейда и развивая его различные концепции, франкфуртцы единодушны в одном: каждый из них считает, что классический психоанализ включает критическое содержание, которое должно служить основой

«критической теории», разрабатываемой в лоне франкфуртской школы, но все последующие ревизии его являются отходом от «революционного ядра» психоаналитического учения Фрейда.

Итак, как показано выше, психоаналитические идеи органически вписываются в концептуальные построения ведущих представителей франкфуртской школы. Каждый из них по-своему пытается переосмыслить психоаналитические концепции. При этом все они апеллируют главным образом к самосознанию человека, к его критической саморефлексии как к единственному средству разрушения «ложного сознания» и излечения разума от его «помрачения».

Отсюда их обращение к психоанализу, который рассматривается в качестве терапии индивидуальной и социальной патологии, обеспечивающей устранение агрессивных и деструктивных влечений людей, направленных как против их самих, так и против человечества в целом.

Психоанализ в значительной мере повлиял на развитие всей западной цивилизации. Понимание того что на поведение человека влияют факторы, лежащие вне сферы его сознания и находящиеся в лучшем случае под частичным контролем, прибавило здравомыслия в оценке как окружающих, так и самих себя. История предлагает обильные доказательства того, сколь ненадежны устои морали, которые сдерживают примитивные, порочные и преступные импульсы, таящиеся в глубинах психики человека. С другой стороны, психоанализ показал, что мы одновременно и более моральны, и более аморальны, чем предполагали ранее. Эта изменившаяся картина человеческой мотивации и психологии сыграла важную роль в изменении социальных установок в западном мире особенно в отношении таких вопросов, как сексуальные нравы, правосудие и, более того, все социальные и политические институты, рассматриваемые как «области приложения» человеческой психологии.

Психоаналитические подходы оказали влияние и на социальные науки. Открытие универсальности эдипова комплекса и инцестуозных табу предлагало новое понимание примитивных систем родства и

общей природы социальной организации. В полевых исследованиях, проведенных этнографами, знающими психоаналитические теории и методологию, было собрано множество фактов, связанных с сексуальной идентификацией, ролевыми моделями, динамикой воспитания детей и формирования характера, смыслом церемоний инициации, значением ритуалов в анимистических и религиозных культурах. Психоаналитические понятия и методы успешно прилагались и к проблемам социальных отношений в технически развитых обществах. Изучение взаимовлияния между конфликтами, характерными для разных фаз индивидуального развития, и опытом взросления в определенной культуре породило новую науку — этнопсихологию. Аналогичное изучение взаимозависимости между конфликтами в жизни одаренных лидеров и национальным историческим контекстом дало жизнь еще одной дисциплине — исторической психологии.

Кроме того, некоторые результаты психоаналитических исследований оказалось возможным экстраполировать на такую область, как связи между людьми и психологические механизмы, приводящие к групповому взаимодействию и сплоченности. В частности, на основе этих данных были разработаны представления о «групповой динамике», широко используемые в анализе функционирования малых групп, различных объединений и национальных политических движений.

Вслед за психиатрией и психологией влиянию психоаналитических принципов в значительной мере подверглась и деятельность социальных служб, работники которых при оценке нужд клиента и в своих контактах с ним тоже стали учитывать динамику сознательного и бессознательного. Во многих случаях исчезает различие между социальной работой и психотерапией. Ясно, что к таким проблемам, как размещение детей в семьях, усыновление и воспитание в чужой семье, а также ко многим другим вопросам, связанным с детьми, необходимо подходить с учетом психоаналитических открытий, касающихся динамики психологических процессов.

Экзистенциализм

Экзистенциализм (от позднелат. *exsistentia* — существование), или философия существования, иррационалистическое направление современной буржуазной философии, возникшее накануне 1-й мировой войны (1914–1918) в России (Л. Шестов, Н. А. Бердяев), после 1-й мировой войны в Германии (М. Хайдеггер, К. Ясперс, М. Бубер) и в период 2-й мировой войны (1939–1945) во Франции (Ж.-П. Сартр, Г. Марсель, М. Мерло-Понти, А. Камю, С. де Бовуар). В 40–50-х гг. экзистенциализм получил распространение и в других европейских странах; в 60-е гг. также и в США.

Условно это движение разделяется на два направления: атеистическое (представители — М. Хайдеггер в Германии, Ж.-П. Сартр, А. Камю во Франции) и религиозное — К. Ясперс (Германия), Г. Марсель (Франция).

Экзистенциализм — философское выражение глубоких потрясений, постигших общество во время кризисов 20-х, 40-х гг. Экзистенциалисты пытались постигнуть человека в критических, кризисных ситуациях. Они ставили в центр внимания индивидуальные смысло-жизненные вопросы и проявляли интерес к проблематике науки, морали, религии, философии истории в той мере, в какой она соприкасалась с этими вопросами.

Экзистенциализм — способ интеллектуальной самозащиты человека перед лицом социально-политических потрясений, несоизмерных его личному бытию.

Своими предшественниками экзистенциалисты считают Б. Паскаля, С. Кьеркегора, М. де Унамуно, Ф. М. Достоевского и Ф. Ницше. На экзистенциализм оказали влияние философия жизни и феноменология Э. Гуссерля.

Философия экзистенциализма — иррациональная реакция на рационализм просвещения и немецкой классической философии; по утверждениям философов-экзистенциалистов, основной порок рационального мышления состоит в том, что оно исходит из принципа противоположности субъекта и объекта, то есть разделяет мир на две

сферы — объективную и субъективную. Всю действительность, в том числе и человека, рациональное мышление рассматривает только как предмет, «сущность», познанием которой можно манипулировать в терминах субъекта-объекта. Подлинная философия, с точки зрения экзистенциализма, должна исходить из единства объекта и субъекта. Это единство воплощено в «экзистенции», то есть некой иррациональной реальности.

Расходясь с традицией рационалистической философии и науки, трактующей опосредование как основной принцип мышления, экзистенциализм стремится постигнуть бытие как некую непосредственную нерасчлененную целостность субъекта и объекта. Выделив в качестве изначального и подлинного бытия само переживание, экзистенциализм понимает его как переживание субъектом своего «бытия-в-мире». Бытие толкуется как данное непосредственно, как человеческое существование, или экзистенция (которая, согласно экзистенциализму, непознаваема ни научными, ни даже философскими средствами). Для описания ее структуры многие представители экзистенциализма (Хайдеггер, Сартр, Мерло-Понти) прибегают к феноменологическому методу Гуссерля, выделяя в качестве структуры сознания его направленность на другое — интенциональность.

Экзистенция «открыта», она направлена на другое, становящееся ее центром притяжения. По Хайдеггеру и Сартру, экзистенция есть бытие, направленное к ничто и сознающее свою конечность. Поэтому у Хайдеггера описание структуры экзистенции сводится к описанию ряда модусов человеческого существования: заботы, страха, решимости, совести и др., которые определяются через смерть и суть различные способы соприкосновения с ничто, движения к нему, убегания от него и т. д.

Экзистенциалисты подчеркивают определяющее значение будущего и рассматривают его в связи с такими экзистенциалами, как «решимость», «проект», «надежда», отмечая тем самым личностно-исторический (а не безлично-космический) характер времени и ут-

верждая его связь с человеческой деятельностью, исканием, напряжением, ожиданием.

Быть — *быть вообще или кем-то*. Любом человек совершает попытки разрешить данное противоречие. Если индивид ориентирован на ничем не ограниченное, «чистое» существование, не удовлетворяясь какой-либо конкретикой, то он может оказаться у «разбитого корыта» несостоявшейся жизни. Если же он «замурует» себя в рамки *этой* профессии, *этого* дела, *этого* пути, то утратит свободу как возможность стать иным, будучи порабощенным своим одним проявлением. Осуществляя свой собственный «проект», стало быть, следует найти такую точку, в которой личность, оставаясь сама собою, в то же время была бы в состоянии самореализовываться во всех других направлениях.

Для экзистенциалиста у человека нет определения (сущности) до его существования — личностного бытия, направленного к ничто (смерти) и сознающего, переживающего свою конечность. Это означает, что человек сначала существует (появляется и занимает место в неосмысленном, грубо вещественном мире), а только потом он определяется — входит в область подлинных сущностей и смыслов. С точки зрения экзистенциалистов, человек потому и не поддается научному определению, что он первоначально ничего собой не представляет, он изначально лишен какой-либо природы, определяющей его индивидуальное, личностное бытие. Человек станет человеком лишь позже.

Экзистенция указывает на конечность существования, она есть возможность, т. е. «возможность быть». Экзистенция, стало быть, не сущность, не что-то, данное от природы, предопределенное и неизменное. В отличие от растений и животных, человек есть то, чем он решил быть. Его существование в смысле самоконституирования дано как возможность и выхождение за пределы себя (*ex-sistere*) — неопределенная проблематичность, риск, решимость, бросок вперед. В зависимости от того, куда направлен бросок — к Богу, миру, самому

себе, свободе, ничто, — различают концептуальные черты экзистенциализма как течения. Для экзистенциализма характерна триада: «мир-бытие-в-мире-бытие». Термин «экзистенция» соотносится с промежуточным звеном (бытие-в-мире), соединяющим потустороннее бытие с «миром» — ареной повседневного обезличенного существования «экзистенции», так как она по определению индивидуальна и неповторима, означает переживания отдельно взятого индивида, непохожего ни на кого. Неким аналогом экзистенции можно считать душу человека.

Основным проявлением экзистенции является свобода, которая подразумевает тревогу за результат своего выбора.

Другим важнейшим определением экзистенции является трансцендирование, т. е. выход за свои пределы.

Учение об экзистенции направлено как против рационалистического понимания человека, усматривающего сущность последнего в разуме, так и против марксистского понимания этой сущности как совокупности общественных отношений. Оно оказало большое влияние на искусство, литературу.

Человек в «берегах» свободы и ответственности. Человек не имеет ни природы, ни сущности: он — это свобода, которая ничем не определена. Она — неограниченная сила отрицания — ни добра, ни зла; ни моральна, ни аморальна, но есть чистый выбор.

Можно сказать, что свобода в экзистенциалистской философии представляет два неперемennых условия:

— возможность выбора человеком самой цели, или свобода его воли;

— возможность достичь человеком поставленной цели, или свобода его действия.

Свобода ставит человека вне закономерности и причинной зависимости. Свобода не терпит ни причины, ни основания. Свобода не определяется возможностью человека действовать в соответствии с тем, каков он есть, ибо сама его свобода есть выбор своего бытия, че-

ловек таков, каким он себя свободно выбирает.

Свобода, по Сартру, предполагает независимость по отношению к прошлому, отрицание его, разрыв с ним. «Свобода, — пишет Сартр, — это человеческое существо, выводящее свое прошлое из игры...». Свобода, как ее понимает Сартр, есть разрыв каузальной зависимости, причинной обусловленности, она, по выражению Сартра, образует «дыру в бытии».

Согласно Сартру, никакая объективная обстановка не может лишить человека неотъемлемой от него свободы. Свобода сохраняется в любой обстановке и выражается в возможности выбирать — выбирать не реальные возможности, а свое отношение к данной ситуации. Объективная ситуация, по Сартру, не сама по себе ограничивает или подавляет нашу свободу, а лишь в той мере, в какой мы испытываем ее как ограничение, относимся к ней как к препятствию. «Все барьеры, все кордоны рушатся, — пишет Сартр, — уничтожаемые сознанием моей свободы».

Экзистенциализм отвергает как рационалистическую просветительскую традицию, сводящую свободу к познанию необходимости, так и гуманистически-натуралистическую, для которой свобода состоит в раскрытии природных задатков человека, раскрепощении его «сущностных» сил. Свобода, согласно экзистенциализму, — это сама экзистенция, экзистенция и есть свобода. Поскольку же структура экзистенции выражается в «направленности-на», в трансцендировании, то понимание свободы различными представителями экзистенциализма определяется их трактовкой трансценденции. Для Марселя и Ясперса это означает, что свободу можно обрести лишь в боге. Поскольку, по Сартру, быть свободным значит быть самим собой, постольку «человек обречен быть свободным».

Экзистенциализм Сартра стремится заставить человека осознать, что он полностью в ответе за самого себя, свое существование и окружающее, ибо исходит из утверждения, что, не будучи чем-то заданным, человек постоянно строит себя посредством своей активной

субъективности. Он всегда «впереди, позади себя, никогда — сам». Отсюда то выражение, которое Сартр дает общему принципу экзистенциализма: «... существование предшествует сущности...».

Свобода предстает в экзистенциализме как тяжелое бремя, которое должен нести человек, поскольку он личность. Он может отказаться от своей свободы, перестать быть самим собой, стать «как все», но только ценой отказа от себя как личности. Мир, в который при этом погружается человек, носит у Хайдеггера название «*там*»: это безличный мир, в котором все анонимно, в котором нет субъектов действия, а есть лишь объекты действия, в котором все «другие» и человек даже по отношению к самому себе является «другим»; это мир, в котором никто ничего не решает, а потому и не несет ни за что ответственности. У Бердяева этот мир носит название «мира объективации», признаки которого:

- 1) отчужденность объекта от субъекта;
- 2) поглощенность неповторимо-индивидуального, личного общим, безлично-универсальным;
- 3) господство необходимости, детерминации извне, подавление и закрытие свободы;
- 4) приспособление к массивности мира и истории, к среднему человеку, социализация человека и его мнений, уничтожающая оригинальность («Опыт эсхатологической метафизики»).

Подлинность и мнимость человеческой жизни. Человеческое бытие, согласно Хайдеггеру, никогда не выступает как изолированный субъект, существование других, себе подобных, изначально известно ему, ибо составляет один из моментов его собственной бытийной, априорной структуры. Если характеристика бытия среди других — повседневность, обыденность, то бытие-с-другими может быть неподлинным. Возникает объективный взгляд на личность, при котором она оказывается вполне заменимой любой другой личностью.

Хайдеггер различает два способа существования человека — ***подлинный и неподлинный.***

Для неподлинного существования, по Хайдеггеру, характерны следующие черты: перевес моментов настоящего; «мир вещей» за-слоняет от человека его конечность; бытие целиком поглощено своей средой, предметной или социальной: бытие склонно рассматривать себя как вещь; возникает так называемый объективный взгляд на личность; возникает феномен усредненности: «средний», простой человек ставится на место действительного человека и принимается за такового; индивиды полностью «взаимозаменяемы».

Данная взаимозамещаемость, при которой появляется некая фикция среднего человека, приводит к превращению субъекта в нечто безличное среднего рода, в анонима — *das Man*. По сути дела это — отчужденный человек повседневности. Человек повседневности — несобственный. Процесс утилизации проникает также и в язык, который вырождается в господствующее общественное мнение. Мнимое существование — это реальная жизнь человека в обществе. Это все не подлинно, ибо человек вынужден в жизни все время приспособляться к обществу, хитрить, ловчить, идти против себя.

А подлинное существование, по Хайдеггеру, характеризуется следующими чертами: перевес моментов будущего; направленность к смерти; осознание человеком своей историчности, конечности и свободы; бытие достижимо только «перед лицом смерти».

Подлинное существование — это проявление личности, что и есть экзистенция. Человек должен стремиться к состоянию экзистенции, ибо здесь он становится подлинно свободным. Таким образом, подлинная свобода, это достижение экзистенции. Но достичь экзистенции очень не просто, а иногда человек так и не может ее достичь. Экзистенция как возможность подлинного бытия требует от человека преодоления наличного опыта и, как следствие, предельного усилия. Экзистенция еще со времен С. Кьеркегора понимается как «бытие-между», она имеет место в порядке бытия благодаря тому, что есть еще нечто.

Разрушением объективированного, безличного мира «*Man*», со-

гласно философии экзистенциализма, является подлинное человеческое общение, или экзистенциальная коммуникация — прорыв одного индивида к другому, единение людей и понимание их друг другом.

Люди, вступая в межличностные отношения, являясь представителями тех или иных социальных групп и институтов, выполняя определенные функции, часто и не подозревают о том, кто они и какие они в своей глубине, в исконной правде — экзистенции. Все носят маски и прирастают к ним. Они могут быть сорваны только в условиях экстремальных событий, требующих кардинальных, «судьбоносных» решений. К. Ясперс полагает, что человеческое существование раскрывается в *«пограничных ситуациях»* — в состояниях страдания, борьбы, жестокости и враждебности мира, в которых живет человек. В пограничной ситуации оказывается несущественным то, что заполняло человеческую жизнь в ее повседневности. В пограничной ситуации индивид непосредственно открывает свою сущность как конечную экзистенцию. И бытие-к-смерти — такая бытийственная возможность, которая выхватывает человека из сферы *Maß*, перемещая его в сферу подлинной экзистенции.

«Смерть как конец присутствия есть самая отличительная, несводимая, неминуемая и как таковая неопережаемая возможность бытия» — так определяет Хайдеггер смерть и показывает, что она должна пониматься не как конец здесь-бытия человека, но что само здесь-бытие должно определяться как бытие-к-смерти.

Стать свободным перед лицом собственной смерти — значит распознать среди суетных такие возможности, которые, будучи правильно выбранными, окажутся недостижимыми для смерти.

Выдвигая идею смерти, Хайдеггер формулирует свое понимание личности как обращенной к самой себе, оторванной от общества и противопоставленной ему. Фактически, он отражает здесь несовместимость существующих общественных отношений со свободной человеческой личностью. Однако в качестве выхода предлагает осознание безвыходности этого положения. Поэтому столь зловещую роль

играет в философии Хайдеггера «Ничто» (Nichts).

Человек пребывает также между абсурдом и смыслом. Общение индивидов, осуществляемое в сфере объективации, не является подлинным, оно лишь подчеркивает одиночество каждого. Согласно Камю, перед лицом ничто, которое делает бессмысленной, абсурдной человеческую жизнь, прорыв одного индивида к другому, подлинное общение между ними невозможно. И Сартр, и Камю видят фальшь и ханжество во всех формах общения индивидов, освященных традиционной религией и нравственностью: в любви, дружбе и пр. Характерная для Сартра жажда разоблачения искаженных, превращенных форм сознания («дурной веры») оборачивается, в сущности, требованием принять реальность сознания, разобщенного с другими и с самим собой.

«Абсурдно, что мы рождаемся, и абсурдно, что мы умираем». Человек, по Сартру, — бесполезная страсть.

Историчность человеческого существования выражается, согласно экзистенциализму, в том, что оно всегда находит себя в определенной ситуации, в которую оно «заброшено» и с которой вынуждено считаться. Принадлежность к определенному народу, сословию, наличие у индивида тех или иных биологических, психологических и других качеств, все это — эмпирическое выражение изначально ситуационного характера экзистенции, того, что она есть «бытие-в-мире». Временность, историчность и ситуационность экзистенции — модусы ее конечности.

Все реальное чуждо сознанию, случайно, а значит, абсурдно. Абсурд и есть реальность. Осознание бессмысленности своего существования, превращающее наше сознание в «несчастное сознание», превращает смысл жизни в следующую дилемму: либо осознать абсурдность мира и на что-то все-таки надеяться, либо покончить жизнь самоубийством.

Основная философская работа Камю «Миф о Сизифе» открывается словами: «Есть лишь одна действительно серьезная философская

проблема: это самоубийство. Вынести суждение о том, стоит ли жизнь труда быть прожитой или не стоит, — это ответить на основной вопрос философии. Все остальное — имеет ли мир три измерения, обладает ли разум девятью или двенадцатью категориями — приходит потом. Это уже игра, а вначале нужно ответить». Для Камю речь идет о том, является ли жизнь просто биологической данностью или в ней реализуются собственно человеческие ценности, придающие ей смысл.

Обреченность, несчастье, беспросветность, нелепость существования — вот лейтмотив произведений Камю. Несчастливые, непонятые люди живут с «несчастливым» сознанием в абсурдном мире. «*Абсурд*» является одной из фундаментальных категорий философии Камю. «Я провозглашаю, что я ни во что не верю и что все абсурдно, но я не могу сомневаться в своем возгласе, и я должен по меньшей мере верить в свой протест».

Жизнь — абсурд и нелепость еще и потому, что удлиняется дистанция между человеком как субъектом деятельности и результатами этой активности, которые становятся все более автономными и, наполняясь новым содержанием, начинают противостоять их создателю. К тому же человек — единственное существо, которое с малых лет знает о своей темпоральности, смертности и в то же время как-то существует...

Но можно ли длить свои дни и ночи, будучи погруженным в такое состояние? Нет! Необходим поиск смысла.

Тот, кто понял, что этот мир абсурден, обретает свободу. А обрести свободу можно лишь восстав против всемирного абсурда, бунтуя против него. *Бунт* и свобода, по мысли Камю, нераздельны. Именно свобода, выражающаяся в бунте, придает смысл человеческой жизни. Единственный способ подлинного общения, который признает Камю, — это единение индивидов в бунте против «абсурдного», мира, против конечности, смертности, несовершенства, бессмысленности человеческого бытия. Экстаз может объединить чело-

века с другим, но это, в сущности, экстаз разрушения, мятежа, рожденного отчаянием «абсурдного» человека.

С точки зрения Ясперса, экзистенция неразрывно связана с Абсолютом, с Богом. «Экзистенция, — пишет Ясперс, — нуждается в другом, а именно в *трансценденции*, благодаря которой она, не создающая самую себя, впервые выступает как независимый источник в мире; без трансценденции экзистенция становится бесплодным и лишенным любви демоническим упрямством».

Без бога бытие свободно до своеволия, в то время как бог сообщает бытию высшую разумность и рассудочность.

Иное решение проблемы общения дает Марсель. Согласно ему, разобщенность индивидов порождается тем, что предметное бытие принимается за единственно возможное бытие. Но подлинное бытие — трансценденция — является не предметным, а личностным, потому истинное отношение к бытию — это диалог. Бытие, по Марселю, не «Оно» а «Ты». Трансцендирование есть акт, посредством которого человек выходит за пределы своего замкнутого, эгоистического «Я». Любовь есть трансцендирование, прорыв к другому, будь то личность человеческая или божественная; а поскольку такой прорыв с помощью рассудка понять нельзя, то Марсель относит его к сфере «тайнства».

Личность человека не тождественна его индивидуальному бытию: каждый человек выходит за его пределы и особым образом существует во всех тех представлениях, которые имеют о нем окружающие. Это существование именуется интересубъективностью. Оно, по мнению Марселя, является истинным определением личности.

Интерсубъективность позволяет воспринимать другого человека не как чуждого, а как близкого. Высшей формой интересубъективности является общение человека с богом в акте веры. В акте религиозной веры бог выступает как высшее и в то же время наиболее близкое личности бытие, которое одно только доподлинно знает, кем же эта личность является. Отношение верующего к богу характеризуется им

как вершина intersубъективности и любви, а бог предстает как высочайшее «Ты», в постоянном взаимодействии с которым только и возможно развитие личности. В боге осуществляется причастность каждого конкретного человека к бытию других людей.

Марсель заявляет, что ныне люди охвачены духом наживы и стяжательства, они стремятся больше «иметь», чем «быть», то есть развивать свою личность в общении с другим людьми. Подлинные формы общения заменены внешней общностью обезличенных людей, которые часто знают друг друга только по имени или по внешнему облику и которые интересуют тех, кто стоит во главе людских масс, только с точки зрения функции, выполняемой ими в социальном механизме.

Прорывом объективированного мира, мира «Мир», является, согласно экзистенциализму, не только подлинное человеческое общение, но и сфера художественно-философского творчества.

Творчество — способ сохранения собственного «я» и самореализации внутреннего сокровенного начала. Однако истинная коммуникация, как и творчество, несут в себе трагический надлом: мир объективности непрерывно грозит разрушить экзистенциальную коммуникацию. Сознание этого приводит Ясперса к утверждению, что все в мире, в конечном счете, терпит крушение уже в силу самой конечности экзистенции, и потому человек должен научиться жить и любить с постоянным сознанием хрупкости и конечности всего, что он любит, незащищенности самой любви. Но глубоко скрытая боль, причиняемая этим сознанием, придает его привязанности особую чистоту и одухотворенность.

Итак, основными вопросами, находящимися в поле внимания экзистенциалистов, являются:

— отчуждение человека — проблема, вышедшая на первый план с началом 20 века;

— проблемы, принявшие глобальный характер (возможность ядерного взрыва, духовный, экономический, демографический кризис-

сы, заставляют философов задуматься о будущем человечества. Их занимают вопросы поиска собственного Я, преодоления безысходности, обретения свободы, смысла жизни;

– проблемы бытия мира и человека. Философы-экзистенциалисты говорят о неотделимой целостности субъекта и объекта, бытие трактуется как непосредственно данная экзистенция, человеческое существование. Экзистенциализм доказывает, что человек есть, существует, является бытием и через его бытие строится и бытие всего окружающего мира;

– существование и сущность человека. Если сущность предшествует ее существованию, то сущность человека проявляется только в течение его жизни. Человек сам себя превращает в человека;

– человек — уникальное существо. Человеческое Я несводимо ни к духовным ни к телесным составляющим. Глубже всего человек познает свою экзистенцию в пограничных ситуациях, (депрессия, болезнь, приближение смерти и т. п.). Именно в такие минуты человек может познать свое Я и обрести внутреннюю свободу.

И, как отмечают многие исследователи, экзистенциализм нельзя рассматривать как философию бездействия (квиетизм). Экзистенциализм определяет человека через его поступки, он показывает, что все происходящее с ним изменения есть результат не внешних и механических воздействий, но жизненных и внутренних его принципов.

Экзистенциалистская философия — оптимистична, несмотря на пессимистическую окраску некоторых своих положений. Она оптимистична, так как учит, что становление человека происходит не тогда, когда он замыкается в себе, изолирован от других, а когда он преследует какую-либо цель вне себя. В этой связи именно экзистенциализм показывает, что человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от себя самого. Экзистенциализм тем самым освобождает человека от всех надежд и иллюзий, что он может стать свободным благодаря чему-то вне себя самого. Именно экзистенциализм учит, что каждый человек должен внести свой индиви-

дуальный, особый вклад в общее творчество и созидание совместной жизни людей. Только в этом случае деятельность всех людей может стать взаимно дополняющей, создающей единое целое, вместо повторения одних и тех же действий.

Не вызывает сомнения и то огромное влияние, которое оказала и оказывает экзистенциалистская теория на понимание значения внутреннего мира человека, необходимости культуры самосознания, ответственности человека перед собственным «Я». Все эти вопросы, поставленные экзистенциализмом, сегодня привлекают исключительное внимание различных философских школ и других областей и направлений гуманитарного знания.

Оценивая в целом весомый вклад экзистенциализма в развитие философии человека, нельзя не видеть весьма существенного, присутствующего ей, недостатка. Рассматривая человека самосознающим существом, экзистенциализм, к сожалению, не учитывает ни естественной, ни общественной объективной истории его развития. Между тем, именно история создает людей и именно в ходе ее изменяется тот мир, частью которого являются все люди и социум, и природная среда, которым они обусловлены и сами его обуславливают. Поэтому философия и Ж.-П. Сартра, и Н. А. Бердяева, и всех других экзистенциалистов по своему воплощению трансгисторична, ибо формулируемые в ней принципы человеческого существования считаются действительными для любых времен. При таком подходе существование человека не связывается с конкретной исторической эпохой, что вполне естественно приводит к отрицанию природных и социальных «стартовых площадок» в развитии личности, реальных причин отличий ее бытия от бытия других людей.

Экзистенциализм отразил в своей философии состояние сознания, переживаний людей в современном мире, тем самым он во многом обнажил и объяснил те противоречия, с которыми сталкивается человек в этом мире.

Неопозитивизм и постпозитивизм

Исходная идея позитивизма — проведение разграничительной линии между наукой и всеми остальными формами духовной деятельности. Борьба позитивистов с метафизикой не была самоцелью. Эта борьба рассматривалась как средство защиты и обоснования рационального знания в противовес иррационализму и демагогии. Противопоставление «старой метафизики» и нового, «позитивного» знания основывается не только на философских соображениях. У него есть и более широкая жизненно-практическая основа — возрастание роли точных и конкретных знаний. «Позитивная» обоснованность действия противостоит общим словам, не подкрепленным и непроверенным опытом рекомендациям которые развенчиваются как нецелесообразные и даже опасные. Соответственно и философия сосредоточивает свое внимание на «позитивном» в человеческом знании и познании. К философии, по убеждению позитивистов следует строже предъявлять те требования научности, которые сложились в естественных и математических науках. В связи с этим позитивисты взяли на себя задачу осуществить переоценку ценностей и приоритетов философии, пользуясь критериями «строгих наук» и формальной логики. Позитивизм — одно из проявлений и следствий влияния на философию стандартов и культуры мышления, сложившихся в науках о природе, в математике и логике. Результаты попыток «позитивизации» философии весьма неоднозначны. С одной стороны, стремление «подключить» философию к общим процессам развития точного знания способствовало существенному обновлению тех ее разделов, которые пограничны с естествознанием, математикой, техническими науками. Наиболее сильное преобразующее влияние позитивизм оказал на логику и методологию науки. С другой стороны, многие общепозитивистские претензии обнаружили свою несостоятельность, что привело к «смягчению» самими представителями данного направления первоначально жестких требований и критериев, обращенных к философии.

Неопозитивизм сложился как третья историческая форма позитивизма в начале 20-х годов XX века, почти одновременно в Австрии, Англии и Польше. Основные представители неопозитивизма: М. Шлик (1882–1936), Л. Витгенштейн (1889–1936), Р. Карнап (1891–1970), Г. Райхенбах, (1891–1953), Б. Рассел (1872–1970).

В структуре неопозитивизма выделяется:

- логический позитивизм;
- лингвистическая философия.

Логический позитивизм — течение неопозитивизма, возникшее в 20-х годах XX века на основе Венского кружка (Шлик, Карнап, Райхенбах и др.).

Подлинно научная философия, согласно логическому позитивизму, возможна только как логический анализ языка науки.

Неопозитивисты отказались от признания «чувственных данных» субстанциальной основой мира, ограничившись тем, что они — «материал познания». Это изменение не имело принципиального характера. Ощущения остались исходной данностью, с которой в процессе познания можно так или иначе манипулировать. «Нейтральные элементы» опыта в неопозитивизме заменили «события» и «факты», находящиеся в сфере сознания субъекта и составляющие исходные предпосылки всякого познания. В учении неопозитивизма о логических (теоретических) конструкциях подчеркивалось принципиальное тождество объекта и теории объекта, хотя признается различие между «голыми» ощущениями и результатами их рациональной обработки. Кроме того, неопозитивисты отождествляли «объективный факт» (существующий независимо от процесса познания) и «научный факт» (зафиксированный в системе науки с помощью знаковых средств). Их отличало также представление о творческой роли мышления. Если Мах и Авенариус полагали, что мышление лишь упрощает (экономизирует) обозрение опыта субъекта, то неопозитивисты считали, что мышление вносит в опыт творческий произвол, неузнаваемо его переделывая. Поэтому логика и математика рассматриваются как сово-

купность дедуктивных построений, опирающихся на произвольные соглашения (конвенции). Изъятие логики и математики из сферы чувственного опыта привело к превращению формального начала и вообще языка в главный объект философского исследования в неопозитивизме. Это течение получило название «логический позитивизм». Как философию науки его характеризуют методологические принципы: верификации, конвенционализма, физикализма.

Принцип верификации призван осуществить «демаркацию» (разграничение) между утверждениями, имеющими смысл для науки, и утверждениями лишенными научного смысла. Поскольку обыденная речь из-за своей многозначности и неопределенности для целей науки малопригодна, Б. Рассел выдвинул идею совершенного языка науки. Принцип верификации гласит: только то предложение имеет смысл, которое хотя бы в принципе, прямым или косвенным образом, допускает сведение к предложениям, означающим непосредственный чувственный опыт индивида или протокольным предложениям ученого (фиксация опыта в предложении).

Принцип конвенционализма постулирует существование в науке произвольных соглашений, действующих в виде исходных (аксиоматических) положений логической структуры науки. Развивая этот принцип, Карнап в 1934 г. предложил принцип терпимости», согласно которому можно выбирать (можно терпеть») любую избранную решением субъекта противоречивую логическую систему. Это привело к вопросу о мотивах выбора тех или иных конвенций. Основатель логического позитивизма Шлик считал, что при выборе аксиом надо стремиться к простой формулировке законов природы. Конвенционализм был связан с признанием «свободы» в формальных построениях, но, в сущности, отрицал, что сама эта «свобода» обусловлена многообразием мира, существующего независимо от субъекта. Из сочетания принципов верификации и конвенционализма вытекало понимание строения науки как совокупности условных теоретических конструкций, создаваемых при помощи условных логических средств на

базе эмпирических (фактуальных) констатаций («протоколов») и подающихся затем сведению (редукции) к этим протоколам.

Принцип физикализма связан с требованием адекватного перевода предложений всех наук, содержащих описание предметов, в термины, которые употребляются в физике. Физикализм был побочным продуктом стремлений неопозитивистов превратить язык в главный объект философского исследования. Философы в XVI в. пытались уложить все науки в прокрустово ложе механики, а неопозитивисты — математической физики, по ее состоянию на 30-е годы XX века. В первой половине 30-х годов физикализм пережил полосу бурного расцвета, а затем началось его быстрое падение. Распад физикализма привел к обеднению неопозитивистской доктрины, чему также способствовало «ослабление» принципов верификации и конвенционализма. Первый из них был сведен к общему пожеланию о подкреплении утверждений опытом, а второй к не уточненному далее отрицанию опытного происхождения законов логики и математики.

Лингвистическая философия, философия обыденного языка — течение аналитической философии. Возникло в 1930-х годах и получило развитие в Великобритании, США и других странах. Идейными источниками являются философия «здравого смысла» Мура и взгляды позднего Витгенштейна.

Представители лингвистической философии усматривают задачу «философа-аналитика» в детальном анализе фактического употребления естественного разговорного языка с тем, чтобы устранять недоразумения, возникающие вследствие его неправильного употребления.

Лингвистические позитивисты выступают против какого-либо культа научного знания, отстаивают «естественное» отношение к миру, выраженное в обыденном языке, и в определенной мере представляют линию антисциентизма в философии.

В 1960–70-х годах развивается течение, которое, сохраняя определенную связь с общими установками неопозитивизма, в то же время выступает против неопозитивистского понимания задач методологиче-

ского анализа науки — так называемый постпозитивизм.

Ведущие представители постпозитивизма: К. Поппер (1902–1994), И. Лакатос (1922–1974), Т. Кун (1922–1996), П. Фейерабенд (1924–1994), С. Тулмин (1922–1997).

Основные принципы и понятия постпозитивизма

Принцип фальсификации — принцип, предложенный Поппером в качестве демаркации науки от «метафизики», ненауки как альтернатива принципу верификации, выдвинутому неопозитивизмом. Этот принцип требует принципиальной опровержимости (фальсифицируемости) любого утверждения, относимого к науке.

Принцип фаллибилизма — принцип концепции Поппера, утверждающий, что любое научное знание носит лишь гипотетический характер и подвержено ошибкам. Рост научного знания состоит в выдвижении смелых гипотез и осуществлении их решительных опровержений.

Теория «трех миров» — теория, утверждающая существование первого мира — мира объектов, второго мира — мира субъектов и третьего мира — мира объективного знания, который порожден первым и вторым мирами, но существует независимо от них. Анализ роста и развития знания в этом независимом третьем мире и есть, по Попперу, предмет философии науки.

Концепцию И. Лакатоса можно охарактеризовать с помощью следующих основных понятий:

- научно-исследовательская программа;
- «жесткое ядро» исследовательской программы;
- «защитный пояс» гипотез;
- гипотеза *ad hoc*;
- положительная и негативная эвристики.

Краткие пояснения этих понятий следующие.

Научно-исследовательская программа — центральное понятие универсальной логико-нормативной реконструкции развития науки, которая получила название методологии научно-исследовательских

программ. Методология Лакатоса рассматривает рост «зрелой» (развитой) науки как смену ряда связанных исследовательских программ. Важными структурными элементами исследовательской программы являются ее «жесткое ядро» и «защитный пояс» гипотез.

«Жесткое ядро» исследовательской программы — структурный элемент программы, включающий ее условно непроверяемые фундаментальные допущения.

«Защитный пояс» гипотез — структурный элемент программы, состоящий из вспомогательных гипотез и обеспечивающий сохранность «жесткого ядра» программы от опровержений. По Лакатосу, «защитный пояс» гипотез может быть частично или полностью заменен при столкновении с контрпримерами.

Гипотеза ad hoc — в методологии научно-исследовательских программ Лакатоса — гипотеза из «защитного пояса», относящаяся лишь к данному случаю, т. е. охраняющая «жесткое ядро» программы от определенного контрпримера.

Положительная и негативная эвристики — понятия обуславливающие смену программ нормативными правилами, предписывающими, какие пути наиболее перспективны для дальнейшего исследования («положительная эвристика»), а каких путей следует избегать.

Согласно Лакатосу, в развитии исследовательской программы можно выделить 2 основные стадии — прогрессивную и вырожденную. На прогрессивной стадии «положительная эвристика» активно стимулирует выдвижение гипотез, расширяющих эмпирическое и теоретическое содержание. Однако в дальнейшем развитие исследовательской программы резко замедляется, ее «положительная эвристика» теряет эвристическую мощь, в результате чего возрастает число ad hoc гипотез.

Для концепции Т. Куна, в основном разработанной им в книге «Структура научных революций», характерны следующие основные понятия:

– парадигма;

- дисциплинарная матрица;
- нормальная наука;
- задачи-головоломки;
- несоизмеримость парадигм.

Дадим краткие пояснения этих понятий.

Парадигма — основное понятие концепции исторической динамики научного знания Т. Куна, которое раскрывает основу формирования и функционирования научных сообществ, конкурентная борьба между которыми и составляет историю науки. Этой основой является принятие членами научного сообщества определенной модели научной деятельности — совокупности теоретических стандартов, методологических норм, ценностных критериев, мировоззренческих установок — которые и называются парадигмой.

Дисциплинарная матрица — понятие в основном тождественное понятию парадигмы.

Нормальная наука — понятие означающее период господства некоторой парадигмы. Этот период заканчивается, когда парадигма «взрывается» изнутри под давлением «аномалий» (проблем, неразрешимых в ее рамках). Наступает кризис, или революционный период, когда создаются новые парадигмы, оспаривающие первенство друг у друга. Кризис разрешается победой одной из них, что знаменует начало нового «нормального» периода, и весь процесс повторяется заново.

Задачи-головоломки — понятие концепции Т. Куна, введенное для характеристики периода «нормальной науки», когда в рамках определенной парадигмы происходит постепенное кумуляционное развитие научного знания путем решения таких задач.

Несоизмеримость парадигм — тезис концепции Т. Куна, утверждающий, что невозможно установление каких-либо логических отношений между сменяющимися друг друга теориями. Этот тезис связан с утверждением того, что не существует фактов, независимых от парадигмы, и следовательно, не существует теоретически нейтрального языка наблюдения. Напротив, ученые, овладевая содержанием

парадигмы, учатся «видеть мир» сквозь ее призму. Не факты судят теорию, а теория определяет, какие именно факты войдут в осмысленный опыт. С этим связано отрицание Куном преемственности в эволюции науки: знание, накопленное предыдущей парадигмой, отбрасывается после ее крушения, а научные сообщества просто вытесняют друг, друга.

Концепцию П. Фейерабенда, названной им «эпистемологическим анархизмом», можно кратко охарактеризовать с помощью следующих понятий:

- принцип пролиферации теорий;
- плюрализм в методологии науки;
- анархизм в методологии науки.

Кратко пояснить эти понятия можно следующим образом.

Принцип пролиферации (размножения) теорий — принцип, утверждающий, что ученые должны стремиться создавать теории, несовместимые с существующими и признанными теориями. Этот принцип был выдвинут Фейерабендом на основе разработанного Поппером и Лакатосом положения о том, что при столкновении научной теории с некоторым фактом для ее опровержения необходима еще одна теория (придающая факту значение опровергающего свидетельства). Создание альтернативных теорий, по Фейерабенду, способствует их взаимной критике и ускоряет развитие науки. Принцип пролиферации призван обосновывать у Фейерабенда плюрализм в методологии научного познания.

Плюрализм в методологии науки — положение, характерное для методологической концепции П. Фейерабенда, которое он обосновывает с помощью принципа пролиферации теорий, утверждающего для ученого необходимость стремиться создавать теории, несовместимые с существующими и признанными теориями. Соединение у Фейерабенда плюрализма с тезисом о несоизмеримости теории в итоге порождает анархизм.

Анархизм в методологии науки — положение, утверждающее,

что каждый ученый может изобретать и разрабатывать свои собственные теории, не обращая внимания на противоречия и критику. К анархизму в концепции Фейерабенда ведет соединение плюрализма, обосновываемого с помощью принципа пролиферации теорий, с тезисом о несоизмеримости теорий. По Фейерабенду, деятельность ученого не подчинена никаким рациональным нормам, поэтому развитие науки иррационально, и наука ничем не отличается от мифа и религии, представляя собой одну из форм идеологии. Поэтому следует освободить общество от «диктата науки», отделить науку от государства и предоставить науке, мифу, магии, религии одинаковые права в общественной жизни.

Концепцию С. Тулмина кратко характеризуют следующие понятия:

- стандарты рациональности и понимания;
- матрица понимания;
- концептуальные популяции.

Поясним эти понятия.

Стандарты рациональности и понимания — в концепции С. Тулмина выступает как основное понятие его эпистемологии, развиваемой как теория исторического формирования и функционирования «стандартов рациональности и понимания, лежащих в основе научных теорий».

По Тулмину, ученый считает понятными те события или явления, которые соответствуют принятым им стандартам. Рациональность научного знания, по Тулмину, есть соответствие принятым стандартам понимания. Стандарты рациональности меняются с изменением научных теорий непрерывного процесса отбора концептуальных новшеств.

Матрица понимания — понятие, которое сформулировало взгляд на эпистемологию как теорию исторического формирования и функционирования стандартов рациональности и понимания.

По Тулмину, ученый считает понятными те события или явления, которые соответствуют принятым им стандартам. То, что не укладывается в «матрицу понимания», считается аномалией, устранение

которой (т. е. улучшение понимания) выступает как стимул эволюции науки.

Концептуальные популяции — понятие из концепции С. Тулмина, который рассматривает содержание теорий не как логическую систему высказываний, а как своеобразную популяцию понятий. Согласно Тулмину, основные черты эволюции науки сходны с дарвиновской схемой биологической эволюции. Содержание концептуальных популяций (аналог, биологических видов) подвержено изменению, что влечет за собой изменение методов и целей научной деятельности; возникновение концептуальных новшеств балансируется процессом критического отбора (аналог биологической мутации и селекции). Этот двойственный процесс приводит к заметному изменению лишь при определенных условиях (аналог выживания или вымирания видов в борьбе за существование); сохраняются те концептуальные варианты, которые лучше адаптируются к требованиям интеллектуальной среды.

Герменевтика

Герменевтика (древнегреч. *hermeneia* — толкование) — одно из направлений философии — зародилась как теория о процессе понимания, использовавшаяся в основном при смысловом прочтении библейских текстов с целью их более точного толкования.

Хотя история герменевтики может быть прослежена через Средневековье до античности, понятие герменевтики в его современном значении восходит к Новому времени. Приблизительно в середине XVI в. устанавливается различие между ходом истолкования и его методом: герменевтику как учение о «правилах» истолкования начинают отделять от экзегетики (как лишенной методологической рефлексии практики комментирования). Революционный шаг в становлении герменевтики как самостоятельной дисциплины сделан **Шлейермахером** (1768–1834), принципиально расширившим сферу подлежащих истолкованию текстов: для Шлейермахера — это «учение об

искусстве понимания» письменных документов вообще. Задачу герменевтики составляет прояснение условий, делающих возможным уразумение смысла того или иного текста. Всякий письменный документ, по Шлейермахеру — это языковое обнаружение, имеющее двойную природу: с одной стороны, он — часть общей системы языка, с другой — продукт творчества некоторого индивида. Перед герменевтикой стоит поэтому двойная задача: исследование языкового обнаружения в качестве элемента определенной языковой системы и вместе с тем — как обнаружения стоящей за ним уникальной субъективности. Первую часть задачи выполняет «объективное» (или «грамматическое») истолкование, вторую — «техническое» (или «психологическое»). Грамматическое истолкование анализирует текст как часть определенной лексической системы, психологическое же — индивидуальный стиль, т. е. комбинации выражений, не заданные лексической системой.

Важным этапом становления герменевтики была «философия жизни» *Дильтея* (1833–1911), в рамках которой герменевтике приписывается особая методологическая функция. Дильтею принадлежит заслуга систематического развития тезиса, согласно которому, «понимание» есть не частный аспект теории познания, но фундамент гуманитарного знания («наук о духе») вообще.

Дильтеевская идея герменевтики была частью его грандиозного методологического проекта, цель которого состояла в обосновании значимости историко-гуманитарного познания и несводимости процедур последнего к процедурам естественнонаучного познания. «Понимание» есть, по Дильтею, единственно адекватное средство передачи целостности, именуемой Жизнью. «Понимание» (вначале весьма сходное с «переживанием») трактуется при этом как та процедура, благодаря которой «жизнь» вообще может быть прояснена и осмыслена. «Жизнь» здесь — наименование духовно-исторического мира, важнейшей характеристикой которого является его изоморфность нам как познающим. Живое может быть познано живым. Продукты твор-

чества той или иной индивидуальности суть не что иное, как объективации жизни, и в известном смысле можно сказать, что мы понимаем в другом то, что понимаем в себе самих. Многократно пересматривая свою концепцию понимания, Дильтей то сосредоточивается на его интуитивном и в этом смысле иррациональном характере, то подчеркивает связь интуитивного постижения с понятийным мышлением. Под влиянием критики со стороны баденского неокантианства (Риккерт), а затем и под влиянием феноменологии Гуссерля, Дильтей стремится освободить свою концепцию от явного психологизма. Он заостряет внимание на нетождественности понимания «вчувствованию», вводит, наряду с понятием «переживание», понятия «выражение» и «значение», а также обращается к понятию «объективного духа» Гегеля. Понимание как воспроизводящее переживание имеет дело не только с индивидуальными психическими актами, но со сферой не сводимых к отдельным субъектам идеальных значений.

Внутренний мир людей, зафиксированный в текстах (особенно это относится к объектам социально-гуманитарных наук), требует своих специфических методов их интерпретации и истолкования, целью которых является понимание. В дальнейшем Дильтей расширяет область действия герменевтики, включая в нее не только объективированные феномены духовно-культурной жизни (тексты), но и иные формы ее выражения (поступки, жесты и т. п.). «Горизонт понимания» чего-то всегда определяем совокупностью социально-политических и культурных традиции, формирующих предпосылки «предпонимания». Важнейшим проявлением традиций выступает живой язык и его объективация — *текст*.

Методологические размышления Дильтея легли в основу ряда концепций «герменевтической логики» (Г. Шпет в России, Х. Липпс и Г. Миш в Германии), согласно которым сфера логического не схватывается одним только дискурсивным мышлением, но охватывает и недискурсивные формы выражения смысла. Предметом логики становятся, наряду с понятиями и суждениями, метафоры и символы.

Философская герменевтика опиралась на существующую традицию филологической герменевтики, представленную вершинными работами Шлейермахера и Дильтея и уходящую корнями в практику истолкования библейских, юридических, исторических и художественных текстов. При этом создатели философской герменевтики ставили целью философское осмысление опыта, накопленного герменевтической традицией. Герменевтика как направление оформилась благодаря деятельности Х.-Г. Гадамера, особенно его единственной крупной работе «Истина и метод».

Герменевтика, скорее, не реконструкция прошлого и вживание в авторский мир, а нахождение в нем новых смыслов и значений, о которых сам творец не ведал, но которые могут приобрести актуальность, в контексте современной ситуации.

Гадамер (1900–2002) представляет отношения между языком и текстом не как отношения между системой и ее использованием, но как отношения между сущностью и ее отчужденным проявлением. Соответственно и операции с текстом должны быть направлены не на реконструкцию системы, как понимает свою задачу лингвистика, а на преодоление отчуждения: «Письменные тексты ставят перед нами собственно герменевтическую задачу. Письменность есть самоотчуждение. Преодоление его, прочтение текста, есть, таким образом, высочайшая задача понимания. Даже сами письменные знаки какой-нибудь, к примеру, надписи невозможно разобрать и правильно произнести, если мы не в состоянии вновь превратить текст в язык. Напомним, однако, что подобное обратное превращение текста в язык всегда устанавливает также и обращение к тому, что имеет в виду текст, к тому делу, о котором идет в нем речь».

Таким образом, превращение текста в язык есть процедура, связанная с открытием сути дела, истины. Фигура автора текста, в отличие от филологической герменевтики XIX века, для философской герменевтики является лишь весьма сомнительной конструкцией, имеющей чрезвычайно ограниченный методический смысл: «Смы-

словой горизонт понимания не может быть ограничен ни тем, что имел в виду автор, ни горизонтом того адресата, которому первоначально предназначался текст. Нельзя вкладывать в текст ничего такого, чего не могли иметь в виду автор и первоначальный читатель: на первый взгляд это правило кажется разумным герменевтическим канон, который к тому же повсеместно признается. В действительности, однако, этот канон может быть применен лишь в некоторых предельных случаях. Ведь тексты вовсе не добиваются от нас, чтобы мы их понимали как выражение субъективности их автора. Поэтому смысл текста не может быть определен с точки зрения этой субъективности». Фактически Гадамер рассматривает автора только как первого читателя, первое звено в цепи традиции, причем звено, не самое близкое к сути дела, поскольку эта суть открывается лишь после того, как традиция возникла.

Итак, текст по Гадамеру — это язык, преодолевающий в записи не только свою принадлежность определенному месту и времени, но и принадлежность определенному человеку. Запись делает язык общим достоянием, и в то же время лишает его защиты от вольного, неправильного истолкования и воспроизведения. Поэтому задачей герменевтики становится разработка процедур, позволяющих предупредить неправильное понимание текста, неправильное «превращение текста в язык». Философская же герменевтика ставит своей задачей дать точное феноменологическое описание процесса понимания, которое позволит определить «опасные точки» этого процесса.

Ограничимся изложением основных моментов герменевтической концепции понимания. Центральным описательным понятием в этой концепции остается понятие герменевтического круга. Выше уже говорилось о том, что это понятие было унаследовано Гадамером от Хайдеггера, в свою очередь переосмыслившего концепцию классической герменевтики, согласно которой текст как целое должен пониматься из его частей, а части — из целого. Гадамер рассматривает «целое» в этой формуле как пред-понимание, пред-рассудок,

гипотезу о смысле всего текста, которая позволяет интерпретировать его части и одновременно подвергается в процессе интерпретации проверке. Однако не следует видеть в пред-понимании некий произвол интерпретатора, поскольку до чтения ни о каком пред-понимании речь идти не может, оно появляется только после начала чтения и представляет собой пусть еще неразборчивый, но уже слышимый голос предания. Этот аспект понимания Гадамер описывает в терминах «вопрос» и «ответ»: «Понимание начинается с того, что нечто к нам обращается. Таково первейшее герменевтическое условие. Мы знаем..., что для этого требуется: принципиальное воздержание от собственных пред-суждений. Однако всякое воздержание от суждений — а следовательно, и в первую очередь, от пред-суждений — имеет, с логической точки зрения, структуру вопроса». Итак, начиная читать, интерпретатор отказывается (или должен отказаться?) от наличного у него понимания ради того, чтобы услышать обращенный к нему голос предания. Поскольку сам интерпретатор принадлежит этому преданию, он способен его услышать; поскольку же сам текст удален от интерпретатора, он говорит на ином языке, и интерпретатор вынужден истолковывать обращенное к нему сообщение на языке наличной ситуации. Поэтому отказ от наличного понимания не есть его отрицание, но признание возможности иного понимания. А понять эту инаковость только и можно, имея нечто для сравнения: «Сущность вопроса заключается в открытии возможностей и в том, чтобы они оставались открытыми. Если, следовательно, — принимая во внимание то, что нам говорит другой человек или текст, — какой-либо предрассудок ставится под вопрос, то это вовсе не значит, что мы его просто отбрасываем в пользу кого-либо или чего-либо другого... В действительности наш собственный предрассудок по-настоящему вводится в игру благодаря тому, что мы ставим его на карту. Только в полной мере участвуя в игре, он способен осознать притязание на истину другого предрассудка и позволить ему тоже в свою очередь участвовать в ней». Наибольший интерес

для нас представляет предложенная Гадамером интерпретация известных в классической герменевтике процедур: понимания, истолкования и применения. Гадамер поставил своей целью показать, что наряду с пониманием и истолкованием, традиционно рассматривавшимися как внутренний и внешний аспекты феномена понимания, этот феномен включает в качестве необходимого и момент применения понимаемого к наличной ситуации: «... Применение оказалось не соотношением чего-то всеобщего, данного заранее, с той или иной особенной ситуацией. Интерпретатор, имеющий дело с преданием, стремится его апплицировать, но это вовсе не значит, что дошедший до него текст дан ему и понят им как нечто всеобщее и затем лишь используется для применения к особенному. Напротив, интерпретатор ни к чему иному не стремится, как именно понять это всеобщее (текст), то есть понять то, что говорит предание, то, что составляет смысл и значение текста. Но чтобы понять это, он не должен абстрагироваться от самого себя и от той конкретной герменевтической ситуации, в которой он находится. Он должен связать текст с этой ситуацией, если он вообще хочет его понять». И все же центральным моментом в процессе понимания Гадамер считает истолкование, то есть «перевод» текста на язык, наличный у понимающего в момент понимания: «Благодаря истолкованию текст должен обрести язык. Но никакой текст, никакая книга вообще не говорят, если они не говорят на языке, способном дойти до их читателя. Поэтому истолкование должно найти правильный язык, если оно действительно хочет помочь тексту заговорить». Однако этот «правильный язык» не есть язык текста, но язык, на котором могут говорить как текст, так и интерпретатор: «Всякое толкование должно привести себя в соответствие с той герменевтической ситуацией, которому оно принадлежит». Итак, Гадамер дает следующую структуру процесса понимания: понимаемый текст не рассматривается как продукт индивидуальной речевой деятельности, но выступает как общее во множестве частных ситуаций понимания. Задачей интерпретатора вовсе не является

обнаружение этого понятного ему общего в частном для демонстрации «правильности» или «истинности» текста. Его задачей является реконструирование общего смысла текста при помощи наличной у него частной ситуации; можно сказать, что он должен воспроизвести смысл текста на языке наличной ситуации. Возможность понимания в таком случае обосновывается опять-таки общностью ситуаций, с которыми имеют дело говорящий и интерпретатор. Иными словами, общий смысл текста есть продукция множества понимающих, полученная путем аппликации текста к множеству наличных ситуаций и представляющая собой некую истину, «суть дела», а вовсе не мнение говорящего: «Предполагается, что не только имманентное единство смысла ведет читателя, но что и читательское понимание постоянно направляется трансцендентными смысловыми ожиданиями, коренящимися в отношении к истине того, что подразумевается... В презумпции совершенства заключено не только то, что текст полностью выражает все подразумеваемое им, но и то, что все сказанное есть полная истина. Понимать — означает прежде всего разбираться в чем-то, а уж потом, во вторую очередь, вычленять мнение другого, разуметь подразумеваемое им. Итак, первое из условий герменевтики — это предметное понимание, ситуация, возникающая тогда, когда я и другой имеем дело с одной и той же вещью». А подобная ситуация предметного понимания материализуется, как уже говорилось, «в форме общности основополагающих и несущих пред-рассудков — заранее сложившихся суждений. Герменевтика должна исходить из следующего: тот, кто хочет понять, связывает себя с предметом, о котором гласит предание, и либо находится в контакте с традицией, изнутри которой обращается к нам предание, либо стремится обрести такой контакт». Круг замкнулся. Сводя герменевтическую концепцию понимания к формуле, можно сказать, что понимание есть процесс созидания языка (то есть, с точки зрения герменевтики, среды проявления истины), который свяжет текст, несомый преданием (традицией), и само это предание (традицию), с на-

личной ситуацией. Трехкомпонентная структура процесса понимания состоит из операций понимания, истолкования и применения. Х.-Г. Гадамер рассматривает их как действия, различающиеся скорее не по структуре, а по средствам: понимание есть операция по переводу текста во внутреннюю речь интерпретатора, применение — операция по переводу текста на язык наличной ситуации, а истолкование — операция по переводу текста на язык, объединяющий речь текста, ситуации и самого интерпретатора.

Таковы основные направления и тенденции развития философии.

БЫТИЕ

1. БЫТИЕ И СООТНОШЕНИЕ ЕГО СФЕР И УРОВНЕЙ
2. ДВИЖЕНИЕ И ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КONTИНУУМ

Бытие и соотношение его сфер и уровней

Проблемы бытия — предмет *онтологии* как основного раздела философского знания, призванного исследовать систему его всеобщих предикатов. Учение о бытии развивалось Парменидом, Гераклитом, Платоном, неоплатониками, Аристотелем, средневековыми философами и теологами, мыслителями Нового и новейшего времени. Различные интерпретации бытия в философских системах свидетельствуют о сложности самого явления.

В истории философии первую концепцию бытия дали древнегреческие философы VI–IV веков до нашей эры — досократики. Для них бытие совпадает с материальным, неразрушимым и совершенным космосом. Одни из них рассматривали бытие как неизменное, единое, неподвижное, тождественное себе. Таковыми были взгляды древнегреческого философа *Парменида*. Он провел принципиальное различие между мышлением и чувственностью, а соответственно и между мыслимым миром и миром чувственно познаваемым. Мышление и соответствующий ему мыслимый, умопостигаемый мир есть, прежде всего, «единое», которое Парменид характеризовал как бытие, вечность и неподвижность, однородность, неделимость и законченность, противопоставляя его становлению и кажущейся текучести.

Он дает одну из первых формулировок идеи тождества бытия и мышления: «мыслить и быть есть одно и то же», «одно и то же мысль и то, на что мысль устремляется». Бытие, по Пармениду, никогда не может ни происходить из небытия, ни каким-либо образом содержать его в себе.

Парменид не отрицал чувственного мира, но доказывал, что для

его философского и научного осознания мало одной чувственности. Считая критерием истины разум, он отвергал ощущения из-за их неточности.

Другие философы древности рассматривали бытие как непрерывно становящееся. Так, *Гераклит* сформулировал ряд диалектических принципов бытия и познания. Диалектика у Гераклита — концепция непрерывного изменения, становления, которое мыслится в пределах материального космоса.

Становление возможно только в виде непрерывного перехода из одной противоположности в другую, в виде единства уже сформировавшихся противоположностей. Так, у Гераклита едины жизнь и смерть, день и ночь, добро и зло. Противоположности пребывают в вечной борьбе, так что «раздор есть отец всего, царь всего». В понимание диалектики входит и момент относительности (относительность красоты божества, человека и обезьяны, человеческих сил и поступков и т. п.), хотя он и не упускал из виду того единого и цельного, в пределах которого происходит борьба противоположностей.

Взгляды третьих основываются на том, что бытие фиксируется в отношении к небытию, причем противопоставляются бытие по истине, открываемое в философском размышлении, и бытие по мнению, представляющее собой лишь ложную, превратную поверхность вещей.

Наиболее резко выразил это *Платон*, который противопоставляет чувственные вещи чистым идеям как «мир истинного бытия».

Бытие и жизнь есть подражание вечным идеям, а искусство есть подражание бытию и жизни, то есть подражание подражанию.

Следующий шаг делает *Аристотель*. Он выявляет типы бытия в соответствии с типами суждений: «оно есть». Опираясь на проводимый им принцип взаимосвязи формы и материи, Аристотель преодолевает присущее прежней философии противопоставление сфер бытия, поскольку форма для него есть неотъемлемая характеристика бытия. Однако Аристотель признает также нематериальную форму всех форм (бога).

Хотя Аристотель признавал материю одной из первых причин и считал ее некоторой сущностью, он видел в ней только пассивное начало (возможность стать чем-либо), всю же активность приписывал остальным трем причинам, причем сути бытия — форме — приписал вечность и неизменность, а источником всякого движения считал неподвижное, но движущее начало — бога. Бог Аристотеля — «перводвигатель» мира, высшая цель всех развивающихся по собственным законам форм и образований.

Христианство проводит различие между божественным и сотворенным бытием, между богом и миром, который сотворен им из ничего и поддерживается божественной волей.

Средневековая христианская философия в традициях аристотелизма различает действительное бытие (акт) и возможное бытие (потенция), сущность и существование. Всецело актуально только бытие бога.

Резкий отход от этой позиции начинается в *эпоху Возрождения*, когда получил общее признание культ материального бытия, природы, телесного. Эта трансформация, которая выражает новый тип отношения человека к природе, — отношения, обусловленного развитием науки, техники и материального производства, подготовила концепции бытия XVII–XVIII веков. В них бытие рассматривается как реальность, противостоящая человеку, как сущее, осваиваемое человеком в его деятельности. Отсюда возникает трактовка бытия как объекта, противостоящего субъекту как косной реальности, которая подчинена слепым, автоматически действующим законам (например, принципу инерции) и не допускает вмешательства каких-либо внешних сил.

Исходным в трактовке бытия для всей философии и науки этой эпохи является понятие тела. Это связано с развитием механики — главной науки XVII–XVIII веков. В свою очередь, такое понимание бытия послужило основой естественнонаучного представления о мире в то время. Период классической науки и философии можно охарактере-

ризовать как период натуралистически-объективистских концепций бытия, где природа рассматривается вне отношения к ней человека, как некоторый механизм, действующий сам по себе.

Спиноза сделал центральным пунктом своей онтологии тождество бога и природы, которую он понимал как единую, вечную и бесконечную субстанцию, исключаящую существование какого-либо другого начала, и тем самым — как причину самой себя. Признавая реальность бесконечно многообразных отдельных вещей, он понимал их как совокупность модусов — единичных проявлений единой субстанции.

С разными модификациями все эти особенности в понимании бытия обнаруживаются в философских системах Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка (Великобритания), у французских материалистов, в физике Р. Декарта.

Основная черта философского мировоззрения Декарта — дуализм души и тела, «мыслящей» и «протяженной» субстанции. Человек есть реальная связь бездушного и безжизненного телесного механизма с душой, обладающей мышлением и волей.

Эту же линию развивает немецкий философ *Г. Лейбниц*, который выводит понятие бытия из внутреннего опыта человека, а крайнего выражения она достигает у английского философа *Дж. Беркли*, отрицающего существование материального бытия и выдвигающего субъективно-идеалистическое положение «быть — это значит быть в восприятии».

Не отрицая существования вещей самих по себе, *И. Кант* рассматривает бытие не как свойство вещей, а как связку суждения. «...Бытие не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи... В логическом применении оно есть лишь связка в суждении. Прибавляя к понятию характеристику бытия, мы не прибавляем ничего нового к его содержанию».

Для *И. Фихте* подлинным бытием является свободная, чистая

деятельность абсолютного Я, а материальное бытие есть продукт этой деятельности. У Фихте впервые в качестве предмета философского анализа выступает бытие культуры, бытие, созданное деятельностью человека.

Подобный тезис развивает **Ф. Шеллинг**, согласно которому природа, бытие само по себе есть лишь неразвитый, дремлющий разум. Он отмечает, что «свобода является единственным принципом, к которому здесь все возводится, и в объективном мире мы не усматриваем ничего вне нас существующего, но лишь внутреннюю ограниченность нашей собственной свободы деятельности».

В системе **Г. Гегеля** бытие рассматривается как первая, непосредственная и весьма неопределенная ступень в восхождении духа к самому себе, от абстрактного к конкретному: абсолютный дух лишь на мгновение материализует свою энергию, а в своем дальнейшем движении и деятельности самопознания он снимает, преодолевает отчужденность бытия от идеи и возвращается к самому себе, так как сущность бытия составляет идеальное. Для Гегеля подлинное бытие, совпадающее с абсолютным духом, есть не косная, инертная реальность, а объект деятельности, полный беспокойства, движения и фиксируемый в форме субъекта, то есть деятельно.

С этим связан и историзм в понимании бытия, который берет свое начало в немецком классическом идеализме. Правда, история и практика здесь оказываются производными от духовной деятельности.

Установка на рассмотрение бытия как продукта деятельности духа характерна и для философии конца XIX – начала XX веков. При этом по-новому истолковывается само бытие. Основная тенденция в развитии представлений о бытии совпадает с тенденцией развития научного знания, которое преодолевает как натуралистически-объективистскую трактовку бытия, так и субстанциальный подход к нему. Это выражается, в частности, в широком проникновении в научное мышление таких категорий, как функция, отношение, система и т. д. Это движение науки во многом было подготовлено критикой

представлений о бытие как субстанции, осуществленной в гносеологии, например, в работах немецкого философа-неокантианца *Э. Кассирера*.

В ряде направлений современной философии подход к бытию исходит уже из анализа человеческого существования. Человек все более сознает себя как субъекта всех форм своей деятельности, как творца своей социальной жизни и форм культуры. В *философии XX века* не мир, не природа, а человек становится проблемной точкой отсчета. Философы XX века стали решительно пересматривать внутри-философские приоритеты прошлого. Они возражали тем представителям классической онтологии, которые отталкивались от самостоятельного бытия мира и от него двигались к пониманию человека, поставленного в зависимость от мира. В таких случаях, говорили они, философия и превращалась в «философию вещей», а человек чаще всего также рассматривался как вещь. Представители анализируемых направлений XX века считали необходимым действительно сделать человека центром философии. Ведь сам человек есть, существует, является бытием, притом бытием особым. Философы-классики рассматривали «бытие» как предельно широкое (человеческое) понятие о мире и в то же время считали бытие совершенно независимым от человека. Исключением было учение Канта. В нем философы XX века особенно высоко оценили ту идею, согласно которой мир мы видим исключительно сквозь призму человеческого сознания. Вещи мира, сам мир существуют в себе, совершенно независимо от сознания, но «в себе» они нам, людям, не явлены. Поскольку же мир, вещи и процессы мира являются людям, постольку результаты его осознания уже неотделимы от человека. В центр ставится человек, его активность, возможности свободы, открываемые его бытием.

Понятие «*бытие*» означает быть, присутствовать, пребывать, являться, существовать, наличествовать. Признаком существования-бывания наделены вещи, биологические особи, люди, процессы, состояния, свойства, отношения, артефакты, феномены культуры, цен-

ности, психические акты и структурные элементы сознания как нечто актуализированное, так и потенциальное, возможное. Под бытием в самом широком смысле этого слова имеется в виду предельно общее понятие о сущем вообще. Антитезой бытия является *ничто*. Бытие — в отвлечении от модусов и атрибутов — есть тождественное себе содержание, т. е. чистое, пустое бытие. «В своей неопределенной непосредственности оно равно лишь самому себе, а также не равно в отношении иного, не имеет никакого различия ни внутри себя, ни по отношению к внешнему» (Гегель). Это — предельно возможная абстракция. Т. е. в самом понятии бытия «угашены» всякие различия и границы между конечным и бесконечным, простым и сложным, живым и мертвым, явным и скрытым, известным и неизвестным. Но как только мы произведем обратную операцию, начнем движение не от конкретного явления к обобщающей абстракции, а от нее в реальный мир, то сразу столкнемся с дифференциацией бытия на два *фундаментальных уровня: материальный и идеальный, объективный и субъективный*. Для фиксации первого уровня в философии выработано понятие «*материя*», классическое определение которого дал В. И. Ленин в своей монографии «Материализм и эмпириокритицизм» в начале XX века. «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них». Из данной дефиниции можно вывести ряд следствий.

Во-первых, здесь твердо отстаивается позиция материализма, ибо провозглашается объективность и независимость существования материи от сознания в его чувственной форме.

Во-вторых, указывается на открытость, доступность мира человеку, т. е. на его познаваемость, так как объективная реальность дана в его опыте и более того — отражается, воспроизводится им.

В-третьих, материя трактуется только как объективная реальность без выделения каких-либо конкретных форм ее проявления. С

точки зрения диалектического материализма (в отличие от предшествующих его — материализма-стадий) «единственным свойством материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания». Это *гносеологическое* определение направлено против метафизических представлений о материи и является примером именно философского, а не естественнонаучного подхода.

Оно предупреждает о недопустимости их смешения и отождествления материи с веществом, астрономической Вселенной, массой, кварками или субкварками и т. п. В противном случае консервируются результаты познания и закладываются предпосылки возникновения мировоззренческого и методологического кризиса. Это происходит неизбежно, если целое сводится к части, бесконечное к конечному, неизвестное к известному, еще не познанное к уже познанному. Вполне закономерно, что в период революции в физике на рубеже XIX–XX вв., когда, помимо уже изученного вещества, была обнаружена структура атома, открыты элементарные частицы и поля, появилась специальная и общая теория относительности А. Эйнштейна, стало распространяться мнение о том, что материя исчезла. Но исчезло старое, узкое представление о материи, исчез всего лишь предел знаний о ней, достигнутый к тому времени.

В-четвертых, здесь имплицитно содержится мысль о материи как субъекте своих собственных проявлений, как субстанции. В самом деле, есть тонкое различие между понятиями «материя» и «материальное», «объективная реальность» и «объективное». Ясно, что материя, будучи основой, носителем бесконечного количества разнообразных свойств, обуславливает собой как ядром целый спектр материальных, объективных трансформаций и модификаций. Иными словами, материальное и объективное — более широкие понятия, чем материя. Разве такие характеристики материи, как, скажем, неисчерпаемость, системность, процессуальность не материальны, не объективны? Но они — не материя, а только выражение ее сущности.

Почему при всем разнообразии, текучести, «многоцветия» и «многозвучия» мир не расплзается «по швам», но демонстрирует наличие воспроизводства, цикличности, периодичности и устойчивости? Есть ли общая основа всего? Ответ дала античная философия, сформировав понятие «субстанция». **Субстанция** — то, из чего все возникает и во что рано или поздно превращается. Субстанция — вечная, бесструктурная, неизменная, предельно элементарная, неделимая, первоначальная, неустранимая основа сущего. Образы субстанции предлагались разные: у Фалеса — вода, у Анаксимена — воздух, у Гераклита — огонь, у Демокрита — атомы, а суть одна. Естественно, что субстанция существует до, вне и независимо от сознания. До конца XIX в. преобладающим было представление, сводящее объективную реальность — материю к веществу, состоящему из корпускул, обладающих неизменной массой и подчиняющихся в своем движении неизблемым законам классической механики.

Хотя наука показала, что в действительности не существуют **абсолютно** вечные субстанции с нулевой степенью сложности, тем не менее, по мнению автора, это не поколебало ценность самого понятия «субстанция», ибо та же наука не опровергает наличие **относительной** стабильности, базисности и элементарности определенных областей и фрагментов материального мира в сравнении с другими. Так, на микроуровне частицы по степени их самосохранения разделяются на долгоживущие, быстрораспадающиеся и виртуальные, длительность существования которых не превышает 10^{-24} сек. И если вещество во Вселенной, на 75 % состоящее из атомов водорода и почти на 25 % из атомов гелия, эволюционирует во времени, то «темная материя», удельный вес которой равен 96–97 % всего материального содержания, существовала, как считает А. Урсул, еще задолго до Большого взрыва и, обладая свойством антигравитации, константной плотностью и давлением, сформировалась как причина и источник возникновения звезд, галактик и других форм «видимой» материи. Ее неизменность, ее сверхустойчивость, ее самосохранение в течении многих и многих миллиардов лет могут

явится основой и необходимым условием того, что наша барионная (вещественная) часть материи, занимающая всего 3–4 % космического пространства, развивается столь бурно.

Несмотря на несомненные достоинства рассматриваемого определения материи, требуется внести некоторые коррективы:

1) материя трактуется как объективная реальность, данная человеку в ощущениях его. Но все ли реально бытийствующее воспринимается органами чувств? Отнюдь, нам доступна лишь малая часть объективного мира, а использование приборов и инструментов только ее расширяет;

2) материя интерпретируется как объективная реальность, соотносимая с чувственной стороной сознания, тогда как роль рассудка и разума в познании совершенно не учитывается, а ведь мышление — такое же идеальное образование;

3) материя как объективная реальность противопоставляется субъективной в образе земного человека. Но разве он единственный представитель мыслящих существ? Из чего это следует? И по отношению к кому материя была объективной реальностью до возникновения человека? С учетом всего сказанного дефиниция материи примет такой вид: материя — объективная самоосновная реальность, актуально или потенциально соотносящаяся с сознанием вообще (любым, в том числе и внечеловеческим) и воспроизводимая им, оставаясь независимой от него.

Подчеркивая специфику философских моделей материи, все же нельзя игнорировать и естествонаучные.

Материя в физическом смысле имеет разнообразное, прерывистое строение. Она состоит из частей различной величины, качественной определенности: элементарных частиц, атомов, молекул, радикалов, ионов, комплексов, макромолекул, коллоидных частиц, планет, звезд и их систем, галактик. От «прерывных» форм материи неотделимы «непрерывные» формы — различные виды полей (гравитационные, электромагнитные, ядерные). Они связывают частицы материи, позволяя

им взаимодействовать и тем самым существовать, быть. Напомню, что вещество — совокупность тел и предметов, образованных из частиц, обладающих массой покоя. Поле — система отношений, связывающая предметы и события в единое целое. Вещество и поле, взаимодействуя, могут переходить друг в друга. Так, фотоны света большой энергии превращаются в протон и электрон, которые при столкновении порождают свет.

А существует ли что-то кроме вещества и полей? Какой вывод можно сделать из логики предыдущего изложения? Удовлетворительно такое определение материи, которое основано на данных современной науки: материя — объективная реальность, состоящая из физического вакуума, элементарных частиц, атомно-молекулярных ассоциаций, плазмы, излучений, полей различных видов, звезд и газопылевых туманностей, из взаимодействия которых возникает, функционирует и развивается все бесконечное разнообразие явлений, актуально или потенциально соотносимое с сознанием вообще и воспроизводимая им? Оставляю эти вопросы без ответа, полагаясь на вашу проницательность...

Кроме фундаментальных уровней материя стратифицирована на сферы и структурные уровни организации.

В процессе самодвижения материи возникают различные по сложности *сферы* ее существования, выражающие присущую ей системную организацию:

– *системы неживой природы* (элементарные частицы, в т. ч. античастицы, поля, атомы, молекулы, микроскопические тела, космические системы различных порядков — Земля и другие планеты, Солнце и другие звезды, Галактика, системы галактик);

– *биологические системы* (вся биосфера от микроорганизмов до человека, включая внутриорганизменные биосистемы и надорганизменные системы);

– *социально-организованные системы* (человек, семья, различные коллективы, объединения и организации, партии, классы, нации,

государства, системы государств, общество, человечество в целом).

Мир и все в мире — это не хаос, а закономерно организованная система, иерархия систем. Под *структурностью материи* понимается внутренне расчлененная целостность, закономерный порядок связи элементов в составе целого. Бытие и движение материи невозможны вне ее структурной организации. Понятие структуры применимо не только к различным уровням материи, но и к материи в целом. Устойчивость основных структурных форм материи обусловлена существованием ее единой структурной организации — *иерархии*. В этом смысле можно сказать, что каждый элемент материи как бы несет на себе печать мирового целого. В частности, как показывает наука, электрон имеет прямое отношение к Космосу, и понимание Космоса невозможно без рассмотрения электрона.

В рамках каждой сферы материальной действительности доминируют свои особые *структурные уровни организации*. Применительно к неорганической природе можно констатировать субординированную взаимосвязь следующих «страт»: вакуумная – микроэлементарная – ядерная – атомарная – молекулярная – макровещественная – планетарная – звездно-планетарная – галактическая – метagalактическая – вселенская; для живой материи: органическая молекула – клетка – организм – популяция – биоценоз – биогеоценоз – экосистема – биосфера; внутренняя дифференциация социума выражена в соотношении индивида – семьи – социальной группы – класса – нации – этноса – общества – мирового сообщества – человечества.

Все явления материи, на каком бы «этаже» они ни находились, взаимосвязаны бесконечным количеством прямых и опосредованных отношений, образующих системное единство материального бытия.

Каждое сколько-нибудь последовательное философское мышление может выводить единство мира либо из материи, либо из духовного начала. В первом случае мы имеем дело с материалистическим, а во втором — с идеалистическим *монизмом* (от греческого «моно» — «один», «единственный»).

Материалистический монизм отвергает воззрения, выделяющие сознание, разум в особую, противостоящую природе и обществу субстанцию. Сознание — это и познание действительности, и ее составная часть. Сознание принадлежит к материальному миру, хоть и противостоит ему как духовность. Оно — естественное свойство высокоорганизованной материи.

Существуют философские учения, которые стоят на позициях *дуализма* (от латинского «дуо» — «двойственный») (Декарт).

Наконец, есть третий вариант, исходящий из множественности относительно самостоятельных и качественно своеобразных, но тесно связанных друг с другом миров — монад (Лейбниц). Это — *плюралистическая* модель.

Но *принцип материального единства мира* означает не эмпирическое сходство или тождество конкретных существующих систем, элементов и конкретных свойств и закономерностей, а общность материи как носителя многообразных свойств и отношений.

В чем же проявляется материальное единство мира? Есть три теоретические модели:

1) *субстратная*: мир един, так как образован и сформирован из определенного количества однотипных элементов. Все материальные объекты возникли из одного и того же «замеса»;

2) *функциональная*: несмотря на качественное разнообразие мира он един, ибо подчиняется действиям фундаментальных законов;

3) *атрибутивная*: мир един в силу того, что каждое явление, кроме своих специфических черт, обладает всеобщим, внутренне-необходимыми свойствами (атрибутами), которые как обручи связывают различные предметы всеохватным «родством», не допуская тотального взаимоотноуждения. К таким атрибутам относятся движение, пространство, время, структурность, противоречивость и др.

Движение и пространственно-временной континуум

Свойства материи, без которых она не может существовать, называются атрибутами. Бытию присущи такие атрибуты, как движение, пространство, время, отражение, системность, развитие, которые могут быть абсолютными и/или относительными и неразрывно связаны между собой. Философская теория движения, обобщая наработанный естественными, техническими и социально-гуманитарными науками материал и основываясь на арсенале собственных методов исследования, включает в себя ряд фундаментальных положений.

1. *Движение не просто атрибут материи*, которых может быть много, *а единственный способ ее существования*. Только посредством движения она развертывает, раскрывает и реализует всю «гамму» внутренних потенций. Нет движения без материи и материи без движения. Движение — жизнь, «дыхание» материи. Всегда движется что-то. Нельзя говорить, что материя порождает движение, что она первичнее его. Здесь имеет место не причинно-следственная связь, а отношение взаимодополнения. Неправомерно также отождествление материи с массой, а движение с энергией как его физической характеристикой. Известно, что в термоядерных реакциях обнаруживается «дефект массы», а в случае взаимодействия протона и электрона происходит аннигиляция пары, сопровождаемая ее превращением в электромагнитное излучение и, соответственно, утратой изначальной массы, что свидетельствует лишь о существовании качественно различных материальных носителей движения.

2. *Движение — изменение вообще*. Подобно тому, как методологически неверно ставить знак равенства между материей и ее определенными состояниями, так и движение недопустимо представлять в какой-то одной разновидности. Движение — это процессуальность, бесконечная череда переходов и трансформаций.

Философское понятие движения обозначает любые взаимодействия, любые изменения состояний объектов, которые происходят в процессе этих взаимодействий. *Быть в движении* — значит изменяться.

Нет в мире неизменных вещей, свойств и отношений. Мир реального бытия слагается и разлагается, он никогда не бывает чем-то законченным. Движение охватывает собой как изученные процессы, так и совершенно неизвестные. Научный прогресс в постижении действительности заключается и в том, что значительно расширяется масштаб знаний об эволюции явлений в сфере микромира, макромира и мегамира.

3. *Движение несотворимо и неуничтожимо.* Оно не привносится извне. Движение сущего есть самодвижение в том смысле, что тенденция, импульс к изменению состояния присущи самой реальности: она есть причина самой себя. Несотворимость, неуничтожимость движения нашла свое естественнонаучное подтверждение в открытом в XIX в. законе сохранения и превращения энергии. Но как совместить первое начало термодинамики со вторым, согласно которому происходит необратимый процесс возрастания энтропии, сползания к уровню неупорядоченного, хаотического и затухающего движения микрочастиц, т. е. к тепловой смерти мира? «Энергия вселенной постоянна, энтропия вселенной стремится к максимуму» — отчеканил Р. Клаузиус. Но состоятелен ли данный неутешительный вывод? Поищем контраргументы:

а) этот закон неприменим к материи как системе, состоящей из бесконечного количества подсистем и элементов, ибо в такой суперсистеме все ее состояния равновероятны с позиций статистической физики. Перенос закономерностей, присущих конечным и замкнутым образованиям, на бесконечные и открытые вряд ли продуктивен;

б) исходя из общей теории относительности, необходимо также учитывать роль гравитационных полей, которые, находясь всегда в нестационарном состоянии и активно воздействуя на поведение космических тел, не «позволяют» им опуститься на «дно» термодинамического покоя;

в) следует обратить внимание и на тот факт, что в любой замкнутой системе темп обесценивания энергии замедляется до бесконеч-

ности по мере выравнивания энергетических потенциалов, которое практически нереализуемо в каждый момент времени. А так как в реальности нет абсолютно изолированных структур, то полная энтропия — запредельная идеализация.

4. Поскольку движение несотворимо и неуничтожимо — оно **абсолютно**, непреложно и всеобще. Абсолютность означает всепроницаемость, «всюдность» процессуальности, отсутствие в мире зон и областей, не подверженных эволюции. И сама последовательная экстраполяция идеи движения с объектов социума и живой природы на неорганический мир свидетельствует лишь о том, что оно (изменение) в одних сферах явлено наиболее полно и зримо, а в других — иначе, своеобразно, но все равно присутствует.

5. **Движение относительно**. Относительно в том смысле, что оно дифференцировано на множество форм, отличающихся друг от друга. Первую научную классификацию форм движения разработал Ф. Энгельс, выделив механическую, физическую, химическую, биологическую и социальную. Если движение — способ существования материи, то **форма движения** — это способ бытия определенного вида или уровня материи. По мере развития науки количество форм движения будет постоянно увеличиваться, открывая новые грани их взаимодействия. На современном этапе познания структурные уровни организации материи в трех основных ее сферах, исследованные нами (и зафиксированные на предыдущих страницах) ранее как раз и являются формами их движения, посредством которых они выражают природу и качественную специфику своего бытия. Между формами движения существует структурно-генетическая связь, которая детерминирует их определение как высших и низших. **Низшие** формы движения предшествуют появлению **высших**, являясь их предпосылкой и основой, а также неустранимым элементом в структуре высших форм движения, что и позволяет (в известной мере) описывать закономерности высшего в терминах наук, изучающих низшие формы движения. Кроме высших и низших целесообразно выделить **главные**

и побочные формы движения. Главные — ряд закономерно сменяющих друг друга форм движения, связанных с достаточно крупными и относительно обособленными видами материи, а побочные — те явления, которые сопутствуют проявлению качественно-специфической форме движения (главной), будучи производными низших форм, и выступают как относительно самостоятельные феномены. Так, биологические процессы сопровождаются и химическими, и физическими, и механическими, и полевыми трансформациями.

В методологическом плане диалектическая концепция форм движения обладает большой научной ценностью и, направляя исследовательскую мысль на адекватное воспроизведение действительности, оберегает от многих теоретических ошибок и крайностей. К ним относятся:

- отрицание качественного своеобразия высших форм движения и сведение их к закономерностям низших (редукционизм);
- наделение низших форм движения характеристиками высших;
- противопоставление и отрыв форм движения друг другу.

6. Движение — противоречивое единство изменчивости и устойчивости.

В бесконечном потоке никогда не прекращающегося движения сущего всегда присутствуют моменты устойчивости, проявляющиеся прежде всего в сохранении состояния движения, а также в форме равновесия явлений и относительного покоя. *Покой* — это состояние движения, которое не нарушает качественной специфики предмета, его стабильности. Как бы ни изменялся предмет, пока он существует, он сохраняет свою определенность. Отсутствие движения — покой — всегда имеет только видимый и относительный характер. Обрести абсолютный покой, значит перестать существовать.

И одинаково ущербны как абсолютизация изменчивости, обновляемости, которую допускал, например, Кратил, говоривший, что даже один раз нельзя войти в один и тот же речной поток, так и абсолютизация устойчивости. Рассмотрите последствия таких устремлений

при их воплощении в экономической, политической, правовой или культурной жизни общества.

7. Движение также проявляется во взаимосвязи двух основных типов. Так как этой проблеме в философской литературе уделяется незаслуженно мало внимания, мы исследуем ее более подробно.

Любой процесс познания можно признать достаточно результативным, когда вскрываются специфические взаимодействия противоречивых сторон, сил и тенденций. С этой точки зрения объективное движение то же противоречие, противоречие между устойчивостью и изменчивостью, абсолютностью и относительностью, непрерывностью и прерывностью, качественной и количественной определенностями и т. д. В интересующем нас аспекте целесообразно проследить генезис и конкретизацию категории «движение». Часто упускают из вида одновременность возникновения и разрешения противоречий, означающих постоянство действия детерминирующего фактора процесса изменения. Разрешение противоречий — реализация взаимосвязи противоположностей в форме взаимоотрицания и взаимополагания. Разве не разрешаются каждый раз противоречия между диссимиляцией и ассимиляцией, наследственностью и изменчивостью, разложением и синтезом органических соединений? Существование любого явления во времени свидетельствует о том, что куда оно сохраняет свое качественное бытие, в нем как-то воспроизводятся основные его характеристики. Но устойчивость объекта есть производная жизнедеятельности конкретных противоположностей. Отрыв процесса от разрешения противоречий означает отказ от их понимания в качестве источника бесконечных видов движения материи. Неразрешимость противоречий тождественна невозможности существования процессов и, следовательно, явлений как основы изменений.

Движение выступает как результат, процесс и способ существования своих собственных противоречий и существует постольку, поскольку они деятельны и содержательно разрешаются в каждый данный момент. Считать разрешение противоречий лишь этапом или

стадией конкретных явлений равносильно отрицанию принципа неуничтожимости движения. Соотношение противоположностей должно неизбежно воплощаться в результатах этого соотношения. Но так как итог деятельности обычно фиксируется в понятиях стадильности, то противоречия, существуя до периода их качественного разрешения, в то же время перестают быть источником движения, ибо источник — активное порождающее начало. Причина же без следствия мертва. Движение, следовательно, может возникать и исчезать. Во всяком случае, отсутствует сохранение количества материального движения. Действительное же предметное объективное противоречие «одновременно и осуществляется и разрешается».

Однако дальнейшее проникновение в сущность процессов указывает на недостаточность обнаружения противоположностей и их систем в предметах, а с необходимостью ведет к открытию форм разрешающихся противоречий. Из множества путей, видов разрешения материальных противоречий, отличных по характеру, масштабам и степени интенсивности, объективно выделяются два основных типа: качественный и количественный.

Движение — процесс постоянного возникновения своих собственных противоречивых сторон, черт и характеристик при одновременном их разрешении путем воспроизведения либо основного типа взаимоисключающих друг друга противоречий, либо частичной модификации уже имеющегося единства противоположностей, либо уничтожения узлового базиса данного комплекса противоречий и замены его существенно новым.

Коренная перестройка сущностных черт содержания определенного феномена, возникновение нового уровня системно-элементного единства и организованности, т. е. разрешение противоречий качественным способом составляет *развитие*. В объективной реальности нет явления, противоречия которого рано или поздно не разрешились бы таким образом. В результате качественного изменения происходит аккумуляция определенного спектра черт, связей, свойств предшест-

вующего состояния и включение его в структуру новообразования. Процесс такого включения очень сложен и «совместимость» элементов достигается не сразу. Структурные компоненты старого качества играют весьма значительную роль в поведении явления, оказывая влияние на темп, дифференцированность и заданность «русла», становясь ступенью, моментом и условием дальнейшего развития. Законы физики и химии, например, действующие в неорганической природе, не утратили свою сущность и способ своего проявления в сфере живого. Однако же действия усложняются и модифицируются. Так, увеличивается разница между степенью организованности, подвижности, возможности вступать в разнообразные связи и отношения предмета в состоянии «свободы» и того же самого явления, включенного в интегральную систему, частью которой оно стало. Сравнивая действие органических и неорганических катализаторов, обладающих общей химической природой удалось установить, например, что ферментативный белок в 10^3 – 10^{10} раз эффективнее железа в ионной форме. Сейчас уже можно считать преодоленной точку зрения, согласно которой в живых системах нет никаких специфических взаимодействий физико-химического порядка, которые бы не были присущи неживой материи. Молекулярная биология убедительно свидетельствует о возникновении новых закономерностей и новых форм превращений, отличных от аналогичных свойств неорганического мира. Биология, генетика, физика, астрономия и комплекс других наук убедительно доказывают наличие процессов новообразования на всех уровнях материальной действительности от микро- до мегамира. Так, основной моделью Вселенной в современной космологии является подтвержденная данными наблюдения эволюционная концепция А. А. Фридмана, который исходил из принципа существенной нестационарности небесных тел.

Если же предметные противоречия разрешаются на прежней основе, в русле данного качества, то эти изменения, изменения количественного характера, можно определить термином «*функционализова-*

ние». Сразу оговоримся: развитие и функционирование различаются не по объективному существованию специфических противоречий, отграничивающих явления развития от явлений функционирования, а по способу разрешения одних и тех же противоречий, что, в свою очередь, обусловлено различной степенью зрелости, остроты, напряженности противоположно направленных тенденций. Поэтому познание противоречий предполагает анализ связи противоположностей как развивающейся системы, так и функционирующей системы. Постигание явлений только как развивающихся или только как функционирующих одинаково не полно. Один и тот же уровень развития материи имеет и однотипную форму проявления. Из принципов диалектической логики следует, что развитие предмета, процесс становления определенного качества обуславливает собой изменение связи его с сосуществующими явлениями. Меняется и способ выражения качественной специфики, способ самораскрытия внутренней природы, а также способ связи с материальным фоном. Но этот способ связи не в малой степени определяется и окружающей средой. Преобразование материального фона есть в то же время и модификация канала отношения, но главные черты качественной природы предметов проявляются более или менее одинаково. За многие миллионы лет, например, климатические, геологические и другие условия на земном шаре резко менялись, однако существуют некоторые брадителические виды живого, которые практически не изменились.

В чем же причина такой устойчивости? В основном стабильность конкретного уровня организации живого обусловлена стабильностью генотипа. Сходство и различие генотипов определяет собой сходство и различие фенотипов в той же мере, в какой внешнее выступает как непосредственное проявление внутреннего, в той же мере, в какой внешнее способствует «раскрепощению», раскрытию внутреннего.

Обобщая сказанное относительно движения, выступающего как функционирование, можно сделать вывод, что оно есть, во-первых,

способ, каким конкретное явление, находящееся на определенном уровне развития, реализует свою внутреннюю природу, раскрывает и утверждает особенность своего бытия посредством комплекса свойств, отношений, динамики исчезающих и нарождающихся возможностей на базе разрешения ансамбля противоречий в рамках данного качества, а во-вторых, функционирование есть способ, каким качественная определенность связывается и соотносится со средой. Функционирование определяет предмет со стороны непрерывности, постоянной текучести и активности. Функционирование — развертывание и раскрытие качественной специфики предмета в количественных модификациях.

И развитие как качественное изменение, и функционирование, являющееся количественной его определенностью, — диалектически взаимосвязанные стороны движения как изменения. Две всеобщие стороны абсолютного движения обладают своей объективной определенностью, механизмом действия и способом существования, и поэтому есть глубокий рациональный смысл в попытках различения законов развития и законов функционирования. Применительно к обществу **законы развития** воплощаются в генетической взаимосвязи качественно определенных уровней поступательных процессов и указывают их тенденцию. **Законы же функционирования** характеризуют общество со стороны пропорциональности, оптимизации темпов роста различных сторон жизни, согласованности, соразмерности и гармоничности, т. е. актуализации уже имеющихся потенций в пределах определенной фазы развития.

Знание законов функционирования отдельных фрагментов системы или ее в целом отнюдь не гарантирует исчерпывающее познание. Однако без исследования функциональной активности данного объекта невозможно понять источники, движущие силы и импульсы процесса. Функциональный подход применим к исследованию поведения, соотношения и динамики элементов системы в рамках данной качественной целостности предметов. Этот метод становится пробле-

матичным лишь при условии выхода за пределы обоснованной экстраполяции. По этому следует очень осторожно оперировать законами развития и функционирования, памятуя об отсутствии в объективной действительности чистых процессов качественного порядка наряду с аналогичными процессами количественного. Каждое превращение есть своеобразный синтез развития и функционирования, так как движение в самом широком смысле представляет собой качественно-количественный процесс.

Однако история философии дает нам убедительное свидетельство, как на определенных этапах познания изменяющегося мира господствовало два представления относительно самого процесса движения: изменение сводилось либо к количественным перемещениям в пространстве, либо трактовалось как процесс спонтанного, внезапного возникновения качественной определенности. И то, и другое понимание абсолютизировало отдельную сторону процесса, т. е. по своему существу оперировало абстрактными определениями, однобоко отражающими конкретный процесс как синтез различных характеристик.

Исторически первой формой неадекватной интерпретации движения явилось его отождествление с количественными трансформациями. Такое истолкование сложилось к началу XVIII века и получило классическое выражение в произведениях Г. В. Лейбница. Складывалось учение об эволюции в ее плоско-вульгарном понимании; учение, согласно которому процесс в целом представляет собой непрерывный, медленный количественный рост, исключая скачки, прерывы постепенности и возникновение чего-либо нового. Подобная концепция базировалась на эмпирическом уровне естествознания, господстве аналитического подхода к явлениям органического и неорганического мира и преимущественном развитии механики, которая абстрагировалась от качественных различий предметов и сводила движение к перемещению, перекомбинации и перераспределению макротел в однородном пространстве. Все это приводило к преувеличению

функциональной стороны процесса. Подобная редукция вела к увековечиванию качеств, от которых абстрагировались их количественные характеристики. *Плоский эволюционизм* не изжил себя.

В американской энциклопедии под развитием понимается идея, согласно которой «вся природа, неживая и живая, есть результат постепенного развертывания неотъемлемых свойств и сил с беспрестанно увеличивающейся объединяемостью и сложностью от предполагаемых изначальных элементов, происхождение которых неизвестно».

В XX в. наряду с концепциями подобного рода большое распространение получило учение о «*творческой*», «*эмерджентной*» *эволюции* (А. Бергсон, К. Ллойд-Морган, С. Александер, Ч. Д. Броуд, Д. Буден и др.). «Мы верим в эволюцию, но это больше не механическая эволюция прошлого или позапрошлого поколения, но творческая эволюция» (J. G. Smuts).

Для представителей этого направления характерно понимание движения как внезапного возникновения качественных самобытностей, не обусловленных прошлым состоянием системы и ее внутренним строем. Такой подход к проблеме движения исключает наличие источника изменений во внутренних предметных противоречиях, искажает механизм процесса и отрицает какую-либо закономерность появления объективно новых состояний, что вызвано во многом недооценкой диалектики соотношения всеобщих моментов движения.

Возникновение новых образований, скачкообразность изменений составляют большую трудность в плане полноты возможного предсказания и прогноза параметров будущего явления. Отторжение количественной и качественной сторон взаимодействия определило и непреодолимую трудность объяснения факта появления нового естественным путем. Новизна — дело таинственной идеальной перво-сущности, или Бога (S. Alexander).

Эти положения свидетельствуют: перед нами теистическая концепция движения, но концепция, базирующаяся на более высоком уровне развития естественных и социальных наук, пронизанных

«стыковыми» проблемами. Скачкообразность, динамизм современного развития вскрыли ограниченность эволюционистской трактовки изменения, невозможность учесть специфику разных уровней организации материи. Учение эмерджентной эволюции это своеобразная реакция на данный процесс. Внимание к качественной стороне движения, разработка вопроса о двух типах отношений в сменяющихся явлениях (отношения включения и зависимости «уровней существования») — все это позитивные характеристики. Но решение данных аспектов проблемы движения в принципе не вышло за рамки догматического метода мышления, разрывающего явления на застывшие противоположности и различия без тщательного выяснения их связи.

Диалектическая же модель исходит из понимания функционирования и развития как моментов или сторон единого процесса движения. Движение, следовательно, — синтез развития и функционирования, и все три понятия, будучи близкородственными, все же весьма своеобразно, но отражают всеобщее.

Кроме движения, атрибутивный характер присущ пространству и времени. Вопрос о пространственно-временном измерении бытия интуитивно ясен, но весьма сложен для логического обоснования. Еще Августин восклицал: «Что же такое время? Пока меня о том не спрашивают, я понимаю, несколько не затрудняюсь; но как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик». Однако разнообразие существующих трактовок концентрированно выражается в религиозных, идеалистических и материалистических концепциях. *Религиозный взгляд* исходит из идеи творения мира Богом. «Он обладает бытием, а не бытие — Им, ибо, существуя прежде времени, прежде сущего и того, что в сущем, Он является для бытия временем, началом и мерой, то есть созидательным началом всего сущего, его продолжением и завершением» (Дионисий Ареопагит). Творение мира из ничего есть, следовательно, и творение пространства и времени, а способ этого перехода — тайна непостижимая. Но будучи богосотворенными, пространство и время становятся неотъемлемыми формами

вещественного бытия. *Субъективные идеалисты* (Беркли, Юм, Мах и др.) рассматривали пространство и время как явления, зависимые от восприятия и созерцания индивида. А *объективный идеализм* — как инобытие Абсолютного духа (Гегель). *Материалистические* представления также широко представлены.

В истории философии существуют две точки зрения об отношении пространства и времени к материи. Первую из них можно условно назвать *субстанциальной* (от лат. *substantia* — то, что лежит в основе; сущность) концепцией. В ней пространство и время трактовались как самостоятельные сущности, существующие наряду с материей и независимо от неё. Соответственно отношение между пространством, временем и материей представлялось как отношение между двумя видами самостоятельных субстанций. Это вело к выводу о независимости свойств пространства и времени от характера протекающих в них материальных процессов. Пространство и время — пустые вместителица предметов и событий.

Французский философ П. Гассенди (1592–1655) писал: «Я... знаю одно-единственное время, которое... может называться или считаться абстрактным, поскольку оно не зависит от вещей, так как существуют вещи или нет, движутся они или находятся в состоянии покоя, оно всегда течет равномерно, не подвергаясь никаким изменениям». Сходную мысль применительно к пространству высказывал и И. Ньютон (1643–1727): «Абсолютное пространство по самой своей сущности безотносительно — к чему бы то ни было внешнему, остается всегда неподвижным и одинаковым».

Если говорить о естественнонаучной обоснованности, то в XVII–XIX веках явное преимущество было на стороне субстанциальной концепции; именно она лежала в основе ньютоновской механики, принимавшейся в то время за образец точной науки. В электродинамике в пользу существования абсолютного пространства свидетельствовала гипотеза светоносного эфира, который заполняет абсолютное пространство и является носителем электромагнитных волн. Наконец,

сильнейшим свидетельством в пользу субстанциальной концепции пространства был факт единственности евклидовой геометрии. А это как бы подтверждало вывод, следовавший из субстанциальной концепции, что свойства пространства и времени неизменны и независимы от характера движения и взаимодействия материальных систем.

Другая позиция, наметившаяся еще у Аристотеля, получила свое дальнейшее теоретическое обоснование в произведениях Г. Лейбница (1646–1716), который оппонировал следующим образом: «Говорят, что пространство не зависит от положения тел. На это я отвечаю, что оно, конечно, не зависит от того или иного положения тел, тем не менее оно является таким порядком, который делает возможным само расположение тел и в силу которого они в своем существовании друг подле друга обладают отношением расположения, подобно тому как время представляет собой тот же порядок в смысле последовательности их существования». Он доказывает, что «без материи нет... пространства, и что пространство само по себе не представляет абсолютной реальности».

Вторую концепцию именуют *реляционной* (от лат. *relatio* — отношение). Её сторонники понимали пространство и время не как самостоятельные сущности, а как системы отношений, образуемых взаимодействующими материальными объектами. Вне этой системы взаимодействий пространство и время считались несуществующими. В этой концепции пространство и время выступали как общие формы координации материальных объектов и их состояний. Соответственно допускалась и зависимость свойств пространства и времени от характера взаимодействия материальных систем.

С точки зрения признания объективности пространства и времени обе эти концепции равноценны, но наука XX и XXI вв. отдает предпочтение реляционной.

Современное понимание пространства и времени сложилось в итоге длительного исторического процесса познания.

Понятие пространства опирается на понятие протяженности.

Протяженность объекта выражает его структурность, взаимоотношение его частей. Обнаруживается протяженность благодаря конечности скорости распространения взаимодействий. Протяженность, следовательно, обусловлена системной природой материи, выражая ее многокачественность и многокомпонентность.

Все материальные тела имеют определенную протяженность. Они различным образом расположены относительно друг друга, составляют части той или иной системы. **Пространство** — форма бытия материи, выражающая протяженность составляющих ее объектов, их строение из элементов и частей; это форма координации сосуществующих объектов, состояний материи. Оно заключается в том, что объекты расположены вне друг друга (рядом, сбоку, внизу, вверху, внутри, сзади, спереди и т. д.) и находятся в определенных количественных отношениях.

Понятие времени базируется на понятии длительности. Длительность выражает несотворимость и неуничтожимость системно организованной материи, последовательное пребывание материальных объектов и явлений в определенных состояниях. Процессы совершаются либо одновременно, либо один раньше или позже другого; таковы, например, взаимоотношения между днем и ночью, зимой и весной. Все это означает, что тела существуют и движутся во времени. **Время** — это форма бытия материи, выражающая длительность протекающих процессов, последовательность смены состояний в ходе изменения и развития материальных систем; это форма координации сменяющихся объектов и их состояний. Оно заключается в том, что каждое состояние представляет собой последовательное звено процесса и находится в определенных количественных отношениях с другими состояниями. Элементарной единицей времени является мгновение — далее нерасчлняемый «квант» длительности.

Каковы же свойства пространства и времени?

1. Пространство и время существуют **объективно**, их существование независимо от сознания человека.

2. Пространство и время — это всеобщие формы существования, координации материальных объектов. Всеобщность этих атрибутов бытия заключается в том, что они — формы бытия всех предметов и процессов, которые были, есть и будут в бесконечном мире, т. е. обладают статусом *абсолютности*.

3. Пространство и время — *относительны*. У материи нет одного-единственного пространства и одного-единственного времени с одинаковой типологией и метрикой. Качественно различным сегментам материального бытия присуще свое особое пространство и время. Каждому структурному уровню материи соответствует специфическая форма пространства и времени, так же, как и движения.

Огромный вклад в разработку научных представлений о связи пространства и времени с движущейся материей внес Н. И. Лобачевский. Он выдвинул идею неевклидовой геометрии и пришел к выводу: свойства пространства не являются всегда и везде одинаковыми и неизменными. А созданная в XX веке А. Эйнштейном теория относительности вскрыла конкретные связи пространства и времени с движущейся материей и друг с другом, выразив эти связи строго математически в законах специальной и общей теории относительности. Одним из выражений связи пространства и времени с движением материи является тот факт, обнаруженный теорией относительности, что одновременность событий не абсолютна, а относительна. Для осмысления этого факта также используется понятие системы отсчета, относительно которой ведется наблюдение.

А является ли трехмерность универсальным признаком пространства? Трехмерность — эмпирически выведенное свойство, которому многие придают такой статус. Считается, что местонахождение любого объекта может быть определено с помощью трех величин (длина, ширина и высота) в декартовой системе координат, которую всегда удастся перевести посредством соответствующих процедур и формул в любую другую (сферическую или цилиндрическую). Но из геометрии Лобачевского и Римана, из общей теории относительности

А. Эйнштейна вытекает необходимость признания множественности пространств и времен в зависимости от перераспределения масс и скоростей происходящих процессов. Так, из модели Вселенной Фридмана следует, что с течением времени значительно меняется метрика пространства, оно, искривляясь, само расширяется, а не галактики разбегаются в незыблемо-постоянном пространстве. Более того, чем разнообразнее те или иные материальные системы, тем необычнее будут их пространственно-временные структуры.

В микромире, макромире и мегамире, где объекты разительно отличаются друг от друга по массе, давлению, плотности, объему, энергии, скорости и т. д., надо ожидать открытие новых, *иномерных* пространств и времен. Да, нам, сформировавшимся и живущим в мире относительно малых скоростей и небольших масс, психологически привычнее воспринимать пространство и время как абсолютные явления, а то, что не укладывается в наш чувственный опыт, как нечто невозможное и неприемлемое. Но нельзя допускать чрезмерную экстраполяцию, автоматически перенося на весь мир характеристики его части. Еще один важный момент: каждый элемент материального бытия (атом, молекула, кристалл, вещь, биосфера, планета, звезда, галактика и т. д.) формирует свое, особое *внутреннее* пространство и время, свой, особый ритм существования и движения. Но так как все в мире взаимосвязано, субординировано и систематизировано, и одно явление входит в другое как его часть, то каждый объект также пребывает в контексте *внешнего* для него пространства и времени, включен в пространственно-временную «ткань» и в чем-то подчинен ей. Русская матрешка — наглядный образ такого соподчинения. Следовательно, существует реальное переплетение пространственно-временных структур, их взаимоналожение. В местах этих пограничных пересечений могут образовываться переходные тоннели и явления, которые для нас — земных жителей будут казаться странными и аномальными.

4. *Единство пространства и времени.* Оно выражается в следующем:

а) пространство и время являются объективными и всеобщими формами существования одной и той же *материи*;

б) пространство и время характеризуют собой разные, но взаимосвязанные стороны одного и того же процесса материального *движения*. Пространство фиксирует устойчивость, а время изменчивость движущейся материи;

в) пространство и время взаимодополняют друг друга таким образом, что изменение одного коррелируется с изменением другого, а общая сумма их значений остается константной и не зависит от системы отсчета. Если общая теория относительности подчеркивала связь пространства и времени с материей, то специальная указывает на инвариантность взаимосвязи пространства со временем, что обозначается термином «*пространственно-временной континуум*». Релятивистское понимание базируется на возможности сокращения длины предметов и замедления времени. Это реальные, но соотносительные феномены. Оказывается, длина — не постоянная и неизменная характеристика тела, а есть выражение его отношения к системе отсчета и только в ней обладает именно этой, определенной величиной. И временной промежуток существования, аналогично, не является свойством событий самих по себе, а лишь определяется их отношением к данной системе отсчета и только в ней обретает смысл. В современной физике в отличие от классической не длина тел и временной промежуток абсолютны, а скорость света и пространственно-временной интервал.

Говоря об особенностях субстанциональной и реляционной концепций пространства и времени, нельзя, тем не менее, исключать их определенную совместимость. Так, при решении проблем на уровне макромира можно эффективно использовать арсенал субстанциональной модели, а при исследовании сложных космологических или связанных с микропроцессами вопросов — реляционной. Пространство и время обладают своими особенностями.

К основным свойствам *времени* относятся:

1) **однонаправленность**, необратимость, т. е. ориентированность от прошлого через настоящее к будущему;

2) **одномерность** — возможность фиксации события одной величиной — промежутком времени t , прошедшего от некоторого начала отсчета $t = 0$;

3) **однородность** — равноправие всех моментов времени, инвариантность системы по отношению к сдвигам времени, т. е. к изменению начала отсчета.

К основным свойствам **пространства** относятся:

1) **обратимость** — возможность вернуться не единожды в любую точку;

2) **однородность** — равноправие всех его точек, отсутствие каких-либо выделенных, привилегированных мест, инвариантность системы по отношению к перемене координат;

3) **изотропность** — равноправие всех возможных направлений.

Кроме физического существует и социальное пространство и время, которые обусловлены общественной формой движения и неотделимы от нее. В отличие от календарного **социальное время**, будучи зависимым от содержания событий и деятельности людей, прерывисто, мозаично, относительно циклично, ускоренно. Историческое время, уплотняясь внутри себя и увеличивая темп обновления, идет от эпохи к эпохе, от формации к формации, сменяя эволюционные стадии на революционные, рубежные («осевое время» К. Ясперса). Однако в рамках нашего физического времени существует множество народов, этносов и цивилизаций, находящихся в совершенно разных социальных временах. Следует также чутко прислушиваться и к биологическим ритмам организма, чтобы осуществлять общественную деятельность наиболее продуктивно. Так, максимальная работоспособность наблюдается в интервале от 8 до 12 и от 17 до 19 часов. Известна гипотеза о существовании 23-суточного общефизического, 28-суточного эмоционального и 33-суточного интеллектуального циклов, причем переход положительной части синусоиды трех ритмов в отрицатель-

ную наиболее опасен, ибо сопровождается резким ухудшением самочувствия, снижением надежности жизнедеятельности организма. На разных стадиях развития социума менялось осознание, переживание, ценность времени, отношение к нему и использование его. Что касается *перцептуального*, психологического времени, то оно может как ускоряться, так и замедляться и даже замереть («Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»).

Социальное пространство — область взаимодействий этносов, наций, государств, классов, социальных групп и индивидов. Социальное пространство уплотняется, расширяется, становясь все более емким и однородным, формируя общепланетарные системы, направленные на разрешения глобальных проблем в интересах всего человечества. В условиях современной глобализации происходит интенсивный процесс становления единого мирового рынка, межгосударственных и международных объединений, разнообразятся средства массовых коммуникаций, налаживается диалог культур. Периферийные цивилизации испытывают сильнейшее притяжение со стороны ведущих государств, являющихся своеобразным ядром мировой системы. В лоне социального пространства у людей вырабатываются *пространственные потребности*, склонности к территории, которая воспринимается как своя собственная, вторжение в которую ощущается весьма болезненно. Персональное пространство условно делится на четыре зоны:

- интимная (15–45 см);
- личная (46–122 см);
- социальная (122–360 см);
- публичная (360 и более см).

Отношение к пространству также эстетически и эмоционально переживается и оценивается как родное, чужое, милое, уютное и т. п.

СОЗНАНИЕ

1. СОЗНАНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ, ОТНОШЕНИЕ И ТВОРЧЕСТВО
2. МЫШЛЕНИЕ: ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ. ФУНКЦИИ И ТИПЫ ЯЗЫКА
3. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО СТРУКТУРА

Сознание как отражение, отношение и творчество

В предыдущей лекции, говоря об основных уровнях бытия, было отмечено, что материя может быть определена через соотношение с сознанием. Однако проблема сознания до сих пор остается наиболее неразработанной и таит в себе множество еще нераскрытых сторон и характеристик, порождая острые дискуссии и споры, доходящие до столкновения противостоящих позиций. В значительной мере это вызвано необычностью самой его природы и чрезвычайной трудностью применения к его исследованию методов естествознания, часто принимаемых за единственный эталон познания. Тем не менее, уже существующий теоретический материал позволяет высказать ряд предварительных утверждений относительно тех крайностей, которых необходимо избегать при изучении феномена сознания:

1) сознание — всеобщее свойство материи, присущее всем без исключения элементам бытия. Такое направление мыслей обозначается термином «гилозоизм» и достаточно полно представлено взглядами Спинозы и Тейяр де Шардена;

2) сознание — самодостаточная первооснова, автономная сила, из собственного лона конструирующая внешнюю реальность. Подобная трактовка представлена течениями объективного и субъективного идеализма;

3) сознание — сугубо материально-физиологический процесс. Мозг производит мысль также, как печень желчь — считали сторонники вульгарного материализма (К. Фогт, Л. Бюхнер, Я. Молешотт);

4) сознание — функция человеческого мозга пассивно и зеркально отражать активно воздействующие предметы внешнего мира. Эту точку зрения отстаивал наивный и метафизический материализм;

5) сознание — психическая реальность, существующая самостоятельно и параллельно физической, и не связанная с ней (дуализм);

6) сознание — дар божий, результат сверхъестественного вмешательства. Ясно, что перед нами не научный, а религиозный тезис.

Указанные интерпретации, по мнению автора, теряют свою привлекательность и достоверность, если термин «сознание» будет субординированно связан с более широким по объему понятием «отражение», которое как раз (а не «сознание») фиксирует атрибутивность, всюдность данного объективного явления.

Отражение — процесс воспроизведения особенностей взаимодействующих явлений посредством внутренних изменений соответственно их природе и характеру воздействий. Конкретизируем это определение:

- в любом акте взаимодействия содержится отражение;
- при взаимодействии имеет место уподобление друг другу;
- до и после взаимодействия тела — иные, ибо произошло преломление одного через другое, и следы данного контакта неизгладимо пребывают в каждом, детерминируя уже по-новому ход дальнейших событий.

Эволюция форм движения материи сопровождается эволюцией форм отражения. В неорганической природе, где господствуют механические, физические и химические закономерности, отражение осуществляется преимущественно через *непосредственную трансформацию* и деформацию вещественных и квантово-полевых структур. Органической природе, которая прошла ряд этапов становления: образование органических молекул; возникновение белков и нуклеиновых кислот как носителей генетической информации; формирование живых организмов, обладающих обменом веществ и признаками естественного отбора, присущи свои, более сложные формы отражения. К ним относятся: *раз-*

дражжимость — реакция одноклеточных живых систем на положительные или отрицательные факторы окружающей среды; **чувствительность** — избирательное отношение многоклеточных организмов не только к биологически важным для выживания непосредственным воздействиям, но и сопутствующим им явлениям (предвестникам), что позволяло им заранее подготовиться к наступлению самого события. Возникает **опережающее** отражение, которое увеличивает свой потенциал по мере формирования нервной системы и психики. У высших позвоночных можно выделить такие психические формы отражения: **ощущение** — психический образ отдельных свойств предмета; **восприятие** — психический образ вещи, непосредственно созерцаемый в ее целостности; **представление** — психический образ объекта, сохранившийся в памяти. У многих животных также существуют и зачатки рассудка. С появлением человека возникает и совершенно новая способность отражения — **мышление**, которое активно использует такие формы, как понятие, суждение и умозаключение. **Понятие** — это мысль, отражающая общие и существенные признаки предметов и процессов. **Суждение** — это выраженная в виде предложения связь понятий, посредством которой что-либо отрицается или утверждается относительно данного явления. Посредством суждений отражаются разнообразные отношения между элементами бытия и их динамизм. **Умозаключение** — логическая операция, в результате которой из нескольких суждений выводится новое, что свидетельствует об опосредованном, творческом характере человеческого мышления.

Проследив последовательную смену главных форм отражения, попытаемся дать дефиницию сознания. **Сознание** — способность **общественного** индивида, обладающего **нормально** функционирующим мозгом, органами чувств и телесной организацией, **идеально** воспроизводить объективную реальность посредством **субъективных психических образов**: ощущений, восприятий, представлений, понятий, суждений и умозаключений. Какие же условия и детерминанты способствовали формированию сознания у Homo sapiens?

Жизнь — случайная гостья во Вселенной, а человек — в биосфере (Ж. Мано). Данное утверждение, однако, опровергается всем ходом развития органического мира. Да, возникновение живого — скачок в истории Земли; да, появление человека — переломная фаза в эволюции глобальной жизни, но они явились неизбежным результатом всей суммы предшествующих факторов и условий, в том числе и таких атрибутивных характеристик материальной действительности, как самодвижение, самоорганизация, отражение, системность, которые по мере реализации потенциала восходящей эволюции обретали и принципиально новые очертания и проявления. Есть тесное генетическое родство и морфофизиологическое сходство человека с животным и — одновременно — существенное различие. Разберемся в этом. Ведущая линия развития живого — *ароморфоз* (значительное повышение общего уровня организации) всегда сочетается с идиоадаптацией (боковое ответвление прогресса, часто приводящее к вымиранию вида из-за его чрезмерной специализации и утраты эволюционной гибкости при неожиданных изменениях окружающей среды). За миллионы лет четко выявилось преимущество магистрального пути эволюции, увеличивающего шансы именно восходящего развития, что выражается в возможности неспециализированных, незамкнутых, жестко «непривязанных» к условиям обитания видов осваивать все новые экологические ниши и становится более независимыми от колебаний среды.

В *антропогенезе* эти тенденции живого нашли свое закономерное продолжение. Содержательный образ всего предшествующего поступательного пути биоты сохранился в геноме предлюдей. 4–5 млн. лет тому назад когда-то единая предковая форма гоминид дифференцировалась на две главных: формирующиеся люди и человекообразные обезьяны. Самые древние останки антропоидов находят где-то в юго-восточной Африке. Толчком к движению «на человека», вполне возможно, явилось связанное с выходом на поверхность урановых руд повышенное радиационное излучение, вызвавшее интенсивный мутагенный процесс, давший новый импульс совершенствованию струк-

тур мозга как центра высшей нервной деятельности. *Австралопитек* (живший 4–2 млн. лет тому назад) при росте около 120 см и весе 40–50 кг имел объем мозга 50–600 см³ (у современной гориллы при весе 200 кг этот показатель ниже). *Питекантроп* (2–0,65 млн. лет назад) — до 900 см³. *Синантроп* (400 тыс. лет) обладал мозгом до 1000 см³. *Неандерталец* (200–80 тыс. лет) — около 1300 см³, а непосредственный предок человека — *кроманьонец* (50–40 тыс. лет) — 1600 см³. Эволюционная победа кроманьонцев обусловлена развитием лобных долей головного мозга, ответственных за интеллект и прогнозирование последствий тех или иных действий, что позволило сдерживать агрессивные инстинкты в интересах группы (неандертальцы индивидуально были намного сильнее их). Нельзя с порога отвергать и предположение о существовании «снежного человека» как промежуточной формы, оттесненной конкурентами в труднодоступные области. Какие же основные *биологические предпосылки* способствовали становлению человека и его сознания?

– развитый мозг и артикуляция как материальная основа связи сознания и речи;

– «продвинутость» перспективных органов чувств (зрение и слух), дающих максимальное количество информации для ориентации в пространстве;

– высокая двигательная активность, наблюдательность и обучаемость, опирающиеся на подражание и ориентировочно-исследовательскую потребность (любопытство), что значительно упрощало и ускоряло накопление опыта;

– гиперсексуальность (всесезонность), позволяющая постоянно восстанавливать численность популяции;

– стадный образ жизни как форма зоологического выживания, способ совместного, коллективного, согласованного бытия и действия. Без этой первичной «социализации» человек никогда бы не смог вырваться из естественного состояния.

Но определяющим фактором формирования *Homo sapiens* высту-

пает труд. *Труд* как движущая сила антропогенеза прошел три исторические стадии. Первый этап — обработка исходного материала органики самого тела животного предка человека. Второй — изготовление орудий с помощью предварительно необработанных предметов природы (кость, палка, камень). Третий этап — систематическое производство орудий для создания и использования новых орудий труда. Переход от случайного и животноеобразного труда к этой форме деятельности и знаменует собой образование уже готового общества и, соответственно, человека. Человек — диалектическое отрицание, прорыв и преодоление биологического бытия, выход за его границы. Человек — не рядовое явление, а существо универсальное (микрокосм), т. е. способное воспроизводить природу любого объекта, а также и потенциально бесконечное, ибо может преобразовывать условия своего собственного бытия. Раз возникнув, в смене поколений человеческая природа не создается каждый раз заново, а сохраняются и продвигаются в своем развитии уже социализированные в антропогенезе и очеловеченные биологические качества (родовые). Не сам социальный опыт генетически передается, а наследуется способность, возможность социального поведения и общения.

Еще раз подчеркнем наиболее важные моменты:

1) человек вне общества необратимо утрачивает возможность обрести сознание. Только социализированный индивид может стать его носителем;

2) необходимым условием возникновения сознания является мозг как его материальная основа. Но не любой, а определенным образом структурированный, развитый и здоровый. Современная медицина указывает интервал значений объема мозга — от 800 см^3 до 2850 см^3 , приближение к границам которого весьма опасно. Так, верхняя планка, к примеру, принадлежит идиоту-эпилептику, хотя внутри данной меры велик разброс. Судите сами: Гаусс — 2400, Кромвель — 2300, Байрон — 2238, Тургенев — 2012, Есенин — 1920, Кювье — 1872, Шиллер — 1785, Бетховен — 1750, Павлов — 1653,

Кант — 1600, Менделеев — 1571, Троцкий — 1568, Мичурин — 1522, Сахаров — 1440, Горький — 1420, Данте — 1420, Циолковский — 1372, Ленин — 1340, Франс — 1017 см³. Для полноты картины сравним средние величины объема мозга представителей разных народов: японцы — 1374, китайцы — 1430, англичане — 1456, французы — 1473, полинезийцы — 1475, индийцы — 1514, буряты — 1526, эскимосы — 1558 см³. Мы видим, что нет прямой пропорциональной связи между размером мозга и уровнем интеллекта, что не исключает, а предполагает такую зависимость сознания от общего состояния головного мозга, состоящего из 15 млрд. нейронов, где большая его часть «курирует» работу рук и органов речи (то, чем мы отличаемся от животных), где лобная, затылочная, теменная и височная области тесно взаимодействуют, дополняя друг друга. Поэтому всякая травма, болезнь, всякое истощение или перенапряжение сказываются негативно на потенциале сознания. Это в равной степени относится и к функционированию органов чувств и организма в целом;

3) сознание идеально. Идеальность означает отсутствие материальности, невозможность сведения к физико-химическим и физиологическим процессам;

4) сознание имеет два этажа: чувственный — и в этом мы близки к другим биологическим видам — и логический, чем мы отличны от всех живых организмов. **Особенности мышления:**

— **опосредованность**, т. е. опора не на живое созерцание, а на память и учет всего предшествующего накопленного знания, ранее апробированного практикой;

— **отвлеченность** и **обобщенность** — выход за рамки любого наблюдаемого события в область абстрактных определений, характеризующих сущность большого класса сходных явлений;

— **понятийность** — выраженность в слове как материальном носителе информации, что позволяет хранить и распространять знания;

— **ориентированность** на отражение закономерностей и фундаментальных тенденций развития мира с целью его преобразования в

интересах человека и человечества.

Швейцарский психолог Ж. Пиаже выделял четыре фазы развития логического мышления:

1) сенсомоторная (от рождения до 2-х лет). В этом возрасте происходит функциональная подготовка интеллекта, основанная на координации движений и восприятий;

2) дооперациональный интеллект (от 2 до 7 лет) характеризуется овладением речи и процессом интериоризации, т. е. переноса структуры реальных манипуляций с вещами в лоно внутренней работы сознания;

3) стадия конкретных операций (8–11 лет) — это переход от отдельных умственных действий, детерминированных внешними событиями, к системе скоординированных интеллектуальных актов, при которой возможно восстановление исходных положений посредством обратных связей;

4) стадия формальных операций (11–15 лет) — завершение формирования интеллекта как способности к абстрактному мышлению.

Надеюсь, что вы поняли различие и родство понятий сознания и мышления. Сознание — не рядовая, а *высшая* форма отражения. Почему? Да потому, что посредством него удается:

- реконструировать прошлое;
- прогнозировать будущее;
- вскрывать необходимые, существенные, закономерные связи и отношения природных и социальных явлений, недоступные чувственному опыту;
- преобразовывать мир в интересах людей;
- аккумулировать информацию, добытую предшествующими поколениями;
- преодолевать границы времени и пространства, исследовать любые проблемы;
- осуществлять самопознание, рефлекссию, что позволяет человеку саморазвиваться и самосовершенствоваться, искореняя собст-

венные недостатки и слабости и мобилизуя весь арсенал интеллектуальных и духовно нравственных ресурсов.

Сознание выполняет ряд функций: активно-отражательную; объяснительную; активно-преобразовательную; коммуникативную; целеполагающую; конструктивно-критическую.

Сознание — не только отражение, но и *отношение*, ибо человек так или иначе принимает или отвергает, одобряет или порицает действительность, в ткань которой он «упакован», ибо сознание содержит в себе ценности и смыслы, через фильтры которых процеживается весь объем информации. Но сознание также и *творчество*. Креативность возможна благодаря идеальности сознания, позволяющей разъединять неразъединимое и соединять несоединимое в разнообразном сочетании.

Сознание, будучи производным от материального мира, от протекания нервно-физиологических процессов, от функционирования человеческого мозга и органов чувств, в свою очередь, *активно* влияет на состояние нашего тела и на явления окружающей среды. Разве «вторая природа», искусственно созданная техносфера не плод деятельности сознания? Разве не сознание производит выбор жизненного пути? Разве не сознание ответственно за наше здоровье или болезнь? Разве не оно приказывает людям жить вопреки невзгодам и тяжелейшим испытаниям? И разве коллективно внушенная мысль не оказывает физического и ментального воздействия, приводя к умственному и биологическому разрушению человека?

В гносеологическом аспекте сознание человека рассматривается как высшая форма активного отражения действительности. Важно поэтому выяснить познавательные возможности сознания и всей человеческой психики в целом.

Психика человека (субъективная реальность) не сводится к сознанию. Она состоит из сознания и бессознательного. Рассматривая сознание как систему, можно выделить три подсистемы, или сферы: познавательную, эмоциональную и мотивационно-волевую.

Познавательная сфера состоит из чувственного, или сенситивного познания, которое основано на внешних чувствах и реализуется в способности к ощущениям, восприятиям и представлениям, и рационального познания, представляющего собой абстрактно-мыслительную деятельность, оперирующую понятиями. На основе чувственного и рационального познания формируются идеальные образы объектов познания. К познавательным способностям относятся внимание, память и воображение, а также интуиция, корни которой находятся и бессознательном. **Внимание** характеризуется избирательностью познавательной деятельности, ее направленностью на определенный объект. Внимание организует познание, делает его активным, целенаправленным процессом. **Память** как способность хранить и воспроизводить информацию об объекте позволяет объединить имеющиеся и приобретаемые знания и на этой основе пополнять и углублять их. Благодаря **воображению** человек создает представления и мысленные ситуации, никогда в прошлом реально не воспринимавшиеся. С воображением связана способность строить фантазии, выдвигать предположения, делать открытия.

Познавательная деятельность невозможна без языка, в формах которого выражаются и закрепляются результаты познания.

Эмоциональная сфера включает внутренние чувства человека, которые следует отличать от внешних, сенситивных чувств. Это чувства радости, горя, любви, сострадания, ненависти и др. К эмоциональной сфере относятся аффекты (гнев ужас, ярость), эмоциональное состояние (настроение); оно может быть подавленным или радостным, веселым или грустным; элементарные эмоции (жажда, голод и т. п.). Эмоциональное состояние субъекта влияет на познавательный процесс, на его отношение к объекту и, следовательно, отражается на результатах познания. Эмоции связаны с познанием, «сопровождают» его, зависят от него.

Мотивационно-волевая сфера — это мотивы, интересы потребности субъекта, ориентирующие его в познавательной деятельно-

сти, а также воля, представляющая собой способность к выбору цели и внутренним усилиям, необходимым для ее достижения. Воля связывает познавательную и эмоциональные сферы выделяет активный характер познания, направляет его на приобретение новых знаний.

Все сферы сознания взаимосвязаны, причем основную роль в познавательной деятельности играет рациональное познание, мышление. Оно ориентирует чувственное познание, контролирует эмоциональную и мотивационно-волевую сферы.

К психической деятельности относится бессознательное, под которым понимается совокупность психических явлений, не осознаваемых человеком. К ним относятся сновидения, гипнотические состояния, инстинкты, представляющие собой определенный тип поведения, закрепленный биологической наследственностью (например, инстинкт самосохранения). К бессознательному же относятся стереотипы автоматического поведения; действуя первоначально под контролем сознания, они приобретают впоследствии бессознательный характер.

Есть и другие бессознательные явления психики, однако для теории познания особый интерес представляет интуиция, о которой пойдет речь в следующем разделе.

Как уже говорилось ранее, сознание — малоизученный объект. Перечислю лишь некоторые *парапсихологические феномены*, требующие своего объяснения:

— *гипноз* — временное отключение оперативного сознания, позволяющее извлекать из недр психики человека потаенную информацию или внушать ему определенные чувства и образ действий (Мессинг, Кашпировский);

— *телекинез* — способность перемещать предметы в пространстве, не прикасаясь к ним (Кулагина);

— *биолокация* — способность получать информацию на мысленно поставленный вопрос путем изменения показаний прибора. Считается, что около 70 % людей могут этому научиться;

— *психометрия* — умение считывать информацию о событиях,

связанных с жизнью индивида, с вещью, ему принадлежащих (Оливия, Ванга);

– *ясновидение* — возможность созерцания картин прошлого, настоящего и будущего, минуя внешние органы чувств (Нострадамус, Сведенборг, Беме, Кейс);

– *телепатия* — процесс приема и передачи определенных чувств и мыслей на расстояние (Джуна);

– *экстрасенсорика* — сверхразрешающая способность органов чувств;

– *вещие сны* — обладание информацией о будущих событиях, облаченной в образы;

– *автоматическое письмо* — явление, при котором рука человека сама собой (без сознательного участия) выводит определенные знаки, последовательность и смысл которых неведом. Он — медиум, проводник неких таинственных сил.

Критическое отношение науки к этим явлениям не исключает попытку дать им гипотетические интерпретации:

1) информация во Вселенной организована как частотно-амплитудная структура, и сознание — преобразователь этой информации в удобную для него форму. Если сфокусировать сознание на некой точке, то волновые излучения, идущие отовсюду, откроют наблюдателю картину бытия;

2) человек — молекула Вселенной, микрокосм. Он внутри себя содержит полноту информации о мире;

3) существует резонирование полей мозга людей и водородно-гелиевой плазмы, а сознание визуализирует эту связь в виде голограмм;

4) вокруг всех тел имеются «стоячие лептонные волны», копирующие их геометрию и структуру. Эти двойники (души) могут образовывать лептонные поля. Сгустки лептонных полей зависят и от желаний и мыслей миллионов и миллиардов людей, формируя «эйдо-сы», «мыслеформы», «эгрегоры». У каждого народа, следовательно, свой информационно-духовный покровитель.

Энергоинформационная мощность лептонных образов прямо пропорциональна числу и силе верящих в них людей;

5) если электромагнитные поля порождаются зарядом, гравитационные — массой, то торсионные — спином или угловым моментом вращения. Человек, образуя вокруг себя такое торсионное поле, тем самым формирует и информацию о себе и передает ее на любые расстояния. Посредством сознания он может и аккумулировать информацию о явлениях мира, которая подобным образом «путешествует» в космическом пространстве.

Мышление: вербальные и невербальные способы выражения.

Функции и типы языка

Не только возникновение, но и обогащение содержания сознания было бы невозможно помимо языка. **Язык** — система знаков, служащая средством человеческого труда, общения, опознания и объективации сознания. Если в поведении позвоночных животных существуют как инстинктивные действия, обусловленные врожденными, безусловными рефлексам, так и приобретенные, формирующиеся на основе условных рефлексов, которые в своей совокупности образуют первую сигнальную систему, то у человека сложилась вторая сигнальная система — система слов как единиц речи. **Слово** посредством звучания или написания материально оформляет мысль, придает ей устойчивость и обозначает предмет, а своим значением оно идеально и содержательно отражает его. Словом мысль выражается наиболее емко, разносторонне, полно и глубоко. Только слово может зафиксировать общее и существенное в вещах и процессах. О четкости и красоте мысли мы судим по способу ее воплощения в речи. Гегель писал: «невыразимое в действительности есть нечто неясное, находящееся в состоянии брожения, что лишь получив выражение в слове, приобретает ясность. Слово сообщает поэтому мыслям их достойное и самое истинное наличное бытие».

Сознание неразрывно связано с языком и возникает одновременно

с ним. Но между сознанием и языком существуют определенные взаимоотношения. Язык выступает способом существования сознания. Связь сознания с языком проявляется в том, что возникновение и формирование индивидуального сознания возможно в том случае, если человек включен в мир словесного языка. Вместе с речью индивид усваивает логику мышления, начинает рассуждать о мире и о себе. Чем богаче содержание духовного мира человека, тем более ему нужно языковых знаков для его передачи. Изменение языка является показателем изменения сознания. Язык — это система знаков, посредством которых осуществляется познание человеком мира и самого себя. Знак — это материальный предмет, воспроизводящий свойства другого предмета. Можно выделить естественную (вербальная, устная, письменная речь, звуки, жесты) и искусственную, возникающую на основе естественной (язык логики, математики, музыки, живописи) системы знаков языка.

Языку присущи следующие функции:

1) номинативная — способность языка представлять мир вещей и предметов, обозначать их словами, терминами;

2) описательная — описание реальной ситуации в терминах «истинно», «ложно». Цель описания — сделать так, чтобы слова соответствовали миру;

3) информативно-аккумулятивная — получать, хранить и передавать определенные знания и информацию;

4) познавательная — «участие» в процессе познания; в этой функции язык выступает как могучее «орудие мысли»;

5) коммуникативная — средство общения людей в процессе их деятельности;

6) прагматическая — способность с помощью языка управлять поведением других людей (приказы, призывы и т. д.);

7) оценочная — это функция языка оценивать реальную ситуацию в терминах «хорошо», «безразлично», «плохо». Цель оценки — сделать так, чтобы мир отвечал словам.

Наиболее ярко познавательная функция языка выражена в языке науки. Этот язык есть система понятий, знаков, символов, создаваемая и использованная той или иной областью научного познания для получения, обработки, хранения и применения знаний.

Одним из условий возможности формирования и объективации сознания индивида является способность посредством языка заявить о своем самостоятельном бытии. В речевом общении человек обретает способность к сознанию и самосознанию. Содержание сознания напрямую зависит от пространства речевого общения. Специфика национального языка оказывает влияние на характер и содержание национальной культуры. Например, европейские языки ориентированы на рациональное отношение к миру и содержат меньше слов для передачи эмоционального состояния, переживания внутреннего опыта. Различие между сознанием и языком заключается в том, что мысль — это отражение объективной реальности, а слово — способ закрепления и передачи мысли. Язык способствует взаимопониманию, между людьми, а также осознанию человеком своих действий и самого себя. Можно выделить следующие виды речи: устная, письменная, внутренняя.

Слово как единица языка, имеет внешезвуковую (фонетическую) и внутреннесмысловую (семантическую) стороны. Среди неязыковых знаков выделяют знаки-копии (отпечатки), знаки-признаки, знаки-сигналы, знаки-символы. Различают также специализированные (системы символов в математике, физике, химии, лингвистике) и неспециализированные языки (эсперанто). В процессе исторического развития языка сформировался язык науки, отличающийся точностью, строгостью, однозначностью понятий, что способствует точности, ясности формулировок. В социально-гуманитарном познании использование искусственного языка затруднительно.

Язык как определенная знаковая система может быть естественным и искусственным. Первый — это обычный разговорный язык, который возникает спонтанно в процессе общения членов некоторой со-

циальной группы. Второй — создается людьми для каких-либо специальных целей (языки математики, логики, химические формулы, шрифты и др.). Характерная особенность естественных языков — многозначность смыслового содержания слов; искусственных — однозначность, точность, определенность их словаря.

Исторически сложившийся в процессе общения людей естественный язык не всегда устраивает науку (математику, логику, химию и др.). Во многих случаях он не годится для того, чтобы точно, однозначно и корректно описать предмет исследования.

Эти недостатки естественного языка призваны преодолеть языки искусственные: это специальные языки, сконструированные для определенных целей — международного общения (эсперанто), автоматической обработки и записи информации с помощью ЭВМ, сокращения записи и т. п.

Искусственный язык — это язык знаков, символов и обозначений, т. е. это формализованный язык. Достоинства искусственных языков, прежде всего в их точности, однозначности, а самое главное — в возможности представления обычного содержательного рассуждения посредством вычисления. Искусственные языки являются дополнением естественных языков и существуют лишь на их основе.

Сознание и язык неразрывно связаны, но их единство — не тождество. Слово не может выразить все грани чувств и переживаний человека, его неповторимую гамму оттенков внутреннего мира. Что-то всегда остается нераскрытым, неактуализированным. Да и состояния волнения, стресса часто искажают нашу речь. Становится понятным в данном контексте тезис Ф. И. Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь». Кроме того, нельзя пройти мимо факта некоторого разрыва во времени между мыслью и словом. Еще Л. С. Выгодский в начале 30-х годов XX в. в монографии «Речь и мышление» доказывал, что мысль зарождается в начале как «сгусток смысла», как предтеча, как некая психологическая структура, для вербального выражения которой еще нет нужных слов. То есть в сознании человека уже есть нечто (прооб-

раз понятия, мыслеформа), к чему после подбирается соответствующее звуковое оформление — слово. И лепет ребенка и творчество поэта («Изведешь единого слова ради тысячи тонн словесной руды» В. Маяковский) — не единственные, но наиболее яркие примеры относительной предшествующести мышления языку.

Используя данные эволюционной биологии и эволюционной психологии многие исследователи приходят к выводу, что огромный массив информации передается *внесловесно*. Так, А. Мерабян, пионер в области изучения языка телодвижений, обнаружил, что сообщение передается на 7 % вербально (словом), на 38 % — вокально (тоном голоса, ударением и т. п.), на 55 % *невербальными сигналами*. Положение ладоней, рук, ног, тип улыбки, манера смеяться, специфика прикосновений, выражение глаз, пространственная дистанция, наклон тела и т. д. — все это позволяет отразить характер межличностных отношений, эмоциональное самочувствие человека, содержание его переживаний и намерений, направленность мыслей.

Общественное сознание и его структура

Индивидуальное сознание тесно связано с общественным сознанием. Преломляясь через общественную практику, общественное сознание реализуется в материальной действительности. Оно может способствовать развитию прогрессивных тенденций, а может препятствовать их осуществлению.

Общественное сознание как отражение общественного бытия, социальной реальности, носит конкретно-исторический характер. В структуре общественного сознания выделяют обыденный уровень, общественную психологию и общественную идеологию. К *формам* общественного сознания относятся — мифологическое, религиозное, философское, научное, экономическое, эстетическое, нравственное, правовое, экологическое и др.

Обыденный уровень общественного сознания формируется спонтанно, стихийно в процессе повседневной практики и включает в

себя наряду с элементами научного знания, предрассудки, суеверия, стереотипы сознания. Ряд исследователей отождествляют обыденное сознание с массовым, но такое отождествление неправомерно, поскольку основным критерием выделения массового сознания в качестве самостоятельного духовного образования является степень распространения идей, обычаев, верований, представлений в обществе, а обыденное сознание является показателем качественного состояния общественного сознания в конкретную историческую эпоху.

Общественная психология выражает эмоционально-чувственное отношение людей к общественному бытию, охватывает область социальных чувств, представлений, настроений, эмоций, традиций, предрассудков, взглядов, формирующихся у различных социальных групп людей в условиях повседневной жизнедеятельности. В современном мире велика роль средств массовой информации в вопросе психологической обработки общественного сознания.

Общественная идеология — теоретически обоснованная система политических, экономических, правовых, этических взглядов социальных групп или общностей, в которых выражены цели, ценности и идеалы общества. В идеологии идеи и взгляды общества систематизируются, разрабатываются теоретически, приобретая характер идеологических систем и концепций.

Многообразие видов общественно-практической деятельности порождает различные способы духовного освоения природной и социальной действительности. Это находит выражение в различных формах общественного сознания.

Критериями разграничения форм общественного сознания являются: предмет отражения (аспект бытия), формы и способы отражения, особенности возникновения каждой из форм, социальные функции и роль в обществе.

Общественное сознание возникло одновременно и в единстве с возникновением общественного бытия. В силу того, что общество есть объективно-субъективная реальность, общественное бытие и об-

пественное сознание как бы «нагружены» друг другом: без энергии сознания общественное бытие статично и даже мертво.

Но, подчеркивая единство общественного бытия и общественно-го сознания, нельзя забывать и их различие, специфическую разъединенность. Историческая взаимосвязь общественного бытия и общественного сознания в их относительной самостоятельности реализуется таким образом, что, если на ранних этапах развития общества общественное сознание формировалось под непосредственным воздействием бытия, то в дальнейшем это воздействие приобретало все более опосредованный характер — через государство, политические, правовые отношения и др., а обратное воздействие общественного сознания на бытие приобретает, напротив, все более непосредственный характер. Сама возможность такого непосредственного воздействия общественного сознания на общественное бытие заключается в способности сознания правильно отражать бытие.

Сознание как отражение и как активно-творческая деятельность представляет собой единство двух нераздельных сторон одного и того же процесса: в своем влиянии на бытие оно может, как оценивать его, вскрывая его потаенный смысл, прогнозировать, так и через практическую деятельность людей преобразовывать его. А поэтому общественное сознание эпохи может не только отражать бытие, но активно способствовать его перестройке. В этом и заключается та исторически сложившаяся функция общественного сознания, которая делает его объективно необходимым и реально существующим элементом любого общественного устройства.

Обладая объективной природой и имманентными законами развития, общественное сознание может, как отставать, так и опережать бытие в рамках закономерного для данного общества эволюционного процесса. В этом плане общественное сознание может играть роль активного стимулятора общественного процесса, либо механизма его торможения. Мощная преобразовательная сила общественного сознания способна воздействовать на все бытие в целом, вскрывая смысл

его эволюции и предсказывая перспективы. В этом плане оно отличается от субъективного (в смысле субъективной реальности) конечного и ограниченного отдельным человеком индивидуального сознания. Власть общественного целого над индивидом выражается здесь в обязательном принятии индивидом исторически сложившихся форм духовного освоения действительности, тех способов и средств, с помощью которых осуществляется производство духовных ценностей, того смыслового содержания, которое накоплено человечеством веками и вне которого невозможно становление личности.

ДИАЛЕКТИКА

1. ТИПЫ, УРОВНИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ДИАЛЕКТИКИ
2. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
3. ЗАКОНЫ И КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ
4. СОФИСТИКА, ЭКЛЕКТИКА, ДОГМАТИЗМ И РЕЛЯТИВИЗМ КАК АНТИПОДЫ ДИАЛЕКТИКИ

Типы, уровни и исторические формы диалектики

Термин «диалектика» достаточно часто употребляется не только в философских, научных, культурологических текстах, но и в политических дискуссиях и повседневной жизни. Первоначально диалектика рассматривалась как искусство спора, умение парировать аргументы оппонента контрдоводами, приходя к достоверному выводу. Она, следовательно, — детище свободного диалога, в рамках которого из противоречащих друг другу суждений рождалась истина. От Сократа, признанного отцом-основателем диалектики как средства развития мышления, через Средневековье и Новое время она, наполняясь творческим содержанием и смыслом, значительно усилила и усовершенствовала свой методологический потенциал, став конструктивным элементом современного познания.

В самом широком смысле слова диалектику можно определить как связь, соотношение противоположностей. В каких же сферах бытия наличествует эта раздвоенность? Во всех? И здесь необходимо выделить два *типа* диалектики: объективную и субъективную. **Объективная диалектика** — это диалектика, существующая до, вне и независимо от сознания и имманентно присущая процессам природной и социальной действительности, а **субъективная** — диалектика внутреннего мира человека, его мышления. Материализм, исходя из нерасторжимого родства, тождества сознания и бытия, отдает при-

оритет объективной диалектике, трактуя субъективную как ее специфическое отражение, а идеализм, отталкиваясь от того же принципа признает первичность диалектики духа.

Сама же субъективная диалектика, в свою очередь, дифференцируется, на два *уровня*: *стихийную*, наивную, спонтанно формирующуюся в сознании людей под непосредственным влиянием условий жизнедеятельности и выраженную в народном творчестве, и диалектику как концепцию, доктрину, *теорию*, стройную систему логически обоснованных положений, вскрывающих противоречивую сущность предметного бытия. Она предполагает сознательное усилие, умственное напряжение и создается интеллектуальной работой выдающихся мыслителей.

Диалектика как учение о противоречивой природе развития, как теоретическая модель становящегося, а не статично функционирующего мира, разрабатывалась на протяжении всей истории сформированного общества, но целесообразно указать лишь на наиболее заметные вехи этого пути:

- 1) *античная* диалектика (Гераклит, Зенон, Платон, Аристотель);
- 2) *идеалистическая* диалектика немецкой классической философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель);
- 3) *материалистическая* диалектика (Маркс, Энгельс, Ленин и их последователи).

Мы не будем специально рассматривать особенности каждого этапа, так как при изучении историко-философского введения им уделялось достаточное внимание.

Основные принципы диалектического мышления

Любое научное исследование базируется на основополагающих принципах. В чем же специфика *принципов диалектики*? Они:

- аккумуляция не локально-ограниченного, а общечеловеческого опыта практического и познавательного освоения реальности;
- максимальная степень абстрактности и всеобщности;

– методологический «геном», своеобразная субстанция множества методов и норм достижения достоверного знания;

– теоретические конструкты, игнорирование которых неизбежно приводит к крупным практическим просчетам и исследовательским тупикам;

– необходимое условие проникновения в сущность изучаемых явлений, что, однако, предполагает умение, искусство их применения к решению конкретных задач и проблем.

Итак, аппарат диалектики включает в себя: принцип системности, принцип развития, принцип всеобщей взаимосвязи, принцип неисчерпаемости, принцип противоречивости. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Принцип системности

Система есть внутренне расчлененное целое, элементы которого находятся в постоянном движении и взаимосвязи, образуя единый закономерный процесс развития.

Системность — изначальный признак любого существующего предмета и имеет свое обоснование во внутренне многообразных связях и отношениях. Атрибутивный характер системности коренится в объективных свойствах материи. Материя системна как бесконечная совокупность отделенных в пространстве материальных явлений в их качественно-количественном разнообразии. Материя системна, ибо она вечна как и движение. Прекращение изменений было бы вызвано отсутствием взаимодействия между различными явлениями. Отсутствие разнообразия порождает отсутствие движения и, следовательно, материи как субстанции всех изменений. Поэтому системность следует рассматривать как необходимую компоненту материализма и диалектики одновременно.

Каждое явление материальной действительности системно в силу наличия разнородности сосуществующих элементов в рамках любого масштаба. Каждый процесс системен, так как элементы, составляющие целое, даже будучи однородными по качеству, неизбежно

испытывают специфическое влияние внешних условий и реагируют, соответственно, особым образом. Системность вытекает и из иерархичности и субординированности строения объектов, из соотношения основного и обусловленного, главного и побочного и т. д. Неравнозначность и соподчиненность явлений — объективны. Вскрытие соотношений такого порядка всегда являлось задачей научного познания. Неоднородность процессов постоянна, меняется лишь содержание детерминирующих и определяемых факторов. Системность является необходимым следствием связи последовательных фаз и этапов становления состояний материальной действительности. Любой процесс представляет собой своеобразный синтез всех предшествующих ступеней развития, соотношение старого и нового. Неустрашимость прошлого в настоящем — показатель сложности генезиса объектов, следовательно, наличия системности.

Системность атрибутивна, так как обусловлена существованием разных уровней организации и целостности, что находит свое выражение в относительно простых и сложных, низших и высших образованиях.

Системность обусловлена также действием множества сил и тенденций на данное явление или в рамках этого явления.

Кроме того, процесс внутренне дифференцирован, структурирован на противоположности и тем самым является внутренне противоречивым, что и образует динамическую систему разнонаправленных сил и тенденций. Система противоположностей определяет собой и системность развития, абсолютность которого, в свою очередь, предполагает и безусловность упорядоченных тенденций, т. е. системности.

Даже тот исторический факт, что системность была открыта и обоснована первоначально в сфере общества (К. Маркс) и биологии (Ч. Дарвин), свидетельствует о всеобщности системообразования, ибо на социально-биологическом уровне системность не появилась, а обрела лишь (в силу действия генетических законов) форму зримого

выражения. Высшее — более зрелый образ низшего. Системность в равной мере присуща всем состояниям материальной действительности. Не случайно системность, структурность обнаружены и в области элементарных частиц. Тенденция эта неустранима, так как она соответствует объективному положению вещей.

Системность обладает большой методологической ценностью: на ее основе, например, удается конкретизировать и углубить общие принципы концепции движения и развития. Развитие рассматривается в аспектах пространственно-временных отношений, упорядоченности внутренних элементов, степени дифференциации и интеграции, что концентрированно выражается в выработке системных критериев развития. Системный подход все более утверждается как органический элемент диалектического метода, и это обстоятельство также говорит об объективно всеобщей природе системности, что, конечно, предполагает необходимость изучения различных ее типов и форм.

Принцип системности ориентирует на преодоление разрыва между земным и небесным, обществом и природой, человеком и биосферой. Не случайно, например, появление такого направления в науке как социоестественная история (СЕИ), в которой реализуется установка на связь этноса и ландшафта как его кормящего вместилища, или социобиология.

Конкретизацией общедиалектического принципа системности применительно к экологической проблематике, например, являются системные законы (закон внутреннего динамического равновесия, закон упорядоченности заполнения пространства и пространственно-временной определенности, закон оптимальности, закон периодичности строения системных совокупностей, системогенетический закон, закон сукцессионного замедления, закон разновременности изменения подсистем в больших многоуровневых системах, закон положительного взаимодействия подсистем или закон системной дополнительности).

Подводя предварительный итог изучению феномена системно-

сти, можно утверждать: нет системных объектов наряду с несистемными и нет внесистемного процесса движения. Существуют лишь различные системы: открытые-закрытые, малые-большие, жесткие-«мягкие», линейные-нелинейные, простые-сложные, органические-неорганические, естественные-искусственные и многие другие, различающиеся друг от друга по структуре, масштабу, интенсивности, уровню организации, особенностями субстратных носителей, длительностью временных интервалов функционирования и развития.

При исследовании проблемы экологии нельзя не учитывать факта влияния на биосферу не только ближайшего космоса (Солнца, других планет, комет, болидов, излучений и т. п.), но и дальнего, не только солнечной системы в целом, но и общевселенских процессов. Включенность земной биосферы в космический «контекст» в качестве его структурного компонента позволяет рассматривать жизнь не только как планетарное событие, а как феномен вселенского значения, возникновение, рост и устойчивость которого существенно зависит от функционирования этой грандиозной системы. Космос снабжает земную биосферу всем необходимым для ее существования, питая ее информацией, энергией и веществом и поддерживая ее специфичность. Эта связь извне жизненно важна. Также, быть может, как и отдельной клетке в соме.

И биосфера чутко реагирует на пульсации среды и различного рода циклы и ритмы (магматические, климатические, метаморфические, например), адаптируясь к ним и одновременно «учась» видоизменять сам механизм обратной связи, делая его более гибким и готовым к новым возмущениям внешней среды. Поэтому многие ее параметры возникли не сразу, а формировались в течение длительной космической эволюции. Этот процесс продолжается и сейчас.

В свою очередь, системный характер биосферных процессов оказывает интегральное воздействие на каждый ее внутренний элемент — не только на живые организмы, но и на неорганические тела.

Если, как уже отмечалось, центром классической механики яв-

лялось изучение непрерывных количественных движений, то в XX веке акцент был сделан на качественных, прерывных и внезапных изменениях. В 1970 г. сложилась «теория катастроф» как математический метод изучения именно такого рода процессов. Эти превращения и стали называться катастрофами.

Системная методология, в развитие которой внес большой вклад Людвиг фон Берталанфи, исходит из того, что имеется общая основа сохранения «целостности объектов в нестационарных условиях существования несмотря на их разный уровень упорядоченности». С физической точки зрения любая система стремится к максимально возможной устойчивости в конкретных условиях, что достигается или движением к предельной неупорядоченности (к росту энтропии, хаосу) в замкнутых, изолированных системах или к предельной упорядоченности в открытых системах, где увеличивается информационная емкость. Грань между изолированной и открытой системами весьма условна, хотя для линейных (закрытых) систем движение от хаоса к порядку обычно носит лишь эпизодический и временный характер, а реакции на возмущения среды пропорциональны их силе воздействия.

Но системная природа объектов — предпосылка их самоорганизации. Своеобразным отражением системной природы развития выступают такие понятия *синергетики*, как «неупорядоченность», «упорядоченность», «бифуркация», «аттрактор», «диссипативная система», «селектор», «детектор», «отбор» и другие. Термин «синергетика» ввел Г. Хакен в 1975 году. Принципы синергетики универсальны. Проблема взаимосвязи возрастания энтропии (роста неопределенности) в замкнутых системах с процессом самоорганизующегося развития (негэнтропией), имеющим место в открытых системах, находит свое выражение в том, что самоорганизация как образование упорядоченных структур (пространственных, временных или пространственно-временных) возможна только при постоянном подводе к системе энергии, вещества и информации.

Все биологические системы — диссипативные. Для них характерно: наличие внутренних механизмов регулирования и управления, самоорганизация и автономность колебательных процессов, не детерминированных внешней средой, неравновесность, открытость и нелинейность как способность к самодействию. В отличие от линейных диссипативные системы обладают такими особенностями, при которых «малые воздействия... могут приводить к очень большим последствиям..., а большие — к совершенно незначительным». Эта непропорциональная зависимость от среды «делает такие системы, с одной стороны, исключительно устойчивыми по отношению к крупномасштабным неблагоприятным воздействиям, а с другой стороны — необычайно чувствительными к очень незначительным колебаниям состояний среды определенного сорта» (В. П. Бранский).

Как возможны скачки одних параметров при непрерывном и гладком изменении других? Надо признать нелинейный характер реакции живых систем на факторы среды. Иначе не объяснить, почему при непрерывном изменении, скажем, климатических условий биологические качества меняются неожиданно при переходе от одного сообщества к другому и вообще образуются границы между биомами. Нелинейное поведение живых структур выражается в таких явлениях, как эпидемические ритмы, «кривые» миграций и вымираний видов, резкие изменения плотности биологических организмов. Так, колебание численности особей в популяции может быть не только от цикличности абиотических или биотических параметров среды, но и от колебательных процессов в самой системе, находящейся в постоянной среде.

Если максимальную энтропию принять за 1, то воцаряется хаос, полная неопределенность, а если она приближается к 0, то система достигает наивысшего уровня организации. Если понятие энтропии (H) — мера беспорядка, а понятие информации (I) — мера упорядоченности, то их количественное соотношение всегда останется константным: $H + I = I$. Одно не существует без другого.

Другой особенностью развития диссипативных систем является рост запретов по мере увеличения негэнтропии.

Живое, тем не менее, находясь в состоянии динамического равновесия, очень стабильно, но до определенного уровня. И как бы ни понимались модели устойчивости (по Пуанкаре: система устойчива, если, будучи выведена из состояния равновесия, вновь приближается к прежнему равновесию; по Ляпунову: система стабильна, если при возмущениях она последующее время остается в окрестности исходного состояния; по Лагранжу: устойчивой считается система, не выходящая за пределы некоторой области значений), все равно возможно нарушение в силу действия тенденций деиерархизации (странный аттрактор) и иерархизации (простой аттрактор). Переход в новое качество осуществляется посредством потери устойчивости тогда, когда существенно трансформируется управляющий, системообразующий фактор. А длительность, характер и направление дальнейшей эволюции системы, конечно, определяется сложным соотношением детектора, селектора, тезауруса, приводящим ее к новому состоянию отбора; определяется равнодействующей внутренних и внешних сил, причем значение последних в определенных ситуациях весьма велико, так как в критических точках, т. е. там, где система изменяет свое макроскопическое положение флуктуации и случайности играют решающую роль.

Поиск и определение таких «узлов» живой среды — трудная, но чрезвычайно необходимая задача, так как современное общество уже настолько сильно влияет на нее, что готово необратимо перевести биосферу в совершенно новое (квазистационарное и неизвестное) состояние, где вряд ли останется место для человека, и в то же время оно недостаточно организовано, окультурено, умудрено опытом, чтобы управлять биосферными процессами оптимальным для нее способом. Следует найти и обозначить меру, в рамках которой может стабильно развиваться система «человек-биосфера».

В терминах синергетики это переломное состояние — «бифур-

кация». **Бифуркация** — момент прохождения системы от одного уровня устойчивости к другому через неустойчивость, пункт разветвления, дифференциации эволюционного процесса, когда невозможно «предсказать будущее системы в обычном «детерминистском» смысле», также как и нельзя «сказать, в каком направлении упадет вертикально стоящий на столе карандаш...» (Ю. М. Свирежев).

Таким образом, теория катастроф и синергетический подход, восприняв идеи «эмерджентной» эволюции, по многим позициям расходятся с ней, ибо:

- признается количественный этап как необходимая предпосылка перемен;
- признается естественность и закономерность перехода от одного качественного состояния к другому, новому;
- признается возможность математического выражения;
- признается многовариантность будущего, но не равновероятность каких-либо направлений.

С позиций синергетики новое активно влияет на старое, и будущее не предопределяемо, т. е. оно не единственное «это», но не может быть и любым, хотя роль случайностей и незначительных возмущений (как внутренних, так и внешних) неизмеримо повышается в контуре бифуркаций.

Принцип развития

Согласно астрономическим теориям Вселенная расширяется (эффект красного смещения) и теперешнее ее состояние качественно отличается от предыдущих ступеней развития. 15–18 млрд. лет тому назад не существовало ни планет, ни галактик, ни атомов, и если возникновение элементарных частиц еще является предметом дискуссий, то фундаментальные открытия в космологии в принципе позволяют эту проблему решить положительно. И в настоящий период происходит грандиозный процесс рождения и гибели звезд и звездных ассоциаций. Большинство их проходит следующие качественные этапы: протозвезда – собственно звезда – красный гигант – белый карлик. Все эти стадии

различаются характером внутренних процессов, массой, температурой и скоростью эволюции. Вспышки новых и сверхновых звезд, активность ядер галактик, фиксация реликтового излучения, позволившего получить информацию о наиболее ранних фазах существования Вселенной, — все это свидетельствует о том, что Вселенная не просто расширяющаяся, а буквально взрывающаяся. Речь, следовательно, может идти не о том, развивается она или нет, а о предпочтительности «горячей» или «холодной», изотропной или анизотропной модели, в которой бы повсеместный диалектический процесс развития со скачками, с резкой сменой состояний и переходом объектов с одного уровня на новый нашел свое максимально полное теоретическое воспроизведение. На уровне микромира также происходят интенсивные процессы трансформации и превращений элементарных частиц друг в друга. Нестабильность, открываемая физикой, пронизывает собой всю «основу» мироздания.

Таким образом, если в социологии, биологии и в других науках, изучающих явления макромира, идея развития была довольно распространена, то открытие качественной нестационарности микро- и мегапроцессов — весьма значительный фрагмент единой картины развивающегося мира. Дальнейшее экспериментально-теоретическое освоение реальности неизбежно связано с трактовкой всех объектов наук как развившихся и развивающихся во времени, т. е. с признанием атрибутивности развития. Процесс развития охватывает все явления как в прошлом, так и в настоящем и будущем. Именно это обстоятельство в онтологическом отношении детерминирует бесконечность познавательного процесса. Поэтому закономерно, что в науковедении все более укрепляется взгляд о принципиальной возможности существования разнокачественных математик, новых, более фундаментальных и «неожиданных» законов физики и т. д. В познании качественная специфика объектов определяет меру приложимости тех или иных методов научной интерпретации. В процессе увеличения зрелости развития, т. е. наполнения качественных параметров явлений но-

выми характеристиками все зримее, например, выявляется ограниченность формально-логических средств и, наоборот, необходимость других — содержательных диалектико-логических построений.

Развитие как превращение одних состояний действительности в другие является всегда направленным процессом. Следует заметить, что Гегель понимал направленность развития как восхождение от менее совершенного к более совершенному и выразил эту закономерность в терминах поступательного движения от простого к сложному. Эта традиция получила широкое распространение, и термины «направленное развитие», «поступательное развитие», «движение от низшего к высшему» и т. п. нередко воспринимаются как синонимы, хотя это далеко не так. Направленность можно в самом широком смысле определить как определенным образом ориентированную тенденцию качественных взаимопревращений в исторически обусловленных рамках. Устойчивая определенность направленности опирается на два фундаментальных положения.

Во-первых, развитие осуществляется на базе конкретного типа отношений противоположностей и детерминировано ими. Их единство, тем не менее, предполагает неравноправность противоречивых сторон, одна из которых является ведущей, доминирующей.

Во-вторых, стабильность характера направленности основывается и на преемственности в развитии. Новое никогда не может быть абсолютно новым, оно неизбежно включает некоторые элементы предшествующего состояния, т. е. имеет с ним нечто общее, что и выражается в генетических законах, связывающих предшествующее с последующим. Так, сложное соотношение эволюционных возможностей и запретов обусловлено именно наличием таких общих структурных компонентов, которые и создают внутреннюю предопределенность той или иной направленности в развитии живых систем.

Как и любой другой закон, закон генезиса характеризуется устойчивостью, необходимостью и повторяемостью, что и обеспечивается фактом преемственности старого и нового. Но преемственность

надо рассматривать не только с точки зрения сохранения и переноса химического состава, физических параметров и т. п., но и с позиции преемственности направленности.

Существующая направленность конкретного развития является своеобразным интегралом всевозможных микротенденций элементов данного целостного процесса. Разумеется, старое не полностью входит в новое, а в преобразованном виде, и по мере удаления генетической цепи развития старое в новое входит настолько в измененном виде, что становится уже несущественной стороной нового.

Однако в любом случае новое принимает от старого и определенный вектор направленности. Так, генетика на множестве фактов установила, «что мутации возникают не во всех, а лишь в некоторых возможных направлениях... Спектр возникающих мутаций всегда ограничен онтогенетическими потенциями каждого вида» (А. В. Яблоков).

Так как старое включается в новое не полностью, не абсолютно, а в модифицированном виде, т. е. дополненном и измененном, то степень детерминации поведения новообразования будет меняться в широких диапазонах. По мере развития эти флуктуации в направленности достигают такого уровня, когда можно говорить о качественном изменении направленности, о переходе прогрессивных движений в регрессивные, поступательных в попятные и наоборот. Таким образом, следует различать два момента: вопрос о направленном характере развития как качественно определенном процессе и вопрос об особенностях, специфике этой направленности. Другими словами, если направленность развития является категорическим требованием, вытекающим из всей теории диалектики, то своеобразие направленности какого-либо процесса или, что то же самое, особенности отдельного развития уже не являются атрибутами всеобщего развития и потому не включаются в диалектическую концепцию развития в качестве закона.

Развитие необходимо направленный процесс и потому, что

взаимопереходы качественных состояний друг в друга не нейтральны в отношении высоты организации, а представляют собой закономерную смену уровней упорядоченности и целостности. **Направленность** — существенная черта всеобщего развития. Ненаправленное развитие невозможно в силу внутренней системности и иерархичности структурного строения явлений. Такие изменения были бы допустимы лишь для тождественных частиц (абсолютно плотных, однородных, неизменных), но так как таковые в природе отсутствуют, то любое развитие носит направленный характер и сопряжено со ступенями сложного и простого, низшего и высшего.

Если развитие характеризует объект со стороны смены его качественных состояний, т. е. преимущественно во временном аспекте, то функционирование как порядок сосуществования составных частей данного целого выражает момент устойчивости в измерениях пространства и поэтому направленность ярче проявляется именно в процессах развития.

Следует отметить, что проблема направленности не получила сколько-нибудь серьезного научного обоснования как в концепциях механического эволюционизма, так и в доктринах «творческой», «эмерджентной» эволюции. И это не случайно. Для первой точки зрения характерно игнорирование качественного многообразия мира, разнородности материи. При функциональном рассмотрении процессов остается в тени сам переход, новизна, скачок от одной качественной стадии к другой, неповторимость явлений. Направленность же предполагает эти моменты в качестве обязательных.

Отличительной чертой второго подхода является отрицание закономерности появления нового из старого, отрицание преемственности (и, следовательно, преемственности направленности) и количественного этапа генезиса явлений.

Первоначальные элементы научного подхода к проблеме направленности, сложившиеся в естествознании, были восприняты философией в качестве необходимой составляющей диалектической концеп-

ции развития и движения. Признание развития направленным процессом является более высоким уровнем постижения сущности движения. Направленность развития предполагает нахождение в действительности стержневых тенденций и магистральных путей, в которых в концентрированном виде выражает себя развитие материального мира. Взгляд на природу, как на совокупность нагромождающихся друг на друга конгломератов бессвязных и неупорядоченных явлений постепенно сменяется представлением о материальной реальности, части которой взаимозависимы и образуют субординированное целое. В первом приближении можно утверждать, что подобный поворот в теории произошел в середине и во второй половине XIX века благодаря бурному расцвету естествознания.

Как показывает, например, история эволюционных учений в биологии становление идеи развития шло, в общем, по пути, во-первых, обоснования естественности самого процесса и тем самым борьбы с концепциями креационизма и телеологии, а во-вторых, по пути накопления доказательств направленности развития органической жизни. Если Ч. Дарвин специально не ставил вопроса о тенденции органической эволюции и в основном свою задачу видел в поиске материальных причин и факторов, детерминирующих процесс видообразования, то А. Н. Северцев уже тщательно разрабатывает концепцию о разнонаправленности процесса развития.

Современная синтетическая теория эволюции идею направленности еще более углубила и конкретизировала. Так, К. М. Завадский представил следующую классификацию направлений органической эволюции: арогенез, аллогенез и телегенез, а И. И. Шмальгаузен выделяет шесть таких направлений: ароморфоз, алломорфоз, телеморфоз, гиперморфоз, катаморфоз и гипоморфоз. Проследив основные этапы становления идеи развития в биологии. Т. Я. Сутт совершенно справедливо замечает: «...свойство направленности следует включить в определение категории «развитие»».

Направленность как необходимая черта развития воплощается в

таких формах как *прогресс*, *регресс* и *круговорот*. При решении вопроса об общей направленности мировых процессов выделилось три главных подхода: развитие — всеобщий прогресс, развитие — всеобщий регресс, развитие — всеобщий круговорот. Здесь выявляется интересная деталь: от того, что положено в основу единства мира, будет зависеть ориентация мирового процесса. У Гегеля такой базой выступает духовное начало — гипертрофированный и рафинированный процесс прогрессивного становления знания, оторванный от практической деятельности людей и превращенный им в творца всего сущего. Движение абсолютной идеи от изначальной беспредметной предпосылки к более глубокому и дифференцированному содержанию и самопознанию своей сущности во всем объеме ее исторических проявлений это путь при материалистическом истолковании означает духовно-познавательное воспроизведение мира, движение к абсолютной истине. Поэтому всеобщность развития, по Гегелю, воплощается во всеобщности поступательного прогрессивного пути. Тейяр де Шарден аналогично пытается отстаивать принцип восходящей эволюции и утверждает, что вся «материя выступает перед нами в процессе развития». Однако вектор его оказывается жестко детерминированным характером субстрата всеобщего развития — сознанием, этой универсальной субстанцией, пронизывающей собой всю ткань действительности. Вполне естественно, что движение сознания есть нарастание его сложности и динамического единства. «Материя с самого начала... подчиняется великому... закону «усложнения»». «Эволюция — возрастание сознания. Возрастание сознание — действие к единению». На примере этого автора довольно ясно видна недостаточность признания всеобщности и направленности развития. Однонаправленный характер всех изменений в мире, движение от преджизни к жизни и дальше к сверхжизни не может продолжаться бесконечно. «Универсум всегда развивался, и он продолжает развиваться в этот самый момент. Но будет ли он еще развиваться завтра?..» Оказывается, нет: «...эволюция должна достигать кульминации впереди в каком-то

высшем сознании». Состояние такого сверхсовершенства — пункт «Омега».

Если же фундаментом бесконечной материи считать энергию и принять за истину второе начало термодинамики в формулировке Клаузиуса, то изменение энтропийного процесса, будучи однонаправленным, повлечет за собой и свое обусловленное, т. е., все многообразие явлений примет однолинейный порядок постепенной деградации и вырождения. Результатом возрастания энтропии должно явиться состояние общемирового равновесия и покоя. По мнению Ж. Э. Шарона, действие второго начала термодинамики приведет к тому, что «мир инертной материи превратится в холодное темное кладбище». Если материю ожидает гибель, то, следовательно, было и начало ее существования, т. е. творение из ничего. Английский богослов Э. Маскол доказывает брэнность материи таким образом: «Поскольку с течением времени Вселенная неуклонно идет к состоянию все большего и большего единообразия, то если бы она уже существовала бесконечное время, состояние полного единообразия к настоящему времени было бы уже достигнуто, тепловая смерть уже наступила бы... Отсюда следует, что Вселенная начала свое существование в определенное время». Сторонники неотомизма теорию «тепловой смерти» приняли на вооружение и активно используют как доказательство бытия бога. Ж. Маритен в «Философии природы» утверждал, что материальный мир есть «мир случая, риска, приключения, необратимости, он имеет историю и направление во времени». Куда же? Мир, по Ж. Маритену, находится в стремительном движении к смерти в силу действия общего закона деградации, но на самом пороге материального бытия появляется метафизическая сущность, озаренная божественным светом и названная духом, который раскрывает внутри материи некий новый мир. Все процессы превращений в природе рассматриваются как детерминированные и направляемые тем, «что не есть больше просто часть в огромной Вселенной, но есть само по себе целое, устойчивый универсум, открытый другим посредством разума и любви: — лич-

ность, которая... есть самая совершенная вещь во всей природе».

И эволюционный (прогрессивное развитие абсолютно, а регресс временен, второстепенен), и эманативный (регресс повсеместен и вечен, а прогресс относителен) подходы к проблеме направленности мирового развития одинаково ведут (при последовательном истолковании) к идеализму в понимании единства мира, к признанию начала и конца развития.

Несостоятельность идей однонаправленности космического процесса хорошо понимал уже Платон: «Если бы возникновение шло по прямой линии, только в одном направлении и никогда не поворачивало бы в противоположную сторону..., все, в конце концов, приняло бы один и тот же вид, приобрело одни и те же свойства и возникновение прекратилось бы».

Концепция круговорота явилась третьим вариантом решения проблемы направленности развития. Для античной философии характерен вещественно-субстратный подход к единству мира (огонь, вода, земля, воздух, атомы). Все есть видоизменение одного, вечно пребывающего. Отсюда и развитие в мире происходит по кругу. Учения о соотношении хаоса как беспорядоченного и неорганизованного состояния мира и космоса, где царит гармония, соразмерность и ритмическая последовательность событий, отражают противоположные направления всеобщего движения. «Путь вверх», к прогрессу и совершенству и «путь вниз», к деградации и регрессу постоянно существуют, взаимоисключая и поочередно сменяя один другого. Круговорот являл собой форму космического повторения, сохранения и устойчивости мироздания, форму вечного возвращения. Идея круговорота была присуща и философии Нового времени, в том числе и французским материалистам XVIII века, а также естествоиспытателям, позицию которых рельефно выразил Э. Геккель: «Универсальное движение субстанции... есть вечный круговорот с периодически повторяющимися фазами развития». Французский физик Г. Лебон пишет: «...те же миры, населенные теми же существами, ...много раз повторяют свое сущест-

вовании». Круговорот, следовательно, предстает как абсолютное повторение пройденных уже ступеней развития, и настоящее состояние реальности есть в то же время воспроизведение прошлого и возвращение будущего. Вряд ли стоит особо оговаривать принципиальное положение об отсутствии абсолютно замкнутых и полностью повторяющихся процессов. Даже в самых простых механических явлениях всегда присутствует неискоренимый элемент необратимости, а в органических и социальных системах она превалирует.

Применительно к материальной действительности бессмысленно ставить вопрос о ее развитии в каком-то преимущественном направлении. Провозглашение в любой форме однонаправленности имплицитно содержит в себе предположение о закономерностях и тенденциях, лежащих так или иначе вне материи или в ней самой, но определяющих ход ее развития. Материя из субъекта и субстанции всех изменений превращается в иное — подчиненное и обусловленное целое. Только *разнонаправленность* всеобщего развития органически и в полной мере сочетается с принципом системности и материального единства мира.

Однонаправленный же характер развития противоречит идее его атрибутивности, ибо однонаправленность в скрытой форме предполагает некоторое исходное, изначальное и, соответственно, конечное состояние, причем разница временных интервалов здесь не играет принципиальной роли. Все основные черты атрибутивности развития тогда теряют свой статус: бесконечное становится конечным, беспредельное — предельным, неисчерпаемое — исчерпаемым, абсолютное — относительным и т. д. Единственный выход из данной теоретической ситуации — признание непреходящей разнонаправленности мирового развития.

В идее разнонаправленности находит свое адекватное воплощение и мысль о развитии как новообразовании. При противоположной трактовке сфера новаций чрезвычайно узка как в качественных, так и в количественных отношениях. Разнонаправленность развития, однако, не означает существование в объективной реальности сбалансиро-

ванных тенденций прогресса и регресса, такого состояния, когда прогрессивные изменения в отдельной локально-ограниченной зоне действительности неизбежно и тотчас компенсируются противоположно направленным процессом. Концепция мирового круговорота, при котором с полной точностью повторяются все пройденные стадии материального развития, с научной точки зрения несостоятельна. Но подобное положение не отрицает, а наоборот, предполагает наличие в мире областей, которым присуще развитие именно в форме прогресса, регресса или круговорота различных типов. Разнонаправленность не есть беспорядочность, а выражение объективной диалектики двух основных тенденций развития: прогресса и регресса. Признание объективного характера прогрессивного (регрессивного) развития формировалось довольно сложным путем. В дореволюционном энциклопедическом словаре прогресс и регресс тракуются как теории, «носящие очень отвлеченный и чисто субъективный характер». Однако для эволюционных идей XIX и начала XX в. уже была характерна выкристаллизация специфических тенденций в развитии, главным образом, органического мира и социальной реальности. Это явилось крупным шагом вперед в понимании не просто меняющегося мира, но мира, обладающего своеобразными устойчиво сохраняющимися направлениями своего движения. Однако интерпретация этих процессов со стороны исследователей, не обладающих умением оперировать диалектическим методом, приводила к метафизике. Господствующим являлось положение, которое сводила сущность развития, эволюции и прогресса к трем основополагающим параметрам: «...изменение, совершенствование и единство субъекта». Отрицается прерывность, скачкообразность процесса, переход в новую качественную определенность. Постулируется однолинейный порядок последовательно сменяющихся друг друга состояний действительности.

Диалектико-материалистический подход отвергает такое толкование и определяет прогресс (в самом общем виде) как объективный, спиралевидный, противоречивый и закономерный процесс, при кото-

ром повышается уровень системно-структурного единства интегрального качества объекта. Для прогресса характерно развитие в сторону усложнения нарастания подвижности, темпов самообновления и внутреннего разнообразия. Системные, энергетические, информационные и т. п. критерии прогресса позволяют в определенной степени измерить объективную степень простого и сложного, низшего и высшего. Однако «прогресс» — очень широкое понятие и не всегда дает возможность выявить специфичность проявления объективных аналогов. Если к развитию в целом применима вся совокупность категорий диалектики, то определенная направленность процесса сопряжена с изменением ведущего положения тех или иных черт развития. И в рамках одной направленности значительно модифицируется соотношение неповторяемости и повторяемости, необратимости и обратимости, нового и старого, несущественного и существенного, неограниченного и ограниченного и т. п., что свидетельствует о необходимости дифференциации общей направленности развития на ряд видов или форм соответственно разной роли главенствующих признаков и тенденций в целостной системе развивающихся объектов.

Тогда можно выделить следующие *подвиды развития: одноплоскостной, ограниченный, неограниченный прогресс; одноплоскостной, ограниченный, неограниченный регресс; прогрессирующий, регрессирующий, константный, однократный и многократный круговорот.*

Предпринятая классификация видов развития имеет большое познавательное значение, так как воспроизводит объективно существующую разнонаправленность процессов и конкретизирует общие положения диалектической модели мира. Кроме того, дифференциация развития на его виды позволяет более четко выяснить место каждого специфического вида развития в структуре закономерного процесса эволюции.

Общефилософские принципы системности и развития находят свою конкретизацию на этапе современной постнеклассической науки

в общенаучной картине мира, которая строится, соответственно, на сочетании системного и эволюционного подходов и, исходя из идеи глобальной процессуальности, выражается в таких теоретических моделях как *синергетика*, *нестационарная Вселенная и биосферноноосферогенез*. Если синергетика подтвердила необходимость спонтанного, самопроизвольного образования последовательно упорядочивающихся структур во *всех* сегментах действительности (хотя использование ее понятийного аппарата для изучения социально-культурных феноменов требует корректировки), а концепция космического развития и антропного принципа показала *неотделимость* от вселенского контекста земной биосферы, то ноосферогенез предстал как новая, но *закономерная* стадия всего предшествующего процесса развития, приход которой олицетворяет собой качественное преобразование всего жизнестроения человека и общества и их отношений к природе на основе активизации внутренних, духовных детерминант, т. е. возвышения качества человеческого потенциала.

Принцип всеобщей взаимосвязи может быть выражен суждением: «Одно во всем, все в одном». Но как же в действительности реализуется эта взаимозависимость, если скорость распространения сигнала или импульса ограничена во времени? Как сверхдалекое или сверхпрошлое влияет на ход нынешних событий? При ответе на данные вопросы следует сделать ряд пояснений:

а) каждый предмет мира связан *непосредственно* с определенным числом других явлений и событий. Он всегда погружен в контекст отношений с другими вещами и процессами, испытывая их многосторонние влияния, но и воздействуя, в свою очередь, на них. Т. е. в действительности нет абсолютно замкнутых, изолированных, «одиноких», самодостаточных образований;

б) каждый предмет связан с каждым *опосредованно*, косвенно через вхождение в систему больших или меньших масштабов в качестве элемента, части, стороны, аспекта.

Принцип неисчерпаемости в онтологическом плане означает

бесконечное разнообразие, неиссякаемость сложности, структурности, богатства свойств, качеств, законов на любом уровне материи при движении вширь или вглубь, а в гносеологическом — невозможность достижения состояния абсолютной полноты знаний о мире.

Принцип противоречивости обязывает рассматривать каждое изучаемое явление как сложный комплекс иерархически взаимосвязанных противоположностей. Только так понятийно освоенный фрагмент действительности явит себя как процесс и внутренняя самодетерминация. В сфере микромира, например, противоречивость обнаруживается в соотношении свойств волны и корпускулы, в движении положительно и отрицательно заряженных элементарных частиц; в неорганической природе — в гибели и рождении звезд; в биосфере — в динамике синтеза и разложения, ассимиляции и диссимиляции; в социуме — в столкновении интересов различных классов и групп; в экзистенциальной области — в сочетании отчаяния и надежды, радости и горя, веры и сомнения, чувства и разума, святости и греха.

Законы и категории диалектики

Исторически сложилось два основных способа философского понимания процессуальности — метафизический и диалектический. Первый довольствуется рассудком, мыслящим по схеме «либо — либо» и разрывающим связь и единство вещей и событий в их противоречивой сущности; второй — не изгоняет противоположности, а синтезирует их посредством разума. Проблема поиска источника изменений, происходящих в мире, всегда волновала человеческий ум, но только в немецкой классической философии возникло понимание роли противоречий в качестве внутренней первопричины развития. Если Кант обнаружил антиномичность мышления, Шеллинг полярность в природе, то Гегель обосновал идею самопротиворечивости всего сущего на основе идеалистически интерпретируемого принципа тождества сознания и бытия. Материализм же исходит из признания объективного характера противоречивости мира. Развитие подчиняется

действию трех фундаментальных законов диалектики, наиболее полно представленных в работах Ф. Энгельса.

Закон взаимосвязи противоположностей является центральным ядром диалектики, ибо определяет причину, основу процесса эволюции. Если различия — незначительные несоответствия между элементами содержания систем, то противоположности — это существенные, достигшие определенного предела и напряжения, несоответствия между ними. **Противоположности** — такие характеристики и тенденции развития процессов, которые, взаимоотрицая, взаимоисключая, в то же время взаимополагают и проникают друг друга. Взаимосвязь противоположных сторон в форме их взаимоотталкивания определяется понятием «**борьба**», а их соотношение в форме взаимотяготения и взаимодополнения выражается термином «**единство**». Одно неотделимо от другого, но именно борьба является творческим стимулом развития. Реальная, живая связь противоположностей и образует противоречие. Попробуйте самостоятельно найти критерии различия таких видов противоречий, как внутренние — внешние, основные — неосновные, главные — неглавные, антагонистические — неантагонистические.

Закон взаимосвязи количественных и качественных изменений. Этот закон конкретизирует предыдущий и вскрывает механизм развития. Рассмотрим содержание основных понятий. «Количеством, по Аристотелю, называется то, что может быть разделено на составные части, каждая из которых, будет ли их две или несколько, является чем-то одним, данным налицо. То или другое количество есть множество, если его можно счесть, это величина, если его можно измерить». А качеством «является относящееся к сущности видовое отличие...». Более емкое определение дал Гегель. **Качество** — внутренняя определенность предмета, тождественная его бытию. **Количество** — внешняя характеристика явления, не тождественная его бытию. «Количество... есть такое определение, к изменению которого определенная вещь относится безразлично». Но насколько безразлично? Может ли тот или иной элемент бытия быть выраженным в любых количест-

венных модификациях? Нет, ибо каждое явление действительности имеет количественные и качественные пределы, взаимосвязь которых выступает как мера. *Мера* — границы всевозможных количественных изменений в рамках данного качества, это интервал, внутри которого количественные трансформации не приводят к качественным превращениям. Этот диапазон значений определяется как природой самих явлений, так и характером материального фона, в который они погружены, т. е. мера может сужаться и расширяться сообразно изменению условий протекания данного процесса. (Так, от давления зависит температура превращения жидкой воды в лед). Выход за границы меры означает возникновение нового качества, наделенного несводимыми к старому свойствами. Переход явления в качественно иное состояние осуществляется посредством *скачка*.

Общий смысл данного закона, следовательно, принимает следующий вид: на определенном этапе количественных изменений (увеличение — уменьшение, рост — убыль) неизбежно и скачком происходит переход явления на новый качественный уровень развития, когда нарушается его мера.

Закон отрицания отрицания интегрирует действия ранее исследованных двух законов, определяя общую направленность и сопрягая поступательность и цикличность процесса развития. В контексте нашего рассмотрения отрицание — ведущее понятие. *Отрицание* — процесс уничтожения и преодоления старого при сохранении и удержании некоторых элементов его содержания и включении в структуру новообразования в переработанном виде. Такого рода отрицание есть необходимый момент саморазвития. Метафизическая трактовка разъединяет эту взаимосвязь преемственности и дискретности, старого и нового, рождения и исчезновения, сводя процесс отрицания к внешнему уничтожению, что в культуре и познании часто выражается в скептицизме и нигилизме. Данный закон включает в себя ряд необходимых этапов:

1) положение (тезис) — исходная стадия развития, характери-

зующаяся устойчивостью, равномерностью и целостностью;

2) отрицание (антитезис) — относительно динамичное, неравномерное, резкое качественное отмежевание от базового состояния. Здесь преобладает негативное отношение к старой основе;

3) отрицание отрицания (синтез) — фаза перехода от отрицательного к положительному отношению, т. е. воспроизводству, восстановлению того, что подвергалось отрицанию на предыдущей ступени эволюции. Но второе отрицание значительно полнее, чем первое, ибо насыщено его содержанием. Оно — завершение определенного цикла развития. Отрицание отрицания — это повторение на новой стадии базовых черт исходного уровня, некий возврат, но не тотальный, не полный, потому что в природе нет абсолютной обратимости. Да, всякое диалектическое отрицание включает в себя некоторую преемственность, но только второе являет собой воссоздание качественной специфики изначального бытия предмета или события. Трехступенчатость (триада) указывает на *ритмичность* развития. Всеобщность действия закона обнаруживается во всех сферах бытия, хотя не любая природная или социальная система успевает осуществить полный цикл саморазвития в силу возможных возмущений со стороны окружающей среды.

Справедливо подвергая критике отождествление развития с прогрессом, многие авторы стали трактовать развитие как процесс, не являющийся атрибутивным. Развитие определяют либо как частный случай движения, либо как процесс необратимых качественных превращений, либо как процесс, присущий только системным объектам или подвергнутый серии диалектических отрицаний. Однако саморазвитие реализуется как закономерная трехступенчатая последовательность прохождения системой ряда качественно обособленных фаз (положение — отрицание — отрицание отрицания), обусловленная соотношением старого и нового, необратимого и обратимого, количественного и качественного, прерывности и непрерывности и т. п., при которой каждый новый виток, отбрасывая одни фрагменты, спиралевидно и избирательно аккумулирует в себя другие части содержания

предыдущего, не сводясь к нему. Автор отстаивает ту позицию, согласно которой закон отрицания отрицания «работает» как в сфере прогрессивного, так и регрессивного и кругообразного развития. «Винтовая лестница» эволюции может вести вверх и вниз, а может принять и более причудливый вид. Сделайте и вы свой самостоятельный и обоснованный выбор.

Кроме принципов и законов в структуру теоретической диалектики входят категории. **Категории** — понятия, отражающие максимально общие и всеобщие (атрибутивные) свойства, связи и отношения действительности. Их отличает парность, полярность как единство противоположных сторон (конечное — бесконечное, часть — целое, внутреннее — внешнее, единое — многое и т. д.). Категории диалектики являются всеобщими формами логического мышления. Все они взаимосвязаны друг с другом, постоянно развиваются, конкретизируются, насыщаются новым содержанием и смыслом сообразно совершенствованию практической и научно-культурной деятельности поколений людей. Рассмотрим кратко соотношения некоторых из них.

Единичное и общее. Многообразие феноменов действительности являет собой их тождество и различие. Категория «*отдельное*» означает отграниченное, отделенное от другого, т. е. обладающее собственным качеством, своими пространственно-временными очертаниями. **Единичное** — совокупность свойств, присущих только этому явлению, это все то, что формирует данный предмет как уникальный, неповторимый. **Общее** — «сонм» таких характеристик, которыми наделено не только это конкретное явление, но и множество других. Масштаб родства, сходства и подобия может доходить и до всеобщности. Методологическая ошибка **реализма** состояла в том, что общее выступало в качестве самостоятельно существующего бытия наряду с единичными его воплощениями (дом вообще и материализованные, овеществленные дома разной конструкции), тогда как **номинализм** отождествлял отдельное с единичным, что также неверно. На самом деле общее и единичное существуют одинаково объективно не в

форме самодостаточного основания, лишь как стороны, моменты, аспекты, грани отдельных вещей, событий и процессов. Отдельное, следовательно, — есть синтез общего и единичного, и любая их абсолютизация несостоятельна. Глубокое научно-философское понимание диалектики единичного и общего приобретает особое значение для судьбы России в современных условиях глобализации, которые требуют умения находить баланс между фундаментальными общемировыми тенденциями развития и особенностями их применения к российской жизни. Игнорирование общего в политике ведет к изоляционизму, агрессивному национализму и сепаратизму, а единичного — к ослаблению национальной безопасности, суверенитета и утрате национальной идентичности.

Причина и следствие. Вопрос о причинности (каузальности, детерминации) явлений тесно увязан с проблемой соотношения сознания и материи. Сомнение во всеобщности и объективности детерминизма высказывали как субъективные, так и объективные идеалисты. Юм, например, утверждал, что в опыте не содержится необходимость причинной связи, а лишь некоторая последовательность восприятий, которую мы привыкаем бездоказательно считать таковой. Кант признает существование причинной связи, но опять-таки не в объективной реальности, а в рассудке в качестве априорной формы мышления. По сути, индетерминистский подход характерен и для прагматизма, экзистенциализма, неопозитивизма.

Материалистическое представление о причинно-следственных отношениях целесообразно представить в смене трех основных точек зрения:

1) причина — явление, активно воздействующее на другое, следствие — результат подобного «вторжения» (вирус — причина простудного заболевания). В этой традиционно-механической интерпретации обосновывается мысль об одностороннем действии тела А на пассивное тело В, причем сперва «работает» причина, а следствие появляется после, т. е. между ними — разрыв во времени;

2) причина — не одно какое-либо явление или деятельное начало, а совокупность всех положительных и отрицательных факторов, воздействующих на поведение данной системы, при этом следствие — итоговый, суммарный эффект подобного возмущения. Достоинство такого понимания — необходимость учета всех условий протекания процесса, но на практике эта цель недостижима. К тому же здесь не выявляется разнозначность вклада каждого фактора в общий поток изменений;

3) причина — взаимодействие, складывающееся, как минимум, между двумя сторонами одного и того же явления (внутренняя), или, как минимум, между двумя разными явлениями (внешняя), а следствие — совокупность перемен, происходящих за период их непосредственного «контакта». Особенности данной трактовки в том, что: а) любой процесс — многосторонняя связь, хотя их роли могут быть не одинаковы. Так, в системе «общество-природа» именно социум ответствен за состояние окружающей среды»; б) причина и следствие — не одновременные явления, а актуально соотносительные, и не существует, следовательно, взаимодействия как процесса без его неперемного результата, который (следствие) начинает уже сам оказывать обратное влияние на породившую его причину. Не может быть причины без следствия и следствия без причины; в) важной особенностью причинно-следственных отношений является их необходимый характер, т. е. одни и те же причины неизбежно приводят к однородным следствиям; г) это, однако, возможно при сохранении сходных *условий* — совокупности явлений, которые сами по себе хотя и не продуцируют следствие, но образуют среду, необходимую для установления причинной связи.

На примере современного финансово-экономического мирового кризиса, таянья снега весной или болезни человека определите причинно-следственные соотношения и найдите наиболее адекватную модель из трех здесь рассмотренных.

Необходимость и случайность. В истории философии и науки мы находим разные понимания необходимости и случайности. Если

субъективный идеализм считал необходимость логической формой мышления, а объективный — манифестацией «мирового разума» (Гегель), то материализм, обосновывая объективный характер необходимости, часто лишал случайность такого статуса. Так, Демокрит утверждал: «Люди измыслили идол... случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность». Случайность — показатель незнания причин. Эту позицию разделяли и Спиноза, и французские материалисты. Находит она приверженцев (и достаточно многочисленных) и у живущих в XXI веке.

Однако диалектическая интерпретация исходит из следующих посылок:

1) необходимость и случайность — объективно существующие противоположности, неотъемлемые стороны любого процесса или бытия;

2) **необходимость** — совокупность характеристик, обусловленных внутренними причинами, вытекающими из природы данного явления. Необходимость какого-либо события нарастает по мере того, как круг возможностей суживается до одной-единственной. **Случайность** — комплекс свойств, детерминируемых внешними причинами, и поэтому явление может иметь множество модификаций и вариантов;

3) необходимость — ведущая сторона явлений, ибо она определяет направление, тенденцию развития процесса и формирует основу, на которой и проявляют себя случайности. Случайность, следовательно, есть форма «раскрепощения» и дополнения необходимости;

4) необходимость олицетворяет собой высший этап проникновения мышления в глубинные отношения и связи действительности, непосредственно закрытые для чувственного познания, без чего не может существовать наука как знание о законах мира.

Содержание и форма. Определенность предметного бытия выражается также во взаимосвязи содержания и формы. **Содержание** — совокупность всех элементов, образующих данное целое; **форма** — внутренняя организация, структура, способ связи указанных компонентов.

Отсюда следует их слитность, нераздельность, что предполагает и значительные различия:

1) содержание в этом единстве более мобильная, активная сторона, а форма — более устойчивая, инертная, консервативная;

2) процесс взаимосвязи содержания и формы закономерно проходит ряд фаз:

- исходное оптимальное соответствие формы содержанию;
- нарастание несоответствия между новыми элементами содержания и устаревающей формой;
- восстановление соответствия, достигаемое заменой прежней формы качественно новой, востребованной уже иным содержанием;

3) форма обладает относительной самостоятельностью и внутренней логикой функционирования, она активна и может как препятствовать, так и способствовать вызреванию содержания.

Сущность и явление. В отличие от содержания категория «сущность» имеет свой, особый смысл и соотносится со своей противоположностью — явлением. Если кратко определять эти понятия, то **сущность** — это внутреннее единство необходимых, основных характеристик предметов и событий, а **явление** — внешнее обнаружение, «прораствание», «просвечивание» сущности в конкретных обстоятельствах пространства и времени. Сущность является, а явление существенно, т. е. оно несет в себе информацию о сущности, о скрытых закономерных отношениях бытия. Но одно явление не может собой выразить всю сущность в ее полноте и целостности, а лишь определенный аспект. В этом смысле сущность богаче любого явления. Кроме того, надо помнить, что сущность пребывает в процессе развития, она трансформируется, становясь иной в себе самой. Но и явление «богаче» сущности. Почему? Да на основании того, что в явлении наличествует не только нечто существенное, но и идущее от материального фона, в контексте которого осуществляется процесс. Явление «расцветивает» сущность, индивидуализирует ее, меняя, деформируя, искажая или, наоборот, создавая благоприятные условия и

предпосылки для самораскрытия внутренней потаенной подлинности в адекватной объективированной форме. Явление, следовательно, и совпадает с сущностью и не совпадает с ней. Познание осуществляется путем движения от исследования и обобщения множества явлений к постижению лежащей в их основе общей сущности и от нее к более глубинным фундаментальным закономерностям. Этот процесс погружения в сущности разных уровней никогда не окончится в силу неисчерпаемости мира.

Возможность и действительность. **Возможность** — потенциальное бытие, тенденция превратиться в «свое иное», преодолеть окопы собственных границ, перелиться через край. Возможность характеризует многовариантность, разноканальность развития, открытость переменам и «жажду» новизны. Возможности создают пространство, которое еще ничем не заполнено, в котором пребывают лишь проекции, «черновые наброски» будущих событий. Категория «**действительность**» обозначает сбывшуюся, осуществленную возможность. Действительность, в свою очередь, определяет собой спектр возможностей. Например, запреты, являющиеся результатом предшествующей эволюции на всех уровнях организации живой природы, детерминируют ограничения внутрисистемных направлений будущей эволюции. Но и физическая природа обладает такой канализованностью. Так, разнообразие возможных кристаллических форм не превышает 231, а потенциальные векторы химической эволюции предопределены более элементарным уровнем материальной структурированности.

Будет правильным дифференцировать возможности на виды: **реальная возможность** — такая тенденция, для реализации которой есть все необходимые условия; **абстрактная возможность** — такая тенденция, для воплощения которой явление еще должно пройти ряд дополнительных ступеней собственной эволюции; **формальная возможность** — такое будущее, которое может наступить лишь при маловероятном стечении случайных обстоятельств. **Вероятность** —

количественная мера зрелости возможности, определяющая дистанцию между потенциальным и реальным бытием. Если вероятность события равна единице, то возможность превратилась в действительность, если нулю, то явление в данных условиях невозможно. Мы замечаем, что степень необходимости и причинная обусловленность при переходе от одного вида возможности к другому последовательно уменьшается, но не исчезает окончательно.

Софистика, эклектика, догматизм и релятивизм как антиподы диалектики

Диалектическую картину мира на современном этапе дополняет и конкретизирует такое направление научной мысли, как синергетика — учение о самоорганизации сложных открытых систем, а также концепция нестационарной Вселенной и глобального эволюционизма. Недиаlecticкий же подход к пониманию мира, который вслед за Гегелем и Марксом именуют метафизическим, делает акцент не на живой противоречивости всего сущего в его сложной взаимосвязи, а на обособлении, внеисторичности явлений или их жесткой дихотомии, противопоставленности друг другу. Он представлен софистикой, эклектикой, догматизмом, и релятивизмом. *Софистика* — одностороннее, абстрактное, фрагментарное рассмотрение явлений путем абсолютизации их отдельных черт, отождествления случайного с необходимым, несущественного с существенным и т. д. на основе формально-логических построений. *Эклектика* — беспринципное смешение разнородных элементов без выявления их разной роли и значения в структуре целого. *Догматизм* характеризуется как способ мышления, которому присуще стремление к однозначным, незыблемым утверждениям, разъятию живой целостности и связности явлений. *Релятивизм* — бросок в другую крайность. Он абстрагируется от соответствия знаний объективной реальности, тем самым превращая понятийный аппарат мышления в произвольную мозаику искусственных умственных операций.

ПОЗНАНИЕ

1. ПОЗНАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА. ЗНАНИЕ И НЕЗНАНИЕ, ЗНАНИЕ И МНЕНИЕ, ЗНАНИЕ И ВЕРА, ЗНАНИЕ И СОМНЕНИЕ
2. СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ: ДИНАМИКА ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
3. ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ПОЗНАНИЯ: ЧУВСТВЕННОЕ, РАЦИОНАЛЬНОЕ, ИНТУИТИВНОЕ И ИХ ВОЗМОЖНОСТИ
4. ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ И ЕЕ КРИТЕРИЕВ. ИСТИНА И ЗАБЛУЖДЕНИЕ, ИСТИНА И ПРАВДА

**Познание как предмет философского анализа.
Знание и незнание, знание и мнение, знание и вера,
знание и сомнение**

Философская теория познания — *гносеология* — рассматривает наиболее общие и существенные закономерности и проблемы, открываемые в сфере познавательной деятельности человека, которая первоначально была непосредственно связана с трудом, игрой, общением и только в XVI–XVII вв. стала постепенно обособляться в особую самостоятельную область знания, хотя предпосылки ее уходят в античность, в творчество первых философов.

Человечество всегда стремилось к приобретению новых знаний. Процесс овладения тайнами бытия есть выражение высших устремлений творческой активности разума, составляющего великую гордость человечества. За тысячелетия своего развития оно прошло длительный и тернистый путь познания от примитивного и ограниченного ко все более глубокому и всестороннему проникновению в сущность бытия. На этом пути было открыто неисчислимое множество фактов, свойств и законов природы, общественной жизни и самого человека, одна другую сменяли картины мира. Развивающееся знание шло рука об руку с развитием производства, с расцветом искусств,

художественного творчества. Наш разум постигает законы мира не ради простой любознательности (хотя любознательность одна из движущих сил человеческой жизнедеятельности), но ради практического преобразования и природы и человека с целью максимально гармоничного жизнеустройства человека в мире. Знание человечества образует сложнейшую систему, которая выступает в виде социальной памяти, богатства ее передаются от поколения к поколению, от народа к народу с помощью механизма социальной наследственности, культуры.

Познание, таким образом, носит социально детерминированный характер. Только через призму усвоенной культуры мы получаем знания о реальности. Прежде чем продолжать дело предшествующих поколений, необходимо освоить уже накопленное человечеством знание, постоянно соотнося с ним свою познавательную деятельность, — это категорический императив развивающегося знания.

Задумываться над тем, что такое познание, каковы пути приобретения знания, человек стал уже в глубокой древности, когда он осознал себя как нечто, противостоящее природе, как деятеля в природе. Со временем сознательная постановка этого вопроса и попытка решить его приобрели относительно стройную форму, тогда и сложилось знание о самом знании. Все философы, как правило, так или иначе, анализировали проблемы теории познания.

Познание — обусловленный, прежде всего общественно-исторической практикой процесс приобретения и развития знания, его постоянное углубление, расширение и совершенствование. Вопрос о том, может ли объективная реальность быть данной в сознании человека — а если может, то каким именно образом — давно интересовал людей. Подавляющее большинство философов и ученых утвердительно решают вопрос о том, познаваем ли мир. Однако существует такое учение, как агностицизм, представители которого отрицают (полностью или частично) принципиальную возможность познания объективного мира, выявления его закономерностей и постижения объективной истины.

Живучесть агностицизма объясняется тем, что он смог уловить некоторые реальные трудности и сложные проблем процесс познания, которые и по сей день не получили окончательного решения. Это, в частности, неисчерпаемость, границы познания, невозможность полного постижения вечно изменяющегося бытия, его субъективное преломление в органах чувств и мышления человека — ограниченных по своим возможностям и т. п. Между тем самое решительное опровержение агностицизма содержится в чувственно-предметной деятельности людей. Если они, познавая те или иные явления, преднамеренно их воспроизводят, то «непознаваемой вещи-в-себе» не остается места. В отличие от агностиков, сторонники скептицизма не отрицают познаваемость мира, но либо сомневаются в возможности его познания, либо, не сомневаясь в этом, останавливаются на отрицательном результате. А именно понимают процесс познания как «зряшное отрицание», а не как диалектическое (с удержанием положительного). Такой подход неизменно приводит к субъективизму, хотя скептицизм (особенно «мыслящий») в определенном смысле способствует преодолению заблуждений в достижении истины.

Познание и его изучение не есть нечто неизменное, раз навсегда данное, а представляет собой нечто, развивающееся по определенным законам. Они имеют длительную историю, истоки которой уходят в древнюю философию. На каждом из этапов своего развития знание есть резюме истории познания, квинтэссенция всех форм человеческой деятельности, в том числе и, прежде всего — чувственно-предметной (практики). В античной, особенно в древнегреческой философии (VI в. до н. э. — II в. н. э.), были сформулированы глубокие идеи о соотношении знания и мнения, истины и заблуждения, о совпадении знания и предмета, о диалектике как методе познания и др.

Оценивая в общем античную (точнее древнегреческую) философию и гносеологию, следует указать на то, что для них были характерны целостность взгляда на мир, отсутствие чисто аналитического, абстрактно-метафизического расчленения природы. Последняя рас-

сматривалась в универсальных моментах единства всех ее сторон, во всеобщей связи и развитии явлений. Однако эта развивающаяся целостность была результатом непосредственного созерцания, а не развитого теоретического мышления.

Крупный шаг в развитии теории познания был сделан европейской философией XVII–XVIII вв., в которой гносеологическая проблематика заняла центральное место. После того, как сомнение «расчистило площадку» для новой рациональной культуры, в дело включается «архитектор», т. е. метод. С его помощью и предаются суду чистого разума все общепринятые истины, подвергаются тщательной и беспощадной проверке их «верительные грамоты», обоснованность их претензий представлять подлинную истину.

В настоящее время познание изучается не только философией. Сейчас происходит интенсивное развитие различных специальных наук, исследующих познание: когнитивной психологии (психологии, изучающей специальные процессы), логики и методологии научного познания, истории науки, науковедения, социологии знания и т. д. Все эти науки вносят ценный вклад в изучение познания, рассматривая его отдельные аспекты. Без его опоры на их достижения невозможно и квалифицированное, успешное философское исследование познания. Однако сущность познавательного отношения к миру является предметом именно философского осмысления, ибо оно связано с анализом и решением коренных мировоззренческих проблем отношения человека к действительности. Познание является необходимой стороной этого отношения и само может быть понято только в контексте последнего.

В античности центральной в теории познания выступала проблема отношения знания и мнения, истины и заблуждения. При этом знание понималось в единстве с его предметом: для идеалиста Платона предметом познания является мир идей, для древнегреческих материалистов — природа. Античная философия исходила из того, что знание есть своеобразная копия предмета; эта предпосылка принима-

лась как нечто совершенно естественное и даже особенно не обсуждалась. Главный интерес дискуссии состоял в выяснении того процесса, посредством которого предмет переводится в состояние знания. Тезис о единстве знания и предмета специфически сочетался с непониманием активности субъекта в процессе познания: истинный объект может быть только «дан» познающему; все продукты его творчества, его субъективной познавательной деятельности — лишь неистинное мнение.

В концепции К. Поппера в метафорической форме зафиксировано, по существу, два основных значения понятия знания, причем предлагаемая им трактовка не совпадает с классической проблемой мнение-знание, или докса-эпистеме.

1. О знании как состоянии сознания, или ментальном состоянии;
2. О знании как объективном содержании мышления: единицах знания, а также дискуссиях, критических спорах и т. п.

Знание — содержание в сознании человека образов, соразмерных определенным сегментам объективной реальности, т. е. несущих адекватную информацию о конкретных состояниях изучаемых явлений. **Незнание** тогда — незаполненность (пустота) сознания. Они соприкасаются друг с другом парадоксальным образом. Расширение одного означает сокращение другого. Однако никогда область незнания не превратится в исчезающе малую величину. Чем выше поднимается человечество по лестнице познания, тем шире перед ним разворачиваются пространства еще неизведанного и неизвестного. И только невежественный индивид пребывает в иллюзии тотального всезнания. А некритическое восприятие информации, субъективистские его интерпретации, обусловленные пристрастиями, оценочными предпочтениями и интересами, составляют специфику **мнения**. «Сколько людей — столько мнений» — эта констатация, однако, отнюдь не означает, что любое мнение одинаково противостоит знанию и отдалено от него на равное расстояние. Нет, может быть и сближение позиций, хотя такое происходит не часто. Неискоренимым элементом познания

является вера. *Вера* — гарант однозначности, определенности, внутренней стройности и «успокоенности», некоторой окончательности и достаточности добытого знания.

Знание тесно связано с верой, для чего необходимо выяснить конструктивную роль веры в познании. При этом речь идет не о религиозной вере, а о вере как признании истинности того или иного утверждения без рационального обоснования и доказательства.

Следует отметить, что существование веры в познавательном процессе может быть вызвано:

– отсутствием или недостатком информации (частный случай, момент веры, не носящий всеобщего характера, а главное — не позволяющий судить о механизмах и причинах ее возникновения.) Можно бесконечно наращивать объем информации, но ее усвоение и использование по-прежнему будут основаны на предпосылках, в той или иной степени принятых на веру.

Витгенштейн придавал фундаментальное значение существованию эмпирических предложений, в которых мы не сомневаемся:

– всякое обучение, начиная с детства, основано на доверии. «Будучи детьми, мы узнаем факты... и принимаем их на веру»; «ребенок учится благодаря тому, что верит взрослому. Сомнение приходит после веры»;

– развитая форма познания — научное познание — также покоится на вере в некоторые эмпирические высказывания.

Вера — это то, что не имеет достаточных оснований (широко распространено в размышлениях философов о вере). При такой трактовке возникает определенное отрицательное отношение к феномену веры, стремление к ее полной элиминации из познавательной деятельности субъекта, а тем более из системы знания. Дж. Локк полагал, что вера стоит сама по себе и на своих собственных основаниях, и когда вера доведена до достоверности, она разрушается, тогда это уже более не вера, а знание.

Итак, и вера и знание имеют основания, но их основания раз-

личны, и это различие носит не просто частный характер и обоснования веры и знания противоположно направлены. Знание становится таковым в результате логического оформления, обоснования, проверки, доказательства достоверности и истинности, и лишь в таком качестве оно обретает не только когнитивную, но и социальную значимость, начинает функционировать в культуре, включаться в коммуникации и различные формы деятельности. Вера же базируется совсем на другом — на подтверждающем ее результаты опыте, на социальной санкции и общезначимости того, во что верят. Подтверждения этой позиции можно найти у И. А. Ильина в работе «Путь духовного обновления» (1935). Он называет «предрассудком», требующим критической переоценки, положение о том, что только знание обладает достоверностью, доказательностью, истинностью, а вера не более чем суеверие, или «вера всуе», напрасная и неосновательная. В доказанное не надо верить, оно познается и мыслится, верить же можно лишь в необоснованное, недостоверное. Отсюда отрицательное, пренебрежительное отношение к вере, требование «просвещения» и борьбы с суевериями. Он отличает настоящих ученых, которые не абсолютизируют результаты науки, прекрасно понимая, что многое из принимаемого за истинное знание не имеет окончательного обоснования и полной достоверности, от «полуобразованных» людей и «полунауки» (по Ф. М. Достоевскому). В последнем случае к науке относятся догматически, и «чем дальше человек стоит от научной лаборатории, тем более он иногда бывает склонен преувеличивать достоверность научных предположений и объяснений. Полуобразованные люди слишком часто верят в «науку» так, как если бы ей было все доступно и ясно». Настоящий ученый помнит о постоянном изменении картины мироздания, в чем убеждает история науки, он «духовно скромн» и, добиваясь максимальной доказательности и точности, помнит, что полной достоверности у науки нет, что нельзя переоценивать отвлеченные схемы и мертвые формулы, верить в них, а не в живую, бесконечно глубокую и изменчивую действительность.

Верования унаследованы как традиции, принимаются в готовом виде как «вера наших отцов», система прочных, принятых на веру объяснений и интерпретаций, «образов» реальности, действовавших в жизни предков. Среди самых значимых в европейской культуре является вера в разум и интеллект. Как бы она ни менялась и ни критиковалась, человек по-прежнему рассчитывает на действенность своего интеллекта, активно конституирующего жизнь. Если верования укорененно привычны, то сомнение не обладает подобной особенностью. *Сомнение* — это состояние беспокойства и неудовлетворенности, заставляющее действовать с целью его устранения, порождающее желание перейти к состоянию верования — спокойного и удовлетворенного.

Признание конструктивной роли веры в повседневности, в познавательной и преобразующей деятельности дает возможность по-другому оценить соотношение веры и сомнения в познании. Повидимому, нельзя однозначно решать вопрос в пользу сомнения, если даже речь идет о научном познании, широко использующем критико-рефлексивные методы. За этим, по сути дела, стоит вопрос о степени доверия убеждениям, интуиции ученого, его творческому воображению. Очевидно, что эти проблемы имеют не только эпистемологическое значение, но выходят и на важнейшие направления в других областях, например на создание когнитологии как науки о знании экспертов, а также когнитологических программ, в которых личностное профессиональное знание эксперта переводится в информацию для ЭВМ, сохраняющую индивидуальную окраску знания и интерпретации смыслов.

Субъект и объект познания: динамика их взаимоотношений

Любая деятельность как специфически человеческая форма активного отношения человека к миру представляет собой взаимодействие субъекта и объекта. *Субъект* — это носитель материальной и духовной деятельности, источник активности, направленной на объект.

Объект — то, что противостоит субъекту, на что направлена его деятельность. В отличие от объективной реальности объектом является лишь та ее часть, которая включена в деятельность субъекта. В процессе развития общественных отношений познавательная деятельность выделяется из материальной, практической деятельности, приобретает относительную самостоятельность; отношение «субъект-объект» выступает как отношение субъекта и объекта познания.

В разных философских учениях субъект и объект познания трактуются по-разному. В материализме XVII–XVIII вв. объект рассматривался как нечто, существующее независимо от субъекта, а субъект — как индивид, пассивно воспринимающий объект. Такая позиция характеризуется созерцательностью. В идеалистических системах субъект выступал как активное, творческое начало, под субъектом понималось или индивидуальное сознание, творящее объект в виде комбинаций (комплексов) ощущений (учения Беркли, Юма, эмпириокритицизма), или внечеловеческий субъект — Бог, мировой разум, творящий и познающий действительность. В системе Гегеля, например, исходным положением которой является тождество мышления и бытия, абсолютная идея (объективное мышление) оказывается и субъектом, и объектом познания. Существует теория бессубъектного познания, выдвинутая К. Поппером. Эта теория основана на его учении о третьем мире: первым миром является физический мир — мир физических состояний, вторым — психический мир, мир состояний сознания, третьим миром — мир научного знания, «мир объективного содержания мышления». Содержанием третьего мира, считает Поппер, являются теоретические системы, проблемы, аргументы, знания, содержащиеся в книгах, журналах и т. д. Третий мир возникает в результате взаимодействия физического и психического миров, его предпосылкой является язык, который превращает «мир объективного содержания мышления» в «субъективный дух», существующий независимо от первого и второго мира. Так как третий мир существует самостоятельно, а содержащиеся в нем знания объективны, не зависят

от субъекта, субъект из познавательной деятельности исключается. Познание оказывается бессубъектным. В теории Поппера поставлена важная проблема: если знание зависит от субъекта, оно не может быть объективным, а если оно объективно, тогда нужно отказаться от субъекта. Эта проблема может рассматриваться как проблема взаимодействия индивидуального и общественного субъекта. Идеи и теории приобретают самостоятельное существование в том смысле, что они перестают принадлежать выдвинувшим их людям. Они становятся достоянием общества (теории Дарвина, Эйнштейна и т. п.). Но дает ли это основание исключать субъект из познания?

Знание не является результатом деятельности индивидуального субъекта, изолированного от общества, оно невозможно без знаний, ставших общественным достоянием. Но с другой стороны, познание невозможно без субъекта, и этим субъектом является прежде всего человек, индивид, обладающий способностью познавать, наделенный сознанием и волей, вооруженный навыками и знаниями, выраженными в понятиях, категориях, теориях, зафиксированными в языке и передающимися из поколения в поколение («третий мир» Поппера). Гносеологический субъект имеет социальную природу, это общественный человек, усвоивший достижения материальной и духовной культуры, и в этом более широком смысле — субъект познания может рассматриваться как коллектив, социальная группа, общество в целом. Как универсальный гносеологический субъект общество объединяет субъекты всех уровней, всех поколений. Но оно осуществляет познание не иначе, как через познавательную деятельность индивидуальных субъектов.

Познание — это взаимодействие субъекта и объекта. Именно поэтому и познавательная деятельность, и ее результат содержат в себе и субъективное — то, что зависит от субъекта, и объективное, что определяется самим объектом и от субъекта не зависит. Субъективная сторона познания обусловлена тем, что познающий субъект — это не абстрактный человек (коллектив или общество), а конкретный субь-

ект, деятельность которого связана с определенными социальными отношениями, уровнем культуры.

Мировоззренческие и методологические установки, нравственные нормы и критерии оценки оказывают существенное влияние на познавательный процесс. Знания, навыки, установки — все то, чем «нагружен» субъект, составляют предпосылочное знание; оно предшествует познанию, является его условием. Предпосылочное знание может быть явным, когда оно логически оформлено и зафиксировано в языке (вербализовано), и неявным — неосознанным и невербализованным. Такое знание выражается в эмоциональных оценках, интуитивно-художественных образах и т. п. Английский философ и ученый М. Полани выдвинул концепцию личностного знания. Это знания индивидуального субъекта, содержащие явные и неявные компоненты, приобретенные путем непосредственных личных контактов (например, в научном сообществе), практических действиях, в совместной работе. В научной деятельности неявное личностное знание включено в теоретическую Деятельность ученого и проявляется в его навыках, искусстве экспериментирования и т. п.

Включение в познавательный процесс предпосылочного знания преодолевает понимание субъекта как гносеологическую абстракцию, не зависящую от конкретных социокультурных условий, достигнутых знаний и других обстоятельств. Однако не следует и преувеличивать роль этого знания, что характерно для представителей некоторых течений философии. Как универсальный субъект общество осуществляет все виды деятельности, одним из видов которой является познание.

Диалектика соотношения субъекта и объекта характеризуется двумя тенденциями: в *экстенсивном плане* постоянно увеличивается количество объектов, вовлекаемых в познавательный процесс, а в *интенсивном* — происходит ускоренное проникновение вглубь, в более тонкие структуры исследуемых феноменов. Масштаб охвата и глубина освоения мира человеческим сознанием сопровождается (пусть и не синхронно) совершенствованием и самого субъекта, изме-

нением его образа жизни и позиций в мироздании. Кроме того, человек и сам себя делает объектом изучения.

Основные формы познания:

чувственное, рациональное, интуитивное и их возможности

Познавательную деятельность человека можно рассматривать в трех аспектах: чувственном, рациональном и иррациональном. Чувственное познание (или чувственная познавательная деятельность) — это форма познавательной деятельности человека, в рамках которой необходимо функционирование органов чувств, нервной системы, мозга, благодаря чему возникают ощущение и восприятие материальных объектов. Главными элементами чувственного познания является ощущение, восприятие, представление. Ощущение выступает субъективным, идеальным образом предмета, поскольку отображает действие предмета сквозь «призму» человеческого сознания. Ощущение лежит в основе фиксирования объективной системы отношений, в которые реально включен человек. Восприятие — это получение целостного образа материального предмета благодаря наблюдению. Работа механизмов восприятия позволяет нашей памяти удерживать целостный образ предмета и тогда, когда предмет непосредственно нам не дан. В этом случае функционирует еще более сложная форма чувственного познания — представление. Следует также указать, что реакцией на результаты чувствительного познания могут быть эмоции (гнев, страх, любовь). Рациональное, познание — это форма познавательной деятельности, которая признает силу разума, рассматривает мышление как необходимость, предполагает рефлекссию, связанную со словом.

Рациональное познание осуществляется в таких формах логического мышления, как понятия, суждения и умозаключения. *Понятие* — исходная форма мышления, отражающая существенные характеристики вещей и процессов и выраженная словом. *Суждение* — форма мышления, посредством которой что-либо утверждается или

отрицается относительно определенных событий. Суждение — связь понятий. *Умозаключение* — такая форма мышления, при которой сочетание нескольких суждений приводит к появлению нового знания.

К числу важных элементов рационального познания относятся объяснение и понимание. Понимание — это не единичный акт, а достаточно продолжительный и сложный процесс, который включает такие процедуры: 1) интерпретация (первоначальное предоставление информации о смысле); 2) реинтерпретация (уточнение и изменение смысла и значения); 3) конвергенция (объединение разрозненных значений и смыслов); 4) дивергенция (разъединение единого смысла на отдельные «подсмыслы»); 5) конверсия (качественное изменение значения и смысла, их радикальное преобразование). Таким образом, процесс понимания состоит из операций, которые обеспечивают преобразование информации при переходе от незнания к знанию. Главной задачей объяснения выступает раскрытие сущности предмета, который исследуется путем: 1) выявления законов его существования и изменения; 2) выявления причин его возникновения; 3) анализа противоречий его развития. Иррациональное познание — такая форма познавательной деятельности, которая осуществляется с помощью головного мозга на основе особых биосоциальных закономерностей, действующих независимо от воли и сознания человека. Примером иррационального познания может быть интуиция. Интуитивное познание не предполагает ни логического доказательства, ни логического опровержения и возникает путем взаимодействия и взаимовлияния сознательного и бессознательного. Интуитивное познание входит в систему научного познания даже в естественных науках, в которых властвуют радикально рациональные критерии. Это выражается при становлении разнообразных постулатов, аксиом, обобщении эмпирических данных опыта; такой способ познания необходим в процессе поиска выхода из любого, даже простейшего, лабораторного эксперимента, который по своей природе ограничен в форме суждения о его достаточной доказанности для представленного вывода: сколько бы раз ни проводился эксперимент, наступает момент,

когда экспериментатор провозглашает: «Довольно, я уверен, что вывод правильный», хотя логически такая уверенность не является доказанной. Таким образом, интуитивное познание может рассматриваться как процесс постижения истины в интеллектуальном, эмоциональном, мистическом смыслах путем ее непосредственного видения, минуя рефлексию. Элементы интуиции присущи и творческому процессу, например, в поиске нестандартных решений определенной проблемы, когда отсутствуют логические построения и системный анализ, и могут проявляться в научном, художественном, техническом творчестве.

Достоинство логического познания выражается прежде всего в его способности выявлять общие, существенные, глубоко упрятанные и не данные в чувственном опыте характеристики природного и социального бытия. Однако умозрение может оторваться от реальности, превратившись в спекулятивное, искусственное и бесплодное конструирование. Так, математическая система может быть безупречной и в то же время бессодержательной, утратившей какое-либо отношение к конкретным явлениям. «Евклидова геометрия, — говорил А. Эйнштейн, — если ее рассматривать как математическую систему, является лишь игрой пустых понятий (прямые, плоскости, отрезки и т. д.) — все это лишь «химеры». Если же к этому добавить, что прямая заменяется твердым стержнем, то геометрия превращается в физическую теорию, и ее теоремы, например, теорема Пифагора, наполняется реальным содержанием... Геометрия может быть истинной или ложной в зависимости от того, насколько верно она отражает проверяемые соотношения между данными нашего опыта». Чувственное познание имеет свои преимущества: непосредственный живой контакт субъекта и объекта, неоднократность проверки и перепроверки данных опыта, наглядность и доступность предметных областей изучения. К его недостаткам можно отнести: излишний субъективизм, ограниченность и поверхностность получаемых знаний. Интуитивное познание — своеобразный синтез чувственного и логического. Что нам дает уверенность в адекватности, правильности складывающихся знаний? Почему ка-

кие-либо исходные положения принимаются нами как безусловные, как верные? Ведь любой опыт ограничен и не дает всеобщей значимости... Ответ — внелогическое, интуитивное усмотрение! Для него характерно: прямое и панорамное видение истины, не опирающееся на доказательство, предвосхищение, угадывание результата и выбор из множества фактов и доводов наиболее обоснованного. А. Эйнштейн писал: «Высшая задача физики состоит в открытии наиболее общих элементарных законов, из которых можно было бы логически вывести картину мира... Единственным способом их постижения является интуиция». Однако следует подчеркнуть, что инсайт, внутреннее озарение должны в дальнейшем найти все равно логическое обоснование и быть апробированы практикой. Полнота познания, следовательно, достигается оптимальным сочетанием всех основных его форм, хотя у разных субъектов свои склонности и предпочтения. Познание мира идет от чувственного опыта к интуитивным обобщениям и формированию абстракций, а затем через логические умозаключения вновь к опыту, но обогащенному практической проверкой и практическим приложением.

Проблема истины и ее критериев.

Истина и заблуждение, истина и правда

Истина — процесс и результат прогрессирующего соответствия наших знаний действительности. Она являет собой сложное и противоречивое единство таких черт, как субъективность и объективность, относительность и абсолютность, абстрактность и конкретность, т. е. их органический синтез.

Субъективность истины означает ее зависимость, производность от субъекта. Это выражается в следующем: истина — не существует до и вне человека и его сознания; истина имеет возраст, ибо она была когда-то открыта; у истины есть автор, который впервые ее высказал; одну и ту же истину можно выразить во множестве форм и модификаций; истина всегда эмоционально окрашена, у нее разная ценность и к ней разное отношение.

Объективность — это такое содержание наших знаний, которое не зависит от субъекта, от человека и человечества, но обусловлено самой природой объекта.

Относительность истины — ее характеристика со стороны открытости, приблизительности, неопределенности, неполноты, незавершенности, изменчивости, ограниченности, размытости, аморфности, нечеткости, неоднозначности воспроизведения свойств объекта.

Абсолютность истины — полное, окончательное, завершенное, незыблемое, исчерпывающее знание о всем составе реальности в настоящем, прошлом и будущем. Ясно, что таково рода знание недостижимо на каждом этапе развития познания и может быть лишь идеалом, к которому следует стремиться. Но если под абсолютностью истины понимать точное, однозначное, неопровержимое, непреходящее знание об определенных классах свойств связей и отношений бытия, то она вполне возможна.

Абстрактность истины — фиксация лишь узкого спектра количественно-качественных сторон изучаемого объекта без исследования остальных его свойств.

Конкретность истины означает ее зависимость от условий места и времени, в которых существует и развивается данное явление, а также контекста, в лоне которого осуществляется определенное высказывание и формируется позиция самого субъекта познания. Кроме того, конкретность истины предполагает учет всех факторов исследуемого процесса, т. е. его целостность как единства многих определений в их субординированной взаимосвязи. В этом смысле конкретность истины — своеобразная сверхцель познания.

Абсолютизация субъективности, относительности и абстрактности истины приводит к **релятивизму** и отрицанию познаваемости мира; абсолютизация объективности, абсолютности и конкретности — к **догматизму**, консервации, застойности человеческой мысли и ликвидации стимула к творческому интеллектуальному развитию. Обе крайности одинаково непродуктивны и — более того — опасны. Вы-

вод: никогда истина не будет только объективной, только абсолютной, только конкретной, но это не означает отсутствия магистральной восходящей тенденции приближения к этому состоянию на каждом новом этапе познавательного процесса.

Но человечество редко достигает истины иначе, как через крайности и заблуждения. Заблуждение — это содержание сознания, не соответствующее реальности, но принимаемое за истинное. Заблуждения тоже отражают объективную действительность, имеют реальный источник. Заблуждения обусловлены и относительной свободой выбора путей познания, сложностью решаемых проблем, стремлением к реализации замыслов в ситуации неполной информации. Но заблуждения следует отличать от лжи как нравственно-психологического феномена. Ложь — это искажение действительного состояния дел, имеющее целью ввести кого-то в обман. Ложью может быть как измышление о том чего не было, так и сознательное сокрытие того, что было. Источником лжи может быть и логически неправильное мышление. Ошибки нередко совершаются в ходе наблюдения, измерения, расчетов, суждений, оценок. Гораздо сложнее все в общественных науках, в частности в истории. Тут и доступность источников, и их достоверность, и политика. Истина исторична. Понятие конечной или неизменной истины — всего лишь призрак. Любой объект познания — неисчерпаем, он меняется, обладает множеством свойств и связан бесконечным числом связей с окружающим миром. Каждая ступень познания ограничена уровнем развития общества, науки.

Истина не в гносеологическом, а экзистенциальном значении определяется понятием «правда». *Правда* — это истина, сопряженная с поиском и обретением смысла жизни, знание, добытое собственными размышлениями и основанное на выстраданном опыте собственного индивидуального бытия. Она есть выражение верности внутренним убеждениям. Жить по правде — жить по своей «мерке», самостояние перед вечностью. А *кривда* — неподлинное бытие, измена своему предназначению как духовно-нравственному существу. Со-

гласно В. И. Далю, правда — «истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость... Честность, неподкупность, добросовестность... Праведность, законность, безгрешность». Несмотря на общеобязательность и общезначимость истин для всех, у каждого человека своя правда, что может привести к серьезным межличностным столкновениям, если фанатично рассматривать индивидуальную точку зрения в качестве единственно правильной, отбрасывая другие как заведомо неприемлемые.

Позволим себе проиллюстрировать данную мысль фрагментом стихотворения А. К. Толстого «Правда»:

Выезжало семеро братиев,
Семеро выезжало добрых молодцов,
Посмотреть выезжали молодцы,
Какова она, правда, на свете живет?
А и много про нее говорено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано.

Поскакали добры молодцы,
Все семеро братьев удалых,
И подъехали к правде со семи концов,
И увидели правду со семи сторон.

Посмотрели добры молодцы,
Покачали головами удалыми
И вернулись на свою родину,
Всяк рассказывал правду по-своему
Кто горой называл ее высокою,
Кто городом людным торговым,
Кто морем, кто лесом, кто степию.

И поспорили братья промеж собой,
И вымали мечи булатные,
И рубили друг друга до смерти,

И, рубяся, корились, ругались,
И брат брата звал обманщиком.
Наконец полегли до единого
Все семеро братьев удалых;
Умирая ж, каждый сыну наказывал,
Рубитися наказывал до смерти,
Полегли за правду за истину;
То ж и сын сыну наказывал,
И доселе их внуки рубятся,
Все рубятся за правду за истину,
На великое себе разорение.

А сказана притча не в осуждение,
Не в укор сказана — в поучение,
Людям добрым в уразумение.

Разные трактовки истины определяют собой и специфические ее критерии.

Если теория *корреспондентской* истины исходит из принципа *соответствия* тех или иных утверждений объективной действительности и критерием ее выступает практика во всех видах, то сторонники *когерентной* концепции истинными считают такие высказывания, которые получены на основе соблюдения определенных формально-логических правил и которые выведены из других предложений, ранее признанных достоверными. Здесь критерий истины — логическая доказательность. Последователи *прагматического* варианта истинность знания обосновывают его полезностью, эффективностью, успешностью применения. Я признаю за слушателями и читателями право сопоставить эти три точки зрения и самостоятельно выбрать, взвесив все за и против, наиболее аргументированную.

(При подготовке данного текста автор учитывал работы В. П. Кохановского, Г. Д. Левина и В. А. Лекторского).

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

1. СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ, СТРУКТУРА И СООТНОШЕНИЕ ЕГО УРОВНЕЙ
2. МЕТОДЫ И ФОРМЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ
3. ДИНАМИКА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Специфика научного познания, структура и соотношение его уровней.

Научное познание в гносеологическом плане есть сложный противоречивый процесс воспроизводства знаний, образующих целостную развивающуюся систему понятий, теорий, гипотез, законов и других идеальных форм, закрепленных в языке — естественном или — что более характерно — искусственном (математическая символика, химические формулы и т. п.). Научное знание не просто фиксирует свои элементы, но непрерывно воспроизводит их на своей собственной основе, формирует их в соответствии со своими нормами и принципами. В развитии научного познания чередуются революционные периоды, так называемые научные революции, которые приводят к смене теорий и принципов, и эволюционные, спокойные периоды, на протяжении которых знания углубляются и детализируются. Процесс непрерывного самообновления наукой своего концептуального арсенала — важный показатель научности.

В процессе научного познания применяются такие специфические материальные средства как приборы, инструменты, другое так называемое «научное оборудование», зачастую очень сложное и дорогостоящее (синхрофазотроны, радиотелескопы, ракетно-космическая техника и т. д.). Кроме того, для науки в большей мере, чем для других форм познания характерно использование для исследования своих объектов и самой себя таких идеальных (духовных) средств и методов, как современная логика, математические методы, диалектика, системный,

гипотетико-дедуктивный и другие общенаучные приемы и методы.

Вместе с тем здесь немало гипотез, догадок, предположений, вероятностных суждений и т. п. Вот почему тут важнейшее значение имеет логико-методологическая подготовка исследователей, их философская культура, постоянное совершенствование своего мышления, умение правильно применять его законы и принципы.

В современной методологии выделяют различные уровни критериев научности, относя к ним, кроме названных, такие как внутренняя системность знания, его формальная непротиворечивость, опытная проверяемость, воспроизводимость, открытость для критики, свобода от предвзятости, строгость и т. д. В других формах познания рассмотренные критерии могут иметь место (в разной мере), но там они не являются определяющими.

Особенность научного познания составляют следующие признаки:

– **объективность** — исключение предвзятости, произвола, субъективизма, т. е. всяких искажающих действительность воздействий;

– **обоснованность** и **доказательность** — принятие тех или иных положений за истину, исходя не из веры, авторитета или изящества искусственных построений, а из принципа достаточного основания, действенность которого обусловлена критической способностью самого разума (рациональностью), соответствием логическим принципам мышления;

– направленность на **отражение законов** и доминирующих тенденций развития природных, социальных и культурных феноменов;

– **системность** добываемого знания как его структурированность по строгим нормам и правилам, признанным за эталон научным сообществом;

– **воспроизводимость** — возможность многократного получения определенного результата в серии опытных и логических процедур;

– **проверяемость** — принципиальная доступность подтвердить или опровергнуть высказанные утверждения на предмет их научной значимости;

– **эвристичность** — способность обретения нового знания в виде следствий из содержания имеющихся посылок и предсказания еще не открытых свойств, связей и отношений объектов;

– **экстраполируемость** — распространение данного результата на все явления соответствующей предметной области;

– **прагматичность** — применимость полученных знаний в различных сферах жизнедеятельности общества;

– **прогностичность** — создание адекватных теоретических моделей и сценариев будущего;

– **экспертность** — активное привлечение к выработке взвешенных и доказательных оценок возможной осуществимости различных проектов и программ;

– **критичность** — готовность к развитию, к пересмотру системы устоявшихся взглядов и представлений по мере накопления новых фактов.

Каковы же **функции** научного познания в жизни общества? Они таковы: производство теоретического знания, фактор формирования мировоззрения и культуры личности, основа совершенствования техники и технологии, предпосылка социального регулирования и рационального управления общественными процессами, необходимое условие разрешения глобальных проблем современности, умножение творческих ресурсов общества посредством превращения науки в непосредственную производительную силу, проектно-конструктивная направленность на создание качественно новых технических систем, не наносящих вред перспективам развития Homo Sapiens.

Научное познание имеет весьма сложную структуру, включающую в себя:

1) **субъект науки** — отдельный исследователь, научный коллектив, научное сообщество — этос. Научная деятельность требует отбора и специальной подготовки, осуществляемой посредством целой сети образовательных учреждений, в лоне которых индивид усваивает интеллектуально-культурный материал, систему мировоззренческих ценностей,

нравственных ориентации и целевых установок.

2) **объект науки** — то, что изучает конкретная наука. Различные науки об одном и том же объекте имеют, тем не менее, свои **предметы** (аспекты) познания. Так, общество как общий объект исследуется историей, экономикой, социологией, политологией и другими дисциплинами в определенных диапазонах (как предмет).

3) **методы** и приемы, характерные именно для данной науки.

4) **своеобразный язык** — как естественный, так и искусственный.

5) **формы упорядочивания научной информации** (факт, проблема, гипотеза, теория, научная картина мира).

6) **идеалы, нормы и стили** научного познания.

7) **философские основания**.

В ходе эволюции научного познания, особенно при переходе от одного этапа к другому во времена научных революций значительно меняется содержание и соотношение указанных элементов системы. Это можно проиллюстрировать хотя бы на примере смены типов научной рациональности. **Классический** тип характеризовался нацеленностью на объект при максимальной элиминации какого-либо влияния на него со стороны субъекта, способов его деятельности. Познание осуществляется в парадигме жестких причинно-следственных отношений и в режиме монолога. **Неклассический** тип научной рациональности уже учитывает связь между знаниями об объекте и характером средств и операций, используемых субъектом. А **постнеклассический** — соотносит получаемые знания об объекте не только с особенностями способов его обретения, но и с ценностно-целевыми структурами самого сознания субъекта, а также вненаучными и социально-мировоззренческими контекстами.

История знает множество попыток систематизации и классификации научного знания (Аристотель, Бэкон, Гегель, Энгельс, Конт, Дильтей, Виндельбанд, Риккерт, Вернадский, Степин и др.).

В основу их предлагались различные критерии: связь с философией, предмет и метод, полезность, познавательные способности че-

ловека, принцип историчности и развития, форма движения материи, жизнь природы и жизнь людей, исторические и естественные. Сегодня наиболее распространено деление наук на четыре больших группы: *естественные* (о природе), *технические* как связующее звено между естествознанием и производством, *социально-гуманитарные* (об обществе и человеке) и *о самом познании* (логика, гносеология, эпистемология, методология).

Долгое время анализ науки и научного познания моделировался по естественно-математическим методам познания. Его характеристики приписывались науке в целом как таковой, о чем наглядно свидетельствовал позитивизм. В последние годы резко возрос интерес к социальному (гуманитарному) познанию. Когда речь заходит о социальном познании как одном из своеобразных видов научного познания, то следует иметь в виду два его аспекта:

1) любое познание в каждой из своих форм всегда социально, потому что представляет собой общественный продукт и детерминировано культурно-историческими причинами;

2) один из видов научного познания, который имеет своим предметом социальные (общественные) явления и процессы — общество в целом или его отдельные стороны: экономику, политику, духовную сферу и др.

При исследовании недопустимо как сведение социальных явлений к природным (попытки объяснить общественные процессы только законами естествознания), так и противопоставление природного и социального, вплоть до полного их разрыва. В первом случае социально-гуманитарное знание отождествляется с естественно-научным и механически, некритически сводится (редукция) к нему. Это натурализм, выступающий в формах механицизма, физикализма, биологизма и др. Во втором случае налицо противопоставление естествознания и наук о культуре, сопровождаемое нередко дискредитацией «точных» наук («гуманитаристика»).

Оба типа наук — ветви науки как целого, характеризующиеся

единством и различием. Каждая из них, при тесной взаимосвязи, имеет свои особенности. Специфика социального (гуманитарного) познания проявляется в следующем:

1) Его предмет — «мир человека», а не просто вещь как таковая. А это значит, что данный предмет имеет субъективное измерение, в него включен человек как «автор и исполнитель своей собственной драмы», он же и ее исследователь. Гуманитарное познание имеет дело не с реальными вещами и их свойствами, а с отношениями людей. Тут тесно переплетается материальное и идеальное, объективное и субъективное, сознательное и стихийное и т. п. Здесь сталкиваются интересы и страсти, ставятся и реализуются определенные цели и т. д.

Поскольку общество — деятельность людей, постольку социальное познание исследует ее многообразные формы, а не природу. Обнаружение законов этой деятельности есть вместе с тем открытие законов общества и, на этой основе, законов и принципов самого познания, мышления.

2) Социальное познание неразрывно и постоянно связано с предметными (оценка явлений с точки зрения добра и зла, справедливого и несправедливого и т. п.) и «субъективными» (установки, взгляды, нормы, цели и т. п.) ценностями. Они определяют человечески весомое и культурное значение определенных явлений действительности. Таковы, в частности, политические, мировоззренческие, нравственные убеждения человека, его привязанности, принципы и мотивы поведения и т. д. Все указанные и им подобные моменты входят в процесс социального исследования и неизбежно сказываются на содержании получаемых при этом знаний.

3) Характерной чертой социального познания является его преимущественная ориентация на «качественную окраску событий». Здесь явления исследуются главным образом со стороны качества, а не количества. Поэтому удельный вес количественных методов в гуманитарных науках намного меньше, чем в науках естественно-

математического цикла, хотя их применение становится все более широким. При этом главное внимание уделяется анализу единичного, индивидуального, но на основе общего, закономерного.

4) В социальном познании нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами, ни тем более сложнейшим техническим оборудованием. Все это должна заменить сила абстракции. Поэтому здесь исключительно велика роль мышления, его форм, принципов и методов. Если в естествознании формой постижения объекта является монолог (ибо природа «молчит»), то в гуманитарном познании — это диалог (личностей, текстов, культур и т. п.). Диалогическая природа социального познания наиболее полно выражается в процедурах понимания. Оно как раз и является погружением в «мир смыслов» другого человека, постижением и истолкованием (интерпретацией) его чувств, мыслей и стремлений. Понимание как приобщение к смыслам человеческой деятельности и как смыслообразование тесно связано с самопониманием и происходит в условиях общения людей.

5) В силу указанных выше обстоятельств в социальном познании исключительно важную роль играет «хорошая» философия и верный метод. Их глубокое знание и умелое применение позволяют адекватно постигать сложный, противоречивый, сугубо диалектический характер социальных явлений и процессов, природу мышления, его форм и принципов, их пронизанность ценностно-мировоззренческими компонентами и их влияние на результаты познания, смысло-жизненные ориентации людей, особенности диалога (немыслимого без постановки и разрешения противоречий-проблем) и т. д. Это тем более важно еще и потому, что для социального познания характерны отсутствие общепризнанных парадигм (ведущее зачастую к «теоретическому анархизму»), подвижность и расплывчатость его эмпирического базиса, сложная природа теоретических обобщений (связанная прежде всего с включенностью в них ценностных компонентов и «личных модальностей»).

В научном познании целесообразно выделять три уровня: эмпирический, теоретический и метатеоретический. *На эмпирическом уровне* объект изучается со стороны его внешних свойств, доступных чувственному созерцанию, а логической формой выражения знаний здесь является отдельно взятое суждение. Эмпирическое исследование базируется на непосредственной взаимосвязи субъекта и объекта, и формулируемые выводы поддаются наглядной проверке в рамках конкретного опыта, отражающего процессы и состояния в аспекте явления, а не эссенции. При этом конкретный результат подводят под уже сложившийся устойчивый понятийный аппарат. Эмпирическое знание — исторически исходная ступень формирования науки и оно добывается специфическими методами: наблюдение, эксперимент, описание, измерение и т. п. *На теоретическом уровне* объект исследуется со стороны его внутренних структур, недоступных и часто противоречащих чувственному восприятию, а формой аккумуляции знаний выступает система субординированных суждений, воспроизводящих необходимые, инвариантные, существенные связи и отношения действительности. Субъект соотносится с объектом опосредованно как с идеальной моделью, и утверждения теоретического уровня сопоставляются с результатами наблюдений не прямо, а через включение в контекст определенной концептуальной схемы, причем происходит изменение и углубление содержания основных понятий данной области знаний. Теоретический уровень характеризует более поздний и более зрелый этап развития научного познания. *Метатеоретический уровень* определяется исследованием связей, охватывающих собой весь состав научной деятельности в ее преемственности и развитии и формирующих предпосылки и условия существования знания в статусе научного. Он содержит в себе такие структурные элементы научного творчества, как философско-культурные основания науки, типы научной рациональности, идеалы, нормы и критерии научности, этические принципы профессиональной деятельности, рефлекссию, осмысление перспектив развития и роли науки в жизни общества во всем противоречивом комплексе ее проявлений.

Стоит заметить, что в науковедческих работах чаще всего фиксируют лишь два уровня: эмпирический и теоретический, различие и взаимосвязь которых освещена наиболее полно.

Выделяя в научном исследовании указанные два различных уровня, не следует, однако, их отрывать друг от друга и противопоставлять. Ведь эмпирический и теоретический уровни познания взаимосвязаны между собой. Эмпирический уровень выступает в качестве основы, фундамента теоретического. Гипотезы и теории формируются в процессе теоретического осмысления научных фактов, статистических данных, получаемых на эмпирическом уровне. К тому же теоретическое мышление неизбежно опирается на чувственно-наглядные образы (в том числе схемы, графики и т. п.), с которыми имеет дело эмпирический уровень исследования.

Эмпирическое исследование стимулирует теоретическое познание, ставит перед ним новые более сложные задачи. С другой стороны, теоретическое познание, развивая и конкретизируя на базе эмпирии новое собственное содержание, открывает новые, более широкие горизонты для эмпирического познания, ориентирует и направляет его в поисках новых фактов, способствует совершенствованию его методов и средств и т. п.

В свою очередь, эмпирический уровень научного познания не может существовать без достижений теоретического уровня. Эмпирическое исследование обычно опирается на определенную теоретическую конструкцию, которая определяет направление этого исследования, обуславливает и обосновывает применяемые при этом методы.

Согласно К. Попперу, является абсурдной вера в то, что мы можем начать научное исследование с «чистых наблюдений», не имея «чего-то похожего на теорию». Поэтому некоторая концептуальная точка зрения совершенно необходима. Наивные же попытки обойтись без нее могут, по его мнению, только привести к самообману и к некритическому использованию какой-то неосознанной точки зрения.

Эмпирические и теоретические уровни познания взаимосвя-

заны, граница между ними условна и подвижна. В определенных точках развития науки эмпирическое переходит в теоретическое и наоборот. Однако недопустимо абсолютизировать один из этих уровней в ущерб другому.

Эмпиризм сводит научное познание как целое к эмпирическому его уровню, принижая или вовсе отвергая теоретическое познание, «схоластическое теоретизирование» игнорирует значение эмпирических данных, отвергает необходимость всестороннего анализа фактов как источника и основы теоретических построений, отрывается от реальной жизни. Его продуктом являются иллюзорно-утопические, догматические построения.

Следует также напомнить о недопустимости отождествления эмпирического познания с чувственным, а теоретического — с рациональным. Во-первых, «эмпирическое» и «теоретическое» — это основные уровни научного познания, в то время как чувственное и логическое — это формы любого познавательного процесса. Во-вторых, на всех уровнях научного познания активно используются все формы познания (и чувственное, и интуитивное, и логическое). Уместно лишь говорить о доминировании, о преобладании тех или иных на определенной фазе научного освоения реальности.

Методы и формы научного познания и их классификация

Понятие *метод* (от греческого слова «методос» — путь к чему-либо) означает совокупность приемов и операций практического и теоретического освоения действительности.

Метод вооружает человека системой принципов, требований, правил, руководствуясь которыми он может достичь намеченной цели. Владение методом означает для человека знание того, каким образом, в какой последовательности совершать те или иные действия для решения тех или иных задач, и умение применять это знание на практике.

«Таким образом, метод (в той или иной своей форме) сводится к со-

вокупности определенных правил, приемов, способов, норм познания и действия. Он есть система предписаний, принципов, требований, которые ориентируют субъекта в решении конкретной задачи, достижении определенного результата в данной сфере деятельности. Он дисциплинирует поиск истины, позволяет (если правильный) экономить силы и время, двигаться к цели кратчайшим путем. Основная функция метода — регулирование познавательной и иных форм деятельности» («Философия» под ред. Кохановского В. П. Ростов-Н/Д 2000).

Учение о методе начало развиваться еще в науке Нового времени. Ее представители считали правильный метод ориентиром в движении к надежному, истинному знанию. Так, видный философ XVII в. Ф. Бэкон сравнивал метод познания с фонарем, освещающим дорогу путнику, идущему в темноте.

Существует целая область знания, которая специально занимается изучением методов и которую принято именовать методологией. Изучая закономерности человеческой познавательной деятельности, методология вырабатывает на этой основе методы ее осуществления. Важнейшей задачей методологии является изучение происхождения, сущности, эффективности и других характеристик методов познания.

Методы познания могут классифицироваться по разным основаниям деления.

I. По точности предсказаний: детерминистские, стохастические (вероятностно-статистические).

II. По функциям, осуществляемым в процессе познания: методы систематизации, методы объяснения, методы предсказания.

III. По конкретным областям исследования: физические, биологические, социальные и т. д.

IV. По степени их общности, т. е. по широте применимости в процессе научного исследования. Рассмотрим подробнее именно эти методы.

Всеобщих методов в истории познания известно два: *диалектический* и *метафизический*. Это общефилософские методы. Ме-

тафизический метод с середины XIX века начал все больше и больше вытесняться из естествознания диалектическим методом.

I. *Философские методы*, среди которых важную роль играет диалектика, метафизика, феноменология, герменевтика и др. Говоря о роли философии (независимо от ее формы) в научном познании, следует указать на две крайние модели, которые сложились в решении этого очень сложного вопроса:

1) Умозрительно-философский подход (натурфилософия, философия истории и т. п.), суть которого — прямое выведение исходных принципов научных теорий непосредственно из философских принципов, помимо анализа специального материала данной науки.

2) Позитивизм, согласно которому «наука сама себе философия». Роль философии в частнонаучном познании либо абсолютизируется (в первой модели), либо принижается или даже вовсе отвергается (во второй модели).

История познания и самой философии показывает, что ее воздействие на процесс развития науки и ее результаты выражаются в следующих основных моментах:

а) философия влияет на научное познание так или иначе на всех его стадиях, но более всего — при построении теорий (особенно фундаментальных);

б) воздействие всеобщих философских принципов на процесс научного исследования всегда осуществляется не прямо и непосредственно, а сложным опосредованным путем — через методы, формы и концепции нижележащих методологических уровней;

в) философские методы не всегда дают о себе знать в процессе исследования в явном виде, они могут учитываться и применяться либо стихийно, либо сознательно. Но в любой науке есть элементы всеобщего значения (например законы, категории, понятия, причины и т. д.), которые и делают всякую науку «прикладной логикой»;

г) принципы философии реально функционируют в науке в виде всеобщих регулятивов, универсальных норм, образующих в своей со-

вокупности методологическую программу самого «верхнего» уровня. Данная программа должна быть лишь общим руководством для исследования;

д) философия разрабатывает всеобщие картины мира, модели реальности, сквозь призму которых ученый смотрит на предмет исследования, выбирает всеобщие познавательные средства, категории, принципы, формы, определенные мировоззренческие и ценностные установки (особенно в гуманитарных науках), вооружается знанием общих закономерностей самого процесса познания, учением об истине и путях ее достижения, о необходимости преодоления заблуждений и т. п.;

е) существенное влияние на развитие научного познания философия оказывает своей «умозрительно-прогнозирующей» функцией. В рамках философии вырабатываются идеи, принципы, представления и т. п., значимость которых обнаруживается лишь на будущих этапах эволюции познания через сотни и тысячи лет (идеи античной атомистики, гегелевский аппарат диалектики и пр.);

ж) философско-методологические принципы в их единстве выполняют в ряде случаев функции вспомогательного, производного от практики критерия истины. Они не заменяют практику как решающий критерий, но дополняют его, особенно когда обращение к ней в силу ряда обстоятельств невозможно, а порой и нецелесообразно;

з) интегративная (синтетическая) функция — одна из важнейших для философии. Она дает системное, целостное обобщение и синтез (объединение) разнообразных форм познания, практики, культуры — всего опыта человечества в целом;

и) в своей критической функции философия ориентирована на все сферы человеческой деятельности — не только на познание, но и на практику, на социальные отношения людей;

к) реализация философских принципов в научном познании означает вместе с тем их переосмысление, углубление, развитие. Тем самым путь реализации функций философии есть не только способ

решения фундаментальных проблем развития науки, но и способ развития самой философии, всех ее идей и воззрений.

II. **Общенаучные подходы и методы исследования**, которые получили широкое развитие и применение в науке XX в. Они выступают в качестве своеобразной промежуточной методологии между философией и фундаментальными теоретико-методологическими положениями специальных наук. К общенаучным чаще всего относят такие понятия, как «информация», «модель», «изоморфизм», «структура», «функция», «система», «элемент», «оптимальность», «вероятность» и др.

На основе общенаучных понятий и концепций формулируются соответствующие методы и принципы познания, которые и обеспечивают связь и оптимальное взаимодействие философии со специально-научным знанием и его методами. К числу общенаучных принципов и подходов, относятся системный и структурно-функциональный, кибернетический, синергетический, вероятностный, моделирование, формализация и др.

В структуре общенаучных методов и приемов чаще всего выделяют 6 уровней:

- методы эмпирического исследования;
- методы теоретического познания;
- методы метатеоретического познания;
- общелогические методы и приемы исследования;
- междисциплинарные и дисциплинарные методы.

Рассмотрим кратко суть этих методов, приемов и операций.

Методы эмпирического исследования.

а) **Наблюдение** — целенаправленное созерцание предметов, опирающееся в основном на данные органов чувств;

б) **Эксперимент** — активное и целенаправленное вмешательство в протекание изучаемого процесса, соответствующее изменение объекта или его воспроизведение в специально созданных и контролируемых условиях.

в) **Сравнение** — познавательная операция, выявляющая сходст-

во или различие объектов (либо ступеней развития одного и того же объекта).

г) **Описание** — познавательная операция, состоящая в фиксации результатов опыта (наблюдения или эксперимента) с помощью определенных систем обозначения, принятых в науке.

д) **Измерение** — совокупность действий, выполняемых при помощи средств измерений с целью нахождения числового значения измеряемой величины в принятых единицах измерения.

Следует подчеркнуть, что методы эмпирического исследования никогда не реализуются «вслепую», а всегда «теоретически нагружены», направляются определенными концептуальными идеями. Так, И. П. Павлов писал о необходимости наличия какого-либо общего представления о предмете, для того чтобы было на что цеплять факты. Однако задачи науки никак не сводятся только к сбору фактического материала. По А. Пуанкаре, наука слагается из фактов, как дом из кирпичей, но и голое накопление фактов — это еще не наука, точно так же как куча камней — это еще не дом.

Методы теоретического познания.

а) **Формализация** — отображение содержательного знания в знаково-символическом виде (формализованном языке). Последний создается для точного выражения мыслей с целью исключения возможности для неоднозначного понимания. При формализации рассуждения об объектах переносятся в плоскость оперирования со знаками (формулами);

б) **Аксиоматический метод** — способ построения научной теории, при котором в ее основу кладутся некоторые исходные положения — аксиомы (постулаты), из которых все остальные утверждения этой теории выводятся чисто логическим путем, посредством доказательства. Для вывода теорем из аксиом (и вообще одних формул из других) формулируются специальные правила вывода;

в) **Гипотетико-дедуктивный метод** — метод научного познания, сущность которого заключается в создании системы дедуктивно свя-

занных между собой гипотез, из которых, в конечном счете, выводятся утверждения об эмпирических фактах. Тем самым этот метод основан на выведении (дедукции) заключений из гипотез и других посылок, истинностное значение которых неизвестно. А это значит, что заключение, полученное на основе данного метода, неизбежно будет иметь лишь вероятностный характер;

г) *Восхождение от абстрактного к конкретному* — метод теоретического исследования и изложения, состоящий в движении научной мысли от исходной абстракции («начало» — одностороннее, неполное знание) через последовательные этапы углубления и расширения познания к результату — целостному воспроизведению в теории исследуемого предмета. В качестве своей предпосылки данный метод включает в себя восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному, к выделению в мышлении отдельных сторон предмета и их «закреплению» в соответствующих абстрактных определениях. Движение познания от чувственно-конкретного к абстрактному — это и есть движение от единичного к общему, здесь преобладают такие логические приемы, как анализ и индукция. Восхождение от абстрактного к мысленно-конкретному — это процесс движения от отдельных общих абстракций к их единству, конкретно-всеобщему; здесь господствуют приемы синтеза и дедукции. Такое движение познания — не какая-то формальная, техническая процедура, а диалектически-противоречивое движение, отражающее противоречивое развитие самого предмета, его переход от одного уровня к другому в соответствии с разворачиванием его внутренних противоречий.

Методы метатеоретического познания.

Рефлексия — основной метод метатеоретического познания в науке, познание обращенное ученым на самого себя. Здесь подвергаются анализу сами результаты. Конечная цель — выявить, насколько обоснованы, точны, истинны полученные результаты. В зависимости от того, на каком этапе находится развитие той или иной отрасли знания и какие задачи выдвигаются на первый план, доминирует оп-

ределенный тип рефлексии: 1) рефлексия над результатами познания; 2) анализ познавательных средств и процедур; 3) выявление предельных культурно-исторических оснований, философских установок, норм и идеалов исследования. А также — выдвижение и формулировка общенаучных принципов, картин мира, экспликация философских и социокультурных оснований отдельных наук и теорий.

Общелогические методы и приемы исследования.

а) *Анализ* — реальное или мысленное разделение объекта на составные части, и *синтез* — их объединение в единое органическое целое, а не в механический агрегат. Результат синтеза — совершенно новое образование;

б) *Абстрагирование* — процесс мысленного отвлечения от ряда свойств и отношений изучаемого явления с одновременным выделением интересующих исследователя свойств (прежде всего существенных, общих);

в) *Обобщение* — процесс установления общих свойств и признаков предмета, тесно связан с абстрагированием. При этом могут быть выделены любые признаки (абстрактно-общее) или существенные (конкретно-общее, закон);

г) *Идеализация* — мыслительная процедура, связанная с образованием абстрактных (идеализированных) объектов, принципиально неосуществимых в действительности («точка», «идеальный газ», «абсолютно черное тело» и т. п.). Данные объекты не есть «чистые фикции», а весьма сложное и очень опосредованное выражение реальных процессов. Они представляют собой некоторые предельные случаи последних, служат средством их анализа и построения теоретических представлений о них;

д) *Индукция* — движение мысли от единичного (опыта, фактов) к общему (их обобщению в выводах), и дедукция — восхождение процесса познания от общего к единичному. Это противоположные, взаимно дополняющие ходы мысли;

е) *Аналогия* (соответствие, сходство) — установление сходства

в некоторых сторонах, свойствах и отношениях между нетождественными объектами. На основании выявленного сходства делается соответствующий вывод — умозаключение по аналогии. При выводе по аналогии знание, полученное из рассмотрения какого-либо объекта («модели»), переносится на другой, менее изученный и менее доступный для исследования объект;

ж) **Моделирование** — метод исследования определенных объектов путем воспроизведения их характеристик на другом объекте — модели, которая представляет собой аналог того или иного фрагмента действительности (вещного или мыслительного) — оригинала модели. Между моделью и объектом, интересующим исследователя, должно существовать известное подобие (сходство) — в физических характеристиках, структуре, функциях и др. Формы моделирования весьма разнообразны. Например, предметное (физическое) и знаковое. Важной формой последнего является математическое (компьютерное) моделирование;

з) **Системный подход** — совокупность общенаучных методологических принципов (требований), в основе которых лежит рассмотрение объектов как систем. К числу этих требований относятся: а) выявление зависимости каждого элемента от его места и функций в системе с учетом того, что свойства целого несводимы к сумме свойств его элементов; б) анализ насколько поведение системы обусловлено как особенностями ее отдельных элементов, так и свойствами ее структуры; в) исследование механизма взаимодействия системы и среды; г) изучение характера иерархичности, присущей данной системе; д) обеспечение всестороннего многоаспектного описания системы; е) рассмотрение системы как динамичной, развивающейся целостности.

и) **Вероятностно-статистические методы** — основаны на учете действия множества случайных факторов, которые характеризуются устойчивой частотой. Это и позволяет вскрыть необходимость (закон), которая «пробивается» через совокупное действие множества случайностей. Названные методы опираются на теорию вероятностей, которую зачастую называют наукой о случайном.

Важная роль общенаучных подходов состоит в том, что в силу своего «промежуточного характера», они опосредствуют взаимопереход философского и частнонаучного знания (а также соответствующих методов).

Это методы механики, физики, химии, биологии и гуманитарных (социальных) наук.

Что касается социально-гуманитарных наук (истории, социологии, археологии, политологии, культурологии, социальной психологии и др.), то в них — кроме философских и общенаучных — применяются специфические средства, методы и операции, обусловленные особенностями предмета этих наук. В их числе: *идиографический метод* — описание индивидуальных особенностей единичных исторических фактов и событий; *диалог* («вопросно-ответный метод»); *понимание*: интроспекция (самонаблюдение); *эмпатия* (вчувствование) — восприятие внутреннего мира другого человека, проникновение в его переживания; *тестирование*; *опросы и интервью*; *проективные методы*; *биографический и автобиографический методы*; *социальный эксперимент и социальное моделирование*; *ролевые и имитационные игры* и ряд других.

Методы междисциплинарного исследования как совокупность ряда синтетических, интегративных способов (возникших как результат сочетания элементов различных уровней методологии), нацеленных главным образом на стыки научных дисциплин.

Дисциплинарные методы, т. е. система приемов, применяемых в той или иной дисциплине, входящей в какую-нибудь отрасль науки или возникшей на стыках наук. Каждая фундаментальная наука представляет собой комплекс дисциплин, которые имеют свой специфический предмет и свои своеобразные методы исследования.

Таким образом, в научном познании функционирует сложная, динамичная, целостная, субординированная система многообразных методов разных уровней, сфер действия, направленности и т. п., которые всегда реализуются с учетом конкретных условий.

Знания, получаемые в процессе использования различных методов, должны быть закреплены в определенных состояниях. **Форма научного познания** и означает способ сохранения, упорядочивания и развития информации. Исходной первоформой научного познания является факт. **Факт** — это не сам объективно существующий феномен, а его фиксация, описание, отражение в идеальных моделях, выраженных в чувственно-понятийных контурах. В нем, следовательно, сочетается субъективное и объективное. Достоверность знания определяется только системой фактов.

Проблема — форма знания, содержанием которой является то, что еще не познано человеком, но что нужно познать. Иначе говоря, это знание о незнании, вопрос, возникший в ходе познания и требующий ответа. Проблема не есть застывшая форма знания, а процесс, включающий два основных момента (этапа движения познания) — ее постановку и решение. Правильное выведение проблемного знания из предшествующих фактов и обобщений, умение верно поставить проблему — необходимая предпосылка ее успешного решения.

Научные проблемы следует отличать от ненаучных (псевдопроблем), например, проблема создания вечного двигателя. Решение какой-либо конкретной проблемы есть существенный момент развития знания, в ходе которого возникают новые проблемы, а также выдвигаются новые проблемы, те или иные концептуальные идеи, в т. ч. и гипотезы.

Гипотеза — форма знания, содержащая предположение, сформулированное на основе ряда фактов, истинное значение которого неопределенно и нуждается в доказательстве. Гипотетическое знание носит вероятный, а не достоверный характер и требует проверки, обоснования. В ходе доказательства выдвинутых гипотез одни из них становятся истинной теорией, другие видоизменяются, уточняются и конкретизируются, превращаются в заблуждения, если проверка дает отрицательный результат.

Стадию гипотезы прошли и открытый Д. И. Менделеевым пе-

риодический закон, и теория Ч. Дарвина, и т. д. Решающей проверкой истинности гипотезы является практика (логический критерий истины играет при этом вспомогательную роль). Проверенная и доказанная гипотеза переходит в разряд достоверных истин, становится научной теорией.

Теория — наиболее развитая форма научного знания, дающая целостное отображение закономерных и существенных связей определенной области действительности. Примерами этой формы знания являются классическая механика Ньютона, эволюционная теория Дарвина, теория относительности Эйнштейна, теория самоорганизующихся целостных систем (синергетика) и др.

Научная картина мира (НКМ) — целостная система понятий и принципов, дающая обобщенное, панорамное видение фундаментальных закономерностей действительности в их единстве и взаимосвязи. Она строится усилиями всех наук, но определяющие содержательные концепты вносятся той, которая занимает лидирующее положение на определенном этапе эволюции общества. Смена лидеров влечет за собой смену и НКМ.

Динамика научного познания и ее проявления

Важнейшей характеристикой знания является его динамика, т. е. его рост, изменение, развитие и т. п. Эта идея была высказана уже в античной философии.

Однако в западной философии и методологии науки XX в. фактически — особенно в годы «триумфального шествия» логического позитивизма (а у него действительно были немалые успехи) — научное знание исследовалось без учета его роста, изменения. Дело в том, что для логического позитивизма в целом были характерны: а) абсолютизация формально-логической и языковой проблематики; б) гипертрофия искусственно сконструированных формализованных языков (в ущерб естественным); в) концентрация исследовательских усилий на структуре «готового», ставшего знания без учета его гене-

зиса и эволюции; г) сведение философии к частнонаучному знанию, а последнего — к формальному анализу языка науки; д) игнорирование социокультурного контекста анализа знания. Развитие знания — сложный диалектический процесс, имеющий определенные качественно различные этапы. Так, этот процесс можно рассматривать как движение от мифа к логосу, от логоса к «преднауке», от «преднауки» к науке, от классической науки к неклассической и далее к постнеклассической и т. п., от незнания к знанию, от неглубокого, неполного к более глубокому и совершенному знанию.

В современной западной философии проблема роста, развития знания является центральной в философии науки, представленной особенно ярко в таких течениях, как эволюционная (генетическая) эпистемология и постпозитивизм. *Эволюционная эпистемология* — направление в западной философско-гносеологической мысли, основная задача которого — выявление генезиса и этапов развития познания, его форм и механизмов в эволюционном ключе и, в частности, построение на этой основе теории эволюции науки. Эволюционная эпистемология стремится создать обобщенную теорию развития науки, положив в основу принцип историзма, пытаясь опосредовать крайности рационализма и иррационализма, эмпиризма и рационализма, когнитивного и социального, естествознания и социально-гуманитарных наук и т. д.

Один из известных и продуктивных вариантов рассматриваемой формы эпистемологии — *генетическая эпистемология* швейцарского психолога и философа Ж. Пиаже. В ее основе — принцип возрастания и инвариантности знания под влиянием изменений условий опыта. Пиаже, в частности, считал, что эпистемология — это теория достоверного познания, которое всегда есть процесс, а не состояние. Важная ее задача — определить, каким образом познание достигает реальности, т. е. какие связи, отношения устанавливаются между объектом и субъектом, который в своей познавательной деятельности не может не руководствоваться определенными методологическими

нормами и регулятивами.

Генетическая эпистемология Ж. Пиаже пытается объяснить генезис знания вообще, и научного в частности, на основе воздействия внешних факторов развития общества, т. е. социогенеза, а также истории самого знания и особенно психологических механизмов его возникновения. Изучая детскую психологию, ученый пришел к выводу, что она составляет своего рода ментальную эмбриологию, а психогенез является частью эмбриогенеза, который не заканчивается при рождении ребенка, так как ребенок непрерывно испытывает влияние среды, благодаря чему происходит адаптация его мышления к реальности.

Фундаментальная гипотеза генетической эпистемологии состоит в том, что существует параллелизм между логической и рациональной организацией знания и соответствующим формирующим психологическим процессом. Соответственно этому он стремится объяснить возникновение знания на основе происхождения представлений и операций, которые в значительной мере, если не целиком, опираются на здравый смысл.

Особенно активно проблему роста (развития, изменения) знания разрабатывали, начиная с 60-х гг. XX столетия сторонники постпозитивизма — К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, Ст. Тулмин и др. Обратившись лицом к истории, развитию науки, а не только к формальному анализу ее «застывшей» структуры, представители постпозитивизма стали строить различные модели этого развития, рассматривая их как частные случаи общих эволюционных изменений, совершающихся в мире. Они считали, что существует тесная аналогия между ростом знания и биологическим ростом, т. е. эволюцией растений и животных.

В постпозитивизме происходит существенное изменение проблематики философских исследований: если логический позитивизм основное внимание обращал на анализ структуры научного познания, то постпозитивизм главной своей проблемой делает понимание роста,

развития знания. В связи с этим представители постпозитивизма вынуждены были обратиться к изучению истории возникновения, развития и смены научных идей и теорий.

Первой такой концепцией стала *концепция роста знания* К. Поппера.

Поппер рассматривает знание (в любой его форме) не только как готовую, ставшую систему, но также и как систему изменяющуюся, развивающуюся. Этот аспект анализа науки он и представил в форме концепции роста научного знания. Отвергая антиисторизм логических позитивистов в этом вопросе, он считает, что метод построения искусственных модельных языков не в силах решить проблемы, связанные с ростом нашего знания. Но в своих пределах этот метод правомерен и необходим. Поппер отчетливо осознает, что выдвижение на первый план изменения научного знания, его роста и прогресса может в некоторой степени противоречить распространенному идеалу науки как систематизированной дедуктивной системы. Этот идеал доминирует в европейской эпистемологии, начиная с Евклида.

Однако при всей несомненной важности и притягательности указанного идеала к нему недопустимо сводить науку в ее целостности, элиминировать такую существенную ее черту, как эволюция, изменение, развитие. Но не всякая эволюция означает рост знания, а последний не может быть отождествлен с какой-либо одной (например, количественной) характеристикой эволюции.

Для Поппера рост знания не является повторяющимся или кумулятивным процессом, он есть процесс устранения ошибок, «дарвиновский отбор». Говоря о росте знания, он имеет в виду не накопление наблюдений, а повторяющееся ниспровержение научных теорий и их замену лучшими и более удовлетворительными теориями. Таким образом, рост научного знания состоит в выдвижении смелых гипотез и наилучших (из возможных) теорий и осуществлении их опровержений, в результате чего и решаются научные проблемы. Для обоснования своих логико-методологических концепций Поппер использовал

идеи неodarвинизма и принцип эмерджентного развития: рост научного знания рассматривается им как частный случай общих мировых эволюционных процессов.

Рост научного знания осуществляется методом проб и ошибок и есть не что иное, как способ выбора теории в определенной проблемной ситуации — вот что делает науку рациональной и обеспечивает ее прогресс. Поппер указывает на некоторые сложности, трудности и даже реальные опасности для этого процесса. Среди них такие факторы, как, например, отсутствие воображения, неоправданная вера в формализацию и точность, авторитаризм. К необходимым средствам роста науки философ относит такие моменты, как язык, формулирование проблем, появление новых проблемных ситуаций, конкурирующие теории, взаимная критика в процессе дискуссии.

В своей концепции Поппер формулирует три основных требования к росту знания. Во-первых, новая теория должна исходить из простой, новой, плодотворной и объединяющей идеи. Во-вторых, она должна быть независимо проверяемой, т. е. вести к представлению явлений, которые до сих пор не наблюдались. Иначе говоря, новая теория должна быть более плодотворной в качестве инструмента исследования. В-третьих, хорошая теория должна выдерживать некоторые новые и строгие проверки. Теорией научного знания и его роста является эпистемология, которая в процессе своего формирования становится теорией решения проблем, конструирования, критического обсуждения, оценки и критической проверки конкурирующих гипотез и теорий.

Свою модель роста научного познания Поппер изображает схемой: P1–ТТ–ЕЕ–P2, где P1 — некоторая исходная проблема, ТТ — предположительная пробная теория, т. е. теория, с помощью которой она решается, ЕЕ — процесс устранения ошибок в теории путем критики и экспериментальных проверок, P2 — новая, более глубокая проблема, для решения которой необходимо построить новую, более глубокую и более информативную теорию.

Общая схема (модель) историко-научного процесса, предложенная Куном, включает в себя два основных этапа. Это «*нормальная наука*», где безраздельно господствует парадигма, и «*научная революция*» — распад парадигмы, конкуренция между альтернативными парадигмами и, наконец, победа одной из них, т. е. переход к новому периоду «нормальной науки». Кун полагает, что переход одной парадигмы к другой через революцию является обычной моделью развития, характерной для зрелой науки. Причем научное развитие, по его мнению, подобно развитию биологического мира, представляет собой однонаправленный и необратимый процесс. Что же происходит в ходе этого процесса с правилами-предписаниями?

Допарадигмальный период характеризуется соперничеством различных школ и отсутствием общепринятых концепций и методов исследования. Для этого периода в особенности характерны частые и серьезные споры о правомерности методов, проблем и стандартных решений. На определенном этапе эти расхождения исчезают в результате победы одной из школ. С признания парадигмы начинается период «нормальной науки», где формулируются и широко применяются (правда не всеми и не всегда осознанно) самые многообразные и разноуровневые (вплоть до философских) методы, приемы и нормы научной деятельности. Кризис парадигмы есть вместе с тем и кризис присущих ей «методологических предписаний». Банкротство существующих правил-предписаний означает прелюдию к поиску новых, стимулирует этот поиск. Результатом этого процесса является научная революция — полное или частичное вытеснение старой парадигмы новой, несовместимой со старой.

В ходе научной революции происходит такой процесс, как смена «понятийной сетки», через которую ученые рассматривали мир. Изменение (притом кардинальное) данной «сетки» вызывает необходимость изменения методологических правил-предписаний. Ученые — особенно мало связанные с предшествующей практикой и традициями — могут видеть, что правила больше не пригодны, и на-

чинают подбирать другую систему правил, которая может заменить предшествующую и которая была бы основана на новой «понятийной сетке». В этих целях ученые, как правило, обращаются за помощью к философии и обсуждению фундаментальных положений, что не было характерным для периода «нормальной науки».

Кун отмечает, что в период научной революции главная задача ученых-профессионалов как раз и состоит в упразднении всех наборов правил, кроме одного — того, который «вытекает» из новой парадигмы и детерминирован ею. Однако упразднение методологических правил должно быть не их «голым отрицанием», а «снятием», с сохранением положительного. Для характеристики этого процесса сам Кун использует термин «реконструкция предписаний».

Ст. Тулмин в своей *эволюционной эпистемологии* рассматривал содержание теорий как своеобразную «популяцию понятий», а общий механизм их развития представил как взаимодействие внутринаучных и вненаучных (социальных) факторов, подчеркивая, однако, решающее значение рациональных компонентов. При этом он предлагал рассматривать не только эволюцию научных теорий, но и проблем, целей, понятий, процедур, методов, научных дисциплин и иных концептуальных структур.

Ст. Тулмин сформулировал эволюционистскую программу исследования науки, центром которой стала идея исторического формирования и функционирования «стандартов рациональности и понимания, лежащих в основании научных теорий». Рациональность научного знания определяется его соответствием стандартам понимания. Последние изменяются в ходе эволюции научных теорий, трактуемой Тулмином как непрерывный отбор концептуальных новшеств. Он считал очень важным требование конкретно-исторического подхода к анализу развития науки, «многомерность» (всесторонность) изображения научных процессов с привлечением данных социологии, социальной психологии, истории науки и других дисциплин.

И. Лакатос уже в ранней своей работе «Доказательства и опро-

вержения» четко заявил о том, что «догматы логического позитивизма губительны для истории и философии математики». История математики и логика математического открытия, т. е. «филогенез и онтогенез математической мысли», не могут быть развиты без критицизма и окончательного отказа от формализма. Последнему (как сути логического позитивизма) Лакатос противопоставляет программу анализа развития содержательной математики, основанную на единстве логики доказательств и опровержений. Этот анализ и есть не что иное, как логическая реконструкция реального исторического процесса научного познания. Линия анализа процессов изменения и развития знания продолжается затем философом в серии его статей и монографий, в которых изложена универсальная концепция развития науки, основанная на идее *конкурирующих научно-исследовательских программ* (например, программы Ньютона, Эйнштейна, Бора и др.). Под научно-исследовательской программой философ понимает серию сменяющих друг друга теорий, объединяемых совокупностью фундаментальных идей и методологических принципов. Поэтому объектом философско-методологического анализа оказывается не отдельная гипотеза или теория, а серия сменяющих друг друга во времени теорий, т. е. некоторый тип развития.

Лакатос рассматривает рост зрелой (развитой) науки как смену ряда непрерывно связанных теорий — притом не отдельных, а серии (совокупности) теорий, за которыми стоит исследовательская программа. Иначе говоря, сравниваются и оцениваются не просто две теории, а теории и их серии, в последовательности, определяемой реализацией исследовательской программы. Согласно Лакатосу, фундаментальной единицей оценки должна быть не изолированная теория или совокупность теорий, а «исследовательская программа». Основными этапами в развитии последней, согласно Лакатосу, являются прогресс и регресс, граница этих стадий — «пункт насыщения». Новая программа должна объяснить то, что не могла старая. Смена основных научно-исследовательских программ и есть научная револю-

ция. Лакатос называет свой подход историческим методом оценки конкурирующих методологических концепций, оговаривая при этом, что он никогда не претендовал на то, чтобы дать исчерпывающую теорию развития науки. Предложив «нормативно-историографический» вариант методологии научно-исследовательских программ, Лакатос, по его словам, попытался «диалектически развить тот историографический метод критики».

П. Фейерабенд исходил из того, что существует множество равноправных типов знания, и данное обстоятельство способствует росту знания и развитию личности. Философ солидарен с теми методологами, которые считают необходимым создание такой теории науки, которая будет принимать во внимание историю. Это тот путь, по которому нужно следовать, если мы хотим преодолеть схоластичность современной философии науки.

Фейерабенд делает вывод о том, что нельзя упрощать науку и ее историю, делать их бедными и однообразными. Напротив, и история науки, и научные идеи и мышление их создателей должны быть рассмотрены как нечто диалектическое — сложное, хаотичное, полное ошибок и разнообразия, а не как нечто неизменное или однолинейное. В этой связи Фейерабенд озабочен тем, чтобы и сама наука и ее история, и ее философия развивались в тесном единстве и взаимодействии, ибо возрастающее их разделение приносит ущерб каждой из этих областей и их единству в целом, а потому этому негативному процессу надо положить конец.

Американский философ считает недостаточным абстрактно-рациональный подход к анализу роста, развития знания.

Ограниченность этого подхода он видит в том, что он по сути отрывает науку от того культурно-исторического контекста, в котором она пребывает и развивается. Чисто рациональная теория развития идей, по словам Фейерабенда, сосредоточивает внимание главным образом на тщательном изучении «понятийных структур», включая логические законы и методологические требования, лежа-

щие в их основе, но не занимается исследованием неидеальных сил, общественных движений, т. е. социокультурных детерминант развития науки. Односторонним считает философ социально-экономический анализ последних, так как этот анализ впадает в другую крайность — выявляя силы, воздействующие на наши традиции, забывает, оставляет в стороне понятийную структуру последних.

Фейерабенд ратует за построение новой теории развития идей, которая была бы способна сделать понятными все детали этого развития. А для этого она должна быть свободной от указанных крайностей и исходить из того, что в развитии науки в одни периоды ведущую роль играет концептуальный фактор, в другие — социальный. Вот почему всегда необходимо держать в поле зрения оба этих фактора и их взаимодействие.

После постпозитивизма развитие эволюционной эпистемологии пошло по двум основным направлениям. Во-первых, по линии так называемой альтернативной модели эволюции (К. Уоддингтон, К. Халквег, К. Хугер и др.) и, во-вторых, по линии синергетического подхода. К. Уоддингтон и его сторонники считали, что их взгляд на эволюцию дает возможность понять, как такие высокоструктурированные системы, как живые организмы, или концептуальные системы, могут посредством управляющих воздействий самоорганизовываться и создавать устойчивый динамический порядок. В свете этого становится более убедительной аналогия между биологической и эпистемологической эволюцией, чем модели развития научного знания, опирающиеся на традиционную теорию эволюции.

Синергетический подход сегодня становится все более перспективным и распространенным, во-первых, потому, что идея самоорганизации лежит в основе прогрессивной эволюции, которая характеризуется возникновением все более сложных и иерархически организованных систем; во-вторых, она позволяет лучше учитывать воздействие социальной среды на развитие научного познания; в-третьих, такой подход свободен от малообоснованного метода «проб

и ошибок» в качестве средства решения научных проблем.

В истории науки существует два крайних подхода к анализу динамики, развития научного знания и механизмов этого развития.

Кумулятивизм (от лат. *cumula* — увеличение, скопление) считает, что развитие знания происходит путем постепенного добавления новых положений к накопленной сумме знаний. Такое понимание абсолютизирует количественный момент роста, изменения знания, непрерывность этого процесса и исключает возможность качественных изменений, момент прерывности в развитии науки, научные революции.

Сторонники кумулятивизма представляют развитие научного знания как простое постепенное умножение числа накопленных фактов и увеличение степени общности устанавливаемых на этой основе законов. Так, Г. Спенсер мыслил механизм развития знания по аналогии с биологическим механизмом наследования благоприобретенных признаков, истины, накопленные опытом ученых предшествующих поколений, становятся достоянием учебников, превращаются в априорные положения, подлежащие заучиванию.

Антикумулятивизм полагает, что в ходе развития познания не существует каких-либо устойчивых (непрерывных) и сохраняющихся компонентов. Переход от одного этапа эволюции науки к другому связан лишь с пересмотром фундаментальных идей и методов. История науки изображается представителями антикумулятивизма в виде непрекращающейся борьбы и смены теорий и методов, между которыми нет ни логической, ни даже содержательной преемственности.

Объективно процесс развития науки далек от этих крайностей и представляет собой диалектическое взаимодействие количественных и качественных (скачки) изменений научного знания, единство прерывности и непрерывности в его развитии.

Наука развивается нелинейно, посредством закономерной смены **эволюционных** (относительно медленных и равномерных) фаз революционными. **Научная революция** характеризуется кардинальным

изменением содержания принципов, понятий и философско-методологических оснований науки, критическим переосмыслением ее фундаментальных положений и переходу к новому типу рациональности. Представляет интерес стратификация научных революций, предложенная авторами книги «История и философия науки» / Под ред. А. С. Мамзина. СПб.: Питер, 2008:

– частная — революция в определенной предметной области данной науки;

– комплексная — радикальное изменение в ряде научных областей;

– глобальная — переворот в основаниях всей науки.

Можно вычленить такие глобальные научные революции.

Первая (16–17 вв.) завершилась формированием науки как социального института и созданием фундаментальной естественнонаучной (механической) теории.

Вторая (рубеж 19–20 вв.) характеризовалась возникновением теории относительности и квантово-полевой картины мира.

Третья (с 70-х гг. 20 в.) разворачивается и поныне, обретая черты эволюционно-синергетической НКМ.

Также необходимо особо выделить и научно-техническую революцию как неразрывное качественное преобразование системы «наука – техника», что проявляется в таких направлениях как автоматизация, космизация, миниатюризация, компьютеризация, биотехнология, нанотехнология и др. Следует, однако, отметить, что наука оценивается по-разному. **Сциентизм** фиксирует положительные ее функции в социуме, а **антисциентизм** делает акцент на негативных последствиях НТР. А вы сделали свой выбор? Подумайте над этим сложным вопросом сами...

Подчеркну еще одно обстоятельство. Наука — мощный фактор конкурентоспособности общества и гарант адекватного реагирования на опасные вызовы времени. Научный потенциал формируется процессом школьного, вузовского и послевузовского образования. К со-

жалению, в России имеет место деформация духовно-интеллектуальных ресурсов, что выражается в понижении общего культурного уровня населения, сокращении числа научных работников, НИИ и высших учебных заведений, слабой востребованности народным хозяйством специалистов высшей категории, старении научных кадров, распаде научных школ, «утечке мозгов». Эти тревожные тенденции должны быть преодолены, если государство российское хочет занять достойное место на мировой арене и сформировать здоровое, полноценное общество многогранно развитых, творчески ориентированных личностей.

ОБЩЕСТВО — ОБЪЕКТ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОГО ПОЗНАНИЯ

1. СИСТЕМНАЯ ПРИРОДА ОБЩЕСТВА
2. КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОЦИУМА
3. МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОТИВОРЕЧИЯ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗЫ
4. СМЫСЛ ИСТОРИИ, СУБЪЕКТЫ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМА НАПРАВЛЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Системная природа общества

Общество — необходимый этап эволюции органической жизни, относительно обособившийся от природы, исторически сложившийся устойчивый способ организации совместной жизни и деятельности людей, характеризующийся открытостью, целостностью, определенной степенью самодостаточности, системностью и активным отношением к окружающей среде. Свойства общества нельзя сводить к качествам отдельных индивидов. Оно — результат взаимоотношений между ними и вне их также не может существовать. Общество является объектом изучения множества наук: социологии, политологии, экономики, этнографии, правоведения, культурологии, истории, социальной психологии, философии, социальной экологии и т. п. Но особая роль принадлежит социальной философии и философии истории.

Философско-теоретический анализ предполагает исследование общества как сложной системы «человек—общество». Основанием этой системы являются общие законы структуры, функционирования, развития общества, его движущих сил. Задача социальной философии — выявить фундаментальные основания общественной жизни, ее системообразующие факторы, дать анализ общественной сущности человека.

Рассмотрение сущности социальных явлений, причин и основ развития общества, его движущих сил занимали существенное место в истории социально-философской мысли. Социальные аспекты ярко представлены в философии древнего мира. В восточной философии — это проблема человека и общечеловеческих ценностей, добродетелей, проблема закона, народа и правителя.

В античной философии социальная философия содержит более широкий спектр проблем. В древнегреческой философии и, прежде всего, в учениях ее крупнейших представителей Демокрита (ок. 460 до н. э.), Платона (427–347 до н. э.) и Аристотеля (384–322 до н. э.) рассматривались разнообразные проблемы общественной жизни — возникновения общества, разделения труда, сословий, рабства, имущественного деления общества, интересов, власти, войны и мира, но центральное место занимали вопросы этики и государства.

Огромный скачок в исследовании общества был сделан в эпоху Возрождения, для которой характерно превращение философии в антропоцентрическую по своей направленности. Для мыслителей этой эпохи человек не природное существо, а является, прежде всего, созидателем нового мира, красоты. Он творит самое высокое, что есть в мире, — самого себя. Философия Нового времени и эпохи Просвещения содержит ряд ценных социальных концепций, среди которых особое место принадлежит концепциям «естественного права» и «общественного договора» английских философов Т. Гоббса (1588–1679) и Д. Локка (1632–1704), французского философа Ж.-Ж. Руссо (1712–1778). Ж.-Ж. Руссо принадлежат также идеи о диалектическом характере развития истории, сочетании прогресса и регресса в общественном развитии, о частной собственности как причине общественного неравенства и возникновения государства. А. Сен-Симон (1760–1825), представитель утопического социализма XVIII в., отстаивал мысль, что общественная система — целостный, закономерно развивающийся организм, основу которого составляет так называемая «индустрия», под которой подразумевалась экономическая деятельность людей и соот-

ветствующие ей формы собственности и общественные классы.

Важная роль в осмыслении философских основ экономической жизни общества принадлежит английскому экономисту и философу XVIII в. А. Смиту (1723–1790), который с материалистических позиций исследовал сущность и разделение труда, природу экономических законов, классов.

Многоплановый анализ общества предпринят представителем немецкой философии Г. Гегелем (1770–1831): структура общества, сущность труда, мораль, семья, общности, народ, гражданское общество, система общественного управления, формы государственного устройства, общественное и индивидуальное сознание, всемирно-исторический процесс и его объективный характер, свобода человека и ее реализация.

В XIX–XX вв. социальная проблематика представлена, прежде всего, в работах французского философа и социолога О. Конта (1798–1857), который рассматривал общество как целостный социальный организм, разработал и применил понятия «социальная статика» и «социальная динамика» для характеристики структуры общества и механизма его функционирования и развития, исследовал проблему закономерного и прогрессивного развития общества и его основы.

Со времен О. Конта проблемы равновесия, гармонии, стабильности в обществе постоянно рассматривались в социальной философии. Примером может служить структурно-функциональный анализ американских социологов Т. Парсонса (1902–1979) и Р. Мертона (1900–2003), которые исследуют общество как стабильную, нормально функционирующую систему, и изучают те элементы социальной организации, которые играют дестабилизирующую роль, а также теория социального конфликта немецкого философа XX в. Р. Дарендорфа, анализирующая социальный конфликт как условие развития социальной системы и в то же время как нарушение ее равновесия.

В социальной философии XX в. решаются и другие актуальные в

настоящее время социальные проблемы. Среди важнейших из них можно назвать проблему свободы у Ж.-П. Сартра (1905–1980) разработку вопросов техники немецким философом XX в. М. Хайдеггером (1889–1976), концепцию идеальных типов немецкого социального философа XX в. М. Вебера (1864–1920) и его теорию социального действия, исследование цивилизаций немецким философом О. Шпенглером (1880–1936), английским философом А. Тойнби (1889–1975), научно-технической революции и ее социальных проблем Д. Беллом (р. 1919), А. Тоффлером (р. 1928).

Эти и другие фундаментальные проблемы бытия общества рассматриваются с разных точек зрения.

Общество как система состоит из сфер, социальных институтов, социальных групп и объединений, социальных связей различных типов, норм, ценностей и, конечно, отдельных личностей. Основные сферы общества:

– **экономическая** — общественная подсистема, в которой осуществляется процесс производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, это базис общества. В структуру экономической сферы входят: производительные силы, производственные отношения, труд, потребности, экономические блага, ресурсы и, соответственно, сами субъекты хозяйственной деятельности;

– **социальная** — отношения между народами, этносами, классами, трудовыми коллективами, формальными и неформальными группами, в основе которых лежат сформированные связи между людьми, воплощающиеся в особенностях образа жизни, специфике потребностей, интересов, ценностных ориентации и стереотипов поведения. Ее образуют: социальные связи, социальные институты, социальные нормы и ценности;

– **политическая** — это отношения между людьми в системе господства и подчинения, направленные на борьбу за власть, за место в реальном управлении ресурсами общественной жизни и реализацию своих коренных интересов. Политическую сферу общества составля-

ют: государство, политические партии и организации, СМИ, политическая культура и идеология, избирательная система;

– **духовная** — область создания и освоения духовных благ. Ее элементы: духовные потребности, ценности, а также культурные ресурсы и творцы — создатели духовного продукта. Духовная жизнь общества осуществляется в таких формах, как религия, наука, искусство, идеология, мораль, язык и т. д.

В социально-гуманитарных науках конкурируют между собой два основных подхода к анализу общества: **формационный** и **цивилизационный**. При формационном подходе эволюция социума трактуется как процесс закономерной смены общественно-экономических формаций, обусловленный изменением господствующего способа производства как единства производительных сил и производственных отношений. Цивилизационный — исходит из иных посылок. В его рамках существуют разные варианты интерпретации социальной динамики. Социальная философия и философия истории предлагают несколько способов периодизации жизни человечества сообразно признаку, положенному в основу такой познавательной процедуры. Если принять таковым **технологическое развитие** (Белл, Тоффлер), то выделяются доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества; если **способы производства** (Маркс), то: первобытнообщинное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, коммунистическое; если **коммуникативные технологии** (М. Маклюэн), то дописьменное, письменное (рукописное и книгопечатное) и электронное общество = глобальная деревня; если **права и свободы**, то: негражданское, догражданское и гражданское общество.

Можно выделить четыре основные модели решения вопроса о главных источниках исторической эволюции: идеалистическую, натуралистическую, материалистическую и плюралистическую (факторную) модель. **Идеалистическая** модель имела широкое распространение в истории философии и господствовала до середины XIX в.

Она основывается на признании абсолютного приоритета сознания по отношению к другим сторонам человеческой деятельности.

Аргументом является то обстоятельство, что в основе любых действий людей лежат идеальные побудительные мотивы, цели, установки, которые предшествуют их реальным действиям. Так, Гегель полагал, что источник развития общества находится в абсолютном духе, который творит историю и предопределяет все действия людей. Люди в своих поступках связаны разнообразными нитями с творцом — духом, направляющим и определяющим их деяния. Характерно, что даже те философы, которые материалистически объясняли природные процессы, в понимании социальных явлений были идеалистами, считая, что прогресс разума, просвещение определяют общественное развитие.

Идеалистическая интерпретация общества имеет реальные основания — сложность общественных процессов и их познания. В обществе, в отличие от природы, действуют люди, наделенные сознанием и волей, которые ставят перед собой определенные цели и действуют под влиянием сознательных побуждений. Абсолютизация роли сознания в жизни общества и привела к выводу, что сознание является конечной причиной исторических событий. Этот вывод связан и с теми социальными процессами, которые способствовали утверждению идеалистических взглядов: отделение умственного труда от физического, духовного производства от материального.

Натуралистическая модель (или географическое направление) ведущую роль в развитии общества отводит природным условиям. С точки зрения сторонников этой теории (Ш. Монтескье, Г. Бокль, Л. Мечников), природная среда (климат, почва, полезные ископаемые и т. д.) определяет характер, психику людей, установление того или иного политического строя (например, монархия или республика), диктует различия в уровне развития хозяйственной и другой общественной деятельности.

В XX в. эти идеи легли в основу философского направления — **геополитики** (Ф. Ратцель, К. Хаусхофер, Р. Челлен). Согласно взглядам его представителей, природные условия являются определяющим

фактором развития государств в мировой истории, а само же государство рассматривается как биологический организм, который для своей жизнедеятельности нуждается в определенной территории, полезных ископаемых и т. п. Поэтому борьба государства за жизненное пространство есть естественный закон борьбы за существование — закон жизни всякого живого организма.

Следует подчеркнуть, что натуралистическая модель, справедливо подчеркивая значение природных условий в развитии общества, определенную зависимость развития отдельных стран, этнических особенностей народов, в том числе и психики, поведения людей от тех или иных природных, климатических факторов, в то же время абсолютизирует их роль в социальных процессах.

Противоположной идеалистической и натуралистической модели является *материалистическая* теория общества, основные принципы которой сформулированы К. Марксом и Ф. Энгельсом. Данная концепция означала материалистическое решение основного вопроса философии применительно к обществу. Не отрицая существования в общественной жизни идейных побудительных мотивов, отвечая на вопросы о конечных причинах возникновения и существования этих мотивов, материалистическая модель основывается на том, что не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет сознание.

В *плюралистической* модели общества обосновывается тезис о том, что взаимосвязь всех сфер общества характеризуется не *причинно-следственными* отношениями при доминировании какого-либо одного фактора, а *функциональными* при тесном переплетении множества разных феноменов, что и позволяет их интерпретировать как однопорядковые в рамках социума. Какой вариант предпочесть? Может быть, следующий: общество как сверхсложный организм в своем развитии и функционировании, конечно, обусловлено совокупностью как внешних, так и внутренних воздействий, но при ведущей роли одного, которое именно в данных условиях и в данное время является

определяющим, что не гарантирует сохранение подобного состояния в будущем.

Несмотря на сложность, противоречивость, мозаичность социальной динамики, все же для истории в целом характерны следующие тенденции:

- ускорение, интенсификация и уплотнение социальных процессов;
- необратимость как магистральный вектор перемен;
- стадийность, т. е. прохождение ряда эпох, фаз, которые качественно отличаются друг от друга;
- усложнение социальных связей;
- рост масштаба искусственной среды обитания;
- урбанизация — перемещение огромных масс населения в города;
- увеличение давления на биосферу Земли;
- глобализация как резкое сближение и интеграция различных культур и цивилизаций;
- многовариантность, ветвление, разноканальность общественной жизни, стремление к сохранению государственно-этнической и национально-культурной идентичности.

Культура и цивилизация как основные способы существования социума

Человек пребывает сразу в нескольких пространствах — природном, социальном и психологическом и живет он там по-разному, осуществляя себя телесно, лично и духовно, тем самым образуя интегративный центр естественных, цивилизационных и культурных реальностей.

«В нашу эпоху нет более острой темы и для познания, и для жизни, чем тема культуры и цивилизации. «Это — тема об ожидающей нас судьбе» (Н. А. Бердяев). Почему? Да в силу того, что растущий конфликт между ними «угрожает... собственно человеческому в человеке» (Г. С. Киселев).

Изначально понятие «культура» (от лат. culture — возделывание,

обработка, образование) формировалась как попытка осознания человеком собственной самостоятельности и собственной значимости в структурах универсума и социума. Культура формировала путь от исходного «естественного состояния» до фазы развития, определяемой уже только человеческим разумом, волей и творчеством. Культура и цивилизация здесь тождественны или близки по содержанию. Но если во франкоязычной традиции эта дистанция ассоциировалась с понятием «цивилизация», то в англоязычной и немецкой — с термином «культура». Если в образе цивилизации акцент делается на социально-политическом, внешнем устройстве жизни, то культура олицетворяла собой внутренний, духовно-нравственный строй человеческого бытия. Стало быть, выявилось принципиальное различие между культурой и цивилизацией. У Канта культура связывалась со свободой и ответственностью, с требованием и умением сочетать цель и средства не любым доступным способом, а лишь таким, чтобы последние не исказили и не заняли место первой. Иначе — произвол эгоизма и «все дозволено». «Мы чересчур цивилизованы в смысле всякой учтивости и вежливости в общении друг с другом. Но нам еще многое недостает, чтобы считать нас нравственно совершенными. В самом деле, идея моральности относится к культуре; однако применение этой идеи, которая сводится только к подобию нравственного в любви к чести и во внешней пристойности, составляет лишь цивилизацию». В литературе до сих пор не выработан бесспорный и окончательный ответ на вопрос о том, что собой представляет культура и цивилизация. Есть ценностный, этнографический, системный, формационный, целостный, регулятивно-деятельностный, телеологический, страноведческий, сущностно-смысловой и множество других подходов к этим феноменам вплоть до плюралистических интерпретаций. Некоторые антропологи даже «перевертывали» эту связь и трактовали культуру как характеристику примитивных, неизменных, неурбанизированных обществ, а более сложные, развитые, урбанизированные и динамичные общества считали цивилизациями. По Броделю, цивилизация — это «пространство», «культурный ареал», «собрание культурных характе-

ристик и феноменов». Валлерстайн определяет ее как «особую взаимосвязь мировоззрения, обычаев, структур и культуры (как материальной, так и «высокой»), которая образует своего рода историческое целое и сосуществует (если даже не всегда одновременно) с другими разновидностями этого феномена». По Доусону, цивилизация — продукт «особого оригинального процесса культурного творчества определенного народа», в то время как для Дюркгейма и Мосса — это «своего рода моральная среда, охватывающая некоторое число наций, где каждая национальная культура является лишь частной формой целого».

Исследователи предполагают существование не менее 500 определений. В отечественной литературе господствует натуралистическая трактовка культуры как второй природы, как совокупности всего созданного человеком, как сферы сверхприродного, надбиологического способа существования человека в качестве деятельностного существа и механизмов социального наследования.

Некоторые авторы по сути отождествляют общество и цивилизацию. «Понятие цивилизации охватывает общество в целом во всем объеме его прошлой истории и нередко также его современного состояния» (Т. И. Ойзерман). Другие аналогично максимально сближают понятия «культура» и «цивилизация». В таком истолковании практически ставится знак равенства между культурой, цивилизацией и обществом, а сведение культуры к нормативам, правилам, общезначимым образцам поведения, т. е. к готовому результату — омертвляет культурную ткань жизни, лишая ее импульса к саморазвитию и воплощению еще нереализованных возможностей.

Но нельзя и абстрактно противопоставлять и разъединять генетическую, функциональную и временную взаимосвязь между данными феноменами, как это сделал О. Шпенглер. «Когда цель достигнута и идея, т. е. все изобилие внутренних возможностей, завершена и осуществлена во внешнем, тогда культура вдруг застывает, отмирает, ее кровь сворачивается, силы ее подкашиваются — она становится

цивилизацией». Постулируется, следовательно, реальность отдельного нецивилизованного этапа развития общества (когда культура в расцвете) и цивилизованного (когда культура увядает). Несмотря на глубокие прозрения философа, все же отрыв цивилизации от культуры не дает ясного представления об их диалектическом соотношении.

Культура и цивилизация обладают многими чертами сходства:

1) человек является как субъектом культуры и цивилизации, так и объектом культурно-цивилизационного воздействия;

2) культура и цивилизация — способы внебиологической и надбиологической аккумуляции исторического опыта в смене поколений;

3) культура и цивилизация — необходимые предпосылки сохранения, раскрытия, развития и реализации природы человека;

4) культура и цивилизация — индикаторы уровня эволюции общества в его отношениях с окружающей средой, т. е. имеют и эволюционно-космическое значение, как определяющие стратегию взаимосвязи с биосферой — частью вселенской ткани;

5) культура и цивилизация — формы самобытности обществ;

6) культура и цивилизация взаимодополняют и взаимовлияют друг на друга, находясь в динамическом и противоречивом развитии;

7) культура и цивилизация распространяются волнообразно;

8) культура и цивилизация по мере исторического развития общества становятся все более активной и самостоятельной силой;

9) культура и цивилизация — преходящи: исчезновение одних типов сопровождается зарождением других;

10) без новой культуры и новой цивилизации не разрешить глобальных проблем современности.

В истории сформированного общества не было периода вне культурно-цивилизированного развития. Другое дело, что взаимосвязь между этими способами родовой человеческой жизнедеятельности была и есть чрезвычайно амбивалентной и представляла собой последовательную смену: рождающееся единство, пиковая фаза, нарастание несоответствия, кризис, исчерпание культурного потенциала и

крушение цивилизационных структур. Падение Римской империи или СССР — тому подтверждение. Но заключительная стадия — не конец, а предпосылка нового синтеза, который всегда вызревает в недрах предшествующего процесса. Человек всегда эволюционирует в диапазоне должного и сущего, идеального и материального, желаемого и действительного, сакрального и повседневного, творческого и рутинного, героического и мещански-самодовольного.

Культура — процесс формирования значений, ценностей, идеалов и высших смыслов, ради которых стоит жить и умереть; деятельность, осуществляемая максимальной мобилизацией духовно-душевных сил человека во имя сохранения его индивидуальности, целостности, укорененности в бытии и саморазвития всей полноты его жизненных способностей. Культура — способ духовного развития общества и качественная характеристика проявленности индивидуального в социальном, т. е. уровень присутствия человеческого «я» в разных областях жизнедеятельности. Культура — способ быть человеческому в человеке. Культура — продукт творческой работы духа и наиболее ярко выражается в философии, религии, искусстве, фундаментальных научных и нравственных исканиях, в трудовом созидании народа. Культура служит не количеству, а качеству жизни, что невозможно без устремленности к высшему, что означает религиозное отношение к миру.

Включая в себя понятия, ценности, нормы, эталоны речи, символы, образцы и модели сознания, восприятия, коллективных образов, представлений и поведения, культура динамично и противоречиво развивается, что выражается в таких феноменах, как:

- **культурная трансмиссия**, т. е. преемственность через научение;
- **культурная аккумуляция** — процесс, при котором каждое поколение, сохраняя общую основу, вносит что-то новое в содержание артефактов;
- **культурная диффузия** — взаимное проникновение разных культур;

– **селективность культур** — избирательность по отношению к заимствованиям;

– **культурный конфликт** — острое противоречие;

– **культурная аномия** — нарушение культурного единства общества;

– **культурный лаг** — неравномерность развития отдельных частей культуры;

– **диверсификация культуры** — возрастание разнообразия ее элементов;

– **глобализация культуры** — ускоренная интеграция формирования общечеловеческих ценностей;

– **культурная ассимиляция** — поглощение одной культуры более влиятельной.

Уместно также отметить, что культура дифференцируется на виды:

– **доминирующая культура** — преобладающая и официально поддерживаемая система мировоззренческих установок;

– **контркультура** — культура, находящаяся в оппозиции по отношению к господствующей;

– **субкультура** — культура, характерная для определенных социальных групп;

– **элитарная** (авангардная) — культура для избранных. Она создается профессионалами и ориентирована на подготовленную аудиторию — высокообразованную часть общества (искусство для искусства). Она обычно связывалась с изящным искусством, классической музыкой, авторскими произведениями, литературой, сложными философскими и этическими, религиозными системами. Такая культура создавалась представителями господствующих классов и слоев и воспринималась главным образом ими;

– **народная** (национальная) культура — самобытное, стихийное творчество безымянных авторов, прошедшее проверку временем, выражаемое в форме сказок, песен, преданий, легенд, танцев, частушек, пословиц, поговорок, притч и т. п.;

– *массовая* (поп-культура). Возникновение массовой культуры относят к XX веку. Под массовой культурой обычно понимают комплекс культурных ценностей, ориентированных на «массовое потребление». Ее появление связывают с демократизацией современного общества, с выходом на историческую арену «масс», которые вытесняют элиту, превращают свои мнения, взгляды, потребности и вождения, вкусы и оценки в господствующие, с развитием средств массовой коммуникации (радио, телевидение, кинематограф, газеты), которые обеспечивают небывалое распространение информации и порождают новые способы манипуляции ею.

Каковы же отличительные черты массовой культуры? Они связаны, прежде всего, с тем, что такая культура адресована всем людям независимо от их социального статуса, национальной принадлежности, страны проживания и т. п., ее потребитель — так называемый «средний человек». Из этого следует, что массовая культура должна быть максимально приспособлена к восприятию такого усредненного человека, «понятна» ему. Поэтому массовую культуру часто критикуют, с одной стороны, за низкопробную, вульгарную, потакающую дурным и неразвитым вкусам, примитивную, деформирующую «нормальное» восприятие мира продукцию, а с другой стороны, за то, что культура формирует, создает тип такого человека с «усредненными» вкусами.

Цивилизация (от лат. *Civilis* — гражданский, государственный) характеризует общество со стороны его упорядоченности. Цивилизация — то в социуме, что выражает его господство над природными стихиями, осуществляемое функционированием технических комплексов и разветвленной системой информационно-технологических процессов, которые в совокупности с нормирующими, контролирующими, дисциплинирующими, надзорными организациями и образовательно-воспитательными учреждениями, упорядочивают, рационализируют, «узаконивают» внешние стороны бытия людей, определяя степень укорененности общественного в личном. Цивилизация — способ бытия человека как социального существа.

ва, способного и подготовленного воспринимать и функционально воспроизводить общественно-значимые нормы и регуляторные механизмы в своих семейных, профессионально-трудовых, политико-экономических, бытовых и досуговых сферах деятельности в целях поддержания оптимального режима самосохранения социума и его эволюции. Цивилизация — обустройство жизни в ее материально-технических формах. Цивилизация — использование средств для реализации установок и ценностей культуры и побочный, овещенный результат этой деятельности. Нельзя противопоставлять культуру и цивилизацию, культуру и технику, так как и то и другое определяемо, в конечном счете, мировоззренческими доминантами, ориентирующими ход и вектор социально-экономических и научно-технических явлений. Цивилизация включает в себя не только социально-политические и экономические механизмы непосредственного регулирования межличностных и межгрупповых отношений, но и косвенно действующие дисциплинирующие структуры, ядром которых выступает техническая реальность. Техника на стадии машин и компьютерно-информационных систем все больше характеризуется автономностью, самовозрастанием, взаимообусловленностью всех ее элементов, активностью и вытеснением живого из заполняемых ею экологических ниш, увеличением количества аварий, катастроф и риска непредвиденных последствий. Техника являет себя не только как власть над природой и биосферой, но начинает приобретать социальную и духовную власть над человеком. Секуляризированный человек — создатель техники как главного средства приложения своей раскрепощенной энергии, осуществляя технизацию производства, быта, досуга, общения, языка и мышления, не заметил как истощил изначальный потенциал творчества, воли, интеллекта, эмоционально-чувственной полноты и подпал под принуждающий ритм технизированной реальности, которая уже сама ставит перед ним обязывающие задачи, невыполнение которых автоматически исключает его из числа «успешных».

Любое общество — сплав культуры и цивилизации и его потен-

циал разворачивается наиболее полно и динамично, когда культура адекватно себя воплощает. Т. е. в точке гармонии между ними надо искать неповторимую сущность данного социума. Но цивилизация как средство реализации и объективации жизненных предпочтений и смыслов культуры постепенно набирает инерционное ускорение и сама приобретает качество самоценности, подавляя, с одной стороны, породившую ее культуру или уклоняясь все дальше от ее позитивных программ и одновременно продуцируя новую культуру, которая начинает обслуживать уже запросы самой этой цивилизации — с другой. Согласно И. С. Аксакову, цивилизация — не зло, но может превратиться в разрушительную силу, если обретет самостоятельный целеполагающий характер. Ослабление культуры происходит посредством подмены ценностно-смысловых установок утилитарно-рациональным цивилизационным расчетом и осуществляется прежде всего вытеснением религиозного сознания как связующего центра общественной ткани и возвышающей духовной силы, сознания, ищущего выход из профанного бытия. Цивилизация порождает секуляризованную личность.

Если в первом случае материнская культура подменяется эрзацами и имитациями подлинного творчества, то во втором возникает субкультура именно цивилизации, ничего общего не имеющая с духовностью вообще. Эту тревожную тенденцию поступательного шествия бездуховности связывает только с феноменом цивилизации В. А. Кутырев, согласно которому она (бездуховность) уже существует не только «на уровне индивида, личности, а как социальное явление, как критическое для судеб человечества развитие современной цивилизации». Однако следует подчеркнуть:

1) цивилизация — порождение определенной культуры (пусть впоследствии искаженной), а культуры могут быть весьма различными (т. е. бездуховность — не общая участь разных обществ);

2) именно мировоззренческие доминанты эпохи Возрождения и Нового времени — духовные предпосылки и основы современной

техногенной цивилизации;

3) цивилизация обладает способностью к самоавтономизации и созданию соответствующих уже ей артефактов.

Возникающая псевдокультура или культура цивилизации охватывает своим влиянием все большие массы населения и все глубже проникает в недра сознания посредством прессы, телевидения, Интернета, которые становятся едва ли не главными способами формирования личности, умаляя ценность образовательного и воспитательного процессов, осуществляемых семьей, школой и культурными учреждениями и организациями государства и общества. Под этим натиском искажается целостность природы человека, низшее возвышается над высшим, стереотипное над индивидуальным, искусственное над естественным, часть над целым, патологическое над нормальным, заурядное над талантливым, примитивное над творческим, сытое самодовольство над духовным дерзновением, расслабляющая развлекательность над внутренней самодисциплиной, потребляющее над созидующим.

Часто эти две тенденции соединяются, образуя странные симбиозные артефакты. Таким образом, следует различать понятия «цивилизация культуры» и «культура цивилизации». **«Цивилизация культуры»** — это цивилизация в стадии максимальной реализации культурной программы как кода самобытного развития общества, а **«культура цивилизации»** есть культура, вызванная к существованию потребностями самой цивилизации, что не равноценно культуре данного общества, которая, обычно, значительно полнее, выше, продуктивнее, перспективнее и жизнеспособнее. «Цивилизация в противоположность культуре не религиозна уже по своей основе, в ней побеждает разум, «просвещение», но разум этот уже не отвлеченный, а прагматический разум. Цивилизация в противоположность культуре не символична, не иерархична, не органична. Она хочет самой реальной жизни, а не подобий и знаков, не символов иных миров. Цивилизация есть подмена цели жизни средствами жизни, орудиями жизни. Цели же меркнут, закрываются. Сознание людей цивилизации на-

правлено исключительно на средства жизни, на технику жизни. Соотношения между целью и средствами жизни перемешиваются и извращаются» (Н. А. Бердяев). В перевернутой пирамиде ценностей «живой человек с его счастьем и горем, с его потребностями вытеснен из центра круга интересов и место его заняли две абстракции: нажива и дело» (В. Зомбарт), т. е. сложился вполне цивилизованный человек, ориентированный на социально-материальный успех.

Упадок культуры усиливает отчуждение, расслоение и разъединение людей и лишает их какой-либо перспективы общего участия в разрешении и глобальных проблем, так как размыт или ниспровергнут интегрирующей и возвышающий смысл самого присутствия человека в универсуме. И тогда все низкое и мелкое выплескивается на поверхность и воцаряется «сплоченная посредственность», озабоченная лишь сущим — «здесь и теперь». Но долго ли может длиться это пиршество индивидов, отдаляющихся друг от друга? Распространение вестернизации порождает лавинообразную утрату культурно-цивилизационного многообразия, что (по закону Шеннона) неминуемо усилит возмущенность общественной среды и уменьшит, тем самым, шансы на разрешение экологической проблемы. Ментальность западных обществ характеризуется стремлением сведения всякого не-Я к объекту, поведение которого однозначно предсказуемо и поэтому легко контролируемо, что достигается массивированным и интенсивным созданием взамен естественной искусственной среды, где технические артефакты выполняют строго определенные функции. А это вызывает иллюзию независимости от природы. К тому же, секуляризация культуры, сыграв свою положительную роль в отстаивании позиций разума и научной рациональности, своим следствием имеет нравственное опустошение человеческой души, без чего вряд ли можно надеяться на желание и способность действовать во имя общего блага. Многие мировоззренческие установки эпохи Модерна находятся в оппозиции христианским представлениям о приоритете долга над чувственным наслаждением, сакрального над профанным, жерт-

венности над корыстью, духовного над материальным, праведного труда над спекулятивным богатством, нравственного самосовершенствования над атрибутами внешнего успеха. И постмодернизм вместо защиты идеалов Блага как единства истины, добра и красоты лишь укрепляет релятивизм во всех сегментах жизни, лишая ее каких-либо общезначимых ориентиров.

Современный кризис столь глубок, тотален, всеобщ, что затрагивает всю ткань жизнестроения человека в его отношениях к земной биосфере и объективно требует критического и радикального пересмотра итогов всего хода предшествующего развития и его «путеводных звезд» — мировоззренческих ориентиров. От типа базовых установок зависит и разное отношение к бытию. Именно идеология господства на основе однобокого рационализма, утилитаризма, анализа и социального атомизма расщепляет гармонию и умаляет полноту жизнедеятельности, видоизменяя соотношение цели (развитие человека как целостности) и средства в пользу последнего. «Этот путь открыли деньги ради денег, за ними последовало производство ради производства, потом искусство для искусства, действия ради действия, исследования ради исследования...» (С. Московичи). По мнению некоторых исследователей, углубляющийся раскол в современном мире происходит между техногенным и традиционным обществом, обусловленный разным типом мироустройства, в основе которых лежат мировоззренческие базовые ценности. В. С. Степин выделяет традиционные и техногенные цивилизации по признаку рациональности: они антиподы, ибо научная рациональность в отличие от ненаучной низводит и индивида, и социум, и природу на уровень объекта, что не позволяет устанавливать с бытием в его разнообразных видах и формах отношений диалога и живого общения, что и вызывает нарастание экологического кризиса. Поэтому на смену данному типу цивилизации идет посттехногенная с иной системой приоритетов. Вот почему вовсе неоднозначно принятие техногенного типа цивилизационного процесса в качестве образца и общего будущего всего челове-

ства. Скорее, наоборот: в таком виде он себя экологически исчерпал как универсальный код жизнеустройства. Ведь несмотря на относительную самостоятельность цивилизации, она — производная базисных ценностей, образующих своеобразную матрицу — культурный генотип, который вновь и вновь воспроизводится в череде поколений и определяет устойчивый каркас образа жизни. За противоречиями различных цивилизаций в современном мире, которые могут принимать довольно жесткие формы, в конце концов лежат фундаментальные мировоззренческие смыслы, детерминирующие стратегию отношений людей друг к другу, обществу, природе. Типологию этих идейно-нравственных проектов должного можно свести к трем вариантам: *мироотречение* (небытие привлекательнее бытия, и жизнь — подготовка к желанному уходу); *мироиспользование* (власть и наслаждение — сверхцель, остальное — подручное средство); *миропринятие* (сотворческое, соразмерное человеку и биосфере коэволюционное развитие). Миропринятие в православной отечественной традиции и русской философии означает сокровенное отношение к природе как неотчужденному от человека бытию, что возлагает на личность обязанность «благословить, осмыслить и творчески преобразить..., не осудить его внешне-естественный строй и законы и не обессилить его душевную мощь, но одолеть все это, преобразить и прекрасно оформить — любовью, волей и мыслью, трудом, творчеством и вдохновением». Но само такое преображение (синтез сохранения и изменения) как особый вид деятельности может проистекать только «из свободной глубины преображенного духа» (И. А. Ильин). Значит, как никогда раньше следует развивать культуру как противоядие чрезмерным претензиям цивилизации и заслон ее псевдокультуре, а также вырабатывать новую общечеловеческую культуру, не отбрасывая все ценное в культурах мироотвержения (принцип недеяния, сострадания ко всему живому, аскеза), миропокорения (разум, воля, активность), а органически сочетать их с идеями антропокосмизма, софийности и ноосферы.

Мировое сообщество сейчас пребывает в точке бифуркации и в этот период особенно возрастает роль духовной культуры как системы основных ценностей и смыслов, которые обязаны пресечь инерцию старого духа Модерна и вывести человечество на новую траекторию коэволюционного развития, в сферу должного и единственно приемлемого пути выживания.

Все это актуализирует формирование новой мировоззренческой парадигмы, основанной на идеях экологического императива и обновленного гуманизма, интерпретирующего человека как микрокосм, что возможно только посредством эколого-нравственного воспитания и образования на всех уровнях: дошкольном, школьном, вузовском и послевузовском.

Как тело, из которого отлетает душа, агонизирует и гибнет, так и цивилизация, построенная на когда-то здоровом, повредившемся или изначально больном духе, терпит крах, если культура не излечится от собственных недугов или не изменится и не сумеет обогатить содержание своих ценностей и смыслов в соответствии с уже возникшими или возникающими реалиями. А они таковы, что будущее человечества альтернативно и перспектива жить и выжить остается открытым вопросом, если не строить свои отношения с миром в режиме диалога, событийности и сотворчества. Это потребует борьбы, исход которой пока не определен. Ясно лишь одно: если провозглашаемый гуманизм является критерием уровня культуры общества, то практический, осуществленный гуманизм должен стать критерием новой цивилизации, а жизнь — абсолютной ценностью.

Межкультурные и межцивилизационные отношения в современном мире: противоречия, тенденции, прогнозы

Цивилизации могут включать большое число людей (китайская) или же очень небольшое (англоязычная карибская). История знает много малых групп людей, которые обладали индивидуальной культурой, не имея никакой иной более широкой культурной идентифика-

ции. В зависимости от размера и важности делалось различие между основными и периферийными цивилизациями (Бегби) или главными и остановившимися или прервавшимися цивилизациями (Тойнби).

Исследователи обычно сходятся в идентификации важнейших исторических цивилизаций и тех, что существуют в современном мире. Они тем не менее часто расходятся в том, что касается общего числа существовавших в истории цивилизаций. Квигли отстаивал 16 явных исторических случаев и 8 очень вероятных дополнительных. Тойнби сначала назвал число 22, затем 23; Шпенглер выделил 8 основных культур. Макнейл называл во всей истории 9 цивилизаций; Бегби тоже видел 9 важнейших цивилизаций или 12, если из китайской и западной выделить японскую и православную. Бродель называл 9, а Ростовани — 7 важнейших современных цивилизаций. Эти различия отчасти зависят от того, считать ли такие культурные группы, как китайцы и индусы, единой исторической цивилизацией или же двумя и более близкими друг другу цивилизациями, одна из которых отпочковалась от другой. Несмотря на эти различия, идентичность не оспаривается. Сделав обзор литературы, Мелко приходит к заключению, что существует «разумное согласие» относительно 12 важнейших цивилизаций, из которых семь уже исчезли (месопотамская, египетская, критская, классическая, византийская, центральноамериканская, андская), а пять продолжают существовать (китайская, японская, индуистская, исламская и западная). Несколько ученых добавляют еще русскую православную цивилизацию как отдельную, отличающуюся от ее родительской византийской цивилизации и от западнохристианской. Для наших целей к тем шести цивилизациям полезно в современном мире добавить еще латиноамериканскую и, может быть, африканскую цивилизации... В XX веке отношения между цивилизациями продвинулись от фазы, когда преобладало однонаправленное влияние одной цивилизации на все остальные, к фазе интенсивного устойчивого взаимодействия всех цивилизаций. Межцивилизационное столкновение культур и религий вытесняет рожденное Западом

внутрицивилизационное столкновение политических идей...

По мере того, как мир выходит из своей западной фазы, идеологии, знаменовавшие собой позднюю пору западной цивилизации, приходят в упадок, а их место занимают религии и другие формы идентичности и убеждений, в основе которых лежит культура. «Экспансия Запада» кончилась и начался «бунт против Запада». Неравномерно, с перерывами и откатами, могущество Запада в сравнении с другими цивилизациями ослабевало. Баланс военной, экономической силы и политического влияния изменился... Запад продолжал оказывать заметное воздействие на другие общества, но в его отношениях с иными цивилизациями все больше стала преобладать реакция на происходившие там события. Незападные общества, далекие от того, чтобы быть простыми объектами истории западного типа, все больше превращались в мотор и творца как собственной, так и западной истории. Экспансия Запада способствовала модернизации и вестернизации незападных обществ. Ответ их политических и интеллектуальных лидеров на западное влияние принимал одну (или больше) из трех форм: отвержение как модернизации, так и вестернизации, принятие того и другого, принятие первого и отказ от второго.

Отвержение. В XX веке усовершенствования транспорта и связи, глобальная взаимозависимость чрезвычайно подняли цену, которую приходилось платить за изоляцию. За исключением маленьких, изолированных сельских общин, готовых довольствоваться прожиточным минимумом, полное отвержение как модернизации, так и вестернизации стало невозможным в мире, становившемся все более современным и тесно взаимосвязанным. «Только самые крайние фундаменталисты, — писал Дэниел Пайпс об исламе, — отвергают как модернизацию, так и вестернизацию. Они выбрасывают телевизоры в реку, запрещают наручные часы и не приемлют двигателя внутреннего сгорания. Однако неосуществимость их программ резко ограничивает притягательность таких групп; в ряде случаев поражения, понесенные ими в насильственных столкновениях с властями, привели к

тому, что они почти бесследно исчезли». Бесследное исчезновение — таков к концу XX века общий итог политики полного отвержения. Говоря словами Тойнби, фанатизм — нежизнеспособный выбор.

Кемализм. Второй возможный ответ Западу — это тойнбиевский «иродианизм», включающий в себя и модернизацию, и вестернизацию. Исходная посылка такого ответа: модернизация желательна и необходима, а поскольку туземная культура с модернизацией несовместима, от культуры следует отказаться или же ее надо упразднить. Чтобы общество могло успешно модернизироваться, его следует полностью вестернизировать. Модернизация и вестернизация укрепляют друг друга и должны идти рука об руку. Мустафа Кемаль Ататюрк создал на руинах Османской империи новую Турцию и положил начало массированным усилиям по ее вестернизации и модернизации. Взяв этот курс и отвергнув исламское прошлое, Ататюрк превратил Турцию в «разорванную страну», в общество, которое оставалось исламским по религии, наследию, обычаям и институтам, но с правящей элитой, полной решимости сделать страну современной, западной и действующей заодно с Западом. В конце XX века несколько других стран последовали кемалистскому выбору и попытались заменить свою незападную идентичность западной...

Реформизм. Стратегия отвержения преследует бесперспективную цель — изолировать общество от современного мира, который становится все более тесным. Кемализм ставит трудную и травмирующую задачу — уничтожить существовавшую веками культуру и заменить ее совершенно новой, привнесенной из другой цивилизации. Третий выбор заключается в том, чтобы попытаться совместить модернизацию с сохранением ценностей, практики и институтов коренной культуры общества. По понятным причинам этот выбор популярнее всего среди незападных элит. В Китае к концу правления династии Цин был сформулирован девиз: «Китаец учится ради постижения фундаментальных принципов, человек Запада — ради практической пользы». В Японии эта же мысль звучала как Вакон, Йосеи, то

есть «Японский дух, западная техника».

В основе доктрин отвержения, кемализма и реформизма лежат разные представления о желательном и возможном. Для сторонников отвержения нежелательны как модернизация, так и вестернизация; они считают, что можно отвергнуть и то и другое. Для кемализма желательны и модернизация, и вестернизация, последняя — потому, что без нее не обойтись при достижении первого; обе считаются возможными. Для реформизма модернизация желательна и возможна без значительной вестернизации, поскольку та нежелательна. Таким образом, между отвержением и кемализмом существуют конфликты относительно того, желательны ли модернизация и вестернизация, между кемализмом и реформизмом — возможна ли модернизация без вестернизации.

Первоначально вестернизация и модернизация тесно связаны друг с другом, незападные общества впитывают существенные элементы западной культуры и медленно прогрессируют по направлению к модернизации. Когда же шаг модернизации начинает шириться, интенсивность вестернизации падает и местная культура начинает возрождаться. Затем модернизация меняет цивилизационный баланс между Западом и незападными обществами и усиливает привязанность к собственной культуре. Таким образом, на ранних стадиях перемен вестернизация помогает модернизации. На более поздних — модернизация двояким образом способствует девестернизации и возрождению местной культуры. На уровне общества модернизация увеличивает его экономическую, военную и политическую мощь и укрепляет доверие людей к собственной культуре, делает их более уверенными в культурном отношении. На личностном уровне модернизация рождает ощущение отчуждения и аномию, поскольку разрушаются традиционные связи и общественные взаимоотношения. Возникает кризис идентичности, ответ на который дает религия.

В этих вопросах нет постепенного приближения к культурно однородному миру. Вместо этого, по-видимому, сохраняются неизмен-

ные образцы, разработанные в четких формах на исторических и ранних стадиях развития. Теория заимствования, разработанная среди прочих Фробениусом, Шпенглером и Боземан, подчеркивает пределы, в которых цивилизации-реципиенты избирательно заимствуют отдельные элементы у других цивилизаций, приспособливают, преобразуют и ассимилируют их, чтобы укрепить и обеспечить выживание основных ценностей собственной культуры. Почти все незападные цивилизации мира существовали, по меньшей мере, одно, а в некоторых случаях и по несколько тысячелетий. Существуют наглядные свидетельства заимствований у других цивилизаций, чтобы обеспечить собственное выживание. Ученые сходятся в том, что поглощение Китаем индийского буддизма не вызвало «индуизации» Китая. Китайцы приспособили буддизм к китайским целям и потребностям. Китайская культура осталась китайской. Если китайцы когда-нибудь и позаимствуют христианство, то, скорее всего, они его поглотят и приспособят так, чтобы оно оказалось совместимым с основными элементами китайской культуры. Сходным образом арабы-мусульмане получили, оценили полезность и использовали эллинское наследие главным образом по утилитарным причинам.

Умеренная разновидность кемалистского тезиса, утверждающая, будто незападные общества могут модернизироваться путем вестернизации, остается недоказанной. Крайняя же его разновидность («незападные общества должны вестернизироваться, чтобы модернизироваться») не является универсальным утверждением.

Не только Япония, но еще и Сингапур, Тайвань, Саудовская Аравия и в меньшей степени Иран превратились в современные общества, не становясь западными. Китай, безусловно, встал на реформистский путь.

Точно так же даже самые яростные сторонники антивестернизации и возрождения исконных культур, не колеблясь, пользуются во имя своего дела такой современной техникой, как электронная почта, кассеты и телевидение.

Короче говоря, модернизация не обязательно означает вестернизацию. Незападные общества могут модернизироваться и уже модернизировались, не отказываясь при этом от своих культур и не перенимая целиком западные ценности, институты и практику. Последнее, может быть, практически и невозможно: какие бы препятствия незападные культуры ни воздвигали перед модернизацией, все они бледнеют по сравнению с теми, которые встают перед вестернизацией. Как заметил Бродель, было бы почти «по-детски наивным» думать, будто модернизация, или «триумф цивилизации в единственном числе» положит конец множественности исторических культур, которые веками воплощались в великие мировые цивилизации. Вместо этого модернизация укрепляет эти культуры и ослабляет мощь Запада. Мир в основе своей становится более современным и менее западным.

В годы «холодной войны» страны устанавливали связь со сверхдержавами в качестве союзников, сателлитов, зависимых, нейтральных и неприсоединившихся государств. После окончания «холодной войны» страны устанавливают связь с цивилизациями в качестве стран-членов (*member states*), сердцевинных государств (*core states*), одиноких (*lone states*), «надтреснутых» (*cleft states*) и расколотых (*torn states*) стран. Как у племен и наций, у цивилизаций есть политическая структура. **Страна-член** полностью идентифицирует себя с одной цивилизацией (например, Египет — с арабо-исламской цивилизацией, а Италия — с европейско-западной). Цивилизация может включать в себя и людей, которые хотя в ней и участвуют, но живут в государствах, где доминируют члены другой цивилизации. У цивилизации всегда есть одно или более мест, которые ее члены считают главным источником (или источниками) культуры данной цивилизации. Эти источники часто расположены внутри сердцевинного государства (или сердцевинных государств) данной цивилизации — наиболее мощного или основного в культурном отношении государства (или государств).

Число *сердцевинных государств* и их роль различаются от ци-

визации к цивилизации; они могут меняться и во времени. Японская цивилизация практически идентична с единственным японским сердцевинным государством. У китайской, православной и индуистской цивилизаций есть по одному абсолютно доминирующему сердцевинному государству и, кроме него, еще и другие государства-члены, а также люди, связанные с цивилизацией, но живущие в странах, где доминируют люди другой цивилизации (заокеанские китайцы, ближнее зарубежье России, тамилы в Шри-Ланке). У Запада исторически всегда бывало по несколько сердцевинных государств; сейчас у него — два ядра: Соединенные Штаты и франко-германское ядро в Европе; Великобритания — дополнительный центр силы, блуждающий между ними. У ислама, Латинской Америки и Африки сердцевинных государств нет. Отчасти это объясняется империалистической политикой западных держав, которые поделили между собой Африку, Ближний и Средний Восток, а в более ранние века и менее отчетливо — и Латинскую Америку.

Самая значительная *одинокая страна* — Япония. Никто не делит с ней ее особую культуру, даже японские эмигранты в других странах немногочисленны и не поддаются ассимиляции (например, японо-американцы). Одиночество Японии усиливается еще и благодаря тому, что ее культура в высшей степени специфична и не включает в себя какой-либо универсалистской религии (христианства, ислама) или идеологии (либерализма, коммунизма), которые могли бы быть экспортированы в другие общества и тем самым установить культурную связь с людьми других обществ.

Почти все страны внутренне разнородны и включают в себя по две или более этнических, расовых или религиозных групп. Многие страны разделены настолько, что различия и конфликты между этими группами играют важную роль в политике этих государств. Глубина разделения обычно со временем меняется. Если различия очень велики, они могут привести к массовому насилию и угрожать существованию страны. Такая угроза и движения за автономию или отделение,

скорее всего, возникают тогда, когда культурные различия совпадают с географией расселения. Если культура и география не совпадают, совпадение может быть достигнуто путем геноцида или вынужденной миграции.

Страны с особыми культурными группами, относящимися к той же самой цивилизации, могут превращаться в глубоко разделенные с реально происходящей (Чехословакия) или возможной сецессией (Канада). Однако вероятность появления глубоких расколов гораздо выше в «надтреснутых» странах, где крупные группы населения принадлежат к разным цивилизациям. Такие деления и сопровождающие их напряженности часто возникают, когда более крупная группировка, принадлежащая к одной и той же цивилизации, пытается превратить государство в собственный политический инструмент, а свой язык, религию и символы — в государственные; это попытались сделать индусы, сингалы и мусульмане в Индии, Шри-Ланке и Малайзии.

У «надтреснутых» стран, располагающихся по обе стороны линий разлома, существуют особые проблемы с сохранением единства... Разделяющее влияние цивилизационных линий разлома особенно заметно в тех «надтреснутых» странах, единство которых в годы «холодной войны» поддерживалось авторитарными коммунистическими режимами, легитимированными марксистско-ленинской идеологией. После крушения коммунизма культура заменила идеологию в качестве притягивающего и отталкивающего магнита...

Расколотые страны отличаются от надтреснутых тем, что в них преобладает одна цивилизация, но их лидеры хотят изменить цивилизационную идентичность. В отличие от людей из «надтреснутых» стран, люди из расколотых согласны между собой в том, что они собой представляют, но расходятся в представлениях, какую цивилизацию считать своей. Как правило, значительная часть их лидеров принимают кемалистскую стратегию и решают, что их общество должно отвергнуть незападную культуру и институты, присоединиться к За-

паду и одновременно модернизироваться и вестернизироваться. Россия была расколотой страной со времен Петра Великого, мнения там расходились относительно того, является ли страна частью западной цивилизации или сердцевиной особой евразийской православной цивилизации. Страна Мустафы Кемала была, конечно же, классической расколотой страной, которая с 1920 года пыталась модернизироваться, вестернизироваться и стать частью Запада. Два столетия Мексика определяла себя как латиноамериканскую страну в противовес Соединенным Штатам; в 1980 году лидеры превратили ее в расколотую, попытавшись определить Мексику как североамериканское общество. В 1990 году австралийские лидеры, напротив, попытались разорвать свои связи с Западом и превратить страну в часть Азии, создав тем самым расколотую страну «навыворот».

Расколотые страны отличают два феномена: их лидеры говорят о них как о «мостах» между двумя культурами, а наблюдатели уподобляют их двуликому Янусу...

Холодный мир, холодная война, торговая война, квази-война, нелегкий мир, запутанные отношения, острое соперничество, сосуществование-соревнование, гонка вооружений — в таких выражениях чаще всего описывают отношения между целостностями, принадлежащими к различным цивилизациям. Доверие и дружбу встретишь редко.

Межцивилизационный конфликт принимает две формы. На локальном уровне возникают конфликты по линиям разлома — между соседними государствами, относящимися к различным цивилизациям, между разноцивилизационными группами внутри государства или же между группами, которые, как в бывшем Советском Союзе и Югославии, пытаются создать новые государства на развалинах старых. Конфликты по линии разлома особенно часто возникают между мусульманскими и немусульманскими странами... На глобальном уровне возникают конфликты между сердцевиными государствами различных цивилизаций. Предметы таких конфликтов являются классиче-

скими для международных отношений. Среди них можно назвать конфликты из-за:

1) влияния на формирование глобальных процессов и на действия таких глобальных международных организаций, как ООН, МВФ и Всемирный банк;

2) военной мощи; такие конфликты проявляются в разногласиях по поводу нераспространения ядерного оружия, контроля над вооружениями и в гонке вооружений;

3) экономической мощи и благосостояния; такие конфликты проявляются в спорах по вопросам торговли, капиталовложений и другим проблемам;

4) людей; такие конфликты влекут за собой стремление государств одной цивилизации защитить своих соплеменников в другой цивилизации, дискриминировать или изгнать со своей территории людей другой цивилизации;

5) моральных ценностей и культуры; такие конфликты возникают, когда в отношениях с народами других цивилизаций государство пытается продвигать собственные ценности или навязывать их;

6) территории — время от времени; в таких случаях сердцевинные государства участвуют в конфликтах по линиям разлома, сражаясь в первых рядах.

Разумеется, эти проблемы извечно бывали источниками конфликтов между людьми. Однако если в них вовлечены государства, принадлежащие к различным цивилизациям, культурные различия обостряют конфликт. В соревновании друг с другом сердцевинные государства стремятся сплотить свои цивилизационные когорты, заручиться поддержкой государств третьих цивилизаций, внести внутренний раскол и поощрить отступничество в противостоящей цивилизации. Ради достижения своих целей страны сочетают дипломатические, политические, экономические и тайные действия с пропагандистским влиянием и принуждением. Однако маловероятно, чтобы сердцевинные государства прямо применяли друг против друга силу — за исключением таких си-

туаций, как на Ближнем Востоке и в Индостане, где они граничат друг с другом по линии цивилизационного разлома. В противном случае возникновение войны между сердцевинными государствами вероятно при двух обстоятельствах. Во-первых, они могут вспыхнуть между локальными группами по мере того, как конфликт по линии разлома эскалирует, а соплеменники, в том числе сердцевинные государства, сплачиваются для поддержки локальных воюющих сторон. Однако для сердцевинных государств противостоящих цивилизаций такая перспектива является сильнейшим стимулом к сдерживанию или разрешению конфликтов по линии разлома.

Во-вторых, война между сердцевинными государствами может начаться из-за изменения глобального соотношения сил между цивилизациями. В какой степени сходные факторы раздувают конфликт между сердцевинными государствами различных цивилизаций, находящимися на подъеме или клонящимися к упадку, зависит от того, какую форму приспособления к подъему новой державы предпочитают в этих цивилизациях: поддержание баланса или же присоединение к победителю. Вторая форма, вероятно, более характерна для азиатских цивилизаций, подъем же китайской державы, скорее, побудит государства других цивилизаций (США, Индию и Россию) постараться сбалансировать этот сдвиг. То обстоятельство, что западная история обошлась без войны за гегемонию между Великобританией и США, а сдвиг от Pax Britannica к Pax Americana завершился, по всей видимости, мирно, в значительной степени объясняется тесным культурным родством двух обществ. Отсутствие такого родства при изменении баланса сил между Западом и Китаем не делает вооруженный конфликт неизбежным, зато более вероятным. Динамизм ислама становится постоянным источником многих относительно малых войн по линиям разлома; подъем Китая — это потенциальный источник крупной межцивилизационной войны между сердцевинными государствами.

Ислам — единственная цивилизация, которая ставила под сомнение выживание Запада.

Причины постоянства этой модели конфликта кроются не в таких преходящих феноменах, как христианская пассионарность XII века или исламский фундаментализм XX-го. Они проистекают из природы этих двух религий и основанных на них цивилизаций. С одной стороны, конфликт породили различия, и, прежде всего, понимание ислама как образа жизни, выходящего за пределы религии и политики и объединяющего мусульман; это противоречит западнохристианской концепции отделения Божьего от кесарева. Однако конфликт проистекал и из сходных черт двух религий. Обе они монотеистические и, в отличие от политеистических, не могут с легкостью принимать новых богов, обе описывают мир в дуалистических понятиях «мы» и «они». Обе универсалистичны и претендуют на роль единственно правильной веры, к которой могут присоединиться все люди. Обе религии — миссионерские по характеру и основаны на вере в то, что их последователи обязаны обращать неверующих в эту одну единственно истинную веру. Родившись, ислам все время расширялся путем завоеваний; при благоприятных условиях то же делало и христианство. Параллельные концепции «джихада» и «крестового похода» не только напоминали одна другую, но и отличали две этих веры от других мировых религий. У ислама и христианства с иудаизмом — телеологический взгляд на историю, в отличие от циклических и статических взглядов, преобладающих в других цивилизациях.

На жесткий конфликт между исламом и христианством временами влияли демографический рост и упадок, экономическое развитие, технологические изменения и интенсивность религиозных убеждений.

Сопоставимое сочетание факторов обострило конфликт между исламом и Западом в конце XX века. Во-первых, прирост исламского населения увеличил число безработных и недовольных молодых людей, из рядов которых рекрутировали сторонников исламистского дела. Они оказывали давление на соседние общества и переселялись на Запад. Во-вторых, исламское Возрождение дало мусульманам новую уверенность в отличительных чертах и превосходстве их цивилиза-

ции, их ценностей над западными. В-третьих, постоянные попытки Запада превратить свои ценности и институты во всеобщие, поддерживать свое военное и экономическое превосходство, а также вмешиваться во внутренние конфликты мусульманского мира вызвали сильное негодование среди мусульман. В-четвертых, с коллапсом коммунизма исчез общий враг Запада и ислама, зато каждый из них превратился в ощутимую угрозу для другого. В-пятых, расширение контактов между мусульманами и людьми Запада, их смешение укрепляют и у тех, и у других новое ощущение собственной идентичности и того, что она отделяет их друг от друга. Взаимодействие и смешение обострили также различия в понимании прав, которыми обладают люди одной цивилизации в стране, где численно преобладают члены другой. В 80-х и 90-х годах и в исламском, и в христианском обществах терпимость по отношению друг к другу резко снизилась.

Сердцевинные страны трех «колеблющихся» цивилизаций выступают в международных отношениях как важные действующие лица; с Западом и всеми теми, кто бросает им вызов, они, скорее всего, будут устанавливать смешанные, двойственные и неустойчивые отношения. Будут меняться и их отношения друг с другом. *Япония*, со временем, мучительно переоценивая ценности, по-видимому, решится отойти от Соединенных Штатов, чтобы приблизиться к Китаю. Как и другие межцивилизационные союзы времен «холодной войны», связи в сфере безопасности между Японией и США ослабнут, хотя формально, скорее всего, никогда не будут прерваны. Отношения Японии с Россией останутся сложными, поскольку Россия отказывается пойти на компромисс в вопросе о Курильских островах.

В последние десятилетия «холодной войны» Китай успешно разыгрывал против Советского Союза и США «китайскую карту». После окончания этой войны *России* следует разыгрывать «российскую карту». Объединившись, Россия и Китай могли бы решающим образом изменить евроазиатский баланс в ущерб Западу. Россия же, действующая рука об руку с Западом, оказалась бы в глобальных вопро-

сах дополнительным противовесом конфуцианско-исламскому союзу. Для обеих стран российско-китайская связь, подобно конфуцианско-исламской, означает противодействие западной мощи и универсализму. Сохранится ли эта связь и станет ли она долговременной? Ответ зависит от двух моментов.

Первый: стабилизируются ли отношения России с Западом на взаимовыгодной основе и второй: в какой мере усиление китайской гегемонии будет угрожать российским экономическим, демографическим и военным интересам.

На отношения России с исламом наложило печать историческое наследие ее многовековой военной экспансии против турок, народов Северного Кавказа и среднеазиатских эмиратов. Сейчас Россия сотрудничает со своими православными союзниками — Сербией и Грецией, стремясь противостоять турецкому влиянию на Балканах, и с еще одним православным союзником — Арменией, чтобы ограничить турецкое влияние в Закавказье. Россия активно пыталась оказывать политическое, экономическое и военное воздействие на центральноазиатские республики, включив их в Содружество Независимых Государств и развернув в каждой из них свои вооруженные силы. Среди озабоченностей России центральное место занимает проблема запасов нефти и газа на Каспии, а также маршрутов, по которым эти природные ресурсы будут поступать на Запад и в Восточную Азию. Эти озабоченности в вопросах безопасности создают еще один стимул для сотрудничества с Китаем при сдерживании «исламской угрозы» в Центральной Азии; они же являются главным мотивом российского сближения с Ираном.

На ближайшие десятилетия отношения России с исламом будут зависеть главным образом от того, как она воспримет угрозы, исходящие от стремительного роста мусульманского населения по ее южной периферии.

Во времена «холодной войны» третье «колеблющееся» сердцевинное государство — *Индия* — была союзником Советского Союза

и вела одну войну с Китаем и несколько войн с Пакистаном. В моменты, когда ее отношения с Западом, особенно с США, не были желчными, они оставались отчужденными. После окончания «холодной войны» взаимоотношения Индии с Пакистаном, скорее всего, будут весьма конфликтными — из-за Кашмира, ядерных вооружений и общего соотношения военных сил на полуострове Индостан. Пока Пакистан в состоянии обеспечивать себе поддержку исламских стран, отношения Индии с исламским миром останутся сложными. Чтобы противодействовать Пакистану, Индия, похоже, предпримет специальные усилия, чтобы убедить некоторые исламские государства дистанцироваться от него — она уже поступала таким образом в прошлом. С окончанием «холодной войны» попытки Китая установить более дружественные отношения с соседями распространились на Индию, и напряженность между двумя странами ослабла. Однако эта тенденция вряд ли сохранится надолго. Китай активно вовлечен в южноазиатскую политику и, по-видимому, будет продолжать эту линию впредь: поддерживать тесные отношения с Пакистаном, укреплять пакистанский ядерный и обычный военный потенциал, обхаживать Мьянму с помощью экономического содействия, капиталовложений и военной помощи, создавая там одновременно военноморские базы. Китайская мощь разрастается сейчас, индийская же — может значительно возрасти в начале XXI века. Конфликт кажется весьма вероятным.

Находясь в противостоянии если не широкой конфуцианско-исламской связке, то китайско-пакистанскому альянсу Индия будет заинтересована в том, чтобы поддерживать тесные взаимоотношения с Россией и оставаться основным покупателем российского оружия. Со временем, охлаждение американо-пакистанских отношений и общий интерес в сдерживании Китая, скорее всего, сблизят Индию и США. Распространение индийской мощи на Юго-Восточную Азию не способно повредить американским интересам, зато может послужить им.

Взаимоотношения между цивилизациями и их сердцевинными

государствами сложны, нередко двойственны и переменчивы. Формируя свои отношения с государствами другой цивилизации, большинство государств любой из цивилизаций, как правило, следуют примеру сердцевинных государств. Но так будет не всегда, и, конечно же, не у всех государств, принадлежащих к одной цивилизации, будут идентичные отношения со всеми странами другой цивилизации. Общие интересы (обычно наличие общего противника в третьей цивилизации) могут рождать сотрудничество и между государствами разных цивилизаций. Конфликты, разумеется, случаются и внутри цивилизаций, особенно внутри исламской. К тому же отношения между группами, живущими вблизи линий разлома, могут значительно отличаться от отношений между сердцевинными государствами тех же цивилизаций.

Культурное и цивилизационное разнообразие мира бросает вызов западной, и особенно американской, вере в универсальность западной культуры. Эта вера выражается как в описательной, так и в нормативной формах. В описательной — она закрепляет мысль о том, будто люди всех обществ хотят усвоить западные ценности, институты и практику. Если оказывается, что у них такого желания нет и что они сохраняют приверженность своим собственным традиционным культурам, в этих людях видят жертвы «ложного сознания». В нормативном виде западная универсалистская вера постулирует: во всем мире людям следует принять западные ценности, институты и культуру, потому что они воплощают самое высшее, самое просвещенное, самое либеральное, самое рациональное, самое современное и самое цивилизованное мышление человечества.

В возникающем мире этнических конфликтов и цивилизационных столкновений западная вера в универсальность западной культуры страдает тремя недугами: она ошибочна; она аморальна; она опасна. Что она *неверна* — центральное положение этой лекции.

Вера в то, что представители незападных обществ должны принять западные ценности, институты и культуру, *аморальна*, если

принять во внимание, что необходимо для достижения такой цели. Почти универсальный охват мира европейской мощью в конце XIX века и глобальное превосходство США в конце XX-го привели к тому, что многие элементы западной цивилизации распространились по всей земле. Если незападным обществам суждено формироваться под воздействием западной культуры, то на сей раз это может произойти только в результате экспансии, развертывания и применения Западом силы. Империализм — неизбежное логическое следствие универсализма. К тому же, будучи созревающей цивилизацией, Запад больше не обладает экономическим и демографическим динамизмом, необходимым для того, чтобы навязать свою волю другим обществам. Да и любая попытка добиться этого противоречит таким западным ценностям, как самоопределение и демократия. Чем чаще представители азиатских и исламских цивилизаций будут говорить об универсальном значении своих культур, тем яснее на Западе начнут осознавать связь между универсализмом и империализмом.

Западный универсализм *опасен* для мира, поскольку может привести к крупной межцивилизационной войне между сердцевинными государствами. Такая война для Запада опасна, ибо может привести к его поражению. После коллапса Советского Союза люди на Западе считают свою цивилизацию как никогда господствующей, а между тем более слабые азиатские, мусульманские и другие общества начинают набирать силу...

Глобальная война с участием сердцевинных государств основных мировых цивилизаций весьма маловероятна, но не исключена полностью. Чтобы избежать в грядущую эпоху крупных межцивилизационных войн, сердцевинным государствам следует воздерживаться от вмешательства в конфликты, происходящие в других цивилизациях. Некоторым государствам, особенно Соединенным Штатам, будет несомненно трудно согласиться с этой истиной. Правило воздержания, заключающееся в том, что сердцевинные государства должны воздерживаться от вмешательства в конфликты внутри других цивили-

лизаций, — первое необходимое условие для поддержания мира в междивизиционном, мультиполярном мире. Второе условие — правило совместного посредничества — заключается в том, что сердцевинным государствам следует вести друг с другом переговоры о сдерживании или прекращении войн по линиям разлома между государствами или группами, входящими в их цивилизации.

Все цивилизации проходят один и тот же процесс возникновения, подъема и упадка. Запад отличается от других цивилизаций не тем, как он развивался, а особым характером его ценностей и институтов. Это особенно относится к христианству, плюрализму, индивидуализму, власти закона, которые позволили Западу сформулировать современность, расширить свое воздействие на весь мир и стать предметом зависти для других обществ. Как говорил Артур Шлезингер-младший, Европа представляет собой «источник — уникальный источник... идей индивидуальной свободы, политической демократии, верховенства закона, прав человека и культурной свободы... Это все европейские идеи, не азиатские, не африканские, не ближневосточные — за исключением случаев заимствования». Они делают западную цивилизацию уникальной, и западная цивилизация ценна не потому, что универсальна, а потому, что она действительно уникальна. И, следовательно, принципиальная ответственность западных лидеров заключается не в том, чтобы изменить другие цивилизации по образу и подобию Запада (на это его слабеющих сил не хватит), а в том, чтобы сохранить, защитить и обновить уникальные качества западной цивилизации. Поскольку США — самая могущественная западная страна, ответственность за это ложится главным образом на нее.

Тщательный анализ показывает, что возможны четыре сценария развития ситуации во взаимоотношениях Россия–Запад. Они включают в себя два «умеренных» и весьма вероятных: «преобладание конфликта» и «преобладание сотрудничества». А также два «радикальных» и маловероятных сценария: «возобновление Холодной войны» и «полная гармонизация отношений». Среди политической элиты

и населения России сложился определенный консенсус в данном пункте. Они не готовы перейти к политике уступок Западу в ущерб целому ряду интересов собственного государства. США пока, в свою очередь, не готовы полностью учитывать интересы России и создать систему равноправного диалога, на чем та настаивает. Следовательно, для руководства США необходимыми станут сложные маневры, включающие в себя как давление на Россию, так и диалог с ней.

Смысл истории, субъекты истории и проблема направленности общественного развития

Одной из задач философии истории является постановка вопроса о смысле и направленности развития планетарного социума (откуда и куда). Но уместна ли сама проблема? Если в обществе действуют жесткие, непреложные объективные законы, то вряд ли в этом можно обнаружить какой-то смысл, подобно любому закону природы (например, закону всемирного тяготения). Но если общество — продукт сознательных усилий людей, то такие поиски вполне правомерны.

В социально-философской литературе представлены различные интерпретации смысла истории:

К. Ясперс полагал, что он в движении ко всеобщему объединению культур;

Ф. Фукуяма — к состоянию демократизации и правовому миропорядку;

марксизм — к «царству свободы» — коммунизму;

В. И. Вернадский — к ноосфере;

представители русской православной традиции — к *обожению* мира.

Таким смыслом общечеловеческой истории на современном этапе может стать необходимость предотвращения глобальных угроз, носящих как экзогенный, так и эндогенный характер.

Но кто же реализует этот смысл истории? Социальные общности и социальные группы людей — субъекты!

Субъекты истории — те, кто ее делает. Это — народы, этносы, нации, массы, социальные классы и сословия, отдельные личности. Понятие «**народ**» имеет несколько значений: 1) население, т. е. все люди, живущие на данной территории; 2) трудящиеся, создающие все материальные и духовные ценности; 3) организованное целое, имеющее единую психологию, культуру, традиции, святыни. При изучении марксистской философии мы уже рассматривали феномен народа и не будем повторяться.

Этносы — большие группы людей, обладающие общностью происхождения, культуры, языка, сознанием нерасторжимости исторической судьбы и проживающие в лоне определенного ландшафта. Этносы формируются и существуют на протяжении многих веков посредством преемственной связи поколений. Основные этнические общности: род, племя, народность, нация. В рамках индустриального общества существуют **этнообъединительные процессы** (**консолидация, ассимиляция, интеграция**) и **этноразделительные** (**дивергенция и сепарация**). Отношения между этносами весьма противоречивы, подвижны и оказывают значительное влияние на содержание и ход социальных событий (пример — Косово). При их теснейшем взаимодействии следует учитывать возрастные отличия и этапы этногенеза (подъем, рост, акматическая фаза, надлом, инерция, обскурация).

Нацию обычно определяют как устойчивую совокупность людей, характеризующуюся общностью экономической жизни, территории, языка, психического склада и духовной культуры. Нация складывается в полноте своих свойств при капитализме. Многие современные ученые полагают, что именно мировоззренческие ценности являются ключевым признаком, ядром, определяющим ее суть. А национальное самосознание как стержень духовной культуры есть условие сохранения национальной идентичности. В этом смысле можно говорить об **этнокультурной** и **гражданской нации**. В современной мире по разным оценкам существует от 2500 до 5000 этносов и около 200 государств, и в каждом государстве есть свой титульный народ,

который сыграл решающую роль в его формировании и сохранении. Межнациональные отношения в XX–XXI вв. определяются двумя тенденциями: *интеграцией* и *дифференциацией*. Они могут обостряться до конфликта и принять форму фанатичного национализма, сепаратизма или шовинизма. Поэтому всеми возможными способами надо добиваться реализации следующих принципов национальной политики:

- исключение национального неравенства;
- уважение культурных традиций и интересов всех национальных групп;
- осуждение любых форм насилия в решении национальных вопросов;
- восстановление прав репрессивных народов.

Многонациональное общество, как правило, и многоконфессионально. Поэтому ужиться в такой ситуации можно лишь на основе веротерпимости и свободы совести.

Масса — социальная база потребительского общества, результат массового товарного производства индустриальной и постиндустриальной цивилизации, продукт массовой культуры. Масса — совокупность одномерных, ушедших в повседневность и мещанство людей, утопивших свою энергию и смысл в молчаливом принятии реальности и зрелищности, имеющих общие взгляды, вкусы, интересы и образ жизни. Пристальное внимание к данному феномену проявляли К. Ясперс, Ортега-и-Гассет, Г. Маркузе, Ж. Бодрийяр, С. Московичи. Безответственность, безынициативность, инертность, конформизм, присущие массе, — это самостоятельная сила, накладывающая свой неизгладимый отпечаток на социально-политическую и духовную жизнь общества.

Классы — социальные группы людей, которые различаются: отношением к средствам производства, ролью в организации хозяйственной деятельности, источником и размером дохода. Расслоение общества на эксплуатирующих и эксплуатируемых порождает эконо-

мическую, политическую и идеологическую формы классового противостояния. К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что «свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, всегда кончавшимся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов». Мысли и настроения господствующих классов являются господствующими мыслями и настроениями, ибо они через разветвленную сеть СМИ внедряются в массовое сознание, затушевывая социальную поляризацию, которая существует в реальной жизни. Концепции социальной стратификации, социальной мобильности, среднего класса, открытого общества не в состоянии опровергнуть факта растущего имущественного неравенства, что несмотря на существенные изменения социальной структуры буржуазного модернизируемого общества будет вынуждать классы отстаивать свои интересы, становясь активными субъектами исторических преобразований. Это относится и к сословиям — внутриклассовым образованиям, обладающим закрепленными в законе или обычае правами и обязанностями, передаваемыми по наследству.

Субъектами истории являются и *отдельные личности*, которые всегда вплетают свой неповторимый узор в ткань социальных событий, особенно выдающиеся. Н. К. Михайловский утверждал, что главная роль в истории принадлежит герою, а им надо «назвать человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело». Однако одинаково ущербно и абсолютизировать значение личности и уничтожать ее до нуля. Конкретная личность придает индивидуальность, неповторимость общественным процессам, она их неизбежный носитель и выразитель. Значимость ее — величина непостоянная: она чрезвычайно возрастает в переломные, кризисные периоды развития социальных систем и становится менее заметной (но не бесследной) в условиях спокойного, ровного функционирования.

Совокупная деятельность субъектов истории вызывает динамизм общественной системы. Куда же ориентирован вектор социальных перемен? Здесь нет однозначного ответа. Рассмотрим основные варианты.

Идея *регрессивного* развития общества была превалирующей до конца XVIII в. Золотой век — исходное состояние человеческого общежития, последующие эпохи — деградация. Эту мысль четко выразил римский поэт Гораций:

Чего не портит пагубный бег времен?
Ведь хуже дедов наши отцы,
Мы хуже их,
А наши дети будут хуже нас.

Сходные взгляды принимали А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, многочисленные представители экзистенциализма, хотя у каждого были свои аргументы. В пользу такой позиции свидетельствует и обострение глобальных проблем современности, порожденных техногенной цивилизацией, и рост бездуховности — уродливого детища массовой культуры.

Волнообразно-циклическая модель эволюции социума также имеет много сторонников. Ее истоки следует искать в древнеиндийской, древнекитайской, античной философии. Основная мысль: изменения в обществе подчинены закону повторяемости и обратимости. Образно подобный тезис высказал итальянский мыслитель XVII в. *Дж. Вико*, который разделил историю на три этапа: век богов, век героев и век людей.

Н. Я. Данилевский, рассматривая проблему развития общества, выделил в нем основные культурно-исторические типы (египетский, китайский, ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, арабийский, европейский), подчиняющиеся законам роста и упадка и вносящие, специфический вклад в динамику мировых отношений.

О. Шпенглер дифференцирует исторический процесс на египетскую, индийскую, вавилонскую, китайскую, греко-римскую, византийско-арабскую, западно-европейскую, майя и русско-сибирскую общности, каждая из которых, имея свою особую душу, выраженную понятиями красоты и гармонии или магии, или истины, или порядка и т. д., осуществляет тысячелетний цикл и завершается неизбежным погружением в состояние стагнации.

Английский историк и культуролог **А. Тойнби** разработал концепцию круговорота «локальных цивилизаций», которые, будучи неповторимыми по содержанию, тем не менее, проходят пять неотвратимых стадий развития: возникновение – рост – надлом – разложение – гибель. А стимулом, способствующим трансформациям общества, являются вызовы, т. е. умеренно неблагоприятные условия естественной среды и социального окружения. Ответ на угрозу и есть выбор оптимального пути, осуществляемый «творческим меньшинством».

Л. Н. Гумилев трактует человеческую историю как неравномерное изменение этносов, детерминированное пассионарностью молодых, творческих, заряженных избыточной энергией общностей, борющихся за жизненное пространство со старыми, находящимися на стадии нисхождения в силу доминирования в их структуре субпассионариев, ориентированных на гедонизм, индивидуализм и конформизм, причем этот процесс этногенеза характеризуется периодическими колебаниями.

П. Сорокин экстраполировал идею экономической цикличности и длинных экономических волн на социокультурную реальность, эволюция которой, по его мнению, проходит следующие фазы: *идеациональная*, где преобладает стремление к истине; *идеалистическая*, связанная с приоритетом идеологии и *чувственная*, в лоне которой господствует тяга к удовольствиям.

История как всеобъемлющий *прогрессивный процесс*, подчиняющийся единым закономерностям, представлена в *идеалистическом* варианте наиболее полно концепцией *Гегеля*. Объективный и

необходимый характер социальной эволюции обусловлен разумом абсолютного духа, который не зависит от воли отдельных личностей и народов, но который реализуется только посредством деятельности людей. Т. е. индивиды, сознательно преследуя свои частные интересы и цели, в итоге получают такие результаты, которых они не ожидали и которые являются некоторой реальностью, а уже с ней следует соизмерять свои действия. Тем не менее, история — это «прогресс в сознании свободы». По степени наличия в сознании этой свободы Гегель и выделяет основные этапы всемирной истории и наиболее значимые типы лидирующих народов в ее эволюции: восточные (Египет, Индия, Китай, Персия), античные (Греция и Рим), германские (после реформ Лютера), смена которых обозначала и трансформацию в осуществлении свободы, которая может быть отражена в такой последовательности: 1. свобода одного при несвободе всех; 2. свобода меньшинства при несвободе большинства; 3. свобода большинства, перерастающая в свободу всех.

К. Ясперс также трактует историю как процесс, имеющий единые истоки и общую цель. Он выделяет «осевое время» (800–200 гг. до н. э), когда в разных точках планеты возникло осознания человеком бытия в целом и самого себя посредством первых религиозно-философских систем, понятия и принципы которых и по сей день определяют жизнь людей. Неотвратимая тенденция истории — переход от систем локальных культур к единой человеческой культуре, основой которой выступает наука. В этом и цель и смысл эволюции социума.

Материалистическая интерпретация истории наиболее зримо реализована в *марксизме*. Ее суть: производительные силы и производственные отношения, образуя экономическую субстанцию любого общества, определяют в общих чертах и в конечном итоге всю иерархию общественных отношений: и политико-правовую и социально-культурную сферы общества во всей их полноте.

Историю часто воспринимают как прогресс. Актуальной и пре-

обладающей данная точка зрения стала с эпохи Просвещения и сейчас глубоко укоренилась в массовом сознании, приобретя характер бессознательной веры. Но в чем состоит критерий этого прогресса? **Критерий** — это показатель, индикатор, мерило, т. е. то, посредством чего можно выявить и определить степень приближения или отдаления системы от изначально зафиксированного уровня ее исходного состояния. Предлагались разные варианты: Кондорсе — разум, Сен-Симон — братство, солидарность людей, Шеллинг — правовое устройство государства, Гегель — сознание свободы, Белл — наука и техника.

При определении критерия общественного прогресса многие указывают на целесообразность **комплексного** подхода, исходя из правильной мысли о сверхсложности и структурированности социума как многоуровневого образования. Тогда для экономической сферы таким специфическим критерием станет уровень развития производительных сил, для социальной — рост свободы и справедливости, политической — правовое государство и демократизация, духовной — саморазвитие и совершенствование личности. Однако недостатком подобной трактовки является трудность или невозможность применения количественных методов оценки уровня прогрессивности общества в целом. Это, во-первых. А во-вторых, например, экономический рост автоматически не ведет к социальному или духовному расцвету и наоборот, ибо социальные процессы многоплановы и противоречивы. Поэтому комплексный критерий не может быть выбран в качестве общесоциального мерил социального прогресса, что отнюдь не означает его неприменимости для сравнения обществ, стоящих на одноступенчатых уровнях развития. А не достойна ли **производительность труда** обрести такой статус. Увы, производительность труда фиксирует лишь статику, то, что есть в данный момент времени, не учитывая внутренние ресурсы, резервы и перспективы, таящиеся в глубинах общественных структур.

Представляется, что этот критерий — **интересы развития производительных сил**, т. е. ускоренное, оптимальное, масштабное и

гармоничное сочетание как вещественных элементов: предмет труда, орудия труда, технология, инфраструктура, научный комплекс, так и людей, их созидательных творческих потенциалов; интересы, сопряженные с возможностями биосферы планеты во имя сохранения целостной природы человека.

Ибо как верно подчеркнул Р. Рождественский:

Все прогрессы реакционны,
Если рушится человек.

Прогресса в чистом виде не существует, он всегда связан с негативными сторонами. Так, техническое развитие оборачивается созданием средств массового поражения, экономический рост оказывает загрязняющее влияние на биосферу Земли, подрывая основы планетарной Жизни.

ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕКА

1. ЧЕЛОВЕК — СИСТЕМНОЕ ТРИЕДИНСТВО
2. ЭКОЛОГО-ТЕХНОГЕННЫЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ВИДА И ГУМАНИЗМ

Человек — системное триединство

Без знания человека, его природы и сущности невозможно глубокое проникновение во множество других проблем и их серьезное осмысление. И не случайно «самый главный предмет в мире... — это человек, ибо он для себя своя последняя цель» (Кант). Трудность, однако, состоит в том, что сам образ человека менялся в последовательности культурных эпох. Так, если в иудейско-религиозной традиции он рассматривался как сотворенное Богом существо, в эллинской — как разумное, в философии А. Шопенгауэра и Ф. Ницше — как волящее, то в прагматизме и марксизме — как деятельностный индивид. И этот перечень можно продолжить. Но наша задача попытаться синтезировать основные точки зрения и дать интегрально-понятийное видение данного феномена.

Человек как родовая субстанция многолик, в истории представлен совокупностью индивидов — носителей однотипных и специфических социально-психологических, национально-этнографических и интеллектуально-эмоциональных черт. *Человек* — системная целостность, нерасторжимое и неслиянное единство биологического, социального и духовного начал, что и составляет его природу. Человек как живая система — *тело* (организм) — отличается от других представителей органического мира лишь более высокой степенью сложности и организации, а, будучи его частью, подчинен действиям непреложных естественных законов. Генная основа, тип нервной системы, темперамент, фенотип, базовые задатки и первичные потребности — все это наследуется индивидом и от него не зависит. Оказывает ли телесность влияние на самобытие человека? Если в период становления

Homo sapiens социальные факторы канализировали биологическое развитие путем закрепления мутаций и перекомбинации генов, способствующих увеличению размеров мозга и усложнению его структуры, навыкам речи, общению и деятельности, то после формирования (40 тысяч лет назад) в условиях верхнего палеолита биологическая эволюция *Homo sapiens* практически завершилась и развитие человека в дальнейшем продолжалось исключительно в форме социокультурогенеза. Антропогенез складывался как адаптация к среде обитания. Поэтому изменения абиотических и биотических условий, освоение более суровых экологических ниш и дифференцированных биоценозов давали толчок для развития гоминид. Образование социокультурной среды и общественно-трудового образа жизни усиливали эту стимуляцию. Более приспособленные к изначальной среде (неандертальцы) начали отставать, а менее адаптированные должны были создавать искусственную техносферу. Но такая ориентация (как возможность) уже имелась и была во многом детерминирована именно особенностями биологических предпосылок данного подвида.

Вышел ли современный человек за рамки требований естественной природы и своей собственной натуры? Продолжается ли в нас жизнь далеких предков? Оказывает ли на нас воздействие весь путь, пройденный предшествующей эволюцией? Ослабло ли обратное влияние телесности на социокультурные измерения человека? Попытаемся ответить.

«Наш позвоночник начал формироваться еще на стадии рыб. О родстве с нами свидетельствуют и жаберные щели, которые в двухмесячном возрасте трансформируются в горло. Легкие, голову и пятипалую ладонь мы получили в наследство от амфибий и рептилий. Теплую кровь и живорождение — от млекопитающих. От обезьян — хватательную способность рук и стереоскопическое зрение. От высших приматов у нас рудиментарный копчик. И, самое главное, наш мозг имеет три слоя: нижний, рудиментарный — наследие стадии пресмыкающихся, средний, центральный — наследие древних млекопитаю-

щих и только верхний слой — кора головного мозга, центр разума, формировался на стадии Ното» (Д. Ламберт). Это означает эколого-эволюционную невозможность отрыва человека от породившей его материнской основы.

Асимметричность же головного мозга, т. е. преимущественное развитие правого или левого полушария, предопределяет врожденную склонность к различным видам деятельности, интерес к гуманитарной или научно-технической проблематике. Вот почему жизненно необходимо чутко прислушиваться к голосу собственной природы при выборе профессии и основного рода занятий. Но всегда имеющаяся в человеческих популяциях определенная дифференциация лиц с ярко выраженными межполушарными функциональными смещениями обладает, по всей вероятности, тенденцией увеличения доли «левополушарных» людей. Наблюдающийся технократизм, прагматизм, утилитаризм, расчетливость, формализм, аналитизм, аморализм, оскудение чувств — все это побочные результаты дисгармонии в работе левого и правого полушарий головного мозга. Первое «курирует» область логического мышления и вербально выраженной речи, а второе — образно-символическую сферу интуиции, переживаний и творчества. Современный глобальный экологический кризис — порождение угнетения именно такой, самой глубокой и интимной, части человеческой психики под натиском научно-технической рационализации и информационных технологий, когда вопросы смысла, ценностей и нравственности игнорируются. Верно замечено: «нас должно страшить не развитие науки самой по себе, а развитие науки без развития человека, без духовного наполнения знания» (К. Х. Делокоров).

Исследования также подтверждают воздействие генетических факторов на интеллект человека.

Серьезные ученые, проведя анализ умственных способностей различных возрастных и социально-стратифицированных групп (в том числе, моно- и дизиготных близнецов), указывают на врожденную предопределенность. По мнению Л. Томпсона и Р. Пломина, на-

пример, именно гены ответственны более чем на 70 % за вариативность IQ, на 50 % — за характер личностных отношений и на 40 % — за различие интересов. Аналогичные данные содержатся и в книге «Колоколообразная кривая», в которой объектом изучения является интеллектуальный потенциал США. Если среднее значение IQ равно 100 ± 15 баллов, то первый класс умственных способностей составит 125–150 и выше, второй — 110–125, третий — 90–110, четвертый — 75–90 и пятый — 50–75 баллов. Оптимальным признается такое распределение: 50 % выборки — третья подгруппа и по 5 % — первая и пятая. Установлено, что уровень общего интеллекта у большинства людей растет лишь до 11–20 лет и после практически не меняется. Накоплено достаточно фактов, свидетельствующих о биологических основах таланта и гениальности. Дети, лишившиеся своих родителей, по коэффициенту интеллектуальности гораздо ближе к родной матери, чем к приемной.

Наследственное играет важную роль в формировании личности. Так, согласно Д. Гоулману, рассмотревшему степень влияния врожденных и средовых факторов на процесс становления основных качеств личности (а совокупное воздействие = 100 %), получился следующий расклад:

- стремление к эмоциональной и социальной близости — 33;
- осторожность (рациональность) — 43;
- доминирование мотивации достижения — 46;
- враждебность (агрессивность) — 48;
- сдержанность (уравновешенность характера) — 51;
- оптимизм — 54;
- отчужденность — 55;
- склонность к воображению — 55;
- консерватизм — 60;
- стремление к лидерству — 61.

(Характеристики личности расположены по шкале возрастания значения биологической преданности).

Ряд наблюдений показывает, что жизнь — пульсирующий, волнообразный процесс, имеющий критические точки, «узлы», в которых происходит качественная перестройка всего организма.

Такой интервал примерно равен 6,25 года. С позиций хронобиологии 25-летие — пора мощного интеллектуального развития (зарождение самых смелых планов, совершенно новых идей и проектов), а конец следующего периода характеризуется созданием «шедевров», доведением до высших кондиций ранее задуманного. Поэтому упущенные потенциальные возможности каждого этапа жизни — невосполнимая утрата, а их оптимальное использование — несомненное благо. Но чрезмерное насыщение индивида информацией и попытки броском «перескочить» на следующую ступень взросления (или вернуться), будучи неадекватным данному возрасту, могут привести к истощению организма, иногда необратимому. Психофизиологические колебания, если научиться к ним прислушиваться и управлять ими, — условие полноценности и плодотворности жизни. Их ломка, проходящая под знаком получения немедленной отдачи, экономической эффективности и полезности, обесценивает существование, лишая его полнокровной радости и обрекая на неустойчивость и неопределенность поколенческого статуса.

Есть веские основания считать, что «сбои» в геноме человека сопровождаются рассогласованностью биоритмов, что может способствовать как ускоренному старению и преждевременной смерти, приводя к протогерии, когда биовремя «уплотняется» в разы и человек, прожив всего 8–10 лет, успевает пройти все стадии цикла от рождения, младенчества, отрочества, возмужания, зрелости, старчества и предельной ветхости до кончины, так и остановке эволюции на какой-то ступени.

Биологически predetermined и общее состояние здоровья, в том числе и психическое. Обобщение совокупности данных, полученных при наблюдении однойяцевых (ОБ) и двуйцевых (ДБ) близнецов, помогает определить вклад и условий жизни, и генетических

свойств в этот процесс, особенно в случаях воспитания монозиготных близнецов с раннего детства в разной социальной среде.

«Совпадение диагнозов у ОБ для шизофрении составляет около 67 %, для маниакально-депрессивного психоза — 73 %, для эпилепсии — 61 %, для умственной отсталости — 94 %. Для ДБ эти цифры значительно меньше: соответственно 12, 15, 12, 43 процента». В среднем же, психические болезни «регистрируются у одного процента населения...». Т. е. роль наследственности весьма велика (А. Нейфах).

К аналогичному ряду феноменов относятся и данные определенной склонности к преступной деятельности, вероятность реализации которой существенно варьируется в зависимости не только от социальных обстоятельств и превратностей индивидуальной судьбы, но и от специфических черт интеллекта и характера, обусловленных, в свою очередь, генной программой. Конечно, над этой проблемой нависает тень Ломброзо, однако, когда-то и лекции Фрейда встречались яростным негодованием, а теперь психоанализ пользуется большим авторитетом в медицинских кругах. Главное — факты. Опыт же изучения заключенных свидетельствует: «если один из двух ОБ преступник, то в среднем в 68 % случаев преступником является и второй ОБ. Существенно, что и тип преступления (хулиганство, воровство, мошенничество, убийство) обычно оказывается одинаковым. Для ДБ вероятность стать преступником значительно ниже — 28 %, но все же достаточно велика» (А. Нейфах).

А воспроизводство в сознании архаических переживаний и символов, являющихся исконными способами приспособления человека к той далекой окружающей среде, возможно потому, что в психике человека присутствуют не только его сугубо субъективно-индивидуальные начала, но и надличностные основы коллективного бессознательного опыта, совокупности древнейших архетипов, объединяющих столь разных людей и наиболее ярко выражающихся в мифологических построениях. Кроме того, наша психика содержит в себе образы этнического и национального мироустройства, спе-

цификации которых отражаются в поведении и менталитете разных народов.

Гипотеза о пассионарных толчках, определяемых космобиосферными (а не социальными) энергетическими возмущениями, также сочетается с признанием определенной цикличности психофизиологических процессов, активно влияющих на волнообразный процесс взлетов и падений творческого потенциала. Статистический анализ собранных данных (на примере деятельности выдающихся композиторов, поэтов, писателей, художников, ученых) красноречиво свидетельствует о взаимосвязи творческого процесса с природными ритмами, особенно с пульсациями радиационной и магнитной активности Солнца. Ее максимумы наиболее благоприятны для реализации индивидуальных инновационных замыслов (одиннадцатилетний период). Но обнаруженные за последние 400 лет восемнадцать всплесков кривой рождений знаменитостей при средней продолжительности ритма 22,7 года, также характеризуют выделенную закономерность применительно и к групповому сознанию.

Значение телесности и психики в жизни человека все ощутимее проявляется в новаторских областях научного знания. Так, с позиций трансперсональной психологии во внутреннем мире индивида содержатся блоки — системы конденсированного опыта (СКО), которые коррелируют с событиями внешнего уровня. Доказывается существование перинатальной стадии сознания и клеточной памяти о явлениях внутриутробного развития. С. Гроф выделяет четыре этапа этого процесса и, соответственно, четыре базовых перинатальных матрицы (БПМ), в лоне которых закладываются фундаментальные особенности характера человека и его тип отношений к людям и природе. Для БПМ–I характерно формирование биологических и психических состояний, связанных с переживаниями безопасности, покоя, безмятежности и родства. Но все зависит от образа поведения матери и ее здоровья, так как в «плохой» матке, загрязненной и отравленной токсинами, положение совершенно иное. Поэтому здесь могут всплыть и

разные архетипические реакции. БПМ–II — время движения плода в родовом канале до открытия матки, ему присущи тревога, дискомфорт, страх. БПМ–III — период борьбы за выход из канала после раскрытия матки, в интервале которого «вырисовываются» сексуальные желания и комплексы. Во внешней действительности (в случае формирования садомазохистских ориентации) данному состоянию соответствуют сцены насилия, военных действий и т. п. БПМ–IV является собой комплекс чувств радости ликования и свободы в момент и сразу после рождения. Каково было самочувствие эмбриона, и как успешно он прошел основные стадии внутриутробной эволюции — все это важно для дальнейшей судьбы индивида. Ибо «легким рождением закладывается программа легкого преодоления всех трудных жизненных ситуаций», а кесарево сечение, преждевременные роды и осложнения «предопределяют наличие жизненных проблем, связанных с различными планами на будущее». Поэтому суицидальные наклонности, алкоголизм, наркомания, агрессивность, сексуальные аномалии имеют и перинатальные корни. Сама массовость подобных явлений указывает на распространенную травму вынашивания и рождения, что «является потенциальной основой для многих крайних эмоций». Общая травма — общее переживание — общая память — общий мотив — общее действие. И причины варварского отношения к природе также следует искать в глубинах человеческой психики, начало зарождения которой обусловлено сложной взаимосвязью субъекта с внутриутробной средой.

А несомненной заслугой социобиологии как синтеза теории эволюции и социологии явилось исследование биологических детерминантов социального поведения.

Другое дело, что представители данного течения допускают две крайности: первая — сугубо социальные характеристики экстраполируются на биологический уровень; вторая — исключительно социальным действиям приписываются биологические импульсы. Но в любом случае — изучение связи социального и биологического —

шаг в правильном направлении интегрального исследования феномена человека.

Существенное значение в жизни людей имеет половая дифференциация и гиперсексуальность. Не исключено, что повышенная агрессивность и зачатки асоциального поведения коренятся в этой сфере. Половая дифференциация, присущая лишь позвоночным, — эволюционно прогрессивное явление, так как благоприятствует более интенсивному образованию самых разнообразных генетических сочетаний и мобильной адаптации к новым условиям окружающей среды. Различия в репродуктивных органах выражаются в терминах «мужское» и «женское». Если самки олицетворяют собой как бы долгосрочную «память» и инерционную устойчивость, то самцы — подвижную оперативную информацию, которая сперва осваивается ими и лишь после «выбраковки» случайных генетических блоков передается популяции самок. Эволюция пола шла в следующей последовательности:

- 1) По мере увеличения размера мозга возрастало значение «научения» и снижалась роль и эффективность гормональной регуляции;
- 2) Усложнялась структура сексуального поведения;
- 3) Автономизировалась и крепла сила полового влечения при уменьшении потенциала размножения.

В онтогенезе человека в момент зачатия создается хромосомный, или генетический пол (XX — самка, XY — самец), определяющий программу развития организма и спецификацию половых желез (гонадный пол), которая «вчерне» заканчивается на 7-й неделе. До этого периода зародыш — бисексуал, так как зигота обладает возможностями движения как в сторону женского, так и мужского пола. Самцовость определяется половыми клетками, которые значительно меньше, многочисленнее, мобильнее, чем у самок. Только в сперматозоиде есть хромосомы, детерминирующие будущий пол. В дальнейшем соответствующие клетки мужской гонады начинают активно производить половые гормоны (андрогены) вплоть до 32-й недели,

после чего совершают как бы обратный путь, оставаясь до начала полового созревания в атрофированном состоянии. Можно сказать, что спонтанно зародыш человека является преимущественно женским до тех пор, когда под воздействием андрогена на определенной фазе внутриутробного развития тот, который имеет Y-хромосому, не превратится в мужской. Т. е. если организм не получает дополнительных импульсов и «команд», то он на всех стадиях идет по женскому варианту. Следовательно, для создания мужского природа тратит большее количество энергии, а «расплатой» за это является повышенная заболеваемость и смертность у мужчин. Формирование у плода мужских или женских внутренних репродуктивных органов и наружных гениталий, а также определенных отделов головного мозга, «курирующих» половые различия в поведении — все это зависит от фетальных андрогенов. В «полосе» полового созревания, гонады продуцируют половые гормоны, под влиянием которых образуются вторичные половые признаки и первые эротические «хотения». В результате чего окончательно складывается половая и сексуальная идентичность взрослого человека. Гены—гормоны—мозг—поведение — вот четыре незаменимых элемента данного процесса. Сбои или нарушения в любом из них могут иметь крупные и необратимые последствия. Так, мозг (в зависимости от особенностей индивидуальной жизни человека) может трансформировать и направить в новое русло развития предшествующий информационный поток. Поэтому не всегда морфологические и соматические признаки совпадают с половыми «сюжетами» в психике. Если пол характеризуют анатомо-физиологические признаки, то поведение, мысли, чувства, фантазии (как культурно-психологические явления) обозначаются понятием «гендер», который может быть мужественным или женственным. Так как разделение полов никогда не бывает совершенно законченным (в каждом проступают черты противоположного), то этим объясняется и закон полового притяжения как избирательного отношения людей друг к другу (от неприязни и безразличия до симпатии и безумной страсти). В основе

всего — взаимодополняемость: если, предположим, мужское и мужественное совпадают в одном человеке, то для него максимально подходящим партнером будет женщина с выраженной женственностью. По сходной причине и юноша 18–21 года инстинктивно «тянется» к более старшим по возрасту и опыту женщинам. Кроме того, выявлена взаимосвязь стиля половой жизни и типа личности. Экстраверты начинают ее раньше интровертов и амбивертов, чаще имеют сексуальные контакты, с большим числом партнеров и в более разнообразных формах. Они легко сближаются с лицами противоположного пола и получают большое удовлетворение от своей сексуальной активности. Сдержанные интроверты предпочитают устойчивые, утонченные и индивидуализированные отношения. Расстройство потенции и оргазма значительно интенсивнее «посещают» людей со слабым типом нервной системы. Максимальные трудности в сексуальной сфере испытывают те, кто недостаточно коммуникабелен, эмоционально заторможен, обладает комплексом неполноценности и пониженным самоуважением.

Известно, что у «нормального» мужчины андрогены составляют 78–80 %, а эстрогены (женские гормоны) — 20–25 % всех половых гормонов. Половое влечение тогда будет обычным гетеросексуальным. Распределение 50 на 50 обуславливает бисексуальную модель поведения. При наличии у мужчин 20–25 % андрогенов и, соответственно, 75–80 % эстрогенов происходит нарастание гомосексуальных настроений. А обладатели 10–25 % мужских гормонов (80–90 % женских) склонны к изменению собственного пола. И все эти варианты биологически детерминированы. Транссексуализм, например, означает существенное расхождение между полом и тендером. Люди, убежденные в принадлежности к противоположному полу, любой ценой стремятся приобрести телесные свойства (в том числе, и гениталии), внешность и социальный статус, присущие желаемому полу. Отклоняющееся ли это поведение? Верно ли, что биологически детерминированное должно быть и социально нормальным? В самой общей форме

можно утверждать, что естественное и нормальное — все же разные понятия. Биологической нормой является такое использование гениталий, которое «задействует» органы размножения и сориентировано на потенциальное деторождение. Всякое иное: или однополая связь (лесбиянство, гомосексуализм), или неадекватное применение (онанизм, зоофилизм), или получение сексуального возбуждения не от самосущего реального объекта, а от его принадлежности, или нанесения ему урона или повреждения (фетишизм, мазохизм, садизм, некрофилизм) — все это отклонения от «эталона», созданного эволюцией человеческого рода как живой популяционной общности, (доходящие до патологии). А социальной нормой является исторически сложившийся типовой способ сексуального поведения, закрепленный в культуре данного общества и освященный авторитетом традиции, морали и религии. Да, признание сексуальных меньшинств — атрибут современной демократии. Трансформировалось и отношение к добрачным половым связям. Да, сладострастно-опьяняюще и вызывающе звучит тезис: «Норма не то, что приемлемо для общества, а то, что приемлемо для участников акта». Однако подобные тенденции и попытки выдать сексуальные извращения разного рода за норму или вообще элиминировать это понятие свидетельствует лишь об увеличении числа субъектов бисексуальной и гомосексуальной ориентации, само появление и распространение которых вызвано, не в последнюю очередь, нарушением функционирования половых центров и координирующих их работу соответствующих участков мозга еще на стадии формирования организма. И ухудшающееся состояние окружающей среды — не только фон или сопутствующий феномен, но и одна из значимых причин этого явления.

Конечно, в своих главных чертах человек создается обществом, но то место которое он займет в нем, зависит и от типа темперамента, и от особенностей характера, и от иррационально-психологических предрасположенностей. Существует два основных врожденных способа преобладающей ориентации: вовне (на объект) и внутрь себя

(на субъект). В первом случае индивид — *экстраверт*, и ему присущи такие свойства как открытость, приветливость, веселость, общительность. Во втором — *интроверт*. Скромность, застенчивость, сдержанность — ведущие признаки такой личности. А в лоне одного и того же типа существует более детализированная градация по признаку преимущественного развития мышления, ощущения, эмоции или интуиции.

Уместно отметить, например, что отнюдь не все, а лишь представители пяти (по мнению профессора психиатрии А. Личко) *психологических типов* имеют, как правило, шанс добиться политической власти. *Гипертим* отличается хорошим настроением и самочувствием, самоуверенностью, оптимизмом, работоспособностью, готовностью к энергичным действиям в сложных условиях. Отличный тактик, никудышный стратег — он плохо разбирается в людях. Хуже всего переносит вынужденную изоляцию и бездеятельность. *Истероид* характеризуется неиссякаемой жаждой внимания и сочувствия к своей особе, доходящей иногда до симуляции самоубийства. Актерство — его природный талант. Истероид, рвущийся к власти, всегда оппозиционен. Яркие обличительные речи на митингах, собраниях, в парламенте — театральность и лицедейство. Его бытие подпитывает состояние общественного кризиса и неразберихи. Обладающий властью он лишь изображает управление государством, стремясь к внешней славе и популизму. *Шизоид* являет собой личность одинокую, скрытную, с трудом вступающую в контакты, не имеющую настоящих друзей, не умеющую сопереживать, склонную к цинизму и жестокости. *Паранойяльная личность* также имеет свои специфические черты: беспредельная преданность символу, нетерпеливость и нетерпимость, злопамятливость, подозрительность воинственность и агрессивность, коварство, переоценка значения собственной персоны. *Эпилептоид* внешне спокоен, медленно думает, говорит и двигается, осторожен, мелочно бережлив и аккуратен. Крайне мстителен, склонен к периодическим приступам злобной тоски и гнева, сопровождаемым сексу-

альными оргиями и запоями, тяготеет к садизму и мазохизму. Следует особо подчеркнуть, что в пределах каждого психологического типа есть широкий диапазон его представителей от безумцев до гениев. Таким образом, человек от рождения уже имеет набор определенных требований к социальной среде и его интенции, видоизменяясь в процессе жизни, тем не менее, определяют устойчивый вектор всех поступков.

Каждый индивид как природное существо обладает изначальными базовыми потребностями, некоторым балансом желаний, способностей, эмоций, которые реализуются, модифицируются или репрессированы общественными структурами, но не исчезают бесследно, а частично остаются в сфере бессознательного, подспудно продолжая свою работу.

Каков же человек по природе своей? Какие качества в нем преобладают? Если Руссо превозносил естественные черты индивида, то Ламетри считал воспитующую роль общества ограниченной и недостаточной, чтобы искоренить дурные качества людей. Скорее всего, ближе к истине Дидро, указывающий на противоречивость человеческой природы. Мы далеки от того, чтобы давать оценочные суждения по данной проблеме, однако при всей относительности моральных интерпретаций, нельзя обойти вопрос о том, каково распределение в обществе этих, порой диаметрально противоположных ориентации. Бесспорно, огромное влияние оказывает возраст, социально-культурный контекст, особенности воспитания и т. д., но нельзя игнорировать генетически унаследованные на уровне безусловных рефлексов формы поведения. Эксперименты на животных (в частности, на крысах) зафиксировали совершенно разное отношение особей к своим сородичам: от нестерпимого «пренебрежения» до жертвенности. Наибольшее количество — около 45 % — составили неопределившиеся (обучающиеся) члены популяции, 31 % — прирожденные «альтруисты», 24 % — «эгоисты» (В. И. Свинцов). Методологически неверно переносить на человеческое сообщество такое соотношение, но исключить вообще биоло-

гические предпосылки также нельзя. Отсюда следует, кроме того, что существует мера социализации и воспитуемости. Данное утверждение подкрепляется результатами множества специальных социологических и психологических исследований.

Понимая условность всяких границ, все же было бы целесообразно выделить основные *фазы онтогенетического развития человека как тела: формирующееся* (с момента зачатия) — *сформированное* (достигшее видовой зрелости) — *стареющее*. Это позволяет перейти от абстрактного к более конкретному и глубокому знанию биологии человека.

Обобщая ранее сказанное, можно сделать общий вывод: человек как биологическая система, будучи результатом длительной космической и биосферной эволюции, содержит в себе последовательные стадии развития материи и, являясь «микрокосмом», детерминирован им и объективно заинтересован в сохранении природы, органической частью которой он является и из лона которой он возник. Поразительную синхронизацию и сходство главных вех природы и человека демонстрирует инфляционная модель Вселенной.

Подчеркивая неискоренимую значимость телесности, нельзя редуцировать человека к его материальной основе, как пытаются делать представители социобиологии. Это не позволяет объяснить факт ускорения и усложнения социальной жизни при незначительных трансформациях биологических структур. Телесность — лишь одна из сторон человеческой жизнедеятельности. Несмотря на высоту организации, чрезвычайную восприимчивость, пластичность и обучаемость, человеческая особь при рождении — самое неспециализированное, неприспособленное и незащищенное существо, спасаемое от неминуемой гибели только обществом, которому оно обязано также появлением и развитием черт, недоступных животным (прямохождение, речь, сознание, например). Поэтому не верно отождествлять социальное и биологическое или разъединять их на рядоположенные составные части. Биологическое, включенное в ткань социальных связей,

подчиняется организующим и управляющим системам последних, приобретая статус биологии человека. Ведущая роль социума выражается в том, что он активно, постоянно, разнообразно и тотально влияет на биологический базис существования, приспособлявая его к выполнению сугубо общественных ролей и функций, удлиняя период биологического созревания и зрелости и затормаживая процесс старения, перестраивая механизм регуляции психо-физиологических ритмов, культивируя изменения как внешнего, так и внутреннего тела (потребности, желания, импульсы, реактивность и т. д.).

Не случайно в современном обществе доминантные группы, обладая властью и способом воздействия через СМИ путем использования новейших технологий, эффективно модифицируют внутреннюю природу людей, т. е. сами потребности, мотивы и чувства таким образом, чтобы манипулировать ими в своих экономических и политических интересах. Овладев душой и телом человека, «власть не только подавляет, но и интенсифицирует искусственные телесные желания и уже не просто обманывает людей, а делает их такими, какими нужно» (Б. В. Марков). Результатом такой обработки выступает масса, в субъективном мире которой главенствуют запросы «хлеба и зрелищ», установки на сущее, а не на должное.

Масса — характеризует население, образцом жизни которого является функционирование хорошо отлаженной машины. Здесь нет инициативы, угасла жажда и энергия самосовершенствования, обезличено «Я». Господствуют анонимные силы, перед которыми индивид испытывает смутную тревогу и страх при одновременном поклонении им (рациональности, узаконенным порядкам, стандартам и нормам потребления и поведения), и, пользуясь плодами внешней свободы, теряет внутреннюю. Человек растворяется в общественных страдах, становясь их функцией. Но чем меньше собственных внутренних детерминант, тем сильнее влияние внешних, которые, однако, начинают восприниматься как внутренние.

Если можно утверждать, что эволюция *Homo sapiens* как вида в

основных чертах завершена, то в пределах его самого она продолжается под воздействием процессов труда, общения и познания. Не следует только абсолютизировать податливость биологических составляющих человеческого существа и априорно-положительные последствия для их социализации. Если тело «не может рассматриваться как природная данность или неизменная субстанция» по причине его социализованности и окультуренности, то отсюда вовсе не вытекает отрицание его изначальной устойчивости (из поколения в поколение воспроизводятся определенные типы генетических программ, темпераментов, склонностей, задатков и т. д.), а эластичность самой природной субстанции не исключает определенных ограничений. Социализация не отменяет биологию. И хотя разнообразные факторы общественного давления «интенсивно преобразуют «естественное» человеческое тело», оно продолжает сохранять свою специфичность в качестве материальной основы жизни и определяет собой границы возможных трансформаций.

В процессе совместного развития некоторые органы тела атрофируются, другие существенно изменяются. Это вызвано противоречиями и несоответствиями между социальными требованиями и резервами организма. Чрезмерная нагрузка, ослабление или истощение биологического потенциала неминуемо приводят к дезорганизации общественного мироустройства, к дегуманизации жизни и росту патологических проявлений во всех формах. Суицид, алкоголизм, наркомания, токсикомания, проституция, преступность, бродяжничество, маргинальность — все это характеристики социальной дезадаптации, обусловленные не только крахом ценностных ориентации и идеалов, но и трудностями или даже невозможностью человеку как живой системе оптимально адаптироваться к постоянно обновляющимся условиям социальной среды.

Общественное в индивидуе — *личность* — определяется как общим ходом исторического процесса (макросреда), так и сугубо своеобразным контекстом бытия (микросреда). Человек всегда и везде

«погружен» в отношения с другими людьми. Поэтому незаменима по значимости первая встреча ребенка со взрослым (чужим опытом), создающая саму возможность человеческого бытия. Выпадение из лона общественных взаимодействий или изоляция всегда, но особенно на ранних стадиях становления личности, сопровождаются разрушительными последствиями (иногда необратимыми), так как увеличивают вероятность высвобождения импульсивно-инстинктивных реакций и провоцируют переход эволюции на путь развития по биологической линии. Всякий раз «в каждом младенце господство социального над биологическим завоевывается сызнова, опираясь на социальный опыт человечества, не передаваемый генетически... «Человек среди волков» становится волком» (Н. Кейзеров). Социум формирует, интегрирует, приобщает личность к уже сложившимся нормам, установлениям, традициям и т. п. Через систему обучения и воспитания общество готовит индивида к выполнению уже «расписанных» ролей и функций. Не индивид определяет свое положение, образ действий и мировоззрение. Он сам детерминирован социальной реальностью (настоящим), некоторой программой-матрицей, и его жизнь — реализация этих готовых и навязываемых ему (иногда принудительно) стандартов.

Справедливо критикуя ортодоксальный марксизм за игнорирование биологического фактора социальной эволюции, нельзя не отметить, что заслугой его является обоснование активной роли социальных отношений в становлении личностных черт человека, отношений, базирующихся на процессах производства и воспроизводства средств существования посредством диалектики производительных сил и производственных отношений, определяющих развитие всей совокупности надбиологических форм жизнедеятельности и, тем самым, индуцирующих развертывание сущностных сил человека как социального существа.

С самого рождения человек — сплав биологического и социального, который присутствует в нем на всех стадиях его жизнедеятель-

ности. Другое дело, что в своем развитии человек все более становится общественным существом по мере воплощения в своих действиях социально-полезного содержания. Поэтому социальное социальному — рознь. Следует различать главные *периоды жизни личности: процесс формирования, процесс развития уже сформированной личности и процесс деперсонализации*.

Каковы черты сформировавшейся личности? Разумность, ответственность, достоинство? Это верно, но определяющим элементом бытия людей является деятельность, и социальная зрелость человека в наиболее полном и адекватном виде выражается посредством нее. «Каков человек... в своих действиях..., таков он внутренне, и если он лишь внутренний, т. е. если он остается только в области намерений, умонастроений, если он «добродетелен», «морален» и т. д., а его внешнее не тождественно с его внутренним, то одно также бессодержательно и пусто, как и другое» (Гегель).

Так как главный вид деятельности — создание общественно-значимых ценностей, то в этом плане человек становится полноценной личностью по мере его превращения в активного субъекта материально-духовного производства и совершенствования социально-политических отношений в качестве гражданина, субъекта познания, общения и сознательного носителя нравственно-эстетических ценностей. А фаза деперсонализации означает сужение спектра социальной активности и снижение уровня творческого и профессионального мастерства. Грани здесь также подвижны и относительны, но они объективно существуют, и стадийность развития личности не жестко, но коррелирует с аналогичной ритмикой жизнедеятельности организма (тела).

Сам процесс становления настоящей личностью сопровождается действием факторов, его затрудняющих:

– малый размер современной (нуклеарной) семьи, что часто сопряжено с потаканием капризам, мелочной опекой, попытками всячески уберечь от забот одного-единственного ребенка. «Разумное вос-

питание, конечно, вещь трудная: сказать любимому ребенку «не смей» или «нельзя» не особенно весело, гораздо легче постоянно видеть его веселое личико. Но в таком чувстве нет настоящей деятельной любви к ребенку. Это лень ума и воли, порождаемая отсутствием сознания ответственности... это, в сущности, грубейший эгоизм, подготавливающий новый эгоизм...» (А. Ф. Кони). Результат не замедлит проявить в узкокорыстном поведении, пренебрежении к другим людям. Стихийно культивируется «я хочу» как определяющий принцип жизни. Такой человек «не способен пойти даже на самую малую жертву (не говоря уже о подвиге), которая хоть в какой бы то ни было мере могла бы ущемить его личные интересы, угрожать его покою и благу» (Б. Соловьев);

– отсутствие или умаление (особенно в условиях города) личного примера работающих родителей. Ребенок чаще видит их отдыхающими, да и проводят свой досуг они по-разному, что способствует образованию у детей представления о труде как о чем-то чуждом, внешнем, необязательном. А ведь ранние впечатления неизгладимы и первичные индивидуальные потребности формируются задолго до превращения человека в самостоятельный субъект;

– затягивающийся процесс приобщения к активной созидательной деятельности. Здесь скрыта опасность зарождения иждивенчества и потребительства;

– миграция, урбанизация, приводящие к ослаблению контроля за поведением человека и часто обрекающие его на одиночество среди многолюдья, вынуждающие к суррогатам общения и времяпровождения. И если общественно необходимые нормы и принципы не стали внутренним убеждением, то возможны отрицательные поступки. Но выбор образа действий — выбор себя. Поэтому индивид всегда несет ответственность за свои дела перед социумом;

– ускорение темпа социальной жизни в условиях НТР сопровождается крутой ломкой устоявшихся понятий, обычаев и ценностей, увеличивается разрыв между поколениями, и это может лишить мо-

лодого человека точки опоры. Требуется, следовательно, дополнительная и неослабная работа по сохранению и развитию прогрессивных элементов нравственного и культурного наследия предшествующих периодов с учетом современности;

– недооценка гуманитарного воспитания, которая своим итогом имеет понижение культуры чувств и эмоциональное обеднение души. Никакое развитие интеллекта не способно компенсировать этот пробел. «Идея, вычитанная или услышанная, пожалуй, понятая как должно, но не проведенная через собственную натуру, не получившая отпечатка вашей личности, есть мертвый капитал» (В. Белинский);

– семейное неблагополучие, индуцирующее возникновение и закрепление симптомов деструктивных психологических качеств (жадность, лживость, жестокость, например) и провоцирующее соответствующие типы отклоняющегося поведения.

Быть личностью — значит, быть сопричастным обществу, занимать определенную позицию, осуществлять себя в качестве гражданина, профессионала, члена семьи, элемента культурно-цивилизационных процессов. Быть личностью — удовлетворять социально-ориентированные потребности путем изменения и преобразования вовлеченной в технико-технологическое русло природной действительности. Усваивая опыт общественной жизни (ценности, знания, навыки, запреты, нормативно-поведенческие установки), человек становится личностью, т. е. индивидуализированным средоточием, «узлом» исторически сложившихся связей и отношений. Но вхождение в эту систему — сложный и весьма противоречивый процесс, включающий в себя и стихийное влияние самих объективных условий существования, и целенаправленно-регулируемое образование, осуществляемое государственными и частными организациями и учреждениями, и самовоспитание. Вне социального общения не может состояться человек. Даже одежда, марка автомобиля, поза, жест, запах, взгляд, улыбка обладают значимой символикой и активно воздействуют на него. Кроме того, и физическая дистанция между

людьми — информационно-содержательна. (Так, чем ближе сидит ученик к преподавателю, тем быстрее и глубже он осваивает предмет и имеет лучшие отметки; чем деспотичнее власть, тем удаленнее ее представители от непосредственного контакта с народом). Личность, конечно, не безразлична к жизненному успеху. Условно, но можно утверждать, что человек западной культуры видит его в вещном измерении (иметь), в продвижении вверх по лестнице социальной стратификации. Будущее — все, настоящее — ничто. Восточная традиция иная: довольствуйся тем, чем обладаешь, береги и цени его, ибо время и обстоятельства могут отнять и это. Успешность жизни (быть) — в ее устойчивости, в преодолении сиюминутных соблазнов и мимолетных желаний. Оптимально же, на наш взгляд, жизненный успех предполагает как сохранение самоопределяющегося «Я», так и наличие определенного уровня материального благополучия, профессионального мастерства и общественного признания.

Какова же роль собственности в этом процессе? С одной стороны, она есть мера человеческой свободы, независимости, значимости и поэтому следует всячески умножать количество собственников. С другой — она таит опасность, опасность порабощения человека (не только ее лишенного, но и самого ее владельца), постепенно и незаметно превращающегося в персонифицируемую функцию капитала. И тогда «душа отступает перед долларами. Священник превращается в ритуал, стряпчий — в свод законов, механик — в машину, матрос — в корабельный канат» (Р. У. Эмерсон). Если говорить о России, то неизбежны вопросы: «Как нажита собственность: честным, добросовестным трудом или обманом, подкупом, насилием? Как она используется: эффективно и с учетом интересов людей и природы или нет?» Конкретный ответ определит и отношение к той модели рыночной экономики, которая реализуется в стране. Поэтому спектр тенденций слияния с социумом и выделения из него очень широк. Личность мобильна и постоянно соотносит себя с собой. Так, *самоуважение* определяется степенью соответствия преобладающей потребности (за-

дачи, цели) ее адекватному воплощению, что математически выражено в известной формуле У. Джеймса:

$$\text{Самооценка} = \frac{\text{Успех}}{\text{Притязание}}$$

Она, однако, всегда коррелирует с мнением окружающих, особенно тех, кто для данного индивида является авторитетом. Кроме того, наблюдения и специальные эксперименты, проведенные по методике С. Милгрэма, выявили весьма значительную степень внушаемости, а также подчинения и почтения к заявленному и социально-санкционированному постулату-предписанию, что сопровождалось принижением значения морального решения и низводило личность до уровня простого агента-исполнителя. Обнаруживается и другая интересная закономерность: чем выше статус индивида в социальной иерархии, тем больше привлекательных качеств ему приписывают, притом совершенно добровольно (рост, внешность, интеллект и т. п.).

Будучи порождением развивающейся микро- и макросреды, личность неизбежно дифференцируется, и ее типология зависит от критерия, положенного в основу классификации. В рамках теоретических координат не потеряли свою научную ценность наиболее аргументированные позиции марксистской философии по данному вопросу:

– общественно-экономические формации, с присущими им способами производства, формируют и соответствующие исторические типы;

– социально-классовая принадлежность — существенный фактор становления социального качества человека;

– масштаб и глубина вклада в исторический процесс «оттеняет» великую личность от рядовой;

– общая направленность человеческой деятельности детерминирует реакционность или прогрессивность личности.

В западной социологии чаще фиксируется диапазон того, как человек относится к обществу (от принятия до полного отвержения).

Конформист, фанатик, изгой — олицетворяют такую разность. Для конформиста характерно уподобление окружающим, податливость, уступчивость, безоговорочное разделение господствующих стандартов. Главное — встроиться в отлаженный механизм и не выходить за очерченные рамки стиля жизни, модели поведения и набора вещных атрибутов. По мнению социологов, к этой категории относится большинство населения (мещанство, обыватели) и именно оно, согласно технократическим проектам, готово безропотно принимать ценности «общества потребления» и доверить экспертам и менеджерам роль ведущего. Пассивную или активную негативную реакцию на бездушные, отчужденные и запрограммированность демонстрирует изгой. Он, обладая повышенной чуткостью, субъективностью, духовными устремлениями, не находя приемлемых способов реализации своего «Я», будучи невостребованным обществом, отторгается от него (добровольно или вынужденно). Существенно для него — не отречься от себя самого. Такие люди не укладываются в схему, живут часто вопреки собственной выгоде, «играют не по правилам» и поэтому с точки зрения узких прагматиков опасны, ибо неуправляемы. Протестом против рационально-машинных норм поведения, попыткой возродить чувственное начало и вернуть гармонию между людьми и природой явилось такое молодежное движение XX века как хиппи. Совершенно иначе ориентирован фанатик, который тяготеет к авторитарности. Сраженность с неким идеалом, идеей столь велика и полна, что индивид скорее отдаст свою и чужие жизни, но «не поступится принципами». Социальная реальность — лишь средство, материал, препятствие на пути к воплощению «мечты» любой ценой. Согласно Э. Фромму, подспудно в основе такого поведения лежит внутренне агрессивное начало (мертволюбие), т. е. стремление все живое превратить в вещь, послушный механизм, чтобы легче господствовать над ним. Из таких людей вербуются палачи, надсмотрщики, надзиратели, террористы, экстремисты. И, хотя биологические задатки таких ориентаций существуют, само общество создает условия для распространения предста-

вителей подобного типа, культивируя насилие как метод решения социальных проблем.

Естественно, что различия в социально-психологическом облике личности оказывают неоднозначное воздействие на ход исторических событий. Конформист — одно, а харизматический деятель — другое.

В известном смысле личность — «идеальное образование. Для собственно личности не нужны вещи, для нее важны отношения» (С. Ф. Минакова), определяющие место в социальном пространстве возможностей, в системе господства и подчинения. Цель — быть востребованной, а для этого необходимо отвечать критериям полезности для общественных институтов и организаций, т. е. стать средством их функционирования.

Но все ли определяемо внешним? Все ли потенции человека реализуются и востребуются социумом? Исчерпывается ли полнота бытия им? Нет. Уже по мере смены формаций утрачивается жесткость и однозначность связи внешнего и внутреннего, случайного и социально запрограммированного. Появляется понимание непожизненного, преходящего характера положения, собственности, сферы занятости, с одной стороны, и устойчивости «Я» как субъективной самодостаточности при любых превратностях судьбы, подлинной первоосновы человека, намерения, цели и мечтания которого не всегда могут осуществиться — с другой. То, что происходит со мной, обусловлено во многом моим внутренним началом и зависит только от меня. Следовательно, личность — лишь часть в системе человеческого бытия, которое содержит в себе еще парадоксальную возможность «взгляда со стороны», способность дистанцироваться как от собственного тела, так и от собственной личности, т. е. некоторую избыточность, коренящуюся в духовности.

Но прежде чем перейти к более углубленному исследованию феномена духовности, будет уместным кратко воспроизвести историю изучения вопроса о структурированности самого человека.

Уже в лоне античности сложились образы человека как двусос-

тавного (телесно-духовного) и трехсоставного (тело–душа–дух) существа, все части которого находятся в диалектическом взаимодействии. Если в философии Платона человек являет собой сочетание тела, души и ума и соразмерен Космосу, который также есть «единое живое существо», то у Аристотеля намечается отход от органичности в сторону формализованной механистичности, противопоставляющей ум всему сущему. И в эпоху Нового времени именно такое воззрение возобладало. В дальнейшем секуляризация и распространение материализма усилили данную позицию, что затронуло и мораль человека: из связки «тело–душа–дух» постепенно выпали третья, да и второе звенья как нечто явно не рационализируемое и не сводимое к точным и экспериментально доступным описаниям. Упрощение коснулось и психологии, которая стала изучать не душевно-духовные явления, а психику, трактуемую как процесс отражения объективной реальности на основе деятельности мозга и органов чувств. Произошла редукция психики к физиологии, ибо только тело как устойчивое морфофизиологическое образование могло быть объектом приложения естественнонаучных методов познания, принимаемых за эталон. В лучшем случае, человек понимался как соотношение биологического и социального.

Но двумерность или одномерность — искажение полноты человеческого существования, особенность которого состоит в том, что индивида следует рассматривать не только в контексте его наличного бытия, но и в модусе долженствования, т. е. в трансцендентальном измерении. Сегодня, когда происходит интенсивный диалог науки, философии и богословия (особенно в области человековедения), следует внимательно отнестись к «наработкам» христианской, в том числе — и православной, психологии. Здесь встречаются два взгляда на человеческую плоть: «тело — сосуд дьявола» и «тело — храм души». В первом варианте имеет место противостояние тела и души. «Убивай грешное тело, умерщвляй пакостную плоть свою, не давай врагу веселиться. Всячески утомляй тело постом и трудом, чтоб не смогло

оно, скверное, с твоим духом бороться» (П. И. Мельников). Во втором — подчеркивается неразрывное единство. «Есть тело душевное, есть тело духовное». Но в обеих интерпретациях телесности отводится подчиненная роль. «С какой осторожностью мы устраним телесные раны, с какой тревогой врачуем их, а ранами души пренебрегаем. Мы так непомерно боимся гибели тела потому, что она видна глазами телесными. В смерть души, потому что ее никто не видит, верят немногие, совсем мало, кто боится ее, хотя эта смерть настолько страшнее той, насколько душа предпочтительнее тела, насколько Бог выше души» (Э. Роттердамский). Не обилие ли реально существующих мертвых душ так потрясло и трагически ужаснуло Н. В. Гоголя?..

Что же такое душа и каково ее место в структуре человека? *Душа* — прежде всего сфера эмоционально-чувственных переживаний и ценностных предпочтений, аккумулирующая в себе интимно-глубинные порывы и влечения в их чрезвычайно динамичной и сложной взаимосвязи с «откликами» на требования социально-природной микро- и макросреды. Жизнь души — радости, страдания, ожидания, разочарования, сомнения и т. д. Душа занимает срединное положение между телом и духом, испытывая на себе их постоянное воздействие. Отсюда — ее противоречивость и импульсивность. «Ведь и в душе есть своя красота и свое безобразие, одно любимо Богу, другое — дьяволу; подобное подобному» (Э. Роттердамский).

Говоря о душевных аффектах и явлениях, нельзя не провести различие между понятиями потребности, страсти и греха. Если *потребность* — способ регулирования поведения, детерминированный необходимостью обладания чем-либо, то *страсть* — одержимость. В святоотеческой литературе обычно выделяют восемь главных страстей: *чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие* и *гордость*, которые так связаны между собой, что усиление предыдущих индуцирует усиление последующих. Поэтому и рекомендуемый рецепт борьбы с ними: начать с обуздания исходных и последовательно переходить к искоренению остальных. В рамках право-

славной традиции мы находим и предостережения относительно помыслов, ведущих к возникновению и развитию желаний, становящихся (если не принять адекватных и своевременных мер) страстями. Выявлены, например, следующие стадии такого процесса: *прилог, сочетание, сложение, пленение*. Результат — порабощенность души. Но «иное суть страсти, и иное грехи. Грехи... самые *действия* страстей, когда кто приводит их в исполнение на деле, т. е. совершает телом те дела, к которым побуждают его страсти, ибо можно иметь страсти, но не действовать по ним» (А. Дорофей). Освобождение же души от страстной зависимости достигается аскезой и внутренним усилием — подвигом, что может привести к росту в ней самой духовного потенциала.

В контексте нашего исследования дух — часть трансцендентной реальности, которая переживается и принимается как несомненное Благо, раскрытие коего в своем «Я» и есть реализация сущности человека. Индивид, следовательно, лишь человекоподобен (не состоялся) в той мере, в какой не пробудил, не сохранил, не развил и не реализовал свою душевно-духовную экзистенциальность. *Дух* — упорядоченная разумом, окрыленная верой, укрепленная волей, согретая любовью, высветленная надеждой, нравственно обогащенная устремленность души к этому идеалу (гармонии истины, добра и красоты) который воспринятый субъективно, тем не менее все осязаемое выкристаллизовывается в форме онтологического зова бытия. Духовность как поиск высших смыслов и ценностей, конечно, противостоит повседневности и обыденности, но лишь для того, чтобы попытаться внести созидательные и преобразующие начала во все сегменты действительности. Однако если сам дух ощущается как нечто ниспосланное или дарованное (а не выработанное) и не произрастает органично из душевной основы, он может быть выхолощен чрезмерной рациональностью и выродиться в фанатизм. Поэтому будет недоволенностью и самоутверждение человека вне духа или души, и самоутверждение в ущерб личности, в ущерб телесности и природе. Только

целостность человека — оптимальный путь его совершенствования, что отнюдь не исключает, а предполагает иерархическую соподчиненность. Главное — «не принять свинью в себе за Бога» (Л. Н. Толстой).

Не будучи отражением, инстинктом, продуктом интеллекта, *духовное* (как особое состояние души) — это то, что:

- в чувствах, сознании и поведении воссоздает утраченное единство людей;
- возвышает достоинство индивида;
- реализует внутренние глубинные порывы ставить себя на место другого и следовать нравственному категорическому императиву, чутко прислушиваясь к голосу собственной совести;
- вносит смысл и ценности, ради которых стоит жить и умереть;
- способствует принятию своих несовершенств и их преодолению через самотворчество, как движение к подлинности;
- стимулирует рост бескорыстного, любовного отношения к людям и миру;
- придает человеку стойкость и твердость в жизненных испытаниях;
- окрыляет и увеличивает полноту жизни;
- предполагает волю как решимость следовать избранному пути и гарантирует сохранения человеческого в человеке в любых пограничных ситуациях;
- детерминирует собой настоящее, так как формирует стратегическую целевую установку, целостный образ должного;
- открывается человеку как некая транссубъективная реальность, как требование, признание, первозамысел, задание, миссия;
- являет себя как искание абсолютного в относительном, безусловного в условном, бесконечного в конечном, устойчивого в изменяющемся, всеединого в отдельном.

Первая улыбка ребенка — открытие «Я» — персонализация — индивидуализация — универсализация — такова эволюция человеческого духа, которую можно выразить и так: *играющий–созидающий–*

—*созерцающий* дух. Для первого этапа характерно конструирование реальности посредством воображения и фантазии. Выбор еще не сделан. Границы возможного и невозможного расплывчаты. Мир — пластичен. Время бесконечно. Огонь творчества разгорается все ярче, и языки пламени колеблются во все стороны. На следующей ступени активно и энергично воплощаются жизненные проекты в разных сферах деятельности на основе разума и воли. А фаза созерцания олицетворяет собой мудрость, знание меры, сосредоточенность на главном, углубленность в себя, извлечение «уроков» проживаемой жизни.

Если существование (природа) человека представлена тремя лицами, то какова его *сущность*? Социал-дарвинизм, ницшеанство, фрейдизм и социобиология усматривают ее в биологическом базисе, марксизм — во влиянии социальных отношений, религиозно-идеалистические системы — в изначальной духовности, понимаемой как образ и подобие Божие.

Да, сущностью человека является духовное, ибо только через него реализуется свобода выбора, самоосуществление, свой путь и своя ответственность, ориентация не на внешнее «надо», а на внутреннее личное решение. Природное и социальное — исходные предпосылки, от которых нельзя уйти. Но они лишь средство и материал для «архитектурного ансамбля» человеческой жизни, замысел которого таится в духовных глубинах творца-человека. Индивид как самоопределяющееся духовное существо деятелен и независим от наличных условий (не абсолютно, конечно), так как способен видоизменять и тело (генная инженерия, евгеника, трансплантация органов и т. д.), и общество сообразно своим представлениям о справедливости и равенстве. Индивид живет «здесь и сейчас» как социально-биологическая монада, но духовно он неограничен. И тогда — «все — пустота, если человек отпал от своего истока и нуждается во внешнем, и если он не обращает внимание на изобилие в себе, но уступает своей смертной природе, не познав истинное «Я»» (Порфирий). Даже если образ Божий дан человеку от рождения, то уподобиться ему —

задача, сверхсложная, так как требует максимума собственных усилий по преодолению разнообразных соблазнов и распознаванию ложных кумиров, Духовное, следовательно, можно трактовать не как некий «дар свыше», а как спрессованную в индивидуальной душе человека культуру и предшествующих поколений, и своих современников, т. е. как плод совместных и собственных исканий, впитывающий в себя нравственные подвиги лучших представителей человечества. В культуре и аккумулируется духовный опыт народов мира.

Идентификация себя только с телом или личностью — это их фетишизация, придание им несвойственного значения, что равносильно отчуждению от своей сущности. Может ли существовать человек без сущности? Может. Может ли он ее потерять? Может. Возможен ли псевдочеловек? Возможен. Труднее или легче жить без духовности? Легче. Т. е. человек, погружаясь в повседневность, тотально отдает себя ей, теряя духовный ориентир и превращая свою овещенную личность из инструмента нахождения собственной подлинности в конечный и единственный смысл существования. Как духовное существо человек процессуален, открыт будущему и принципиально незавершен.

Духовная работа, однако, — нацеленность «Я» не только вглубь себя, но и вовне, — подготовка к совершению Поступка. Результатом ее становится индивидуальность. Каждый ли человек — индивидуальность? В чем она выражается? *Индивидуальность* — неповторимость, уникальность индивида, образуемая из особенностей развития и функционирования организма и личности как изначальной данности при определяющем значении духовности как самотворящей деятельности. Если две первые составляющие как бы наследуются, то третья — исключительная привилегия творческого индивида. Обретают эту компоненту саморефлексирующие, ищущие достойного выбора из множества альтернативных вариантов субъекты. Служение общечеловеческим ценностям и идеалам в свое время, в условиях своего исторического периода — это и есть духовная попытка усовершенство-

вать действительность, упорядочить быстротечность событий, встать над ними и выстоять вопреки им, что возможно лишь при условии, что сам дух обладает свободой. Однако диалектика внутренней и внешней свободы сложна. С одной стороны, если духовно несвободному человеку предоставить внешнюю свободу, он воспримет ее как бремя. О духовно несостоявшихся индивидуальностях свидетельствует подчинение сиюминутному, конформизм, создание кумиров и идолов. С другой стороны, индивидуальность утрачивается под влиянием тоталитарных режимов, подавляющих репрессивными методами всякое инакомыслие и инакодействие, выхолащивающих из культуры общечеловеческое содержание. Индивидуальность, стало быть, важнейшее достояние человеческой культуры. Ее антипод — толпа, мещанство как усредненная посредственность. «Масса никогда не поднимается до уровня своих лучших представителей, но, напротив, деградирует до уровня худших. Как говорят реформаторы, это принижающее равенство, а не возвышающее», — констатировал еще в 1833 г. Г. Торо. Индивидуальность имеет два уровня: данность и обретение. Как *данность* (и в этом нет особой заслуги человека) индивид уникален в качестве социально-биологического существа. *Обретение* же осуществляется посредством собственных, порой титанических, напряжений и эволюций, поражений и подвигов духа. Каждый индивид — индивидуальность, но не каждый индивидуален в подлинной, духовной ипостаси.

Духовное развитие человека концентрируется в таких фундаментальных направлениях, как поиск смысла жизни, творчество и любовь.

Проблема предназначения жизни — единственная, которая до последних глубин и основ затрагивает не только ум, но и сердце человека, все его существо без остатка. «Оправдана ли моя жизнь?», «Для чего она мне дана?», «Удалась ли она?», «Во имя чего стоит жить?» — никто не может уйти от этих вечных и «проклятых» вопросов. Но чем раньше о них задумываются, тем адекватней возможный

ответ. Уже само рассуждение о смысле жизни свидетельствует о большой внутренней работе и является фактором духовного развития индивида. Этим стимулируется открытие своего сокровенного «Я», самосозерцательная сосредоточенность и серьезность, формирование самодостаточности и образование идеалов, значимых для человека. Посредством данного вопроса выражается отношение к существующему, соотнесение его с системой базовых ценностей. Человеку важно обрести смысл (и тем самым обосновать свое значение в бытии) не в призрачно-отдаленной, а именно в настоящей, сегодняшней жизни. Для чего? Чтобы осуществить его, внося свой вклад, оставляя свой след. И здесь должны быть необходимо учтены не только мотивационные порывы, но и результаты деятельности. «По плодам их узнаете их». Но серия действий самих по себе иногда являет обыкновеннейшую рутинность. Пытаясь уклониться от поиска смысла собственной жизни, многие люди целиком погружаются в повсеместные заботы и дела, дробясь на множество частных обязанностей и, может быть, инстинктивно боясь признания факта пустоты своего существования, бурной поверхностной активностью маскируют и компенсируют этот «пробел». Но загнанный на задворки психики этот вопрос неизбежно «всплывает» самым неожиданным образом, особенно в кризисные периоды, в ситуациях кардинального выбора и решения. И может случиться так, что будет уже поздно что-либо изменить или исправить.

Но уместен ли сам вопрос? Ведь бытие наполнено несправедливостью, несбывшимися надеждами и ожиданиями, разочарованиями, нелепыми случайностями и превратностями судьбы, преобладанием страданий и жестокой игрой природно-социальных процессов, которым следует подчиняться. Космос, история, культура внутренне противоречивы в своих тенденциях. И все же жизнь не бессмысленна, ибо:

– утверждение нашим разумом абсурдности эмпирической реальности предполагает наличие именно смысла как эталонной инстанции, с которой ее и сравнивают. Да и как тогда из всеобщей бес-

смыслицы мог появиться сам этот вопрос?;

– человеческую жизнь нельзя рассматривать в отрыве от космической и земной эволюции, высшей стадией которой она и является. Обесмысленность жизни — пресечение всего предыдущего поступательного развития;

– человек не только интеллектом осознает неустроенность бытия, но и душой своей переживает неудовлетворенность жизнью. Значит, мы не полностью захвачены этой реальностью, но, ощущая ее пределы, стараемся полностью перестроить мир «под себя», влекомые чем-то более высоким и устойчивым. Само чувство беспричинной тревоги и тоски — показатель не только диссонанса и дистанции, но и сопричастности с должным;

– стремление к иному качеству и уровню бытия при отсутствии абсолютного совершенства в эмпирической данности приводит к утверждению, что искомое уже есть. Где? Вне человека? Нет, в глубинах человеческого бытия. В самом деле, индивид оценивает, изучает, изменяет и осмысливает действительность, т. е. относится к миру определенным образом. И это отношение во многом обусловлено не социальными условиями и телесными потребностями, а самим сознанием, имеющим, стало быть, фундаментальные установки (самоочевидные непреложные требования, достоверно устанавливаемые внутренним оком как предданные ценности, от которых нельзя отступить и которые определяют жизненную позицию и стратегию самого существования), сориентированные на безусловное Благо.

Как же решается вопрос о смысле жизни в истории философии? Древнегреческая этическая концепция *гедонизма* основным движущим началом человеческого поведения объявляла чувственные наслаждения. *Эвдемонизм* ведущую ценность жизни усматривал в достижении не скоротечных утех и удовольствий, а гармоничного и стабильного состояния внутренней свободы и покоя (атараксии), что предполагало уже умение силой воли обуздывать и преодолевать темные страсти. Для *стоицизма* только нравственная добродетельная

жизнь, т. е. осуществленная сообразно логосу (мировому разуму) достойна человека. Индивиду жизнь даруется, а какой она будет — зависит от него самого. Необходимо стойко и мужественно переносить удары судьбы и не терять бесстрастия (апатии), творя добро максимально большому кругу людей. **Кинизм** же человеческий удел сводил к реализации самых необходимых естественных потребностей и желаний, что обеспечивало бы предельно возможную независимость от социальной среды, столь нужную для получения истинного знания, сопряженного с моралью. А **утилитаризм** за критерий смысла жизни принимал расчет, выгоду, полезность (по мнению И. Бентама, например, никто для другого не пошевелит и пальцем, если не увидит в этом своего интереса).

Но как сочетать общий и частный интерес? Можно ли принудить человека поступиться личным ради общественного? А возможно ли в принципе бескорыстие?

Без любви к себе нет человека, но **себялюбие** как субъективная форма переживания собственной жизни весьма многолико и дифференцируется на несколько основных типов. **Эгоистическое** себялюбие означает принятие себя в качестве единственной и высшей во всех отношениях самооценности, заботу о себе прежде всего и в ущерб интересам других людей, которые используются лишь как средство для достижения цели. **Эгоцентрическое** — любование собой, но не любим, а находящимся в фокусе общественного внимания. Для такого человека характерно желание быть на виду, на переднем плане, быть замеченным любой ценой (одеждой, манерой поведения, маркой автомашины и т. п.). **Альтруистическое** — также своеобразная форма самоуважения, но доходящее до уничтожения собственной самобытности и независимости, до беззаветного «отдания» себя другому. Это может быть и человек (муж, родители, начальник, возлюбленный), и конкретное дело (строительство, профессиональный рост, наука), и политическое движение или партия. Такое слияние чревато растворением личности в ином, вплоть до утраты индивидуальности.

Со-бытийное себялюбие есть бытие для себя, но не изолированного, а добровольно вовлеченного в многообразные соотношения с миром людей, природных стихий и культурных артефактов. Со-бытийность основывается на глубинном резонировании, узнавании и чувствовании родственных начал. Посредством такого, преимущественно духовного общения происходит «соприкосновение душ, не преследующих никаких выгод» (М. Монтень).

Из предыдущего изложения ясно, что за субъективно-общим стремлением к минимизации страданий и максимально возможному удовлетворению объективно скрывается совершенно разная «начинка». В этом ли состоит смысл жизни? Надо ли искать его в том, что имеет начало и конец, т. е. в самой жизни? А если вне ее, то тогда само существование превращается в некое подручное средство. Не так ли? Все дело, однако в том, что наряду с объективной и субъективной реальностями, имеет место и трансцендентная — всеобъемлющее единство «Я» и «не-Я», присутствующее изначально в недрах человеческой души, во всей жизни пребывающее и неотторгаемое от нее, а также и вне нас находящееся как наиндивидуальная духовная субстанция, «золотое, светоносное сечение», пронизывающее собой всю ткань человеческого бытия. Оно-то и есть единственно незыблемое, воспринимаемое в форме абсолютного Блага, как гармония истины, добра красоты и свободы. Это не что иное, как религиозное отношение к миру. «Религиозное умонастроение сводится именно к сознанию космического сверхчеловеческого значения высших ценностей, и всякое мировоззрение, для которого идеал имеет лишь относительно человеческий смысл, будет нерелигиозным и антирелигиозным» (С. Л. Франк). Такая религиозность «несовместима с признанием абсолютного значения за земными человеческими интересами, с нигилистическим или утилитарным поклонением внешним жизненным благам». Однако религиозное отношение к миру не тождественно догматически-институциональному признанию Бога-творца через откровение, авторитет и церковь как социальное учреждение, а предпо-

лагает и нетрадиционный вариант глубинного общения с непредекативной актуальной бесконечностью, воспринимаемой как нечто святое и таинственное. Само трансцендентное может быть выражено разными терминами (Космос, Бог, Мировая душа, Бытие, Бесконечность и т. д.), а суть одна: оно обладает значением безусловного. Если символом абсолютного Блага выступает Бог, то человек как существо, обладающее свободой воли, по своему выбору соотносится с ним.

Таким образом, трансцендентное — не фатально предопределяет путь человека, оно есть прежде всего сверхцель, указующая на предпочтительную возможность выхода за свои наличные пределы, чтобы сделаться собой — настоящим и подлинным — через отклик на главное в каждом — дух. Движение к нему, служение ему — вот **подлинный смысл человеческой жизни**. Иными словами, если мир развился, поднялся до человека, то он, осознав данное, обязан продвинуть космическую эволюцию вперед, не уклоняясь от пути познания, управления, переустройства и, может быть, спасения биосферы. Служение вселенской жизни и красоте — призвание человека. Иначе он в условиях НТР и социального комфорта окажется духовно пустым, и эквивалентом опустошения души явится варварство, ужаснее которого еще не было в истории человечества. «**Стань тем, кто ты есть**» — этот призыв означает неиссякаемое стремление к действительности, к коэволюционному и творческому развитию всего, с чем связан человек по происхождению и смыслу своего существования.

Путь благоговения перед жизнью, сохранения жизни, укрепления жизни требует больших трудов и усилий и сопровождается не только улыбкой, но и страданиями. Подлинное счастье тогда есть способ оптимального самораскрытия этих внутренних потенций. Из всех видов себялюбия только событийное наиболее полно выражает обращенность к высшему началу, что переживается как радость, вдохновение, восторг. **Счастье** — быть детерминированным не чем-то (кем-то) внешним, а собой, но не собственной иррациональностью, а собственной сущностью. И тогда приобретает максимальная свобо-

да и способность преодолевать как внешние, так и внутренние необходимости сообразно ответственности, т. е. умению самоограничить свою волящую природу. Так как сущность человека в его духовности, то всякое самоутверждение, не затрагивающее тончайшие пласты его существования, т. е. экзистенциальный потенциал, искреннюю тягу к совершенствованию посредством веры, надежды, любви, не может быть признано полным и достойным индивида, так как это усеченное, фрагментарное, частичное воплощение неглавного в нем. Существование минус сущность, т. е. удовлетворение потребностей человека только как биосоциального существа — мнимое, псевдосчастье, ему не достает окрыленности и основательности.

Существование плюс сущность — подлинное, настоящее счастье, ибо служа великому делу, умножая благо, человек не опустошается, а наполняется; не теряет, а находит; не неволится, а освобождается; не изолируется, а становится сопричастным всему; не нисходит, а возвышается; не на чужбине пребывает, а в своем отечестве. Счастье, следовательно, есть процесс и состояние предельно возможной полноты адекватной реализации телесных, личностных, духовных потребностей и запросов человека, ищущего или уже нашедшего смысл собственной жизни.

Коренные изменения в общественно-экономической и культурной жизни, перестройка всего комплекса международных и внутренних отношений, утверждение нового политического мышления, соответствующего качественно своеобразному этапу всемирной истории, и появление глобальных угроз развитию социума — все это формирует потребность в осмыслении чрезвычайно динамичных и противоречивых тенденций современности, что невозможно без нестандартного, творческого видения существующих проблем. Что же такое творчество? Можно ли сегодня ограничиться платоновским пониманием его как переходом из небытия в бытие, созданием любых произведений искусства и ремесла? Данная дефиниция, на наш взгляд, слишком расширительна: вряд ли каждый продукт деятельности опален огнем

творчества. Да, социо- и техносфера, окружающая человека — оствивший результат чувственно-интеллектуальных усилий, опредмечивание и овеществление знаний, идей и замыслов. Зарождение мысли, ее объективация и воплощение — несомненно, творчество, но тиражирование исходного образца — обыкновенная работа, иногда по необходимости малосодержательная, монотонная и однообразная. Поэтому более оправдана трактовка его как создание чего-то качественно нового, имеющего индивидуально-социальную значимость и ценность (хотя масштаб и уровень новации может быть совершенно различным).

Творчество есть внесение гармонии в хаотическое разнообразие стихийных сил и факторов; негэнтропийный процесс, ибо увеличивает степень организованности и сложности явлений; борьба и преодоление смерти, так как продолжается существование культурно-духовных и материально-информационных артефактов; способ проявления сущности человека; адекватная форма выражения собственной свободы и сохранения самобытности; мост, переброшенный из таинственных недр «Я» к другим людям (и современникам, и потомкам); самоутверждение посредством одухотворения действительности.

Так как человек по природе своей «распахнут», открыт всему миру, то он может соотноситься не с узким спектром реальности, а с универсумом. Следовательно, поле его творчества неограниченно. Однако творчество может приобрести опасное направление, если оно выходит за рамки нравственных оценок, если цель (предположим, истина) достигается любым методом, а конечный феномен изысканий приводит к дисбалансу и деформации жизни человека как центральной «точки приложения» бытия. Изготовление в спецлабораториях неизвестных ранее искусственных наркотиков, разработка психотропного и химического оружия — что это?

Существуют общие основы творчества, они таковы:

— изначальный импульс неординарного мышления — удивление, «потрясение», чувство неизъяснимой красоты;

– оно невозможно без «задействования» всех форм познания: чувственного, рационального и интуитивного;

– инвариантной компонентой творческой деятельности является парадоксальность, как обнаружение онтологической дифференцированности бытия на противоположные тенденции. Поэзия и музыка очень тонко улавливают и передают эту противоречивость, которая осознается и в научно-теоретических построениях (корпускулярно-волновые свойства микромира, например). А столкновение ортодоксальных и нетрадиционных подходов — лишь внешнее проявление данной закономерности;

– подлинный мотив творчества — неодолимое и бескорыстное стремление к красоте и истине, а соображения пользы, карьеры, славы, денег и т. п. — «фигуры» второго и третьего плана;

– творческий процесс обычно осуществляется по следующей схеме:

а) появление замысла, цели, постановка задачи;

б) поиск оптимальных решений;

в) возникновение генеральной идеи, способной синтезировать ранее разрозненные элементы опыта;

г) разработка, доведение до оптимальных значений концепции или произведения;

д) материализация результата, придание формы, соответствующей максимально возможному подобию первообраза при одновременной доступности ожидаемому восприятию других субъектов.

Но здесь возникают трудности: в своих истоках (как процесс) творчество субъективно-эмоционально и аксиологически нейтрально, а как явленное — должно быть объективно значимым и выраженным в «удобоваримом» виде, что не всегда случается: не все вербализируемо и многое остается не расшифрованным, не раскрытым, не понятым до конца (даже самим автором). Кроме того, став артефактом, продукт творческой деятельности обретает самостоятельную полифункциональную жизнь, о которой его создатель зачастую и не помышлял. Во многих случаях и отношение людей (зрителей, читате-

лей, слушателей) к определенным произведениям автоматически переносится на их творцов, и тут веер оценок весьма широк: от восхищения до негодования.

Творчество творчеству — рознь. *Художественное, техническое, научное* — основополагающие его формы. Для художественного восприятия (исторически и онтогенетически первичного) характерны — большая интимность, образность, живость, конкретность, индивидуализация; для научно-технического — рассудочность, дискурсивность, доказательность, абстрактность, понятийность. Если искусство прежде всего ориентировано на гармонизацию человека с самим собой, «ближними» и «дальними», на спасение души, обретение радости, уверенности и смысла, то научно-техническое творчество направлено на поиск и освоение объективной информации (познание) для дальнейшего использования с целью практического переустройства действительности в интересах общества. Одно дополняет другое. «Все здание научной мысли можно возвести из камня и извести ее же собственных учений, расположенных в логическом порядке. Но, чтобы осуществить такое построение и понять его, необходимы творческие способности художника» (А. Эйнштейн).

Чем же определяемо творчество? Есть различные взгляды на этот счет.

Мистический: человек осеняем благодатью, являясь лишь органом потустороннего. «Хотите одну правду о стихах? Всякая строчка — сотрудничество с высшими силами, и поэт — много, если секретарь!» (М. Цветаева).

Этногенетический: стадильность развития этносов вызывает «пассионарные толчки», которые ведут (в зависимости от фазы) к взлетам или падениям творческого запала, столь необходимого для жертвенного служения высоким идеалам.

Иррациональный: прорыв в сферу разума бессознательных импульсов обеспечивает рождение произведений, об авторах которых можно сказать: «не ведают, что творят» (психоанализ).

Социальный: общественная потребность формирует «заказ» на определенные «творения» и выступает главенствующим фактором (марксизм).

Изложенные здесь (отнюдь не все) варианты (несмотря на экзотичность и субъективизм некоторых) следует рассматривать в совокупности, в качестве дополняющих друг друга «срезов» способности к творчеству, которую можно утратить или усовершенствовать, но не приобрести, ибо она запрограммирована в генотипе человека. Это не значит, что спонтанная одаренность при любых условиях неизбежно пробьет себе дорогу. Отнюдь. Требуется кропотливая работа и обучение, чтобы сделаться мастером и настоящим виртуозом своего дела. Но при отсутствии таковой не удастся научить человека сочинять стихи, например, даже при самом искреннем желании обучаемого и педагога. Сам талант не всегда пробуждается в раннем возрасте. Так, многих знаменитостей в школьные годы считали совершенно безнадежными. В их числе — Уатт, Свифт, Гаусс, Ньютон, Гельмгольц, Скотт, Линней. И только значительно позже произошел «взрыв» творческих возможностей. Но если бы не их воля, сосредоточенность, упорство, вера в себя, то не «проклюнулся» бы и дремлющий до поры гений.

Дарования человека, конечно, имеют разные уровни развития: от посредственных до гениальных. Гений не вступает в «преступную связь с вещами», не подвластен им, не одержим честолюбием и меркантильными соображениями. Ему присуща высочайшая требовательность и строгость к себе, свобода, всегда соотносимая с ответственностью, и страдание, обусловленное стремлением воплотить «вечное» во временном. Если актуализация вертикальных связей, т. е. ощущение встречи с трансцендентным началом становится ведущим, то устанавливается и интимное родство творческой личности и по горизонтали — с эмпирическим миром. Творческим людям знакомо такое состояние духа как вдохновение, когда вдруг внутренним светом озаряется глубина исследуемой проблемы и находится ее решение, происходит «отрешение» от всего суетного и внешнего, как

бы исчезает время, работается легко и раскованно, все получается само собой. Нарастающая радость переходит в экстаз, имеют место необычные ощущения и видения. Такие психические «эффекты» неоднократно испытывали: Микеланджело, Данте, Гофман, Крамской, Мопассан, Вагнер, Достоевский, Соловьев.

Эвристические «вспышки» посещали многих в самых неожиданных местах (Архимеда — в ванной, А. Пуанкаре — в омнибусе, А. Кекуле — в постели). Подобным образом приходили идеи Кеплеру, Паскалю, Гельмгольцу, Бальзаку, Гуно, Вагнеру, Диккенсу, Боттичелли, Моцарту, Шопенгауэру, Ницше, Флоберу, Гогену, Юнгу и большинству выдающихся ученых и деятелей культуры. Но — вдохновение краткий миг, подготовленный всей предшествующей деятельностью. П. И. Чайковский справедливо полагал, что вдохновение — весьма капризная гостья, не любящая наносить визиты ленивым. Цена вдохновения очень велика. Труд ученых, согласно мнению экспертов, на 99 % — непрерывная изнурительная деятельность и лишь на 1 % венчается успехом. Такого напряжения, сопровождаемого бессонницей, разочарованиями, резкими перепадами психофизиологических нагрузок, выдерживает не каждый. «Всякое безумие рождается из невыносимости страдания, отовсюду освещенного сознанием...» (О. Вейнингер). Испытывали душевные недуги — Паскаль, Ницше, Тассо, Батюшков, Кантор, Гендель. От перенапряжения мозга скончались Кеплер и Кювье, многие совершали попытки суицида, а физики Эренфест и Больцман, поэты Фет и Маяковский покончили с собой. Страдали умопомешательством — Ньютон, Гаррингтон, Ампер, Свифт, Конт, Шуман.

Творчество нуждается, следовательно, в оптимальных социально-психологических условиях. Если фон отрицательных факторов (бытовая неустроенность, рост цен, навязчиво-агрессивная реклама, бесперспективность, национальные конфликты и т. п.) чрезмерно расширяется и «уплотняется», то реакция может быть двойкой: или перевозбуждение ставит человека на грань психических срывов, или

он впадает в состояние безразличия и эмоциональной тупости. Во всяком случае, рост тревожности, неприкаянности особенно явно снижает именно творческий потенциал личности. Иногда необратимо! Поэтому защита целостного человека — защита творчества.

Первичность социальной детерминации творческих процессов (по содержанию и направленности), однако, предполагает необходимость учета влияния на них и природных факторов. Анализ художественного и научного творчества показывает, что общение с природой:

- развивает воображение, фантазию, интуицию и чувство прекрасного. Естественная природа побуждает к художественно-интеллектуальной работе, стимулирует вдохновение и самосозерцание;

- ускоряет созревание и актуализацию внутреннего содержания предшествующего духовного труда личности. Без этой непосредственной сопричастности с природой такой процесс мог бы и не реализоваться;

- формирует основу человеческой чувственности, которая вплетена во все виды деятельности (производство, познание, выработка эстетических и этических ценностей и т. д.). Сужение и обеднение этого общения значительно деформирует и опустошает культуру чувств, что снижает уровень жизненного тонуса и его продуктивность во всевозможных формах индивидуального и социального бытия человека. Искусственный окружающий мир, сохраняя приоритет внешней природы, не может компенсировать данную утрату, если не создается по законам красоты и гармонии и не «вписан» целостно и органично в структуру биосферы;

- укрепляет творческие возможности человека, так как приводит организм в состояние оптимального функционирования при отражении им природных ритмов, лежащих в фундаменте физико-химической упорядоченности физиологических и эмоциональных систем, которые, в свою очередь, образуют биологические основы творчества. Рассогласование естественных ритмов под воздействием

антропогенных причин ведет к сбоям нервно-психических процессов, изменениям биоциклов самым неожиданным образом и чаще ухудшает жизнестойкость и творческую отдачу личности.

Для современного периода пока характерно разрушение жизненной среды и ее загрязнение, сокращение диапазона и односторонность контакта с природой, отчуждение и потребительское к ней отношение, исчезновения красоты. Всестороннее же и существенное оздоровление экологической обстановки — не только условие выживания человечества, но также дополнительный, мощный и незаменимый резерв творческой активности.

И творчество, и попытки найти смысл собственной жизни предполагают существование любви как сокровенного и единственно верного пути к другому. Любить и быть любимым (любимой) — разве не об этом мечтает каждый человек? Разве гениальные творения не были воодушевлены этим неистребимым желанием? Разве не это чувство воспламеняло воина, зодчего, поэта? Но Эрос многолик. Если исходить из платоновского понимания, то целесообразно выделить несколько его уровней:

1) плотское, чувственно-телесное вожделение, направленное на физическое обладание и стремящееся продлить линию биологического развития посредством акта размножения;

2) творчество вообще, т. е. преобразование, окультуривание действительности;

3) умудренная созерцательность, опирающаяся на лучшие достижения культуры;

4) экстаз, транс (переход) в Абсолютное, переживание встречи с ним.

Уже всякая влюбленность выходит за пределы обычной сексуальности и воспринимает ее как профанацию настоящего чувства, которое, в свою очередь, шире объекта и распространяется на весь мир. Но данный феномен предполагает существование полов. Надо не подавлять силы пола (аскетизм), что ведет к неврозам, психопатиям и

т. п., не высвободить сексуальные энергии произвольно (это — животность), а трансформировать их. Фрейдизм изучал лишь феномены профанной жизни, но может быть открыта и высшая — сакральная реальность, если научиться управлять собственной сексуальностью. В тантризме, например, соитие рассматривается прежде всего как связь на астральном плане бытия, а на физическом мужчине настоятельно рекомендуется в точке кульминации воздерживаться от семяизвержения ради сохранения и приумножения жизненных сил, так как излитое семя приближает упадок и смерть.

Человек потому и человек, что никогда не удовлетворяется «моралью скотного двора», и если сегодня спектр «допустимого» расширился, то он все равно обусловлен особенностями данных социальных реалий. (Давно замечено: периодам общественных кризисов всегда сопутствовало разложение нравов и сексуальная распущенность. Вспомним хотя бы революционную теорию «свободной любви»). Социум, однако, и сейчас осуждает изнасилования, групповой секс, проституцию, как несовместимые с его нравственно-политическими и культурными устоями. От этого не уйти. З. Фрейд убедительно показал, что сексуальность и культура находились и будут находиться в текучем противоречии. Но естественное становится противоестественным, когда занимает чужое место, т. е., если биологическое (как низшее) «ниспровергает» социальное, а оно — духовное (как высшее), то имеет место нарушение иерархии и гармонии человеческого существования, так как его целостность есть абсолютная норма всего. Из этого следует, что нельзя путать секс, эротику и любовь. *Секс* — всего лишь биологическое явление, детерминированное врожденными инстинктами. *Эротика* предполагает ритуал, игру, изобретение, экспериментирование, учет неких социально значимых и знаковых правил, которым надо следовать, чтобы быть признанным на уровне современности; она — продукт социокультурного и цивилизационного развития, своеобразная «огранка» сексуального «самородка». Любовь — не любая связь, а связь двух индивидов как желанных и един-

ственных во всем, она — поздний «ребенок» исторической эволюции, что связано с рождением подлинной индивидуальности.

В 1912 году З. Фрейд опубликовал статью о «Всеобщей униженности любовной жизни», где отметил разъединение у современного человека сексуально-чувственных и интимно-любовных устремлений. Вот тут-то и выходит на сцену *порнография* со своим специфическим «товаром». В порнографии все внимание сосредоточено на половом акте как таковом и во всех возможных перспективах, в разных физиологических состояниях оцениваются и демонстрируются гениталии.

Мир порнографии, по мнению Л. Ионина, — это порнотопия, где время течет от одного оргазма к другому. Весь мир порнотопийца, — пишет Г. Шмидт, — сосредоточен в его половых органах. Он живет постольку, поскольку удовлетворяется или удовлетворяет». В западном обществе «потребления» порнотопия — воплощение ненасытного вожделения, а женщина здесь — первая жертва. В порнотопии преобладают садомазохистские «сюжеты», анонимность партнеров (до и после совокупления они, будучи изначально отчужденными, не интересуются друг другом, никогда не обнимаются и их контакт — всего лишь контакт гениталий). Порнография, стало быть, являет собой разрушительную, темную сторону Эроса. Она лишает человека тайны, ощущения уникальности, редуцирует чувства к физиологическим процессам. Пресловутая «сексуальная революция», сексуальная свобода ведут к угасанию самой страсти и остроты эротических переживаний (доступное — не интересно), к утрате либидозного напряжения, что значительно сокращает разнообразие сублимации и ее проявления в творчестве.

Заслуживает внимания типология любви (по Д. А. Ли):

1) эрос — страстная любовь-увлечение, стремящаяся к физическому обладанию;

2) людус — гедонистическая любовь — игра без глубины и верности;

3) сторге — спокойная, теплая и нежная любовь-дружба;

- 4) прагма — любовь по расчету;
- 5) мания — иррациональная любовь-одержимость;
- 6) агапэ — бескорыстная любовь-самоотдача как синтез эроса и сторге.

Любовная установка молодых мужчин содержит больше эротических и людических компонентов, а у женщин ярче выражены прагматические, сторгические и маниакальные черты. Маниакальные увлечения более типичны для подростков и юношей, нежели для взрослых. Сексуально-любовная активность зависит не только от возраста и пола, но и от уровня образования. Сексология констатирует: чем выше интеллект, тем значительнее риск импотенции у мужчин и фригидности у женщин. У многих супружеских пар интенсивность полового общения со временем снижается по причине рутинизации их взаимоотношений, из которых исчезает радость открытия нового и спонтанная непосредственность. Велика плата и за успехи в бизнесе, ибо они сопряжены с психическими перегрузками. Только 20 % жалоб по поводу половых проблем связано с органическими повреждениями, а 80 % имеют невротическую природу.

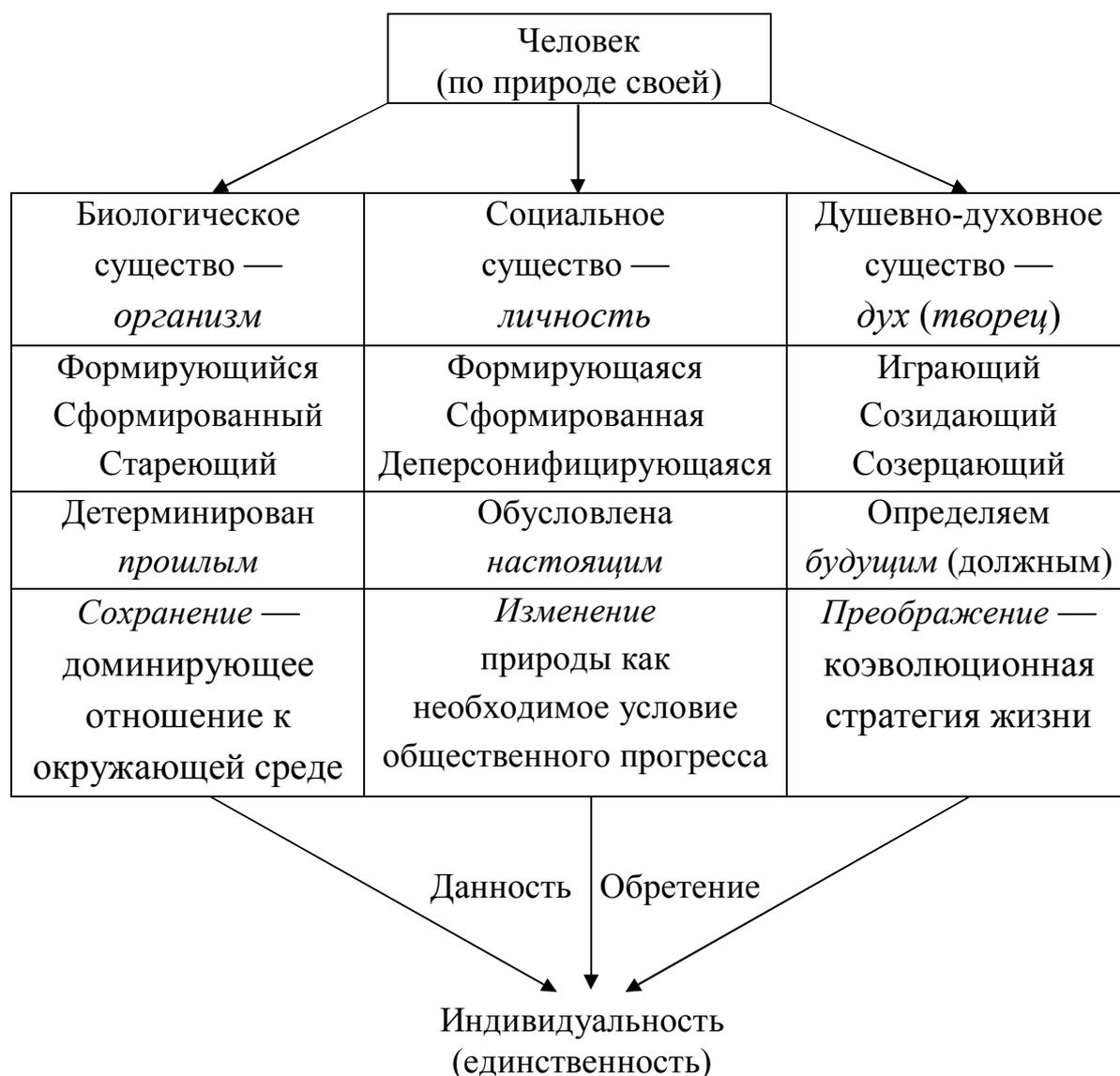
Уместно напомнить, что эволюция земной жизни шла таким образом, что размножение без всякой половой любви постепенно сменялось половой любовью без обязательного размножения. Разделение полов — победа рода над индивидом. И юношеская игра сексуальных сил — поверхностная метаморфоза подспудного безличного «Оно» (по З. Фрейду). Поэтому только физиологическое соитие — псевдо-разрешение противоречия между человеком как свободной индивидуальностью и биологической природой. Только любовь в состоянии преодолеть этот разрыв. Смысл любви не в отрицании плоти, а в ее перерождении и возвышении. *Любовь — это:*

- преодоление эгоизма и признание безусловного значения другого человека;
- восполнение собственной односторонности и изолированности;
- открытие родственного начала вне себя;

- волнующий диалог равных, но разных;
- образование из двух ранее разделенных индивидуальностей единой и единственной «монады-вселенной»;
- способ выражения самого лучшего, чистого и светлого, что есть у человека;
- путь к себе через сердце другого, испытание себя другим на состоятельность. «Только любящий человек является во всех отношениях самим собою» (О. Вейнингер);
- подлинная свобода (заставить любить невозможно);
- выход за рамки профанного, обыденного бытия и встреча с сакральным;
- нравственный подвиг противостояния всему вещественно-непроницаемому и преходящему;
- стремление обрести бессмертие.

Спросим себя: «Можно ли заниматься любовью (как всем остальным)?» Да чем угодно, но не ею! Любовь слишком глубока и серьезна. Не любивший — всего лишь человекообразен, так как не реализовал свой духовный потенциал. Любовь, конечно, имеет множество оттенков и форм: любовь к Богу, к родителям, к жене (мужу), к друзьям, к природе, к отечеству, к своей профессии. Ее эманациями являются: страсть, нежность, жалость, сострадание, милосердие. Любовь как сердечная привязанность, будучи обращенной к другому, всегда содержит в себе благодарность за самую возможность такой встречи. Кому? Чему? Жизни? Судьбе? Случаю или предустановленной гармонии? Ответы разные, смысл — один: межличностные любовные отношения переносятся на все иные способы связи человека с миром, который сам становится объектом сублимации и заботы, без чего уже существование человека является ущербным. «Эрос человека по существу своему есть жажда полноты жизни» (Б. П. Вышеславцев).

Итог исследования феномена человека может быть представлен в сводной таблице.

Эколого-техногенный контекст развития человека как вида и гуманизм

Современный *гуманизм* базируется на общечеловеческих формирующихся ценностях, включающих в себя:

а) уважительное и благоговейное отношение к планетарной жизни и вовлечение ее в сферу морального сознания. «Без этого наша власть над силами природы станет нашим проклятием: она выхолостит из человека его человеческое начало» (Н. И. Конрад);

б) защиту среды обитания и разрешение глобальных проблем как необходимое условие существования и показатель готовности общества осознать последствия, как необдуманных действий, так и бездействия;

в) ответственность за судьбу нынешних и будущих поколений, что предполагает не только недопустимость оставления проблем улучшения окружающей среды на потом, но и жесткие ограничения в области демографии и планировании семьи, а также исключение передачи по наследству заведомо нездоровых генов;

г) целостность человека — универсальный критерий и мера прогресса. Сбережение народа, излечение его от телесных, социальных и душевно-духовных недугов — главное условие стабильности и процветания, фундаментальная основа повышения уровня конкурентоспособности в экономической, технологической, информационной и иных сферах. Нельзя только смешивать цель и средства: именно недостаток практического гуманизма — главная угроза существующему и будущему человечеству.

Любовь к человеку сегодня означает заботу и борьбу за сохранение самого его существования, так как нарастающее угнетение природы естественной есть одновременно урон природе человека, его здоровью. Отсюда необходимость в таком компоненте нового гуманизма как экология человека.

На наш взгляд, не все варианты разрешения проблемы соотношения человека и среды обитания выдерживают критику, как с позиций их научной обоснованности, так и с точки зрения гуманизма.

1. Полная замена биосферы техносферой при сохранении человека в его существующих антропных качествах, способного к тому же эффективно управлять всем комплексом искусственной среды обитания. Но такая перспектива — заблуждение, ибо новая среда будет все резче контрастировать с жизнеобеспечивающими потенциями глобальной жизни и вести к крайней степени динамичности в силу самой ее природы, которая является сверхвозмущенной. А «погасить» эту

сверхвозмущенность может только слабо возмущенная или не возмущенная экосистема. Более того, даже замена естественной биоты культурными видами не предотвратит кризис, так как последние не столь успешно нейтрализуют колебания среды и, будучи недостаточно жизнестойкими, не осуществляют с необходимой точностью замыкания круговорота вещества, информации и энергии при отсутствии всяких возмущений. Поэтому сохранять разнообразие естественной биоты надо не только ради уникальности генофонда ее видов, «а в силу их способности обеспечивать устойчивость окружающей среды». Важно отметить, что информационный поток, перерабатываемый живым веществом биосферы при реализации функции регуляции окружающей среды, на 15 порядков превосходит предвидимые технические возможности современного общества, т. е. прогрессирующий техногенез, взявший на себя управленческие задачи, заведомо не сможет исключить катастрофических последствий. К тому же «более 99 % энергии массообмена будет затрачиваться на поддержание замкнутости круговорота веществ и стабилизацию окружающей среды. На развитие цивилизации человека остается менее 1 %, т. е. меньше того, что человечество имело в условиях невозмущенной биосферы» (Г. И. Марчук, К.Я. Кондратьев).

Сторонники данной концепции почему-то забывают, что в сколь угодно «плотной» искусственной среде способны пребывать лишь существа, соответствующие ей. А это означает одно: такая среда вытесняет человека как живой организм.

2. Новой среде — конструируемое тело. При переходе к информационно-компьютерной технике человек все активнее «выносятся за скобки» не только в сфере производства, но и контроля и даже принятия решений. Социум все больше превращается в социотехническую систему, где человек — не самостоятельный субъект жизни и деятельности, использующий технику как средство, а всего лишь функциональный фактор отношений, в которые он включен. Стихийно формируется техногенный человек, для которого семья — контракт,

любовь — секс, мораль — расчет, долг — предписание, счастье — успех, чувства — игра, а «непосредственное живое общение людей заменяется механической или компьютерной мастурбацией» (В. А. Кутырев). А так как деградация среды обитания продолжается, то делается попытка обосновать закономерность изменения самого человека, вернее, модификации его телесной, биологической природы посредством генной инженерии. Уже ксенотрансплантация (пересадка клеток, тканей, органов животных человеку), аллотрансплантация (перенос органов от человека к человеку), искусственное оплодотворение (*in vitro*), возможности создания трансгенных организмов, несущих любую комбинацию специально подобранных искусственно чужеродных генов путем манипулирования ДНК, а также клонирования человека (пока запрещенное) — все это рассматривается в качестве аргумента в пользу такого подхода: раз натуральное в человеке подвержено серьезным деформациям и оно становится тормозом технического прогресса, то надо сконструировать новое тело, невосприимчивое к разрушению среды. Оптимальный сценарий — создание интегральных человеко-машинных систем поведения, мышления и управления (для начала). В XXI веке «либо наступит начало конца» эволюции на Земле, либо произойдет очередной виток «денатурализации». Биологический вид *Homo sapiens* — продолжит длительный процесс превращения в синтетический вид *Homo sapiens autocreator* — человек разумный самосозидающий..., — а универсальная эволюция начнет перерастать в следующую «постчеловеческую» стадию. Ее носителем станет достаточно странный... симбиозный объект, включенный в культуруориентированную и искусственно регулируемую природу, а облик планетарной цивилизации преобразуется до неузнаваемости». И не беда, что достижение желаемого (процветание цивилизации) оплачивается драматическими жертвами — потерей качественной определенности живого, «эмпирического» человека. Всего лишь! Зато «мы перестанем строить утопические идиллии и сможем подготовиться к грядущим «вызовам» (А. П. Назаретян,

И. А. Лисица). Хочется спросить: кто это мы? Мы — те, которые выжили, перестав быть биологическими существами, перестав быть людьми? От подобного гуманизма веет дымом крематория...

Но подобного рода устремления — очередной тупик, так как каскад обновляющихся условий обитания всегда будет опережать адаптационные возможности вновь образованного организма, а его расшатываемый геном будет отзываться на растущую мутагенность среды еще большей интенсивностью мутационного процесса, что ускорит выведение эволюции за рамки вида *Homo sapiens* в неизвестном направлении. О гуманизме к кому тогда придется говорить? Денатурализация человека равносильна его гибели как органической целостности. И являет собой не просто некий эквивалент экологического коллапса, а необратимое поглощение энтропией.

3. Если исходить из того, что остановить развитие НТП нельзя, а человек еще не научился эффективно использовать явленные ему природные силы, то задача состоит в том, чтобы идти дальше и найти решение актуальных проблем в грядущих открытиях. Наносимый биосфере урон следует компенсировать активизацией процесса почвообразования, кислородо- и азотообразования, интенсификацией воспроизводства лесов и рыбы, заменой сокращения естественного разнообразия видов увеличением искусственно созданных, используя потенциал биотехнологии. Однако такой путь потребует дополнительной энергии, значительных изъятий из экосистем, что наряду с образованием отходов таит опасность неучета всех последствий подобной «помощи» стихийной саморегуляции биосферы.

4. Максимальное сохранение биосферы и уменьшение нагрузки — условие глобальной экологической безопасности и устойчивости социально-экономического развития. По расчетам В. Г. Горшкова, в доиндустриальную эпоху доля потребления продукции биосферы составляло не более 1 % и при таком показателе она могла компенсировать любые возмущения, производимые человечеством, но с XIX века биота перестала справляться с антропогенными воздействиями, а

современное общество аккумулирует уже более 10 % ее биопродукции. Отсюда — перманентная потеря устойчивости. Но «состояние биосферы обратимо, биосфера должна вернуться в прежнее устойчивое состояние при сокращении антропогенного возмущения на порядок величин... Другого устойчивого состояния биосферы не существует, и при сохранении или росте антропогенного возмущения устойчивость окружающей среды будет разрушена». Как этого достичь? Или сократить в 10 раз использование ресурсов планеты, или во столько же уменьшить численность мирового народонаселения, что восстановит действие принципа Ле Шателье и земная глобальная экосистема приобретет утраченное равновесие. Предлагаются и не столь радикальные меры: сократить площадь возмущенной биоты; сохранить еще не тронутую биоту; найти пороги допустимых воздействий на биосферу и не переходить их; принять экологические законы; перейти на однодетное рождение.

Открытым остается только вопрос о механизме реализации такой программы.

5. Возврат к прежним формам хозяйствования, консервация НТП как гарант сохранения рода человеческого.

Но без научно-технического прогресса уже нельзя удовлетворить самые насущные потребности современного народонаселения и не найти соответствующих контрмер для защиты земной жизни от возможных губительных последствий воздействия космических факторов.

6. Сопряженная эволюция общества и природы как долговременный компромисс. Так как человечество может существовать лишь в диапазоне строго определенных условий, то необходимо обеспечить «такое совместимое развитие человеческого общества и биосферы, которое не выводит параметры среды из области гомеостаза. Другими словами коэволюция... обеспечивает сохранение человеческого рода как биологического вида и условий для дальнейшего развития цивилизации». Моделирование возможных последствий ядерной вой-

ны как одной из форм экологической катастрофы выявляет следующая закономерность: «биосфера никогда не возвращалась в исходное положение. Каждый раз это была новая биосфера, и ее параметры, как правило, исключали возможность дальнейшего развития человека» (Н. Н. Моисеев). Т. е. переход границ допустимого возмущения среды менял направления эволюционного канала развития, и биосфера, существуя в окрестностях одного аттрактора, способствующего появлению *Homo sapiens*, перемещалась в зону притяжения другого аттрактора, препятствующего этому. Поэтому коэволюция немыслима вне соблюдения экологического императива: удерживать параметры биосферы в невозмущенном состоянии до определенного уровня, создающего возможность жизни человечества.

Концепция «устойчивого развития» ставит качество человеческой жизни в зависимость от потенциала открытых экосистем, хотя акцент делается на его улучшение, что является объектом критики со стороны глубоких экологов, которые остро ставят вопрос о пересмотре отношений к собственным потребностям и рекомендуют отказ от высоких стандартов потребления как индикатора такого качества. Тем не менее, эта модель предполагает стабильное функционирование, что исключает войны, региональные конфликты и гражданские потрясения; стабильное состояние биосферы и сложившееся экологическое сознание, которое должно не только не отставать от динамики взаимосвязи общества и природы, но и прогнозировать ее тенденции и последствия, отстаивая гуманизм как главную ценность.

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

1. ПРЕДПОСЫЛКИ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА
2. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

Предпосылки новой парадигмы бытия человека и общества

На пороге нового века и тысячелетия усилились апокалиптические настроения. Это связано не столько с тем, что христианская эра, начавшаяся с одного зодиакального знака (Рыб), переходит под другой (Водолея), не столько с древневосточными пророчествами о цикличности огненного очищения Вселенной, сколько с обострившимся ощущением альтернативности будущего и даже сомнением в возможности его существования вообще. Мыслимы три варианта: либо оставив оскальпированную, обезображенную Землю человечество начнет осваивать космическое пространство, поступая так с каждым вновь освоенным временным пристанищем, либо научится беречь и ценить свою планету как единственную родину и единственный дом, пригодный для жизни, либо деградирует, «захлебнувшись» в собственных противоречиях и коллизиях. Но имеет ли под собой почву такая озабоченность? Да! Дело в том, что наряду с «вечными» и частично-преходящими вопросами в общественное сознание нашего столетия «ворвались» *глобальные проблемы*, осмысление и практическое разрешение которых — задача первостепенной важности. Почему? Потому, что они обозначают рубеж в развитии социума и впервые ставят его перед выбором: или измениться, или исчезнуть.

В чем же содержание и специфика глобальных проблем?

Во-первых, их отличает масштабность проявлений, охватывающая не отдельные страны и регионы, а мировое сообщество в целом.

Во-вторых, перспективы существования всего человечества напрямую зависят от адекватности и своевременности их разрешения.

В-третьих, сама жизнь на Земле поставлена под угрозу наличием фундаментальных факторов, характеризующих техногенную цивилизацию, и, как следствие, порождаемых ею общепланетарных катаклизмов.

В-четвертых, они являют собой тотальную форму обнаружения конфликта между современной цивилизацией и духовной культурой общества.

В-пятых, только совместные солидарные усилия и деятельность — гарант преодоления кризисных явлений.

Ракетно-ядерное противостояние, разрушение окружающей среды, перенаселение и экономическое неравенство, нехватка продуктов питания и истощение ресурсов планеты, расширение диапазона взаимовлияния земного и космического — таковы ведущие компоненты глобалистики. Само это понятие стало распространенным с конца 60-х годов во многом благодаря работам «Римского клуба» — международной неправительственной организации, которая, занимаясь исследованиями глобальных проблем, периодически публикует теоретические доклады-прогнозы. Вот некоторые из них: «Пределы роста», «Человечество у поворотного пункта», «Цели для человечества», «Маршруты, ведущие в будущее», «Микроэлектроника и общество», «Революция босоногих», «Модель международных связей в сельском хозяйстве», «За пределами века расточительства», «Энергия: обратный счет», «Третий мир: три четверти мира», «Эффект сверхвзгляда», «Освоение космоса и человеческая эволюция» и др.

Каковы же предпосылки и причины появления глобальных проблем? Стихийность предшествующего экономического и политического развития, социально-классовая, национально-этническая и религиозная разобщенность, бесконтрольно растущая научно-техническая мощь, преобладание в мировоззрении идей линейного прогресса, антропоцентризма и узкого рационализма, сопряженных с ориентацией на ценности массового потребления и господства над природой, а также разрыв прогрессирующего познания и преобразо-

вания внешнего мира посредством научно-технологической, практической деятельности и внутреннего опыта. Т. е. истоки кризиса — в самом человеке, в его нравственной деградации, в подчинении цели средству. Полагать, что глобальные проблемы — явление временное и могут быть преодолены дальнейшим наращиванием научно-технического потенциала, еще более активной политической деятельностью и эффективным управлением — слишком упрощенный и оптимистический прогноз. Они, напротив, закономерно вытекают из всего многовекового хода всемирной истории и всего строя жизни предыдущих и современных поколений. Ими испытывается человечество на разумность, ответственность и солидарность. Общество может или ускорить, или замедлить, или остановить сползание к краю обрыва. Не выживать, а полноценно жить — таким должен быть стратегический ориентир. Пока же на вызов, брошенный глобальными проблемами, есть три фундаментальных ответа, обусловленных системой ценностей и убеждений, ориентирующих человека на тот или иной тип отношений к происходящему: мироотречение, мироиспользование и миропринятие (преодолевающее крайности двух ранее отмеченных установок с их резкой дихотомией, с их абсолютизацией сверхпассивного и сверхактивного способов деятельности). Идеи соборности, всеединства, софийности, антропокосмизма и общего дела, на наш взгляд, наиболее глубоко выражают именно такую парадигму, представленную в трудах Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, С. Н. Трубецкого, Е. Н. Трубецкого, С. Н. Булгакова, В. Ф. Эрна, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева и других русских философов и естествоиспытателей XIX–XX вв.

Если глобальные проблемы есть решающие факторы, воздействующие на человечество, если все они тесно увязаны друг с другом и их нельзя разрешить отдельно, то отсюда еще не следует их однопорядковость.

Доминирующее значение экологической проблемы определяется тем, что:

– эффект непринятия мер или запоздалых, или неадекватных социально-политических и научно-технических действий может спонтанно привести к пуску механизма такого типа саморегуляции биосферы Земли, при котором человек будет «изгнан» из ее лона самым неожиданным образом;

– без развития экологически чистых технологий и медицины человека ожидает генетическая деградация под натиском неблагоприятных параметров окружающей среды и различного рода заболеваний, имеющих тенденцию как к дифференциации и активизации давно известных (инфекционных, например), так и образованию совершенно новых, к которым еще не выработался иммунитет;

– не исключено создание биологического (и психотропного) оружия, которое дешево и просто по технологии производства, удобно при транспортировке, доступно для применения и надежно в использовании, причем скрытым образом. Оно будет поражать людей и все живое и без всякого объявления войны, превосходя последствия термоядерного катаклизма;

– и без войн и социальных потрясений, и при экономическом росте и политической стабильности неизбежны ущербы как естественной природе, так и самому человеку, его здоровью и самочувствию, творческому потенциалу и даже основным потребностям, удовлетворение которых становится небезопасным для индивида, так как роль человечества как планетарного явления возрастает экспоненциально и сообразно этому накапливаются негативные последствия его жизнедеятельности;

– интересы биологической (как части национальной) безопасности также обязывают не допускать ухудшения качественного состояния природной среды обитания народонаселения каждой страны;

– если к войнам долго готовятся, мобилизуя весь свой экономический и технический потенциал, то стагнация среды идет постоянно, как бы исподволь расширяя диапазон условий непригодных для нормальной жизни. Такая «мягкая поступь» подминает под себя, тем не

менее, миллионы «тихих жертв». И если война когда-то заканчивается мирным договором и возрождением порушенного, то отношения человека и природы лишены такой передышки;

– ведется непрекращающаяся борьба (в разных формах) между государствами за экологические ресурсы. Развитые страны широко практикуют импорт сырья, и, следовательно, самые энерго- и материалоемкие отрасли добывающей и перерабатывающей промышленности остаются вне национальных границ. В развивающиеся государства, где избыток дешевой рабочей силы, переводятся и наиболее природоразрушающие технологии, что еще значительно ухудшает состояние среды. Странам-лидерам явно выгодно такое перераспределение.

Понимание экологической «подоплеки» любых политических и идеологических процессов жизненно необходимо, особенно в связи с доктриной «золотого миллиарда». Исходя из дефицита существующих ресурсов, делается вывод: население США, Англии, Франции, Германии, Японии, Италии и Израиля относится к основному и, стало быть, привилегированному разряду людей, которые должны продолжать пользоваться всеми благами цивилизации; к полуосновному — жители стран Западной Европы, Канады и Австралии, а к низшему уровню — все остальное народонаселение мира как недостаточно цивилизованное. Акценты расставлены вполне четко;

– не прекращается, а обостряется конкуренция между классами, слоями, группами и индивидуумами за получение доступа к максимально невозмущенным средам обитания внутри одних и тех же обществ;

– резко возросла частота, масштабность и степень разрушения среды, причиной чего являются техногенные катастрофы, которые, налагаясь на естественные, значительно усиливают негативный совокупный результат;

– при известной общемировой динамике народонаселения все же есть данные о замедлении темпа его прироста и, следовательно, о ста-

билизации на некотором устойчивом уровне, чего нельзя утверждать относительно уменьшения «вклада» цивилизации в загрязнение всех природных сфер (атмосфера, гидросфера, литосфера);

– спектр и характер воздействия на человека окружающего мира могут достичь таких скоростей обновления и таких предельных концентраций, которые станут недопустимыми для него.

Экологический вызов также требует комплексного рассмотрения, т. е. органического увязывания философского, эстетического, культурно-исторического, социально-политического и естественнонаучного аспектов. И международное научное сообщество делает уже определенные шаги в этом направлении. Так, при правительствах многих государств и ООН сформированы исследовательские группы экспертов по изучению проблем взаимоотношений человека и среды, функционирует «Институт всемирного наблюдения», ежегодно публикующий отчеты о состоянии мира; Генеральной Ассамблеей ООН учреждены независимые международные комиссии: «Международная комиссия по окружающей среде и развитию» и «Независимая комиссия по международным гуманитарным вопросам»; организованы и неправительственные центры, в числе которых, несомненно Римский клуб, в работе которого плодотворно участвовали: А. Печчеи, Д. Медоуз, Э. Пестель, М. Месарович, Я. Тинберген, Э. Ласло, М. Эльманджра, М. Малица, Б. Гаврилишин, Г. Фридрихе, А. Шафф, Б. Шнейдер, Д. Габор, Т. де Монтбриаль, О. Джиарини, М. Гернье, Э. Боргезе, Дж. Боткин и др. В 1985 г. было создано Международное движение «Биополитика», провозгласившее своей основной задачей сохранение жизни (биоса) на Земле. Усилиями многих ученых принята «Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП)» и реализуются рекомендации «Всемирного фонда живой природы» и «Международного союза сохранения природы и природных ресурсов». В 1972 г. в Стокгольме прошла первая Конференция ООН по проблемам окружающей среды, в 1987 г. опубликован доклад — «Наше общее будущее», ставший программным документом. В 1992 г. была организована вторая аналогичная Конференция в Рио-де-Жанейро, ко-

торая подвела итог проделанной работы за двадцать лет и конкретизировала основные направления экологической стратегии.

Однако результатом более поздних совместных научных усилий явилась концепция *«устойчивого развития»*, основные контуры которой содержались в докладе, подготовленном «Международной комиссией по охране окружающей среды и развитию». Хотя уже имелись и предпосылки данной доктрины.

Ее суть — построение такого общества, в котором удовлетворение потребностей настоящего времени не ставит под угрозу возможность будущих поколений реализовывать свои собственные, что достигается системой ограничений в технической и социальной сферах, обусловленных потенциальными способностями биосферы.

В социально-экономическом и политическом аспектах программа устойчивого развития предусматривает решение следующих задач:

1) ограничить рост производства и потребления в странах — экономических лидерах, являющихся основными ресурсопользователями и поставщиками загрязняющих соединений в окружающую среду. На долю населения США, Западной Европы, Канады и Японии приходится 2/3 мировых источников жизнеобеспечения, а США — около 40–50%;

2) сократить темп прироста народонаселения в развивающихся странах;

3) уменьшить поляризацию стран Севера и Юга;

4) способствовать установлению демократии, гражданского общества, обеспечению основных конституционных прав и свобод;

5) добиться плодотворного сочетания различных форм собственности и хозяйственных укладов, регулирования и стихии свободного рынка, общечеловеческих, региональных и национально-государственных интересов;

6) на основе достижений НТП изменить технологический способ производства с целью минимизации негативных последствий жизнедеятельности социума.

Глобальные проблемы современности и устойчивое развитие

Тенденции взаимосвязи биогенеза и социогенеза под воздействием человека как субъекта *экологических отношений* вошли в состояние острейшего противоречия по широкому спектру факторов: вечность, древность жизни (в аспекте трех стадий ее развития) — истощение, подрыв основ существования биоты; расширение экологических ниш — сужение ареала обитания; рост и стабилизация биомассы в ходе геологической истории Земли — уменьшение общей биомассы экосистем; активность живого вещества — снижение эффективности всех функций биоты; возрастание разнообразия биоценозов — сокращение биологических видов, причем оно идет более интенсивно, чем убывание глобальной биомассы; устойчивость экосистем — усиление неустойчивости из-за утраты разнообразия, результатом чего может быть лавинообразное нарушение равновесного состояния биосферы даже при очень слабых возмущениях со стороны человека; безотходность — загрязнение всех сфер обитания; системность и самоорганизованность — деформация целостности, разрыв трофических цепей и утрата сбалансированного обмена энергией, веществом и информацией между биогеоценозами и внутри них; самообновление — понижение уровня самовосстановления в силу растущей несовместимости темпов эволюции и характера результатов жизнедеятельности биоты и человека; ускорение темпов эволюции — замедление и отбрасывание вспять эволюционного процесса; усложнение как магистральное направление развития — упрощение структуры и состава биоценозов; обводненность живого — деградация мировых вод, расширение экстремальных зон для живых организмов гидросферы и педосферы; саморегуляция — разрушение механизма обратной связи, что приводит к нарастанию необратимых последствий, не дающих биоте создавать условия собственной жизнедеятельности и поддерживать константные характеристики среды; канализированность эволюции — расшатывание унаследованных норм реагирования на изменения окружающей среды.

Общие последствия:

а) меняется сложившееся соотношение различных видов и форм развития в природной среде, размыкаются ветви прогрессивной и регрессивной эволюции, деформируются темпы и направленности процессов в неорганическом и органическом мире;

б) нарушается естественное единство всех геосфер планеты из-за постоянно возникающих возмущений, вносимых в атмосферу, гидросферу, педосферу и часть литосферы;

в) человек, воздействуя на естественные геосферы планеты, меняет структуру, состав и функции биотопа, к абиотическим свойствам которого когда-то довольно успешно адаптировались биоценозы Земли. Поэтому биота теряет возможность адекватно приспосабливаться к новым условиям;

г) существенно трансформируются и ослабляются все функции биоты: энергетическая, средообразующая, концентрационная, транспортная, деструктивная, системообразующая и необратимо видоизменяются проявления законов развития и функционирования экосистем и биосферы в целом;

д) если за миллиарды лет живое вещество сумело оптимально «встроиться» в абиотическую среду, одновременно изменяя ее, то у человека произошло разъединение этих процессов, и, по мере нарастания его научно-технической и демографической мощи, уклон в сторону самостоятельного и автономного жизнеустройства возобладал.

Где выход? В переходе к ноосфере? Но из учения В. И. Вернадского определенно следует, что ноосфера не отрицает и не заменяет биосферу, а является закономерным продуктом ее саморазвития и без ее сохранения существовать не может. Разрушение биосферы есть расшатывание основ ноосферогенеза.

На стыке XX–XXI вв. загрязняющее воздействие человечества приобрело такие размеры и глубину, что можно, например, говорить о *деградации почв*. В чем же она проявляется?

1. Происходит интенсификация эрозийных процессов. За один день человечество теряет более 3 тысяч га земель. Цивилизация, уве-

личивая эрозию почв, отбрасывает тем самым эволюцию жизни на миллионы лет вспять.

2. Нарастает темп сокращения площадей, удобных для сельскохозяйственной деятельности, так как города, промышленные и строительные объекты, инфраструктура и транспортные коммуникации поглощают все новые и новые территории. Ежегодно только на эти нужды изымается более 8 млн. га почв.

3. В результате нерационального природопользования ускорился процесс опустынивания, которому подвержены 200–300 млн. га, причем более 6 млн. га земель в год безвозвратно выводится из оборота.

4. Ухудшается структура и химический состав почв, их микроэлементная база, что, в свою очередь, провоцирует вырождение высокоурожайных сортов растений (общее падение урожайности, нестойкость, увеличение уродств у культурных растений, несохранность продукции). Чтобы стимулировать рост урожайности, в почву ежегодно вносится более 1,5 млрд. т искусственных удобрений и 3 млн. т ядохимикатов. И все повторяется, но по нисходящей.

5. Обесценивается роль почвы как условия жизни организмов и фактора не только биологических круговоротов на суше, но и как существенного элемента геологического круговорота, что ведет к разбалансировке взаимосвязи основных геосфер планеты.

Человек не может существовать в физическом и технологическом измерении без использования *водного бассейна*, через который осуществляется связь всех геосфер Земли и регулируется глобальный теплообмен в биосфере. Объем всех мировых вод составляет величину — 1,4 млрд. км³, а пресных — 24 млн. км³, причем около 99,2 % пресных вод концентрируется в ледниках, снеге, атмосфере, почве и лишь менее 1 % содержится в реках, озерах и болотах.

Являясь субстратом жизни, ресурсом промышленного и сельскохозяйственного производства, выполняя целебно-гигиенические и эстетические функции, вода — незаменима ничем. Однако человек относится к ней крайне нерационально, оставаясь в плену иллюзий относитель-

но неисчерпаемости ее запасов и собственной неуязвимости.

Во-первых, чрезвычайно велика водоемкость производства и быта. Для изготовления 1 кг бумаги тратится 200 л пресной воды, 1 кг пластмасс — 1000 л. На производство 1 т стали — 300 м³, 1 т меди — 500 м³, 1 т вискозного волокна — от 470 до 1080 м³, 1 т никеля — 4000 кубометров пресных вод. На выращивание 1 т хлопка-сырца требуется 4000–5000 м³, 1 т риса — 5000–7000 м³ чистой воды. Вообще для удовлетворения нужд сельского хозяйства сегодня расходуется около 80 % всех используемых пресных водных ресурсов Земли. Большим «поглотителем» гидросферы являются города (особенно крупные), где только в бытовых условиях и только за сутки используется более 500 л на человека.

Во-вторых, вода загрязнена большим количеством радиоактивных веществ, нитратов и фосфатов, углеводов, цианистых соединений, тяжелых металлов и образований органического происхождения. К этому следует присовокупить ускоряющийся процесс нефтедобычи, 30 % которой приходится на морские скважины, что наряду с транспортировкой ее танкерным флотом, приводит к неизбежным утечкам. Известно: 1 грамм нефти покрывает сплошной непроницаемой пленкой около 10 м² поверхности воды, а 1 тонна — 10 км², причем образующаяся эмульсия губительно действует на живые организмы в водном объеме 1000 м³. Ежегодно же в гидросферу попадает (как минимум) 6 млн. т нефти и нефтепродуктов.

В-третьих, гидросфера содержит в своих недрах огромные запасы малоиспользуемых ресурсов жизнеобеспечения людей пищей. Океан дает лишь 25 % белков животного происхождения. Но биопродукционный его потенциал истощается не только интенсивным рыболовством и чрезмерным промыслом организмов низкого трофического уровня, а, главным образом, за счет уменьшения активности фотосинтеза и фитопланктона по указанной ранее причине.

В-четвертых, будучи «пропитаны» водой, все живые организмы без исключения могут оптимально существовать и выполнять надле-

жащим образом функции в биоценозах, лишь имея вне и внутри себя воду определенного качества и состава. Поэтому изменение гидросферы не может быть любым и ее «болезнь» равносильна распаду биоты.

В-пятых, растущий дефицит пресной воды может послужить причиной обострения межгосударственных межэтнических отношений, таящих в себе возможность локальных и региональных войн. Ведь на исходе XX столетия около двух миллиардов человек испытывает хроническую нехватку чистой воды, а 80 % развивающихся стран с 40 % мирового населения из-за этого ввергнуто в социально-экономическую неустойчивость. Все ли из них, не имея нефтедолларов, могут последовать примеру стран, в которых потребление воды превышает собственные запасы, и где импортируют ее из других регионов, а также опресняют морскую? (У Катара такой показатель равен 66,3 %).

Воздушная среда обитания также терпит колоссальные перегрузки, обусловленные эксплуатацией угля, нефти, газа, развитием промышленности и транспорта, ракетно-космических технологий, интенсификацией сельского хозяйства и деятельностью ВПК государств, что сопровождается выбросом в атмосферу огромного количества загрязнителей. Только 1 м³ окиси углерода оказывает ощутимое негативное влияние в объеме до 10 тысяч м³ воздуха, а 1 м³ сернистого газа — в пределах от 200 до 5000 тысяч м³. Из-за ежегодного сжигания более 3 млрд. т каменного угля и 1,5 млрд. т нефти в атмосферу попадает около 20 млрд. т CO₂ и более 700 млн. м³ других газов. Свой особый вклад вносит автотранспорт, ТЭЦ, металлургические и химические предприятия. Тревожные сдвиги в структуре воздушного бассейна можно свести к следующим явлениям.

Парниковый эффект. Образующиеся от использования ископаемого топлива и антропогенного воздействия на микробные сообщества почв углекислый газ, метан и закись азота, накапливаясь, создают условия для задерживания в нижних слоях атмосферы тепловой энергии, ре-

зультатом чего является увеличение средних температур. Установлено, что этот процесс на 45 % зависит от углекислого газа, на 23 % от метана, на 19 % от фреона и на 3 % от закиси азота.

Таблица 3

Изменение концентрации CO₂ и температуры воздуха

Год	1974	2000	2025
Концентрация CO ₂ (%)	0,033	0,03–0,041	0,052–0,064
Увеличение концентрации (% к уровню 1960г.)	12	30–40	80–120
Повышение средней температуры (по сравнению с 1960г.)	0,5 ⁰	1,0–1,5 ⁰	2,0–3,5 ⁰

С начала XX века количество CO₂ уже увеличилось на 17 %. Вопреки «Римской конвенции по климату» не происходит снижение поступлений углекислого газа в атмосферу, и здесь лидируют такие страны как США и КНР. Показательно, что ни одно государство не выполнило своих обязательств (Киотский протокол) по снижению выбросов углекислоты (Япония и Канада — на 6 %, США — на 7 %, ЕС — на 8 %). Но последствия скажутся на потеплении климата, ускоренном таянии вечной мерзлоты и ледников, подъеме уровня Мирового океана, что вызовет скачкообразное повышение социально-экономических рисков, усиление миграционных потоков, ломку устойчивого международного разделения труда.

Возрастет (и уже возросло) количество пасмурных дней и общая запыленность воздуха, а помутнение солнечного света негативно повлияет на продуктивную деятельность зеленых растений.

Кислотные дожди. Соединения хлора и серы, а также других химических элементов, обильно поступающие в атмосферу, в сочетании с водой образуют активные кислоты, действие которых приводит к снижению биологического разнообразия, гибели жизни в водоемах, угнетению растений на суше, снижению урожайности сельскохозяйственных культур, деградации почв, разрушению зданий и памятни-

ков. Переносимые ветром на значительные расстояния, преодолевая национальные границы, они везде оставляют свой разрушительный след. В Западной Европе, например, 40 % лиственных и 80 % хвойных лесов поражено ими.

Дефицит свободного кислорода. В структуре атмосферы кислород составляет 21 %. Но за последнее время его количество ежегодно сокращается более чем на 12 млрд. т. Сейчас потребляемый кислород эквивалентен величине прожиточного минимума для 20 млрд. человек. Современный транспорт и промышленность в 20 раз быстрее поглощают кислород, чем все живое его вырабатывает. Многие экономически развитые страны (США прежде всего) потребляют больше кислорода, чем вся растительность этих государств его производит. А между тем, задыхающийся фитопланктон Океана, загрязняемая почва и вырубаемый лес (6 млн. га только тропических лесов, дающих 20 % O_2 , исчезает ежегодно, что эквивалентно непоступлению в атмосферу до 15 млрд. т кислорода) еще больше усугубляет эту ситуацию. Особо чувствительны к сокращению свободного кислорода высокоразвитые формы жизни, ибо обязаны своим расцветом именно кислородной среде.

Истончение озонового пояса Земли. Озоновый экран (O_3), сформированный деятельностью живых организмов и зависящий от количества свободного кислорода, окружает планету тонкой пленкой в 0,3 см в стратосфере на высоте 20–40 км и защищает биоту от жесткого ультрафиолетового излучения. Подтверждено, что хлор-фторсодержащие компоненты (фреоновая группа газов), образуемые при производстве бытовых аэрозолей, полупроводников, холодильных установок и т. п., вступая в сложные химические реакции, могут разрушать озон на протяжении десятков и сотен лет с момента их создания. Свою лепту в этот процесс вносят и стратосферные полеты самолетов и космических аппаратов. При запуске каждой ракеты происходит резкий выброс сотен тонн отработанных двигателями газов, существенно меняющих химический состав атмосферных потоков. Известно, что американский «Шаттл» проходя озоновый пояс, выжигает около 10 млн. тонн озона (0,3 % его обще-

го количества), так как использует топливо, содержащее хлор. Уменьшение O_3 на 1 % приводит к росту числа заболеваний раком на 5 %, а сокращение его количества на 25 %, как считают многие специалисты, вызовет массовую гибель представителей земных экосистем. Если же вспомнить, что все меньше остается ландшафтов, способных эффективно аккумулировать углерод из атмосферы для почвообразования и наращивания биомассы растений (1 м³ древостоя изымает из воздуха и связывает 0,5 т углерода), а неостребованный углерод накапливается, индуцируя процесс потепления климата и, стало быть, изменения гидросферного режима, то можно утверждать: деятельность человека трансформирует и педосферные, и гидросферные функции атмосферы Земли.

Истощение природных ресурсов, нарушение экологических балансов, загрязнение среды — все эти антропогенные факторы ведут к деградации глобальной экосистемы. Для России наиболее опасен последний, обусловленный износом основных производственных фондов и преобладающим количеством низкотехнологических предприятий — 55 %. И хотя Россия не являлась основным загрязнителем атмосферы, гидросферы и почвы, не является таковой сегодня, все же ее «вклад» значителен, что определяется рядом причин: сохраняется сырьевая ориентация экспорта, продолжается экстенсивный путь развития экономики, усиливается эксплуатация природных биогеоценозов, огромна материалоемкость отраслей отечественного производственного комплекса, несовершенно экологическое законодательство, низок уровень контроля качества среды со стороны природоохранных инстанций и т. п. А результирующая — налицо.

Россия дает 13 % мировых выбросов в атмосферу CO_2 . От общего количества атмосферных поллютантов промышленного происхождения предприятиям энергетики принадлежит 26,6 %, цветной металлургии — 17,1 %, черной металлургии — 14,65 %. Доля автотранспорта от общего объема выбросов в воздушное пространство составляет 64,5 %. В 200 городах загрязнение атмосферы превышает ПДК. 40 % россиян проживает на территории, где ПДК превышены в 10 и более раз, 50 % — в зоне с

меньшим, но превышением показателей ПДК, т. е. общий неблагоприятный экологический фон распространен фактически на всю Россию.

Для России характерна неравномерность загрязнений. Самые распространенные вредные вещества — диоксид серы, оксиды азота и углерода, углеводороды. Отягощающим фактом является и то, что Россия становится объектом экологической эксплуатации со стороны мирового сообщества. Только одни «потоки антропогенной серы, поступающие на Русскую равнину из Западной Европы, в 10 раз превосходят обратные потоки воздушных загрязнений... Благодаря своим лесам, переувлажненным землям и болотам, крупнейшему массиву практически неосвоенных, «диких» земель (60 % территории) России выступает компенсатором части глобальных загрязнений».

Состояние гидросферы также тревожно: 40 % промышленных стоков сбрасывается в гидросистему практически без очистки, хотя именно промышленность — главный потребитель чистой воды. Более 37 % общей протяженности рек европейской части России состоит из воды, утратившей свои питьевые качества, а для рек, где осуществляется судоходство и лесосплав — до 58 %. «Первому классу качества в стране соответствует только 1 % питьевой воды, а 17 % не соответствует даже самому низшему — третьему классу». И почва перенасыщена тяжелыми металлами (свинец, никель, марганец, ванадий, цинк) и агрессивными токсикантами (мышьяк, ртуть, кадмий, свинец). Почва активно загрязняется и бытовыми твердыми отходами, 97 % которых без всякой предварительной обработки вывозится на свалки.

Преобразованная человеком окружающая среда в совокупности потоков абиотических, биотических, антропогенных и социально-техногенных влияний ускоренно выводит его из поля притяжения аттрактора, способствовавшего когда-то появлению, существованию и процветанию Homo Sapiens, превращая в объект все увеличивающегося обратного воздействия, и начинает уже актуально угрожать его собственной антропной идентичности, что проявляется прежде всего в денатурализации, т. е. деструкции биологических механизмов воспроизводст-

ва нормальной жизни, которая в сочетании с такими явлениями, как де-социализация, сверхсоциализация, деиндивидуализация и деспиритуализация, свидетельствует о тотальном кризисе современного человека.

Обобщая, можно констатировать общую тенденцию ослабления биологического базиса человеческой жизнедеятельности, что выражается в следующем:

- ухудшение адаптации организма к антропогенно измененной среде;

- разбалансировка репродуктивного механизма;

- повышение реактивности на раздражители среды и рост аллергий;

- интенсификация нервно-психического истощения при дефиците физических нагрузок;

- десинхронизация биологических ритмов человеческого организма;

- ускорение темпа изнашиваемости организма;

- увеличение приобретенных физических и психических расстройств и количества их носителей в популяции (Рост числа новорожденных в мире с отклонениями от нормы: 1986 г. — 4 %, 1972 г. — 6 %, 1980 г. — 10,5 %, 1990 г. — 30 %, 2000 г. — 50 %.);

- возрастание утомляемости и удлинение процесса восстановления, что продуцирует «45 % экстремальных ситуаций на АЭС, 80 % автокатастроф и свыше 80 % катастроф на море»;

- прогрессирующая податливость старым инфекционным и новым (СПИД) заболеваниям;

- омоложение на 10–15 лет всех основных видов заболеваний;

- увеличение процента генетически обусловленных аномалий и патологий;

- понижение уровня интеллектуального и творческого потенциала, оскудение чувственности;

- растущая уязвимость людей к воздействиям космических факторов.

Перечисленное позволяет утверждать: все зримее проступают черты *денатурализации* человека, потери им устойчивых качеств своего естества как биологического организма, жизнь которого все труднее поддерживать на оптимальном уровне, даже достаточном для простого воспроизводства себе подобных.

Таким образом, *экология тела* современного человека в экономически продвинутых и неблагополучных регионах имеет некоторые общие тенденции развития, хотя масштаб, глубина и последствия их реализации существенно варьируются.

А каково состояние *экологии личности*?

Анализируя анатомию соотношения социума и личности я ставлю диагноз: гедонистически ориентированное «общество потребления» создало «человека массы», лишённого самостоятельной ценности и инициативы, осуществляющего нормирование собственной жизни по аналогии с функционированием отлаженного машинного механизма.

Деиндивидуализация — превращение человека в заменяемое без ущерба для всех существо, обладающее одинаковыми потребностями, вкусами, желаниями, представлениями и ведущее стереотипный образ жизни. Это происходит под воздействием особенностей массового производства, манипулирующего сознанием телевидения, логики самоиндуцирующего развития технологической реальности, диктующей определенный ритм функционирования технических систем и требующей от работников стандартизированных умений и реакций, а также вездесущего менеджмента. Возможно, данные выводы чрезмерно пессимистичны, но отмеченные изменения в структуре общественных отношений и динамике межличностных коммуникаций нельзя игнорировать. Так же как и *сверхсоциализацию*, т. е. идентификацию личности с обществом, впитывание его в себя, отождествление личности со своей функцией, ролью, местом в системе социальной иерархии, приводящее человека к его погашению общественно-профессиональной стратой и лишаящего его полноты жизни,

критического и объективного взгляда на действительность.

Другой же тенденцией является спонтанное нарастание чувства социального неблагополучия, обусловленного невозможностью оптимальной адаптации к общественной среде, утратой личностной соразмерности, т. е. связи конкретного субъекта действий с содержанием и последствиями этой деятельности (как было в традиционном обществе), что указывает на драматический разлад внутреннего и внешнего, на предел приспособленности личности к калейдоскопу социальных событий, пластично соотноситься с которыми становится все затруднительней. *Десоциализация* — нигилистическое отношение миллионов людей к обществу и строю, которые воспринимаются как чуждые, насильственные и антиестественные структуры, что проявляется в маргинализации, люмпенизации, распространении наркомании, алкоголизма, девиантного поведения и суицида.

Указывая на перспективу утраты антропной идентичности, приходится признать: особенно уязвима и ранима (как самое позднейшее в эволюции приобретение) *духовность* — детище культурно-воспитательного процесса, посредством которого облагораживаются страсти и иррациональные влечения, уравниваются и гармонизируются связи биологического и социального, творится индивидуальность и создается внешняя красота. Не исключено «вторичное одичание», так как слой высокой культуры очень тонок, и творческая элита малочисленна, и ее вес в обществе колеблется.

Истоки духовного кризиса современного общества следует искать в неоправдавшихся ожиданиях, начавших складываться еще в эпоху Нового времени: антропоцентризм породил чувство глубокого одиночества и зыбкости бытия; гуманизм перерос в отчуждение людей, вступающих в анонимно-функциональные отношения; свобода приняла форму эскапизма или жестокой борьбы за власть; самодостаточность личности превратилась в утрату «точки опоры»; притязания разума оборачиваются ростом высвобождающихся иррациональных сил и тенденций; оптимизм сменился ощущением тревоги относи-

тельно настоящего и будущего; индивидуальность выродилась до человека массы; творческий подвиг обернулся тягой к наслаждениям и внешнему успеху.

Проблема *экологии души и духа* наиболее остро стоит в современной России. Мировоззренческие структуры, складывающиеся веками под влиянием особенностей ландшафтно-климатических условий, геополитического положения и крупных исторических событий, сегодня вновь подвергаются разбалансировке. Стремление к накоплению, наживе, обогащению как исходный мотив деятельности людей в капитализируемой России несмотря на тотальную пропаганду в СМИ (и особенно телевидении) не находит всенародной поддержки и даже вызывает нравственную неприязнь и брезгливость. А сами по себе успех, польза, выгода, вещественное проявление богатства не воспринимаются большинством населения в качестве знака избранничества и особой исключительности их носителей перед обществом и Богом. Почему ценности протестантизма морально отвергаются? По причине их противоположности идее Служения. Народный менталитет, архетипы национального сознания и формируют коллективную идентичность народа. Их разрушение равносильно исчезновению данной исторической общности! Испытывается «на прочность» менталитет русского народа, являющегося системообразующим в стране. Нет, не переход от плановой к рыночной экономике, от жестко-административного к демократическому «устроению» политических отношений, от социализации к капитализации приблизил Россию к точке бифуркации, а деформация таких черт национального характера как бескорыстность, скромность, искренность, жажда справедливости, совесть, доверчивость, доброта, отзывчивость, милосердие, терпение, мужество, упорство, трудолюбие, нестяжательство, артельность (коллективизм), патриотизм, жертвенность, мессианство, религиозность.

Россия — идеократическая страна, и здесь роль идей (великих и высоких, т. е. сверхсмыслов) несоизмеримо значима. Именно сохранение на протяжении многих веков доминирующих духовных ценностей явля-

лось гарантом социальной идентичности несмотря на поток трагических потрясений и нарушение преемственности в экономической, политической, международной сферах. Если диффузия исконно духовных ценностей и смыслов станет необратимой, то Россия лишится будущего именно как Россия. Любой народ превращается в население или толпу при отсутствии общих ориентиров, идеалов и святынь, спланивающих людей в несокрушимую общность. Внутренний мир россиян формируется в значительной мере под наркотирующим воздействием массовой культуры, которая функционирует по законам спроса и предложения, хотя сам этот спрос во многом искусственно создан и поддерживается финансовыми вливаниями со стороны определенных политических кругов, заинтересованных в деинтеллектуализации и нравственной дезориентации народа. По справедливому замечанию В. И. Слободчикова, имеет место «психопрограммирование и духовное кодирование личности. Прагматическое психологическое знание, изначально полученное в недрах собственно научной психологии как строгое знание о психических явлениях, оказалось замечательным средством... сценирования кем-либо чужой жизни в собственных целях (реклама, пиаровские технологии, выборные рейтинги и т. п.)». Манипуляция сознанием — незримое принуждение, способ превращения человека в объект контроля посредством выработки определенных (часто искусственных и вредных) потребностей, побуждений, настроений и мыслей. Она осуществляется в интересах социальных сил, имеющих финансовые, политические и научно-технические возможности воздействовать на психику людей помимо их воли, используя весьма широкий и разнообразный «веер» приемов:

- десакрализация и осмеяние национальных святынь;
- стирание исторической памяти народа;
- глумление над символами героизма и благородства;
- разрушение традиций и обычаев народной культуры;
- релятивизм эстетических и этических ценностей;
- смакование патологических, отклоняющихся форм поведения;

– экспансия иностранного языка и иностранных образов, затмение всего отечественного;

– поощрение подсознательных, иррациональных порывов.

Активно формируется образ жизни как театра, розыгрыша, лотереи, где главенствует случай и удача, а не пути осмысленного преодоления препятствий посредством труда и творчества во имя высоких целей. Невостребованность квалификации и мастерства, вызвавшая утечку мозгов за рубеж, унижение культуры, финансируемой по остаточному принципу, резко снижает конкурентоспособность российского общества и затрудняет разрешение любых, в том числе и глобальных проблем, которые требуют развитого интеллекта и чуткого сердца. Развлекательный шоу-бизнес чередуется с потоками деструктивной информации, ухудшающей общее самочувствие и травмирующей состояние человеческой психики. Свобода слова часто используется как ширма, отгораживающая публику от светлых животворящих и созидательных событий и дел, что усиливает ощущение абсурдности жизни.

Глобальная экологическая проблема (как и другие), возникшая на пути движения истории к единому информационному обществу, все органы которого взаимосвязаны таким образом, что вне этой системы самостоятельно существовать не могут, требует для своего адекватного разрешения определенных согласованных усилий в социально-политической области. Преодолеть внутренние противоречия, препятствующие единству человечества, или, по крайней мере, не допустить их обострения в ходе становления новой целостности, обеспечить режим международной безопасности, устранить угрозу ядерного противостояния и применения других видов оружия массового поражения — вот главное условие успеха, так как конфликты подобного рода наносят самый губительный удар по всему живому, а гонка вооружений растрчивает колоссальные средства, столь необходимые для оптимизации отношений общества и природы. Все зримее обозначается потребность в экологической безопасности, которую нельзя обеспечить только усилиями

отдельных лиц, но можно коллективной, солидарной, совместной, согласованной работой, так как плоды ее принадлежат всем и каждому. Одним из необходимых условий этого является менеджмент, дифференцирующийся на: экологизированный, призванный обеспечить нормативно-правовое соответствие экономики международным экологическим предписаниям; экологический, ориентирующий технологический процесс на всех его стадиях на сохранение стабильности экосистем и определенного уровня экологических стандартов выпускаемой продукции; экологичный, в котором на передний план выходят вопросы организации производственной сферы с учетом человеческого измерения. К этим направлениям примыкает экологический аудит, экологическая сертификация качества товаров, страхование экологических рисков. Развивается также менеджмент в экологическом предпринимательстве как управлении деятельностью по функционированию предприятий, разрабатывающих природовосстановительные процессы и технологии, что ведет к оздоровлению среды обитания. Данная тенденция эволюции менеджмента позволяет смягчить противоречия и совместить природоохранную, природовосстановительную и природоиспользующую деятельность в единый комплекс.

Следует повысить статус экологического сотрудничества стран мира и роль ООН и ее институтов в качестве организующего, прогнозирующего и правового центра природоохранной и природообразовательной деятельности. Это не исключает административно-правового регулирования отношений человека к среде в рамках отдельных государств на основе собственного экологического законодательства и нормативных актов, учитывающих особенности ситуации, ресурсы, финансовые и технические возможности, но все они должны соответствовать международным актам, которые унифицируют стандарты среды обитания, определяя пороговые значения допустимых загрязнений (ПДК). Развивающееся международное право направлено на меры, препятствующие разрушению окружающей среды и регулирующие использование природных ресурсов в интересах не только отдельных государств или ре-

гионов, но и человечества в целом. Поэтому двусторонние и многосторонние конвенции и договоры должны строиться с учетом этих всеобщих принципов природопользования, которые должны носить обязывающий характер. Совершенствованию международных механизмов решения экологических проблем, конечно, способствует специально созданная структура Global Environment Facility (GEF), призванная контролировать ход осуществления проектов по глобальным изменениям в биосфере. Следует разграничить ответственность стран-доноров и стран-перципиентов относительно экоресурсов планеты и перераспределить финансовые потоки для нейтрализации наносимого ущерба.

Так, с территории России выносятся в 5–8 раз меньше загрязняющих веществ, чем поступает из-за рубежа и большинство их аккумулируется российскими экосистемами; до 70 % антропогенного углерода западноевропейского происхождения также поглощаются естественными биоценозами России, а наши леса производят на 5,5 млрд. т кислорода больше, чем его потребляется на хозяйственные и промышленные нужды, тем самым поддерживая стабильность газового баланса атмосферы и снижая уровень риска дефицита O₂. Должна быть предусмотрена и материальная ответственность стран за нерациональное ведение хозяйства на своей территории и введена рента за пользование биоресурсами.

Положительный момент: сбор и анализ данных об изменениях состояния экосистем и реализации, установленных норм природопользования, а также проведение экологических экспертиз осуществляется посредством мониторинга с использованием не только наземных пунктов наблюдения, но и широкой сети компьютерных средств и сложной компьютерной техники. Это позволяет, в частности, обнаружить экспорт в развивающиеся страны, где низок уровень экологической культуры, устаревших технологий, некачественных (даже вредных и опасных) товаров и высокотоксичных отходов. Оперативный обмен экологической информацией позволяет поставить барьер практике двойных стандартов в данной сфере. Настало время поднять

ранг Международного регистра наиболее токсичных веществ и создать «экологические силы быстрого реагирования», дав им приоритетное право не только ликвидировать очаги опасных загрязнений, но и предупреждать их появление.

Надо также ужесточить политику штрафных санкций за нерациональное отношение к природе, ввести плату за ресурсы и прогрессивный налог за нарушение экологических ограничений. В то же время поощрять предприятия в их усилиях по улучшению качества среды обитания. Искать выход из дилеммы: или экономическое развитие, или сохранение среды можно посредством создания системы социально и экологически ориентированного рынка при наличии целенаправленного контроля со стороны государства. Надо пересмотреть и ценность различных форм частной собственности. Целесообразен переход от полного и свободного распоряжения не только результатами труда, но и природными ресурсами к режиму свободного распределения продуктами производственной деятельности, но не ресурсного потенциала среды, который должен быть под контролем соответствующих государственных служб, следящих за качеством природопользования и взимающих налог в пользу общества и для осуществления превентивных мер по недопущению ухудшения состояния среды обитания.

Несбыточной социальной иллюзией и деструктивной для экосистемы Земли предстает всеобщая вестернизация в отношении уровня потребления продуктов, энерговооруженности и качества жизни, так как при существующих темпах роста мирового народонаселения и давно ведущейся эксплуатации высококачественных ресурсов бедных стран резервы уже исчерпаны, и это в принципе уже невыполнимо.

Основной формой снижения уровня нагрузки на биосферу является изменение технологического способа производства, что предполагает значительное уменьшение материально-субстратных, энергетических, водоемких компонентов на единицу конечного продукта. Иными словами — ресурсосбережение, комплексное использование полезных иско-

паемых (в цветной металлургии, например, активно задействовано 12 профилирующих металлов, а более 60 попутно извлеченных уходят в отвалы), утилизация отходов и многократное внутриотраслевое и межотраслевое их вовлечение в производственный цикл.

Но не максимальная утилизация отходов и не создание эффективных очистных сооружений (т. е. их совершенствование, повышение надежности качества) при сохраняющихся «грязных» производствах, а радикальный переход к недопущению самих загрязнителей, к распространению малоотходных и замкнутых технологий — магистральный путь экологизации техники, что реализуемо лишь в союзе с наукой. Уже действуют перспективные технологии разделительных мембран, позволяющие дифференцировать смеси жидкостей и газов на элементарные составляющие и фильтровать их, не допуская загрязнения среды химическим предприятиями; выпускаются пластмассы, керамика, электропроводящие полимеры, заменяющие собой медь и алюминий, что снижает ресурсоемкость. И такие варианты множатся. Техника (по возможности) должна быть подчинена закономерностям биосферы и вмонтирована в нее как органическое звено, не подвергающее риску ее системность и самоорганизацию. Минимизация воздействия на среду, следовательно, осуществляется гибким балансом производящей и компенсирующей деятельности.

Рост масштаба производства в историческом процессе невозможен без соответствующего и опережающего энергопотребления. «Человечество приучено к голоду, засухе, войне и финансовой неурядице, но не к недостатку энергии, который только локален и временен». Запасы органических энергоносителей рано или поздно иссякнут, но до того, как это произойдет, люди уже озаботились проблемой уменьшения воздействия энергетики на природу. Основные направления работы: 1. Альтернативные возобновляемые источники энергии (ветер, морские волны, приливы и отливы, течения, солнечная, геотермальная, биоэнергия); 2. Более эффективное и экологически чистое использование возобновляемых энергоносителей (газификация, сжижение угля, водород-

ная энергетика); 3. Термоядерный синтез и конструирование принципиально новых реакторов для АЭС.

В сфере сельского хозяйства также нельзя добиться заметного прогресса вне экологического земледелия. Из 80 тыс. пригодных к употреблению растений активно культивируется около 50, а 90 % мирового сбора урожая обеспечивает 12 сельскохозяйственных культур. Но монокультуры чрезвычайно уязвимы, неустойчивы и беззащитны перед вредителями и сорняками, которые, беспрепятственно размножаясь, поражают огромные площади. Поэтому переход к смешанному и более разнообразному размещению посевов соответствует законам функционирования естественных экосистем и обеспечивает их устойчивость, что резко снижает энергозатраты на их поддержание со стороны человека. В этой связи важен также и подбор сортов (их совместимость), повышающий общую урожайность. Так, сочетание кукурузы, овса и подсолнечника дает больше кормовой массы с га, чем каждая культура в отдельности. Для сохранения оптимального режима влагоемкости необходима определенная степень залесенности, череда лесополос, оберегающих посадки и от сильных ветров, и от резких перепадов температур. Для плодородия почв и улучшения процесса гумусообразования следует делать ставку на внесение органических удобрений (минимум 6,5 т навоза на га) с более интенсивным применением специально подобранных грибковых и бактериальных форм, а также компостированных пищевых отходов, измененных микробиологическими методами. В качестве щадящих технологий шире практиковать безотвальную обработку почв и мелкую вспашку земель, что не нарушит сбалансированную иерархию биогеоценозов и их продуктивность. Экологически перспективными являются и биологические средства защиты растений (внесение паразитов вредителям и сорнякам, генетические методы воздействия, лишение их возможности размножаться и т. п.) при одновременном создании благоприятных условий для развития полезных насекомых, растений и животных, что приводит к восстановлению многообразия пищевых сетей. Фактором,

уменьшающим нагрузку на экосистемы суши, должно стать дальнейшее освоение Океана. Только 1 га морских водорослей по белковой ценности не уступает 25 га засеянного пшеничного поля. Потенциал Мирового океана колоссален, и если рыборесурсы активно изымаются, то без значительного ущерба в сопоставимой пропорции может быть освоена добыча биопродукции и низших трофических уровней.

Не говоря об эстетической ценности природы, которая ничем не заменима, отметим лишь значение зеленых растений для жизни человека. Сведение лесных массивов с поверхности Земли (о чем говорилось раньше) должно быть компенсировано озеленением планеты. Если учесть, что взрослое дерево за сутки производит около 130 л O_2 , спящий человек потребляет 360 л, а работающий — 700–900 л в день, то биологическая активность древесных насаждений — это вопрос жизни и смерти для людей. Кроме того, листва задерживает пыль: 1 га елей — 30 т, 1 га лип — 42, 1 га бука — 68 т за один сезон. «Воздух городских парков и садов загрязнен в 40–50 раз меньше, чем в зоне действия промышленных предприятий». «Зеленая революция», следовательно, еще впереди...

Разрешение глобальной экологической проблемы невозможно и без кардинального изменения основ мировоззрения. Главная проблема сегодня — это проблема смысла жизни. Жить для настоящего, а не будущего; для себя, а не для общества; для денег, а не для дела; для «хлеба и зрелищ» и материализованного успеха, а не для духовного самосовершенствования; воплощать не принцип «Один за всех и все за одного», а «Один против всех, все против одного»?

Глобальная экологическая проблема, однако, взывает к солидарному участию народов в общем деле оптимизации системы «общество–биосфера», что возможно лишь при условии (несмотря на этнонациональные, государственные, социально-стратификационные особенности менталитетов) формирования единого для многих общечеловеческого смысла жизни, заключающегося в сохранении антропологической идентичности, системного триединства биологических, социальных и душевно-духовных структур человеческого бытия, ко-

торые в своей целостности являются, в свою очередь, основой подлинного гуманизма.

Подчеркну, что целый спектр глубоко обоснованных программ международного, регионального и государственного уровней, касающихся социально-политических, правовых, материально-технических и научно-технологических аспектов устойчивого развития, не «заработает» без преодоления инерции мировоззренческих ценностей эпохи Модерна, наиболее полно воплотившихся в идее секуляризованного гуманизма, трактующего человека как рационально-мыслящего, самодостаточного, автономного индивида, активно и безгранично изменяющего природную и социальную реальность посредством научно-технического знания, перед мощью которого все превращается в потенциальный объект контроля и управления. Но такой гуманизм *узок*, так как замыкает человека в рамки социальных структур и отношений, *антиэкологичен*, ибо противопоставляет его всему живому и внечеловеческому, диалог с которым невозможен.

Однако отказ от него — мировоззренческий тупик. Выход — в поиске нового содержания, соответствующего возникшим реалиям и открывающего горизонты дальнейшего развития. И здесь выделяется ряд принципиальных позиций.

Антропоцентризм правильно оттеняет качества, присущие только человеку, позволяющие ему занимать привилегированное положение в универсуме; **биоцентризм** верно фиксирует генетическое, структурно-функциональное родство и незаменимость каждой живой системы в биосфере Земли; «**глубокие экологи**» справедливо указывают на особенность вида *Homo sapiens*, вида-монополиста, который, используя технические средства, вносит такие возмущения и диссонансы во все геосферы планеты, что экологические ниши одна за другой становятся непригодными для жизни. Но возвышение, уравнивание или уничтожение человека — результат абстрактно-односторонней трактовки его подлинной природы. Поиск наиболее адекватной модели, на наш взгляд, целесообразно искать на путях гуманизма. Однако

не традиционного, сводящего ценность человеческого бытия к его развитию и функционированию как личности, т. е. производной общественных структур и как субъекта, преобразующего действительность в сугубо собственных интересах и увеличивающего свою тотальную власть над всем сущим, а *обновленного гуманизма*, понимающего человека целокупно, в нерасторжимом единстве его биологических (тело), социальных (личность) и душевно-духовных (дух) определений. Сегодня гуманизм — это, прежде всего, обязанность человека перед самим собой, обязанность сохранить свою *антропную идентичность* как гарантию полноценного существования и биоты. Так как человек живет внутри земной экосистемы, то его назначение заключается не в господстве над биосферой, а в служении ей, и целостность самой человеческой природы является объективным и универсальным критерием качества среды обитания. Новый гуманизм предполагает, следовательно, ответственность за продление, полноту, развитие, разнообразие и повышение жизненного потенциала биоты, уважительное и благоговейное отношение к планетарной жизни и вовлечение ее в область моральных обязательств, стремление помочь всему не успевшему раскрыть свои внутренние возможности. Но такая сострадательность к живым созданиям должна начинаться, прежде всего, с участливого и любовного отношения к себе подобным. Если среди людей воцарятся отчуждение и агрессивность, коронуется алчность и воинствующий эгоизм мелочных интересов, т. е. растет дегуманизация, то никакой иной, кроме антиприродной, стратегии действий не может сложиться в принципе. А без экологически ориентированных форм поведения, в свою очередь, не разрешить проблем выживания.

Подобного рода массового поведения нельзя добиться только на основе *экологического образования*, ориентированного на обучение навыкам рационального природопользования, т. е. изменения внешней среды, необходим надежный посредник (ибо между знанием и поступком часто — пропасть) — *экологическое воспитание*, нацеленное на преоб-

разование потребностей, желаний и побуждений в их значимости для биоты Земли. Синтез этих процессов позволит сформировать целостное сознание — предпосылку щадящего, бережного отношения к планетарной жизни, что не достаточно учитывается в исследованиях по проблеме экологии человека.

Критически рассмотрев различные сценарии оптимизации взаимосвязи человека и среды обитания, приходим к выводу: *коэволюция* и *устойчивое развитие*, конечно, не окончательные варианты разрешения глобальной экологической проблемы, но на сегодняшний день они наиболее адекватны, обоснованы и дают реальную перспективу для мобилизации интеллектуально-нравственных и научно-технических ресурсов человечества с целью поиска стратегии выживания.

Проблема войны и мира. Начиная со столкновений первобытных людей, сопровождающихся снятием скальпа, через Античность и Средневековье до самых последних дней тянется кровавый след, оставляемый войнами. За 5 тыс. лет произошло более 15 тыс. больших и малых войн, в которых погибло 4 млрд. человек. Мирное созидание длилось только 290 лет. В современном мире ведение войны приобретает глобальный характер, который обозначен:

- увеличением количества и интенсивности локальных военных столкновений, ростом численности вооруженных формирований;
- расширением театра военных действий;
- ростом жертв (особенно среди гражданского населения);
- расширением территорий под военные укрепления и инфраструктуры;
- возрастанием затрат на ведение войны и подготовку к ней (более 1 триллиона долларов и год);
- милитаризацией науки и созданием все более «убойной» военной техники;
- дистанцированием противника и самого процесса реальных боевых действий.

К XXI в. острота проблемы войны и мира возросла из-за неодно-

значности последствий и замедления восполняемости природных социально-экономических и морально-психологических ресурсов. Прогресс военной техники достиг такого уровня, когда новые средства уничтожения появляются с невиданной ранее быстротой. Темпы совершенствования оружия все заметнее обгоняют процесс политического развития, способный положить конец гонке вооружений. Дело не только в том, что каждая новая ракета или бомба оказывается более смертоносной. Нет, она качественно иначе поражает людей, военные и гражданские объекты. Она все более губительно действует на саму природу, на все ее взаимосвязи и структуры. Средства ядерной техники приобретают такой вид и характер, когда практическое осуществление контроля над ними становится затруднительным. Миниатюризация ядерного оружия уменьшает шанс контроля за его производством и распространением. А это значит, что мир может легко оказаться во власти авантюристов и террористов.

В современных межгосударственных конфликтах резко уменьшается время для принятия адекватных политических и военных решений, что грозит самыми плачевными последствиями. Сбор, обработка информации и выдача генеральных команд осуществляются системой компьютеров. Поэтому сбой, техническая неполадка может иметь для человечества роковые последствия. Разрушительная сила военной техники беспрецедентна. Одна современная межконтинентальная ракета может иметь мощность в тысячу раз больше той, которая была использована во всех войнах вместе взятых.

Подготовка к войне отрывает от созидательного труда громадные человеческие ресурсы. Гонка вооружений, сопровождаемая испытанием и совершенствованием ядерного оружия, опасна и сама по себе. Уже сейчас в Северном полушарии на каждом квадратном метре суши каждую секунду распадается до 5 тыс. радиоактивных атомов, возникших в результате ядерных испытаний. Такой процесс будет длиться многие десятилетия, и его генетические последствия трудно предсказать.

Широкомасштабная военная деятельность на планете ведет к деградации экосистем биосферы. Сорок процентов загрязнений окружающей среды вызвано военными действиями. Военная деятельность приводит к растрате сырья, энергии, материалов, зачастую редких и невозполнимых. Растут потери финансовых средств, так необходимых для решения всечеловеческих проблем. Не только противодействующие военные блоки, но и многие развивающиеся страны активно включились в процесс милитаризации своих экономик, что лишь усугубляет их внутренние проблемы. Попытки США под разными предлогами реанимировать СОИ лишь усиливает конфронтацию в мире, вызывая волну недоверия и подозрительности со стороны других стран.

В современном мире порог между обычной и ядерной войной весьма зыбок, несмотря на запрет применения ядерного оружия.

Каковы возможные глобальные последствия ядерного конфликта? Укажем главные: 1) в результате применения ядерного оружия мощностью всего лишь 10–12 тыс. Мт погибнет 5/8 населения; 2) на 70–80 % разрушится озоновый слой, что резко увеличит естественный уровень радиации; 3) удары по атомным станциям создадут дополнительные зоны радиоактивного заражения; 4) обмен ракетными ударами вызовет гигантские пожары, что в дальнейшем приведет к повсеместному снижению температуры на 30–50 градусов.

Модель «ядерной зимы» показывает, что в отличие от прежних мировых конфликтов, в ядерной войне не будет победителей, а ее развязывание приведет к гибели цивилизации и биосферы. Это будет последняя война в истории человечества. Война как состояние человеческой цивилизации изживает себя, но этот процесс мучительно труден и требует мобилизации усилий всего мирового сообщества.

Топливо-энергетическая и продовольственная проблемы. Топливо-энергетический комплекс, являясь основой технического прогресса, включает в себя получение, преобразование, транспортировку, хранение и использование энергетического потенциала для нужд обще-

ства. Дрова – уголь – нефть и газ – ядерное топливо — такова последовательность и динамика роста энергопотребления в общепланетарном масштабе. Однако загрязнение среды, истощение возобновляемых и сокращение невозобновляемых энергетических ресурсов требует поиска нетрадиционных источников энергии Солнца, ветра, приливов и отливов, морских волн, океанических течений, циклонов, геотермальных вод и т. д. Дефицит энергии обуславливает также изменения и технологического способа производства путем его перевода на ресурсосбережение и замкнутость циклов. Пока же не найдено адекватных способов нейтрализации негативного воздействия энергетических объектов на среду обитания, а оно, в частности, выражается в уменьшении продуктивной возможности биосферы и разрушении естественных экосистем, деградации почв, выпадении кислотных дождей и изменении климата. Наряду с бурным ростом народонаселения в странах «третьего» мира эти факторы резко обострили проблему продовольственного обеспечения, так как почти половина жителей Земли испытывает настоящий голод и находится на грани хронического недоедания. Не говоря о разнообразии и качественном составе продуктов питания, даже среднеевропейский уровень калорийности — 3500 ккал в сутки — для многих остается недостижимым. Поэтому удовлетворение потребностей возрастающего населения станет возможным лишь при условии рационального природоиспользования, новейших технологий и методов производства сельхозпродуктов, повсеместного распространения прогрессивных приемов обработки земли и использования ресурсов Мирового океана. (В настоящее время на одного жителя Земли приходится лишь 18 кг морских продуктов, которые обеспечивают только 6 % потребляемых человеком белков и 25 % белков животного происхождения).

Космос и человечество: взаимное сближение. Так как существующие формы научно-технического прогресса и социальной жизни не могут развиваться впредь беспрепятственно, то в долгосрочной перспективе освоение космического пространства становится необходимым для будущего человечества. Этот процесс, начало которому

положили отечественные искусственные спутники Земли и полет Ю. Гагарина, вполне возможно будет осуществляться по трем вариантам, разработанным и обоснованным К. Э. Циолковским.

Первый. Создание на планетах Солнечной системы научно-исследовательских станций и заводов-автоматов по переработке космической энергии и сырья с последующей их транспортировкой на Землю — единственное и естественное место обитания человека.

Второй. Преобразование космических тел в планеты земного типа и синтезирование на них соответствующих атмосфер и гидросфер.

Третий. Размещение человечества на «эфирных островах», образованных искусственным способом. Ближний–дальний–сверхдальний космос — такова этапность данного процесса, в котором роботам и киборгам также будет отведена большая роль.

Однако связь космического и земного обоюдна и принципиально нельзя исключать вероятность взаимодействия с «космической ноосферой», т. е. различными цивилизациями, о чем свидетельствуют современные уфологические исследования.

Демографическая проблема. Когда речь заходит о современной демографической ситуации как глобальной проблеме, ключевыми словами оказываются — «демографический взрыв», а также «нулевой» или даже — «отрицательный» рост. Рассмотрим некоторые тенденции.

Таблица 4

Абсолютный рост численности народонаселения

Начало н.э.	Годы						
	1850	1930	1960	1975	1987	2000	2025 (прогноз)
250 млн.	1 млрд.	2 млрд.	3 млрд.	4 млрд.	5 млрд.	6 млрд.	8 млрд.

Возникает вопрос: способна ли планета «выдержать» любое количество людей? По максимальным экспертным оценкам, допустимо возможный предел составляет около 20 млрд. человек. В геополити-

ческой борьбе за обладание природными ресурсами и сохранение собственных экологических ниш уже сейчас сталкиваются интересы европейско-американской, тихоокеанской, российской и исламской цивилизаций. Положение усугубляется крайне неравномерными темпами увеличения численности их представителей.

Таблица 5

Прирост народонаселения в разных регионах мира (млн. чел.)

<i>Динамика народонаселения мира</i>				<i>Процентное распределение</i>	
<i>Год</i>	<i>Мир</i>	<i>Развитые</i>	<i>Развивающиеся</i>	<i>Развитые</i>	<i>Развивающиеся</i>
1950	2516	832	1684	33,1	66,9
1970	3698	1049	2649	28,4	71,6
1990	5292	1207	4086	22,8	77,2
2000	6260	1264	4997	20,2	79,8
2025	8504	1354	7150	15,9	84,1

Есть внутренние законы развития народонаселения, не синхронизированные с социально-экономическими или материально-техническими процессами. И хотя к 2050 г. ожидается стабилизация численности на уровне 12–13 млрд. человек, нагрузка на биосферу будет только возрастать.

Если в первой половине 80-х гг. в мире рождалось 126 млн. человек ежегодно, то во второй — уже 131,2 млн. и к 2010–2014 гг. число рождений составит 143,5 млн. человек. Четыре пятых общемирового прироста населения падает на страны Азии, Африки и Латинской Америки, что и породило явление, названное «демографическим взрывом». Почему это происходит? Дело в том, что если до XIX в. господствовал традиционный способ воспроизводства населения: высокая рождаемость – высокая смертность, приводящий к небольшому и медленному его росту, то с конца XIX в. вслед за промышленным переворотом и ростом городов возникает другой тип: низкая рождаемость – низкая смертность, итогом чего также является незначительное увеличение народонаселения. Однако в развивающихся странах при сохранении тра-

диционного культа многодетности и сокращения смертности почти вдвое (в силу развития здравоохранения) темпы прироста деформированы в сторону чрезмерного увеличения, порождающего множество драматических коллизий в сфере экономики, экологии и продовольствия. Для промышленно развитых стран, наоборот, характерен умеренный, нулевой или «отрицательный» прирост, когда число смертей превышает число рождений.

Для простого воспроизводства необходимо численное равенство родительского и детского поколений, а для расширенного — в семье должно быть не менее трех детей. Падение рождаемости ведет к увеличению лиц пенсионного возраста. Население Земли стареет.

Таблица 6

**Динамика суммарного коэффициента рождаемости
в основных регионах мира**

(число детей, рожденных женщиной за всю жизнь)

<i>Регион</i>	<i>Годы</i>						
	1950 – 1954	1960 – 1964	1970 – 1974	1980 – 1984	1990 – 1994	2000 – 2004	2010 – 2014 (прогноз)
Весь мир	4,9	4,95	4,4	3,5	3,3	2,8	2,6
Экономически развитые страны	2,8	2,66	2,17	1,97	2,0	2,04	2,07
Развивающиеся страны	6,12	6,07	5,4	4,06	3,4	3,01	2,71

К странам с самой высокой рождаемостью относятся: Кения — суммарный коэффициент — 8, Руанда — 7,3, Иордания — 7,28. Самый низкий показатель у ФРГ — 1,3. К середине XXI в. в КНР почти 40 % населения будет находиться в возрасте свыше 65 лет. Таким образом, пусть медленно и противоречиво, но идет процесс перехода от традиционного типа воспроизводства к современному, от многодетности — к малодетности. На функции материнства повлияла не только эмансипация, но и специфика современной экономической ситуа-

ции. Исчезает экономическая необходимость в детях как помощниках в труде и материальной опоре родителей в старости; растут расходы на воспитание детей. Кроме того, повышаются требования к качественным характеристикам личности молодого человека под влиянием НТП и перехода общества к информационной цивилизации; значительно расширяется круг обязанностей родителей перед обществом.

Общее постарение общества усиливает напряженность в сфере экономики и финансов, увеличивает расходы на систему социального обеспечения и здравоохранения, сокращает приток трудовых ресурсов и затрудняет (в силу консерватизма) внедрение новейших технологий и стандартов жизни.

Во всем мире также происходит миграция населения из сел в города. Городское население в общей структуре в 1920 г. составляло — 19 %, в 1970 г. — 38 %, в 2000 г. — 51 %. Урбанизация сопряжена с повышенной концентрацией людских масс, создает избыток рабочих рук, множество транспортных и бытовых проблем, требует огромных затрат энергии, сырья, материалов, соответствующей инфраструктуры и утилизации разнообразных отходов, что обостряет экологическую ситуацию. Уже сейчас в 25 крупнейших городах мира проживает около 80 % людей, покинувших провинцию, а население некоторых из них приближается к 20–30 млн., а сотни других перешли миллионную отметку.

Каково же демографическое положение России?

По итогам Всероссийской переписи населения в 2002 г., можно заключить, что Россия по численности занимает седьмое место в мире, уступая Китаю, Индии, США, Индонезии, Бразилии и Пакистану. Средняя продолжительность жизни — 64 года. Городское население составляет 73 %, а сельское, соответственно, — 27 %. На территории РФ проживает 160 народностей. Удельный вес русских — 80 %.

Таблица 7

<i>Национальный состав РФ</i>	
<i>Национальность</i>	<i>Численность в млн. чел.</i>
Русские	115,868
Татары	5,558
Украинцы	2,943
Башкиры	1,674
Чуваши	1,637
Чеченцы	1,361
Армяне	1,130
Мордва	0,845
Белорусы	0,815
Аварцы	0,757
Казахи	0,655
Удмурты	0,637
Азербайджанцы	0,621
Марийцы	0,605
Немцы	0,597
Кабардинцы	0,520
Осетины	0,515
Даргинцы	0,510
Другие национальности	6,458
Не указали национальность	1,458

Демографическое состояние страны, увы, характеризуют:

– замедление прироста численности населения (ежегодный прирост в 1980–1988 гг. составлял 1 млн. чел., в 1989 г. — 0,6 млн., в 1990 г. — 0,5 млн., в 1991 г. — 0,2 млн.) трансформировалось в отрицательные показатели: с 1992 г. смертность начала преобладать над рождаемостью, и сейчас естественная убыль — около 1 млн. в год, что, по прогнозам, приведет к уменьшению численности населения России к 2020 году еще на 15–20 %.

Возникла депопуляция населения как следствие пересечения

сверхнизкой рождаемости и сверхвысокой смертности. Вместо того чтобы стимулировать рождаемость, создавая комплекс благоприятных для этого социально-экономических и жилищно-бытовых условий, делается упор на миграцию в качестве компенсирующего фактора. По прогнозам экспертов, через 50 лет останется 85 млн. человек и чтобы этого не допустить Россия должна принимать около 1 млн. ежегодно из-за рубежа. Однако такое «переселение народов» потребует дополнительных средств на обустройство, создание новых рабочих мест и т. д. Кроме того, значительное изменение этнического и культурного состава населения еще больше усилит дестабилизационные процессы и «размоет» ментальные структуры коренных народов;

– существенное снижение продолжительности жизни, ставшей самой низкой в Европе. Особенно ощутима тенденция увеличения смертности в трудоспособном возрасте: только с 1991 по 1995 гг. — в 1,6 раза. За этот же период на 10000 населения смертность возросла по инфекционным и паразитарным болезням в 2,09, по болезням системы кровообращения — в 1,61, по болезням органов дыхания — в 2,17, по болезням органов пищеварения — в 2,25, по несчастным случаям и отравлениям — в 1,69 раза;

– понижение же общей сопротивляемости организма инфекционным заболеваниям выражается в том, что лишь за период с 1989 по 1994 гг. общая заболеваемость туберкулезом возросла на 25 %, дифтерией — в 67 раз, сифилисом — в 34 раза;

– корреляция между загрязнением окружающей среды и младенческой смертностью. Количество спонтанных аборт в 10 раз больше в районах, где превышены ПДК по CO, NO₂, SO₂. Существенно ослаблены репродуктивные возможности российских женщин. Растет число бесплодных браков;

– материнская смертность в 15–20 раз больше, чем в экономически развитых странах. В структуре патологической пораженности у 32–42 % девочек-подростков — менструальные дисфункции, у 15–25 % — воспалительные заболевания гениталий, у 12–15 % — анатомическое сужение

костного таза;

– резкое ухудшение психического состояния: 61,5 % населения нуждается в психиатрической помощи, 40 % страдает психическими нарушениями. Растет число умственно отсталых. Социально-политический кризис в России привел к тому, что только с 1985 по 2000 гг. уровень психопатологий вырос в 2,5 раза и превысил показатели других европейских стран в 4–6 раз, а к 2020 г. количество нуждающихся в психиатрической помощи, по прогнозам, увеличится не менее чем в 2 раза. В России около 2 млн. человек имеют выраженные нарушения психики и интеллекта;

– увеличение инвалидизации общества: с 10 млн. до 21,8 млн. человек к 2015 г. (по прогнозам Минтруда);

– расширение контингента беспризорных и безнадзорных детей — около 3 млн; причем 2 млн. не посещают учебные заведения, а один миллион детей не сможет получить стандартное образование по состоянию здоровья; 10 % школьников не осваивают учебную программу и только около 5 % выпускников имеют нормальный вес, рост и телосложение;

– распространение алкоголизма и наркомании. Число официально зарегистрированных граждан, страдающих алкоголизмом, превышает 2 млн. человек, а наркозависимых точно не известно;

– сужение базы трудовых ресурсов страны: в 2007 г. 60 % населения составляли трудящиеся, 20 % — пенсионеры и 20 % — дети. К 2050 г. прогнозируется следующая структура: 48 % — 42,6 % — 9,5 %;

Таблица 8

Распределение населения России по возрастным группам в %

<i>Возрастные группы</i>	2001 г.	2015 г.	2050 г.
Моложе трудоспособного	19,3	13,3	9,4
Трудоспособные	60,1	57,4	47,7
Старше трудоспособных	20,6	29,3	42,9

– неравномерность плотности и распределения населения. В Мо-

скве и Московской области, например, проживает более 20 млн. человек, в то время как происходит отток людей из Сибири, Урала, Севера и Дальнего Востока, что чревато большими геополитическими и социально-экономическими издержками.

Таким образом, приходится констатировать факт количественного сокращения и качественного ухудшения человеческого потенциала России, что значительно ослабляет позиции страны в мире и создает реальную угрозу национальной безопасности.

На рубеже XX и XXI вв. произошли очень непростые и противоречивые демографические процессы. Для многочисленной группы развивающихся стран стал характерен «взрывной» рост народонаселения. Для лидирующих в промышленной области государств — отрицательный. Эти крайности одинаково ведут к ухудшению условий жизни, деформации социальных отношений и дестабилизации положения человека в социуме и мире. Решить проблему народонаселения можно только путем проведения взвешенной, целенаправленной и прогнозируемой демографической политики.

В начале третьего тысячелетия индустриальный тип цивилизации индуцировал лавинообразный рост глобальной опасности, подвел человечество к «точке бифуркации», за которой возможен переход к биосферному хаосу. Шанс выжить мировое сообщество получит, если сможет достичь состояния «устойчивого развития». Достижение такого состояния определяет новую мировоззренческую парадигму и цель современной истории, что предполагает соблюдения ряда необходимых условий, среди которых:

- мирное сосуществование как определяющий фактор решения всех проблем, создание надежной системы международной безопасности;

- стабилизация демографических процессов, планирование семьи и контроль рождаемости;

- переход к ресурсосберегающим технологиям с опорой на возобновляемые источники энергии и коэволюционное отношение к

природе;

– глобальное моделирование и прогнозирование «сценариев» будущего;

– политика социального партнерства и развитие демократии;

– формирование новых базовых ценностей: здоровье, личная безопасность, семья, красота природы, ответственность за жизнь Жизни;

– изменение системы образования, т. е. движение от «поддерживающего» обучения, опирающегося на стандартные ситуации и дающего знания для решения уже назревших проблем, к «инновационному» обучению, которое ориентировано на предвидение, выбор, встречу с альтернативным будущим;

– отказ от идеологии потребительства, формирование разумных потребностей и ограничений, совершенствование самого человека и его образа жизни.

Глобальные проблемы способствуют становлению планетарного мышления и укреплению общечеловеческой солидарности. Но этот путь потребует знаний, воли и мужества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Философия.....	3
2. Становление философского знания.....	22
3. Философия Средневековья.....	47
4. Философия Возрождения и Нового времени.....	70
5. Немецкая классическая философия конца XVIII – первой половины XIX вв.....	91
6. Постклассическая философия XIX века.....	107
7. Русская философия XIX – XX вв.....	134
8. Философия XX – XXI вв.....	178
9. Бытие.....	250
10. Сознание.....	283
11. Диалектика.....	303
12. Познание.....	336
13. Научное познание.....	355
14. Общество — объект научно-философского познания.....	388
15. Феномен человека.....	436
16. Будущее человечества.....	492